

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

СБОРНИКЪ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА

ПРИ ИНСТИТУТЪ КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

ВЪ НЪЖИНЪ.

Т. III.

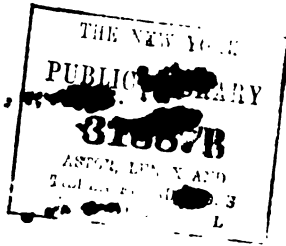

НЪЖИНЪ.

Типо-Литогр. М. В. Глезера, соб. д.

1900.

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

Печатано по распоряженію Историко-Филологическаго Общества при
Институтѣ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.
Предсѣдатель Общества А. Добашъ.

NYOY WVM
31887B
ASTOR LENOX
TILDEN

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣль I.

Стран.

1. Протоколы засѣданій Общества отъ 20 февраля по 17 декабря 1899 г. 1—15
2. Отчетъ Общества за 189^{8/9} годъ 1—19
3. Составъ Общества къ 1 января 1900 года . 20—24

Отдѣль II. (Пушкинскій).

1. *Свящ. А. В. Лобачевскій*,—А. С. Пушкинъ, какъ христіанинъ I—XIV ✓
2. *М. Н. Березжовъ*,—Пушкинъ, какъ историкъ русской жизни 1—7 ✓
3. *И. А. Сребнискій*,—Пушкинъ и русская исторія 8—19 ✓
4. *М. Н. Сперанскій*,—Друзья и враги Пушкина въ литературѣ 20—43 ✓
5. *А. П. Кадлубовскій*,—Гуманные мотивы въ творествѣ Пушкина 44—61 ✓

Отдѣль III.

1. *И. Н. Михайловскій*,—О нѣкоторыхъ анонимныхъ произведеніяхъ русской литературы конца XVII и начала XVIII стол. 1—45 ✓
2. *В. К. Пискорскій*,—Состязанія поэтовъ въ Каталоніи 46—57
3. *М. Н. Березжовъ*,—Еще нѣсколько словъ о лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго 59—86 ✓
4. *В. Р. Фохтъ*,—P. Dolabella и Cn. Lentulus. 87—118
5. *М. Н. Сперанскій*,—Н. Н. Харузинъ . . 119—129
6. *А. В. Добіашъ*,—Взглядъ Лемана на педагогичку. 131—155

Протоколы засѣданій Общества отъ 20-го февраля по 17-е декабря 1899 г.

№ 46 (1) Засѣданіе 20 февраля 1899 г.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ г. предсѣдателя Общества Ф. Ф. Гельбке, при секретарѣ А. П. Кадлубовскомъ, въ присутствіи г.г. членовъ Общества, студентовъ Института и постороннихъ посѣтителей.

1. Доложено препровожденное въ Общество изъ Министерства Нар. Просвѣщенія чрезъ г. Директора Института „Положеніе о международныхъ сѣздахъ (конгрессахъ) во время парижской выставки 1900 г.“ Постановлено: препроводить означенное „Положеніе“ г.г. членамъ Об-ва для разсмотрѣнія.

2. Доложено о вступленіи въ число д. членовъ Общества, на основаніи § 6 устава, экстраординарнаго профессора Института Владиміра Константиновича *Пискорскаго*.

3. По предложенію секретаря Об-ва постановлено: 1, вмѣсто печатанія во II томѣ „Сборника“ утвержденныхъ на Общихъ Собраніяхъ отчетовъ по Обществу за три года (189⁵/₃, 189⁶/₇, 189⁷/₈) отдѣльно другъ отъ друга, напечатать соединенный отчетъ за эти три года, составивъ его изъ упомянутыхъ годовыхъ отчетовъ; редакцію текста отчета предоставить редакціонной комиссіи, 2, при печатаніи въ томъ же томѣ списка членовъ Об-ва имѣть въ виду составъ его къ марту мѣсяцу сего года.

4. Д. членъ Об-ва *В. К. Пискорскій* читалъ рефератъ: „Изъ исторіи испанскаго крестьянства: вопросъ о происхожденіи и значеніи шести дурныхъ обычаевъ въ Каталоніи“.

5. Д. членъ Об-ва *М. Н. Бережковъ* читалъ рефератъ: „О лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго“ (по поводу недавно обнародованнаго изданія вновь найденнаго отрывка того же „Лѣтописца“ въ сборникѣ XV вѣка, принадлежащемъ г. Никифорову).

М. Н. Сперанскій не признавалъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ референта о западно-русскомъ происхожденіи названной лѣтописи, основаніемъ на данныхъ языка; М. Н. Сперанскій находилъ, что указанныя референтомъ звуковыя и лексическія особенности текста не даютъ на это права.

А. П. Кадлубовскій сомнѣвался, могутъ ли служить доказательствомъ западно-русскаго происхожденія данного памятника отмѣченныя въ немъ референтомъ обличенія противъ латинянъ, въ виду распространенности такихъ обличеній въ древне-русской литературѣ вообще.

№ 47 (2). Засѣданіе 5 апрѣля 1899 г.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ г. предсѣдателя Об-ва Ф. Ф. Гельбке, при секретарѣ А. П. Кадлубовскомъ, въ присутствіи г.г. членовъ Об-ва.

1. Секретаремъ доложено было о полученіи отъ различныхъ учреждений и лицъ книгъ и изданій, присланныхъ частью въ даръ, частью въ обмѣнъ за изданіе Общества.—Постановлено: книги передать бібліотекарю Общества, а учрежденіямъ и лицамъ, приславшимъ оныя, выразить благодарность отъ имени Общества.

2. Выслушанъ и утвержденъ докладъ казначея Об-ва о состояніи денежныхъ суммъ Общества. При этомъ г. казначеемъ было доложено, что нѣкоторыми членами Общества не внесены членскіе взносы за два и болѣе года.—Постановлено: относительно г.г. членовъ, не платящихъ взносовъ въ теченіе двухъ лѣтъ, руководствоваться § 7 Устава Общества.

3. По заявленію секретаря Общества, собраніе разрѣшило на будущее время бюро Общества выдавать два раза въ годъ служителю Института Моисею Скрипняку или тому, кто займетъ его мѣсто, по *три рубля* за исполненіе порученій по дѣламъ Общества, не испрашивая каждый разъ особаго разрѣшенія Собранія.

4. Въ настоящемъ засѣданіи, на основаніи § 9 Устава Общества, происходило избраніе секретаря и казначея Общества и ихъ товарищей на слѣдующій (5-й отъ открытія Общества) годъ. При этомъ получившій наибольшее число голосовъ по предварительнымъ запискамъ бывший секретарь Общества **А. П. Кадлубовскій** рѣшительно отказался отъ баллотировки

на новый срокъ, и послѣ вторичной подачи записокъ и затѣмъ баллотировки избранъ въ секретари большинствомъ девяти голосовъ противъ одного *А. А. Брокъ*. Казначеемъ избранъ *И. Н. Михайловскій*, товарищемъ секретаря—*И. А. Сребницкій* и товарищемъ казначея—*М. И. Лилеевъ*.

5. По предложенію г. предсѣдателя, собраніе единогласно постановило выразить отъ лица всѣхъ членовъ глубокую благодарность *А. П. Кадлубовскому* за его благотворную для Общества дѣятельность, съ самаго основанія Общества, въ званіи его секретаря.

№ 48 (3). Засѣданіе 6 мая 1899 г.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ г. предсѣдателя Общества *Ф. Ф. Гельбке*, при секретарѣ *А. А. Брокъ*, въ присутствіи г.г. членовъ Общества, студентовъ Института и постороннихъ посѣтителей.

1. Доложенъ рапортъ бывшего секретаря Об-ва *А. П. Кадлубовскаго* и избраннаго въ засѣданіи 5 апрѣля секретаремъ *А. А. Брока* о томъ, что первый изъ нихъ сдалъ, а второй принялъ дѣла Об-ва.

2. Секретаремъ доложено было о полученіи присланныхъ въ библіотеку Общества изданій.—Постановлено: книги сдать библіотекарю, а учрежденіямъ и лицамъ, приславшимъ оныя, выразить благодарность отъ имени Общества.

3. Редакціонной комиссіей доложено объ окончаніи печатаніемъ II тома „Сборника“ Общества.—Постановлено: поручить секретарю представить къ слѣдующему засѣданію проектъ распредѣленія экземпляровъ II тома „Сборника“:

4. Д. чл. Об-ва *И. Г. Турецовичъ* читалъ рефератъ: „Культъ Весты въ IV в. по Р. Х. и упраздненіе его“:

№ 49 (4) Засѣданіе 14 мая 1899 г.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ г. предсѣдателя Общества *Ф. Ф. Гельбке*, при секретарѣ *А. А. Брокъ*, въ присутствіи г.г. членовъ Общества, студентовъ Института и постороннихъ посѣтителей.

1. Обсуждался вопросъ о распредѣленіи экземпляровъ II тома „Сборника“: Руководствуясь спискомъ лицъ и учре-

ждений, которымъ былъ высланъ I томъ „Сборника“, собраніе постановило: разослать по одному экземпляру II тома всѣмъ упомянутымъ въ протоколѣ засѣданія 16 мая 1896 г. лицамъ и учреждениямъ, за исключеніемъ Народнаго дома во Львовѣ и скончавшихся академикомъ К. Н. Бестужева-Рюмина и А. О. Бычкова, и, сверхъ того, слѣдующимъ учреждениямъ, обществамъ и отдѣльнымъ лицамъ: Императорскому Юрьевскому Университету, Нѣжинской гимназій, учено-литературному обществу при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ, Пражскому Университету, Славянской Семинаріи въ Пражскомъ Университетѣ, Британскому Музею, Музею Guinet, Сенатору Н. М. Аничкову, почетному члену Общества В. Б. Антоновичу и Ректору Университета Св. Владимира О. Я. Фортинскому.

2. Избрали депутатовъ отъ Общества для участія въ XI Археологическомъ Съѣздѣ, а именно: И. А. Сребницкаго (избир. голос. 14, неизбир. ни одного), М. И. Лилеева (изб. гол. 10, неизб. 4) и А. П. Кадлубовскаго (изб. гол. 10, неизб. 4). Постановлено: 1) увѣдомить о назначеніи депутатовъ Императорское Московское Археологическое Общество и 2) поручить указаннымъ членамъ Общества принять участіе въ засѣданіяхъ Съѣзда, если имъ то позволятъ обстоятельства, и въ одномъ изъ засѣданій Общества сдѣлать докладъ о Съѣздѣ.

3. Обсуждался вопросъ о годичномъ засѣданіи Общества. Изъ членовъ Общества изъявили согласіе прочесть рѣчь М. И. Лилеевъ и А. И. Покровскій.

4. Д. чл. Общества М. Н. Сперанскій читалъ рефератъ „Два вопроса изъ начальной эпохи славянской письменности (по поводу новыхъ трудовъ)“:

Референтъ 1) далъ критическій разборъ книги проф. Воскресенскаго „Характеристическія черты 4-хъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка“: 2) подвергнулъ подробному обсужденію древнѣйшую болгарскую надпись 993 г.

5. Постановлено: приступить къ печатанію III тома „Сборника“:

№ 50 (5).

Засѣданіе 4 іюня 1899 г.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ г. предсѣдателя Об-ва Ф. Ф. Гельбке, при секретарѣ А. А. Брокѣ, въ присутствіи г.г. членовъ Об-ва.

1. Секретаремъ доложено о полученіи присланныхъ въ бібліотеку Общества изданій.

2. Баллотировали предназначенныя къ печатанію въ III томѣ „Сборника“ статью д. чл. И. Н. Михайловскаго „О нѣкоторыхъ анонимныхъ произведеніяхъ русской литературы XVII и XVIII столѣтій“ и читанныя на торжественномъ актѣ въ день столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина рѣчи: д. чл. М. Н. Бережкова—„Пушкинъ, какъ историкъ русской жизни“, И. А. Сребницкаго—„Пушкинъ и русская исторія“ и М. Н. Сперанскаго—„Друзья и враги Пушкина въ литературѣ“. Въ результатѣ баллотировки оказалось: статья И. Н. Михайловскаго и рѣчи И. А. Сребницкаго и М. Н. Сперанскаго одобрены къ печати единогласно, рѣчь М. Н. Бережкова—10-ю голосами противъ 3-хъ.

3. Обсуждали вопросъ о печати III тома „Сборника“ Общества. Постановлено: 1) приступить къ печатанію III тома въ ближайшемъ времени: 2) поручить члену редакціонной комиссіи И. А. Сребницкому заключить контрактъ съ типографіей М. В. Глезера; 3) помѣстить въ означенный томъ читанныя въ день столѣтней годовщины Пушкина рѣчи М. Н. Бережкова, И. А. Сребницкаго и М. Н. Сперанскаго—при особой пагинаціи—и одобренную къ печатанію статью И. Н. Михайловскаго.

№ 51 (6). Засѣданіе 12 сентября 1899 г.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ г. предсѣдателя Об-ва Ф. Ф. Гельбке, при секретарѣ А. А. Брокѣ, въ присутствіи г. членовъ Общества.

1. Доложено отношеніе Нѣжинской Городской Управы отъ 11 июня с. г., за № 2528, о препровожденіи для храненія въ бібліотекѣ Общества 31-й связки и 257-ми книгъ изъ архива бывшаго Греческаго Магистрата въ Нѣжинѣ. Постановлено: выразить Нѣжинской Городской Управѣ глубокую благодарность Общества.

2. Доложены письменныя выраженія благодарности за доставленіе II тома „Сборника“ Г. Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія, Императорской Академіи Наукъ, Попечителей Кіевскаго и Рижскаго Учебныхъ Округовъ, Ректоровъ Университетовъ Московскаго, Харьковскаго, Варшавскаго, Св-

Владимира, Казанскаго и Юрьевскаго, Совѣта Кіевской Духовной Академіи, Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностраннхъ Дѣлъ. Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ, Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, Черниговской Губернской Архивной Коммисіи, Болгарскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія, Правленія Архивовъ Королевства Шведскаго, П. А. Адріанова, проф. И. В. Помяловскаго. Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

3. Читано отношеніе Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи отъ 12 августа 1899 года, за № 263, съ выраженіемъ благодарности за доставленіе II т. „Сборника“ и съ препровожденіемъ 2-го выпуска „Чтеній въ Церковно-Археологическомъ Обществѣ“: Постановлено: благодарить Церковно-Археологическое Общество.

4. Доложено письмо д. чл. Е. В. Пѣтухова съ выраженіемъ благодарности за II томъ „Сборника“ и съ препровожденіемъ нѣкоторыхъ его изданій. Постановлено: выразить благодарность Е. В. Пѣтухову за присланныя въ даръ изданія.

5. Читано отношеніе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества отъ 10 мая с. г. за № 130, съ препровожденіемъ XI тома „Записокъ Восточнаго Отдѣленія“ (вып. 1—4). Постановлено: благодарить Императорское Русское Археологическое Общество.

6. Секретаремъ доложено о присланныхъ въ бібліотеку Общества изданіяхъ.

7. Редакторъ „Сборника“ И. А. Сребницкій доложилъ объ условіяхъ контракта, заключеннаго съ типографіею М. В. Глезера и одобреннаго Редакціонной Коммисіей въ засѣданіи 7 іюня. Постановлено: одобрить контрактъ и протоколъ засѣданія Редакціонной Коммисіи 7 іюня.

8. Секретаремъ доложено о вступленіи, согласно § 6 Устава, въ число членовъ Общества профессора Института Г. В. Малеванскаго.

9. Секретаремъ читанъ проектъ отчета о состояніи и дѣятельности Общества за годъ съ 14 сентября 1898 г. по 14 сентября 1899 г. Определено: одобрить отчетъ къ прочтенію въ годичномъ засѣданіи.

10. Собраніе назначило годичное засѣданіе Общества на

14-е сентября, въ 11^{1/2} часовъ утра съ тѣмъ, чтобы въ немъ были прочитаны:

- а) Годичный отчетъ за 5-й годъ дѣятельности Общества.
- б) Рѣчь д. чл. А. П. Кадлубовскаго: „Гуманные мотивы въ творествѣ А. С. Пушкина“:

№ 52 (7). Засѣданіе 14 сентября 1899 г.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ г. предсѣдателя Об-ва Ф. Ф. Гельбеке, при секретарѣ А. А. Брокѣ, въ присутствіи г.г. членовъ Об-ва, студентовъ Института и постороннихъ посѣтителей.

1. Секретаремъ Общества прочитанъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества за 5-й годъ его существованія, отъ 14 сентября 1898 г. по 14 сентября 1899 г.

2. Д. членомъ А. П. Кадлубовскимъ читана рѣчь: „Гуманные мотивы въ творествѣ А. С. Пушкина“:

Въ закрытомъ засѣданіи:

1. Баллотировали назначенную къ напечатанію въ III томѣ „Сборника“ рѣчь А. П. Кадлубовскаго. 13-ю противъ 1-го голоса постановлено: помѣстить рѣчь А. П. Кадлубовскаго въ 1-й части III-го тома „Сборника“:

2. Товарищемъ секретаря И. А. Сребницкимъ доложено о вступленіи въ число членовъ, на основаніи § 6 Устава, законоучителя Института и гимназіи о. А. В. Лобачевскаго.

3. Постановлено: 1) въ III томѣ „Сборника“ передъ рѣчами, посвященными памяти А. С. Пушкина, помѣстить описаніе устроеннаго Обществомъ совмѣстно съ Институтомъ, мужскою и женскою гимназіями празднества по поводу столѣтія со дня рожденія Пушкина, 2) въ описаніе празднества включить и духовную рѣчь о. А. В. Лобачевскаго, произнесенную 26 мая с. г. въ церкви, 3) выпустить въ количествѣ 100 экземпляровъ посвященную памяти А. С. Пушкина часть III тома „Сборника“, въ видѣ особаго „Пушкинскаго сборника“:

4. Секретарь Общества А. А. Брокъ, указавъ на то, что другія занятія лишаютъ его возможности исполнять обязанности секретаря Общества, просилъ уволить его отъ должности секретаря. Собраніе, удовлетворивъ просьбу А. А. Брока, постановило въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій произвести выборъ секретаря и поручило исправлять должность секретаря товарищу секретаря И. А. Сребницкому.

№ 53 (8). Засѣданіе 17 октября 1899 г.

Засѣданіе происходило подѣ предсѣдательствомъ г. предсѣдателя Об-ва Ф. Ф. Гельбеке, при исп. обяз. секретаря И. А. Сребницкомъ, въ присутствіи г.г. членовъ Об-ва, студентовъ Института и постороннихъ посѣтителей.

1. Д. членъ Общества Л. Н. Мишель читалъ рефератъ: „Изъ области сравнительнаго языкознанія“.

2. Д. членъ В. Р. Фохтъ прочелъ нѣсколько нумизматическихкихъ замѣтокъ.

а) Референтъ представилъ хранящіеся въ нумизматической коллекціи Института гипсовые слѣпки съ мѣдной, такъ называемой монеты І. Христа, которая въ концѣ прошлаго года была куплена въ Римѣ любителемъ древностей *Boyer d'Agen* и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, представляетъ достовѣрное, чуть ли не изъ первыхъ временъ христіанства изображеніе І. Христа. Лицевая сторона—Голова Христа влѣво между еврейской надписью *иш* (человѣкъ). Обратная сторона: *мошіах мелех бо бшо | лым воимр | им мпи | хп* (помазанникъ—царь пришелъ съ миромъ и, говорятъ, мой помазанникъ). Такъ читаетъ д. членъ Общества Галантъ надписи на слѣпкахъ. Надпись лицевой стороны сильно потерта, такъ что вѣроятно должно читать съ западно-европейскими нумизматами „алеф-іошуа“ (я—Иисусъ). Болѣе расходятся въ чтеніи и пониманіи оборотной стороны: „Мессія—царь пришелъ съ миромъ и, сдѣлавшись человѣкомъ,—живой человѣкъ“,—или: „Мессія—царь пришелъ съ миромъ, онъ—свѣточъ человѣковъ, сталъ плотью и живымъ“. Референтъ, самъ незнакомый съ еврейскимъ языкомъ, объясняетъ такое разногласіе тѣмъ, что языкъ надписи, по увѣренію знатоковъ, не отличается правильностью. Хотя гласныя и не обозначены, однако квадратный (ассирійскій) шрифтъ медали такой изысканной правильности, что его нужно отнести къ болѣе позднему времени. Противъ древне-еврейскаго происхожденія говорятъ и упомянутыя погрѣшности въ языкѣ. Правильная круглая форма монеты, тщательное размѣщеніе надписей и изображенія—тоже рѣдкія явленія въ древности. По характеру своему паша медаль не подходитъ ни подѣ одну изъ нумизматическихкихъ категорій древняго міра: она—ни монета, ни марка (игральная, гостепріимная, рыбная и т. д.), ни плomba, ни императорская

медаль. Далѣе, подѣ влияніемъ моды и по художественнымъ соображеніямъ, древнѣйшіе христіане изображали Спасителя безбородымъ. Плоскій рельефъ и высоко развитая техника при извѣстномъ реализмѣ, проглядывающемъ въ нѣсколько еврейскомъ профилѣ строгаго, почти суроваго лица и въ безыскусственной прическѣ длинныхъ волосъ, говорятъ также за болѣе новое время. Наконецъ, является вопросъ, позволили ли бы себѣ христіане изъ евреевъ древнѣйшаго времени изображение І. Христа.

Нѣкоторыя изъ этихъ соображеній стали высказываться знатоками, лишь только наша монета стала извѣстной изъ описаній, изображеній и копій, которыя изготовила фирма *Orfèvrerie les fils Falize*. Сомнѣнія скептиковъ усилились, когда начали находиться подобныя медали, хотя и нѣсколько иныхъ размѣровъ, въ различныхъ коллекціяхъ (Нѣжинскіе слѣпки имѣютъ 37^{mm} въ поперечникѣ). Большинство считаетъ теперь нашу медаль (литоую?) „падуанцемъ“, т. е. произведеніемъ падуанскихъ изобрѣтателей новыхъ монетъ и медалей древняго міра въ XVI в. Дѣйствительно, тогда, съ возрожденіемъ наукъ и искусствъ, сталь пробуждаться интересъ къ востоку и еврейскому языку и стремленіе создавать новые типы для монетъ и медалей изъ области древней и священной исторіи. Однако идея согласовать или приводить въ связь христіанство съ еврействомъ болѣе свойственна концу прошлаго и началу текущаго столѣтія. За эту эпоху говорить и весь характеръ медалей, хотя при другихъ обстоятельствахъ референтъ былъ бы готовъ подумать о такихъ художникахъ, какъ *Cavinus* или *Cesati il Grecchetto*. Исторія экземпляровъ, находящихся въ другихъ, болѣе старыхъ, коллекціяхъ, можетъ, пожалуй, пролить болѣе свѣта на этотъ темный вопросъ.

б) *О нѣкоторыхъ римскихъ монетахъ времени перехода отъ республики къ имперіи съ пр.*—*Pr.*, какъ извѣстно, = *praetor*. Въ этомъ значеніи оно является на республиканскихъ монетахъ начала 1-го в. до Р. X., но всегда съ прибавленіемъ *S. C.*, такъ какъ чеканка монетъ не входила въ кругъ обычной дѣятельности преторовъ, а требовала, какъ и у эдиловъ и другихъ магистратовъ, особаго порученія со стороны сената. Дѣло измѣняется во время разгара гражданской войны между Цезаремъ и Помпеемъ, а потомъ во время второго триумвирата, когда иногда опускается *S. C.*, и всякій почти полко-

водецъ чеканить со своимъ именемъ монету, не испрашивая на то каждый разъ позволенія сената.

а, *C. Fannius Pont. pr.* является на монетахъ (кистофорахъ) Тралль въ Лидіи и Эфеса, чеканенныхъ въ $4\frac{9}{8}$ г. до Р. X. (86 мѣстной эры). *Hoelzl: Fasti praetorii* p. 62—65—утверждаетъ, что *C. Fannius* былъ преторомъ въ 55 г., потому что въ 56 г. онъ *eandem spem sibi honoris (i. e. praeturae) pollicebatur*. Но если въ 56 г. Фанній надѣялся на претуру, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ и получилъ ее на 55 г., тѣмъ болѣе, что онъ былъ *minime popularis*. Далѣе, является страннымъ, почему онъ лишь въ 50 г. отправился въ провинцію. Если Цицеронъ управлялъ Киликіей, спустя столько лѣтъ послѣ консульства, то нельзя забывать, что онъ отказался ранѣе отъ пропреторской провинціи и въ 51 г. сдѣлался намѣстникомъ лишь противъ воли своей, въ силу помпеева закона, направленнаго противъ Цезаря. Мы не имѣемъ основанія предполагать у Фаннія особеннаго отвращенія къ выгодамъ управленія провинціей. Если и предположить, что 86 годъ азійской эры и соотвѣтствуетъ 48 году до Р. X., то трудно видѣть въ немъ 49 или даже 50 годъ до Р. X., такъ какъ начало эпохи уравнивается къ осени 134 года до Р. X., и едва ли вступленіе въ управленіе провинціей могло затянуться болѣе, чѣмъ на полгода. Еще хуже, что *Hoelzl* долженъ принимать *pr.* за *propraetore*. Онъ ссылается при этомъ на *Joseph Ant.* 14, 10, 13, гдѣ Фанній называется *ἀρχιστρατηγός*, а не *ἀντιστρατηγός*, что есть лишь поправка, и 14, 10, 15, гдѣ стоитъ *στρατηγός ἄπλος*. Последнее есть описаніе перваго титула и=*praetor cum imperio consulari*, или вообще *extraordinario*, какъ *M. Antonius Creticus* въ 75 г. до Р. X. Если пропреторы и проконсулы часто называются преторами и консулами, то это объясняется неудобствомъ превращенія *propraetore* и *proconsule* въ именительные падежи. Въ официальномъ же языкѣ, не въ разговорной рѣчи и надписяхъ болѣе частнаго характера, всегда строго различаются магистраты и промагистраты. Поэтому надо предполагать, что *C. Fannius* въ смутное время 49 г. до Р. X., хотя и преторъ, былъ отправленъ въ провинцію, какъ напр. и Саллюстій. Возможно, что онъ былъ тогда лишь *privatus*, но (ср. *Caes. bel. civ.* I, 6) вмѣстѣ съ другими получилъ преторскую провинцію, какъ напр. *Q. Cassius Longinus* Испанію, который наз. то *praetor*, то *propraetor*.

b, Въ виду сказаннаго, македонскіе тетрадрахмы съ *C. pr.* и *Aesillas q.* должно приписать Бруту, который былъ усыновленъ своимъ дядей Цепіономъ, и отнести къ ⁴³/₄₂ г. до Р. X.

c, *M. Attius Balbus* на мѣдной монетѣ Сардиніи называется *pr.* не какъ намѣстникъ Сардиніи, а какъ бывший *praetor*, который оказалъ столько услугъ жителямъ, что они во время правленія Августа почтили его дѣда, помѣстивъ на одной сторонѣ голову своего мѣстнаго героя—эпонима, а на другой—портретъ Бальба, какъ второго своего $\chi\tau\iota\sigma\tau\eta\varsigma$.

d, *Q. Oppius pr.* является на мѣдной монетѣ, гдѣ изображена голова Венеры вправо, со звѣздой у лба или козерогомъ позади головы; крылатая женщина съ обнаженной грудью, несущая пальму и чашу съ плодами, называемая обыкновенно Викторіей. *Pr.* читаютъ = *praefectus*. Если и можно предположить помимо *praefecti urbis* и существованіе *praef. classis, orae maritimae* или какой-либо провинціи въ ⁴⁶/₄₅ г. до Р. X., то нельзя забывать, что *praefecti* обозначаются посредствомъ *praef.* У Клодія *pr. urb.* и *praef. urb.* стоитъ на золотомъ, а на мѣдной монетѣ *praef. L. Cestius* и *C. Narbonus*. Можетъ быть, что на монетахъ Кассія *pr. cos.* значить не *proconsule*, но *praetor consularis* = *praetor cum imperio consulari*. Если *Q. Oppius* въ ⁴⁶/₅ г. до Р. X. не былъ *praefectus* Цезаря, какъ *C. Clovius*, то онъ былъ преторомъ. Время опредѣляется козерогомъ позади головы Венеры. Подобный же символъ мы видимъ на одной монетѣ Октавіана, который родился при восходѣ созвѣздія козерога. Голова Венеры относится ко всему роду Юліевъ, происходившихъ отъ Венеры и Апхиза. Женская фигура оборотной стороны есть богиня изобилія, *Ops*, отъ которой Оррїи производили свой родъ или свое имя. Въ какомъ году Кв. Оппій былъ преторомъ—неизвѣстно, но вѣроятно, что во время борьбы триумвировъ, изъ которыхъ особенно много мѣдной монеты чеканилъ Аптоній, между тѣмъ какъ Октавіану приписывается очень ограниченное число.

По поводу прочитанныхъ г.г. Мишелемъ и Фохтомъ рефератовъ возникъ оживленный обмѣнъ мыслей, въ которомъ принимали участіе почти всѣ присутствовавшіе члены.

3. Секретаремъ доложено было о вступленіи въ число членовъ Общества, на основаніи § 6 Устава, Б. Ф. Бурзи.

4. Имъ же доложено было о поступившихъ въ бібліотечку Общества кпигахъ, присланныхъ различными учрежденіями

и лицами: „Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Мин. И. Дѣлъ“, вып. 6 (при отношеніи отъ 10 сентября 1899 г.), „Збірникъ філологічної секції науков. товариства імені Шевченка“, т. II, „Памятки україно-рускої мови и літератури“, т. II, „Извѣстія XI Археологич. Съѣзда“ (при отношеніи Имп. Моск. Археол. Общества отъ 4 октября за № 1752), „Časopis mušealnej slovenskej spoločnosti“, вып. 5, „Записки Вост. отдѣленія Импер. Рус. Археол. Общества“, т. XII, вып. 1 (при отношеніи отъ 31 августа за № 238) и „Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Унверситетѣ“, т. XV, вып. 4.

Постановлено: книги сдать бібліотекарю, а учрежденіямъ и лицамъ, приславшимъ оныя, выразить благодарность отъ имени Общества.

№ 54 (9). Засѣданіе 21 ноября 1899 г.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ г. предсѣдателя Об-ва Ф. Ф. Гельбке, при товарищѣ секретаря И. А. Сребницкомъ, въ присутствіи г.г. членовъ Об-ва, студентовъ Института и постороннихъ посѣтителей.

1. Доложено было о поступившихъ въ бібліотеку Общества книгахъ: „Записки Императорскаго Харьковскаго Унверситета“, 1899 г. кн. IV. „Sbornik Museálnej Slovenskej Spoločnosti“, IV, I, „Časopis“ II. 3, 4 „Bulletin internat. de l' Academie de sciences de Cracovie“ 1899, V—VII и отъ Московскаго Архива Мин. Юстиціи (при отношеніи отъ 10-го ноября 1899 г. за № 247)—„Централизованія государственныхъ архивовъ зап. Европы“—Постановлено: книги сдать бібліотекарю Общества.

2. Д. чл. Общества *В. К. Пискорскій* прочель рефератъ: „Состязанія поэтовъ въ Каталоніи (Los jochs florals)“

3. Д. чл. Общества *С. Н. Ждановъ* прочель рефератъ: „О нѣкоторыхъ греческихъ личныхъ именахъ“. Референтъ доказывалъ, что особенныя ударенія греческихъ собственныхъ именъ или обусловлены происхожденіемъ этихъ именъ отъ сложныхъ (согласно теоріи Fick'a), или представляютъ остатокъ удареній, которыя были нѣкогда свойственны и нарицательнымъ, но были этими послѣдними утрачены.

По поводу изложенныхъ въ рефератѣ мнѣній было сдѣлано нѣсколько замѣчаній А. В. Добіашемъ.

№ 55 (10). Засѣданіе 17 декабря 1899 г.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ г. предсѣдателя Об-ва Ф. Ф. Гельбке, при товарищѣ секретаря И. А. Сребницкомъ, въ присутствіи г.г. членовъ Об-ва, студентовъ Института и постороннихъ посѣтителей.

1. Студенты Института Князя Безбородко *А. Θ. Музыченко* и *Н. С. Державинъ* сдѣлали сообщенія „О бытѣ и занятіяхъ болгаръ-поселенцевъ Таврической губерніи“ — первый — Феодосійскаго уѣзда, второй — Бердянскаго.

Г. Музыченко въ своемъ сообщеніи, начавъ съ краткой исторіи болгарскихъ поселеній на югѣ Россіи вообще и колоніи Кишлава, Феодос. у., (1804 г.) въ частности (по архиву волостного правленія) и съ перечисленія условій, оберегающихъ, кишлавцевъ отъ вторженія сосѣднихъ культуръ (татарской и русской), остановился главнымъ образомъ на тѣхъ сторонахъ внѣшняго и духовнаго быта поселенія, гдѣ послѣдній расходуется съ русскимъ. Были затронуты слѣдующія стороны внѣшняго быта крестьянъ (съ иллюстраціей ихъ небольшою коллекціей болгарскихъ костюмовъ, головныхъ и шейныхъ украшеній, обуви, а также нѣсколькими фотографическими снимками и рисунками):

а, устройство и характерныя особенности дома, двора и плана поселка;

б, мужская и женская одежда въ будни и праздники;

в, пища болгаръ.

Что касается духовной культуры болгаръ, то былъ данъ очеркъ:

а, старыхъ вѣрованій, вынесенныхъ съ Балканскаго полуострова и до сихъ поръ мирно уживающихся съ христіанскими;

б, особе чтимыхъ святыхъ (Власъ, Екатерина, Илія, Харлампій, Прокопій, Георгій);

в, праздниковъ, богатыхъ переживаніями: коляда, кудеръ (на масленицѣ), пеперуга (преполовеніе), Еяковъ день (Ив. Купала).

г, семейной жизни болгаръ, отношеній половъ до брака и учрежденій, способствующихъ сближенію молодыхъ людей, которые внѣ этихъ учрежденій не могутъ даже говорить другъ съ другомъ (хору, межѣ, пупрѣлки, дружніи).

Въ заключеніе былъ представленъ краткій очеркъ харак-

тера пѣсеннаго творчества болгарь и текстъ трехъ пѣсенъ за пиромъ, очень удачно переведенныхъ на русскій языкъ ученикомъ гимназіи Вл. Даниловымъ, съ соблюденіемъ размѣра подлинниковъ.

Сущность доклада г. Державина состояла въ слѣдующемъ: Переселившись въ Бердянскій уѣздъ изъ Бессарабской губ., болгары-колонисты разбились здѣсь на отдѣльныя общества, изъ которыхъ каждое получило въ вѣчное владѣніе опредѣленный участокъ казенной земли, при чемъ на каждого члена общества, т. е. на каждое хозяйство или дворъ, пришлось по 50 десятинъ. Этими 50 десятинами крестьянинъ сталъ владѣть на правахъ полного собственника, т. е. онъ получилъ: 1, право, съ разрѣшенія общества, продать весь свой надѣлъ или часть его, по право покупать такую землю имѣютъ только члены того же общества; 2, право отдать его въ аренду кому угодно и 3, право передавать его по наслѣдству своимъ дѣтямъ. Въ настоящее время населеніе болгарскихъ поселковъ, послѣ почти 40 лѣтняго существованія въ Бердянскомъ уѣздѣ, значительно возросло, число членовъ увеличилось, а, слѣдовательно, увеличилось и число отдѣльныхъ хозяйствъ, между тѣмъ количество земли осталось то же самое. Это обстоятельство, въ связи съ правомъ перепродажи земельныхъ участковъ, оказало свое вліяніе на крестьянское хозяйство въ томъ отношеніи, что внесло неравномѣрность въ распредѣленіе земельныхъ участковъ между отдѣльными хозяйствами, а небрежность обработки земли, несмотря на машины, которыя имѣютъ широкое примѣненіе въ крестьянскомъ хозяйствѣ, понизила въ общемъ производительность почвы. Неравномѣрность распредѣленія земельныхъ участковъ между отдѣльными хозяйствами въ настоящее время представляется въ такомъ видѣ, что въ одномъ и томъ же обществѣ на ряду съ хозяйствами, которыя имѣютъ отъ 1—15 десятинъ, существуютъ хозяйства, владѣющія отъ 70—150 десят., между тѣмъ какъ при переселеніи, сорокъ лѣтъ тому назадъ, каждое хозяйство получило по 50 десят., и было ихъ тогда 170, въ настоящее же время число ихъ возрасло до 280 (для примѣра взято с. Преславъ). Земледѣльческой промышленностью поселяне занимаются главнымъ образомъ для рынка: это обстоятельство оказываетъ большое вліяніе на общее состояніе крестьянскаго хозяйства и обуславливаетъ собою такія явленія въ современной жизни южно-

русскаго крестьянскаго хозяйства, какъ напр. стремленіе крестьянина запахать возможно большій участокъ земли для того, чтобы снять возможно большее количество зерна, такъ какъ при низкой урожайности истощенной почвы количество снимаемаго хлѣба стоитъ въ прямомъ отношеніи къ площади запашки, а это обстоятельство, съ одной стороны, развиваетъ небрежное отношеніе поселанина къ обработкѣ земли, съ другой—вызываетъ неестественно быстрое повышеніе цѣнъ на землю, что, въ свою очередь, неблагопріятно отражается на общемъ состояніи крестьянскаго хозяйства.—Кромѣ земледѣлія, поселане занимаются овцеводствомъ и винодѣліемъ, но занятія эти, при общемъ невѣжествѣ и небрежномъ къ нимъ отношеніи, даютъ поселанамъ сравнительно очень мало.—Несмотря на сравнительно хорошій матеріальный достатокъ, болгары-поселане живутъ грязно, ѣдятъ дурно, а пьютъ много, хотя обнаруживаютъ поползновеніе и къ роскоши, въ видѣ каменныхъ домовъ, рессорныхъ экипажей и т. п. Значительную роль въ развитіи вкуса болгаръ къ предметамъ внѣшней культуры играетъ сосѣдняя съ ними нѣмецкая колонія, несравненно болѣе культурная, образованная, предприимчивая, а потому гораздо болѣе устойчивая въ экономическомъ отношеніи, чѣмъ колонія болгаръ.

2. Въ закрытомъ засѣданіи произведена была баллотировка читанныхъ въ засѣданіи Общества статей дѣйств. членовъ: М. Н. Бережкова—„О лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго“ и В. К. Пискорскаго—„Поэтическія состязанія въ Каталоніи“—для напечатанія ихъ въ III томѣ „Сборника“ Общества.—Статья г. Бережкова принята единогласно, а статья г. Пискорскаго—большинствомъ 10-ти голосовъ противъ одного.

ОТЧЕТЪ

о состояніи и дѣятельности Историко-филологическаго Общества при Институтѣ Князя Безбородко за 5-ый годъ его существованія отъ 14 сентября 1898 года по 14 сентября 1899 г.

Въ отчетномъ году Общество имѣло восемь засѣданій, въ томъ числѣ годовое засѣданіе, посвященное памяти Бѣлинскаго. Въ 4 открытыхъ засѣданіяхъ, происходившихъ въ присутствіи постороннихъ посѣтителей и студентовъ Института, слушались и обсуждались слѣдующіе рефераты:

26-го сентября 1898 года *М. И. Лилеевъ* читалъ сообщеніе: „О педагогическихъ воззрѣніяхъ В. Г. Бѣлинскаго“.

20-го февраля 1899 года *В. К. Пискорскій* сдѣлалъ сообщеніе: „Изъ исторіи испанскаго крестьянства: вопросъ о происхожденіи и значеніи т. наз. шести дурныхъ обычаевъ въ Каталоніи“ и *М. Н. Бережковъ*—„О лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго“.

6-го мая 1899 года *И. Г. Турцевичъ* читалъ рефератъ: „Культъ Весты въ IV-мъ вѣкѣ п. Р. X. и упраздненіе его“.

14-го мая *М. Н. Сперанскимъ* сдѣланы два сообщенія, относящіяся къ начальной эпохѣ славянской письменности: 1) имъ данъ былъ критическій разборъ книги проф. Воскресенскаго „Характеристическія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода евангелія отъ Марка“, 2) читанъ былъ рефератъ „О древнѣйшей болгарской надписи 993-го года“.

Помимо чтенія и обсужденія этихъ рефератовъ въ открытыхъ засѣданіяхъ, обсуждались и вопросы дѣлового характера, которымъ сверхъ того посвящено было 4 закрытыхъ засѣданій. Изъ относящихся сюда дѣлъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ отчетномъ году вышелъ въ свѣтъ II томъ „Сборника“ Общества, въ составъ котораго вошли протоколы засѣданій Обще-

ства съ 4 іюня 1895 по 26 сентября 1898 г., отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества съ 14 сентября 1895 г. по 14 сентября 1898 г. и статьи членовъ Общества: В. Р. Фохта, М. Н. Бережкова, И. Н. Михайловскаго, А. В. Добіаша, А. П. Кадлубовскаго, Н. Н. Харузина и Е. И. Кашпровскаго. Непосредственно послѣ окончанія печатаніемъ II тома приступленіе было къ печатанію III тома, въ содержаніи котораго, между прочимъ, будетъ выражено участіе Общества въ юбилейномъ торжествѣ 100-лѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина; въ немъ будутъ помѣщены четыре статьи, посвященныя памяти Пушкина, изъ коихъ уже напечатаны статьи: М. Н. Бережкова—„Пушкинъ, какъ историкъ русской жизни“, И. А. Сребническаго—„Пушкинъ и русская исторія“, М. Н. Сперанскаго—„Друзья и враги Пушкина въ литературѣ“. Печатаются изслѣдованія И. Н. Михайловскаго—„О нѣкоторыхъ анонимныхъ произведеніяхъ русской литературы XVII и XVIII столѣтій“.

Завѣдываніе печатаніемъ III тома „Сборника“ Обществомъ поручено И. А. Сребницкому.

Совмѣстно съ Институтомъ, Гимназіей при Институтѣ и Женской Гимназіей, Историко-филологическое Общество въ день столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина приняло участіе въ актѣ и литературно-музыкальномъ вечерѣ, устроенномъ въ залѣ торжественныхъ собраній Института. Депутатами отъ Общества на XI Археологическій Сѣздъ были избраны А. П. Кадлубовскій, М. И. Лилеевъ и И. А. Сребницкій.

Что касается состава должностныхъ лицъ Общества, то по прежнему оставались: предсѣдателемъ—Ф. Ф. Гельбке, товарищемъ предсѣдателя—М. Н. Бережковъ, бібліотекаремъ—Е. И. Кашпровскій и товарищемъ его—А. Д. Голышкинъ, а также избраны вновь на годъ съ 5 апрѣля 1899 г. на должности--товарища секретаря И. А. Сребницкій, казначея—И. Н. Михайловскій и товарища казначея—М. И. Лилеевъ.

За отказомъ отъ должности секретаря Общества А. П. Кадлубовскаго на эту должность избранъ А. А. Брокъ. А. П. Кадлубовскій съ самаго учрежденія Общества исполнялъ обязанности секретаря. Общество единогласно постановило выразить А. П. Кадлубовскому отъ лица всѣхъ членовъ глубокую благодарность за его пятилѣтнюю благотворную для Общества дѣятельность въ званіи секретаря.

Въ составѣ членовъ Общества произошли слѣдующія измѣненія: скончался членъ Общества, преподаватель Каменецъ-Подольской гимназіи, П. И Барсовъ. Въ число членовъ Общества вступили, на основаніи § 6 устава, профессора Института: А. А. Брокъ—съ 22 декабря 1898 года, В. К. Пискорскій—съ 20 февраля 1899 года и Г. В. Малеванскій—съ 12 сентября 1899 года. Такимъ образомъ въ настоящее время Общество состоитъ изъ одного почетнаго и 66 дѣйствительныхъ членовъ, въ томъ числѣ 28 живущихъ въ Нѣжинѣ (изъ нихъ 22 принадлежащихъ къ преподавательскому составу Института и состоящей при немъ Гимназіи, иногороднихъ 39, въ томъ числѣ почетный попечитель Института, 4 бывшихъ профессора и 25 бывшихъ студентовъ Института).

Средства Общества къ 14 сентября 1898 года представляли сумму въ 271 р. 43 коп. Доходъ въ теченіе отчетнаго года составлялся, главнымъ образомъ, изъ 5-рублевыхъ членскихъ взносовъ, каковыхъ за годъ, къ 14 сентября 1899 г., поступило 23, на сумму 115 рублей.

Кромѣ того, въ кассу Общества поступили слѣд. суммы: процентовъ по книжкѣ ссудо-сберегательной кассы Нѣжинскаго Уѣзднаго Казначейства поступило 9 р. 70 коп., возвращено расходъ по печатанію отдѣльныхъ оттисковъ статей II тома „Сборника“ 3 р. 25 к.; выручено отъ продажи „Сборника“ 2 р.—Такимъ образомъ доходъ Общества равнялся 129 р. 95 копѣекъ.

Главную статью расхода составляютъ издержки по печатанію „Сборника“: на печатаніе II тома израсходовано 291 р. 73 коп. и на бумагу для III тома—50 рублей; кромѣ того издержано на вознагражденіе прислуги 6 рублей и на канцелярскіе расходы 16 р. 42 коп. Общая сумма расхода достигаетъ 364 р. 15 коп. Къ 14 сентября 1899 г. въ кассѣ Общества остается 37 р. 23 коп.

Библіотека Общества, состоявшая къ 14 сентября 1898 г. изъ 220 названій въ 574-хъ томахъ, пополнилась присылкой различными учрежденіями своихъ изданій, главнымъ образомъ въ обмѣнъ на высланный имъ „Сборникъ“ Общества, и пожертвованіями частныхъ лицъ.

Обществу выслали свои изданія:

Университеты: Харьковскій („Записки Университета съ приложениями“).

и Варшавскій („Университетскія Извѣстія“)

Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ („Извѣстія“)

Императорское Русское Археологическое Общество („Записки Общества“, „Труды Восточнаго Отдѣленія“).

Императорское Московское Археологическое Общество („Труды археологической и славянской комиссіи“).

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей („Записки и отчетъ“).

Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ („Извѣстія“).

Учено-литературное Общество при Юрьевскомъ Университетѣ („Сборникъ“).

Историко-филологическое Общество при Новороссійскомъ Университетѣ („Лѣтопись“).

Архивъ Министерства Юстиціи („Описаніе документовъ и бумагъ“).

Заграничныя учрежденія:

Краковская Академія Наукъ („Bulletin international“).

Наукове Товариство имени Шевченка „Записки“ и другія изданія“).

и Musealna Slovenska Spoločnost („Sbornik“ и „Časopis“).

Изъ частныхъ лицъ въ бібліотеку Общества сдѣлали пожертвованія: П. А. Адриановъ и Е. В. Пѣтуховъ.

Всего въ отчетномъ году поступило 20 новыхъ названій въ 41 томѣ и продолженій—8 названій въ 28 томахъ.

Такимъ образомъ, къ 14 сентября 1899 г. состоитъ въ бібліотекѣ Общества 240 названій въ 609 томахъ.

Весьма важнымъ обогащеніемъ бібліотеки Общество обязано Нѣжинской Городской Управѣ. Уже при самомъ началѣ дѣятельности Общества Нѣжинская Городская Управа отозвалась на стремленія Общества, передавъ въ его вѣдѣніе часть архивовъ бывшаго Греческаго Магистрата. Въ дополненіе къ этому пожертвованію, Нѣжинская Управа 11 іюня с. г. проводила въ бібліотеку Общества 31 связку дѣлъ и 257 книгъ бывшаго Греческаго Магистрата. Историко-филологическое Общество приноситъ Нѣжинской Городской Управѣ глубокую благодарность.

СОСТАВЪ ОБЩЕСТВА

къ 1 января 1900 года.

ДОЛЖНОСТНЫЯ ЛИЦА.

Предсѣдатель Общества—Ф. Ф. Гельбке. Съ 3 апр. 1894.
Товарищъ Предсѣдателя—М. Н. Бережковъ. Съ 15-го
января 1896.

Секретарь—

Товарищъ Секретаря—И. А. Сребницкій. Съ 3 апр.
1894.

Казначей--И. Н. Михайловскій. Съ 3 апр. 1894.

Товарищъ Казначея—М. И. Лилеевъ. Съ 31 марта 1897.

Библіотекаръ—Е. И. Кашпровскій. Съ 3 апр. 1894.

Товарищъ Библіотекаря—А. Д. Голышкинъ. Съ 13-го
апрѣля 1895.

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕНЪ.

Антоновичъ, Владиміръ Бонифатьевичъ, профессоръ
Университета Св. Владиміра. Съ 23 мая 1898.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ.

1. Абрамовъ, Андрей Феодоровичъ, завѣдывающій
гимназією при Институтѣ Кн. Безбородко. Съ 3 апрѣля 1894.

2. Адамовъ, Петръ Аркадьевичъ, препод. Глуховской
гимназія. Съ 25 мая 1895.

3. Бережковъ, Михаэль Николаевичъ, проф. Института
Кн. Безбородко. Съ 3 апр. 1894.

4. Браяловскій, Сергѣй Николаевичъ, препод. жен-
ской гимназіи въ Хабаровскѣ. Съ 24 апр. 1894.

5. Брокъ, Артуръ Александровичъ, проф. Ин-та Кн.
Безбородко. Съ 22 дек. 1898.

6. Бурзи, Бернардъ Фридриховичъ, наставникъ студентовъ Ин-та Кн. Безбородко. Съ 17 окт. 1899.

7. о. Васютинскій, Теодоръ Іоакимовичъ, протоіерей (въ г. Черниговѣ). Съ 12 іюня 1894.

8. о. Величковскій, Александръ Александровичъ, настоятель Богоявленской церкви г. Нѣжина. Съ 13 сент. 1898.

9. Владиміровъ, Александръ Николаевичъ, препод. Бѣлоцерковской гимназіи. Съ 9 сент. 1894.

10. Волковъ, Григорій Яковлевичъ, препод. Стародубской прогимназіи. Съ 9 сент. 1894.

11. Галаптъ, Ілья Владиміровичъ, (въ г. Кіевѣ). Съ 16 мая 1896.

12. Гельбке, Фридрихъ Фердинандовичъ, директоръ Ин-та Кн. Безбородко. Съ 3 апр. 1894.

13. Голышкинъ, Александръ Дмитріевичъ, препод. гимназіи при Ин-тѣ Кн. Безбородко. Съ 3 апр. 1894.

14. Горбуновъ, Николай Тимофеевичъ, препод. Екатеринодарскаго реальнаго училища. Съ 15 января 1896.

15. Дейкунъ, Иванъ Леонтьевичъ, Нѣжинскій городской голова. Съ 19 ноября 1894.

16. Демковъ, Михаилъ Ивановичъ, препод. Глуховскаго учительскаго Института. Съ 9 сент. 1894.

17. Добіашъ, Антонъ Вячеславовичъ, проф. Ин-та Кн. Безбородко. Съ 3 апр. 1894.

18. Довнаръ-Запольскій, Митрофанъ Викторовичъ, магистрантъ Ун-та Св. Владиміра (въ Москвѣ). Съ 11 ноября 1896.

19. Донченко, Михаилъ Ивановичъ, препод. Либавскаго реальнаго училища. Съ 12 іюня 1894.

20. Ждановъ, Сергій Николаевичъ, проф. Ин-та Кн. Безбородко. Съ 3 апр. 1894.

21. Затворницкій, Георгій Митрофановичъ, препод. Уральскаго реальнаго училища. Съ 27 января 1896.

22. Захарченко, Георгій Моисеевичъ, надзиратель гимназіи при Ин-тѣ Кн. Безбородко. Съ 3 апр. 1894.

23. Ивановъ, Аверкій Григорьевичъ, препод. Иркутской гимназіи. Съ 9 сент. 1894.

24. Кадлубовскій, Арсеній Петровичъ, приватъ-доцентъ Харьковскаго Ун-та и препод. Харьковской 3-й гимназіи. Съ 3 апр. 1894.

25. Кашпровскій, Евменій Ивановичъ, надзиратель гимназіи при Ин-тѣ Кн. Безбородко. Съ 3 апр. 1894.

26. Коробка, Павелъ Степановичъ, С.-Петербургскій мировой судья. Съ 16 мая 1896.

27. Кузнецовъ, Степанъ Васильевичъ, препод. Рижской Александровской гимназіи. Съ 12 іюня 1894.

28. Куклинъ, Иванъ Васильевичъ, препод. Севастопольскаго реального училища. Съ 9 сент. 1894.

29. Кушакевичъ, Павелъ Ѳеодоровичъ, Предсѣд. попечительн. совѣта Нѣжинск. женск. гимназіи П. И. Кушакевичъ. Съ 12 іюня 1894.

30. Лилеевъ, Михаилъ Ивановичъ, препод. Ин-та Кн. Безбородко. Съ 3 апр. 1894.

31. о. Лобачевскій, Александръ Владиміровичъ, Законоучитель Ин-та Кн. Безбородко. Съ 14 сент. 1899.

32. Лопаревъ, Хрусанфъ Мееодіевичъ, бібліотекаръ Императорской Публичной Библіотеки. Съ 18 января 1895.

33. Люперсолъскій, Петръ Ивановичъ, бывшій проф. Ин-та Кн. Безбородко (въ Петербургѣ). Съ 3 апр. 1894.

34. Малеванскій, Григорій Васильевичъ, инспекторъ Ин-та Кн. Безбородко. Съ 12 сент. 1899.

35. Мельниковъ, Михаилъ Семеновичъ, препод. Митавскаго реального училища. Съ 19 ноября 1894.

36. Михайловскій, Иванъ Николаевичъ, наставникъ-руководитель гимназіи при Ин-тѣ Кн. Безбородко. Съ 3 апр. 1894.

37. Мишель, Людвигъ Николаевичъ, препод. Ин-та Кн. Безбородко. Съ 3 апр. 1894.

38. Графъ Мусинъ-Пушкинъ, Александръ Алексѣевичъ, почетный попечитель Ин-та Кн. Безбородко и Членъ Совѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія. Съ 9 сент. 1894.

39. Назарьевъ, Сергѣй Александровичъ, препод. Николаевской женской гимназіи. Съ 9 сент. 1894.

40. Первовъ, Павелъ Дмитріевичъ, препод. Лазаревскаго Ин-та восточныхъ языковъ. Съ 27 января 1896.

41. Писаревскій, Антонъ Павловичъ, препод. Каменецъ-Подольской гимназіи. Съ 9 сент. 1894.

42. Пискорскій, Владиміръ Константиновичъ, проф. Института кн. Безбородко. Съ 20 фев. 1899.

43. Поддерегинъ, Денисъ Николаевичъ, директоръ

Иваново-Вознесенскаго технического учил. Съ 15 янв. 1896.

44. Покровскій, Алексѣй Ивановичъ, проф. Института кн. Безбородко. Съ 9 сент. 1894.

45. Постернаковъ, Александръ Филипповичъ, преп. Мариупольской женской гимназіи. Съ 19 ноября 1894.

46. Пѣтуховъ, Евгений Вячеславовичъ, проф. Юрьевского университета. Съ 3 апр. 1894.

47. Раичъ, Михайль Егоровичъ, инспекторъ Ревельской Александровской гимназіи. Съ 12 іюня 1894.

48. Рѣзановъ, Владиміръ Ивановичъ, наставникъ студентовъ и преподаватель Института кн. Безбородко. Съ 24 апр. 1894.

49. Савва, Владиміръ Ивановичъ, прив.-доцентъ Харьковскаго университета. Съ 12 іюня 1894.

50. Святскій, Николай Александровичъ, инспекторъ Камратскаго реального училища. Съ 15 янв. 1896.

51. Соколовъ, Матвѣй Ивановичъ, проф. Московскаго университета. Съ 9 сент. 1894.

52. Сперанскій, Михайль Несторовичъ, проф. Института кн. Безбородко. Съ 24 Февр. 1896.

53. Сребницкій, Иванъ Аонасьевичъ, наставникъ-руководитель гимназіи при Ин-тѣ кн. Безбородко. Съ 3 апр. 1894.

54. Тальвинскій, Александръ Ивановичъ, преподав. Луцкой прогимназіи. Съ 17 янв. 1896.

55. Турцевичъ, Иванъ Григорьевичъ, проф. Института кн. Безбородко. Съ 3 апр. 1894.

56. Тюльпановъ, Константинъ Игнатьевичъ, препод. Глуховской гимназіи. Съ 18 янв. 1895.

57. Удовенко, Николай Васильевичъ, препод. Феодосійскаго учительскаго института. Съ 19 ноября 1894.

58. Флеринъ, Павелъ Алексѣевичъ, препод. Слуцкой гимназіи. Съ 11 ноября 1896.

59. Фохтъ, Вальтеръ Рихардовичъ, препод. гимназіи при институтѣ кн. Безбородко. Съ 2 янв. 1895.

60. Харузинъ, Николай Николаевичъ, приватъ-доцентъ Московскаго университета. Съ 11 ноября 1896.

61. Ходзицкій, Захарій Григорьевичъ, препод. Ревельской Александровской гимназіи. Съ 12 іюня 1894.

62. Черноусовъ, Евгений Александровичъ, преподав. Юрьевского реального училища. Съ 15 янв. 1896.

63. Шарко, Наталія Осиповна, преподавательница Нѣжинской женской гимназіи. Съ 4 февр. 1895.

64. Шенрокъ, Владиміръ Ивановичъ, препод. Московской 3-й гимназіи. Съ 12 іюня 1894.

65. Шпукъ, Андрей Игнатъевичъ, препод. Института кн. Безбородко. Съ 20 окт. 1895.

66. Щепкинъ, Евгеній Николаевичъ, проф. Новоросійскаго университета. Съ 31 янв. 1898.

А. С. Пушкинъ, какъ христіанинъ.

Жизнь людей выдающихся, гениальныхъ, у которыхъ достоинства и недостатки человѣческой души получаютъ свое высшее возможное развитіе и обнаруженіе, не проходитъ безслѣдно для будущихъ поколѣній: она всегда оставляетъ намъ болѣе или менѣе ясный жизненный урокъ, то въ смыслѣ положительномъ, идеальномъ, то въ смыслѣ предостереженія отъ увлеченій. Не напрасно въ дѣлѣ воспитанія отводится почтенное мѣсто изученію жизнеописаній великихъ мужей прошлаго. Еще большее воспитательное значеніе имѣетъ для насъ живая бесѣда съ великими людьми. Въ этомъ отношеніи поэты и писатели имѣютъ то преимущество, что они для насъ никогда не умираютъ. Ихъ гений, проникая въ самыя сокровенныя движенія человѣческой души, воплощаетъ ихъ въ прекрасныхъ звукахъ человѣческаго слова и дѣлаетъ ихъ общимъ достояніемъ. Душа поэта, раскрывающаяся въ его произведеніяхъ, есть живая книга жизни высокоодареннаго человѣческаго духа, въ его идеальныхъ стремленіяхъ и въ его паденіяхъ. Тѣмъ въ особенности и полезенъ и дорогъ бываетъ для насъ поэтъ, что, читая его, мы пріучаемся глубже вникать въ свою душу и въ окружающій насъ міръ. А правильное самоизученіе и самопознаніе есть первое условіе для разумнаго дѣйствованія нашего въ мірѣ. Такимъ образомъ, всякій человѣкъ, одаренный Богомъ высокимъ поэтическимъ даромъ слова, является въ извѣстномъ смыслѣ учителемъ и воспитателемъ того кружка людей, который читаетъ его. Отсюда и слава великаго поэта не скоро забывается, а переходитъ изъ рода въ родъ.

Воспоминаемый нынѣ поэтъ, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, былъ возлюбленнымъ сыномъ Отца небеснаго, Который щедро одарилъ его всѣми тѣми качествами, какія дужны были для высокаго служенія словомъ русскому народу. Самъ поэтъ въ своихъ природныхъ дарованіяхъ, въ своемъ талантѣ

видѣлъ особенное посланничество небесъ, когда сравнивалъ себя съ пророкомъ, призваннымъ вѣщать волю Божію.—Какъ выполнялъ и выполнилъ поэтъ задачу, возложенную на него Провидѣніемъ, какой нерукотворный памятникъ земной славы воздвигъ онъ себѣ среди русскаго народа, объ этомъ нынѣ будетъ и говорено и написано много и подробно. Въ настоящемъ же мѣстѣ мы остановимъ свое вниманіе на той сторонѣ жизни и дѣятельности поэта, которая можетъ дать назидательный урокъ намъ, какъ христіанамъ. Скажемъ нѣсколько словъ о поэтѣ, какъ человѣкѣ, какъ христіанинѣ, постараемся кратко изобразить богатую разнообразіемъ мыслей и чувствъ жизнь души его, на сколько можно судить объ этомъ по его произведеніямъ и по свѣдѣніямъ его біографовъ.

Всякій знаетъ, какое важное значеніе имѣетъ первоначальное воспитаніе въ семьѣ. Здѣсь должно быть заложено прочное основаніе для всего послѣдующаго міровоззрѣнія человѣка. Нашъ поэтъ не былъ счастливъ въ этомъ отношеніи. Правда изъ подъ родительскаго крова онъ вынесъ нѣкоторыя свѣтлыя воспоминанія о дняхъ счастливаго дѣтства. Самымъ благотворнымъ руководителемъ его дѣтства оказалась простая, но любящая русская женщина—старушка няня, какъ живое воплощеніе для поэта русскаго религіознаго и національнаго духа, народной мудрости и рѣчи. Если прибавить къ этому ту пользу, какую могло принести ему чтеніе книгъ отцовской бібліотеки, чтеніе, впрочемъ, безпорядочное, и приобретенный еще въ семьѣ нѣкоторый навыкъ писать стихи по примѣру старшихъ, то этимъ, кажется, и ограничивается все то положительное, чѣмъ семья напутствовала его въ школу. Серьезнаго религіознаго воспитанія, серьезнаго взгляда на жизнь семья не дала ему. Напротивъ, крайнее легкомысліе и пустота жизни, въ которой росъ въ родительскомъ домѣ поэтъ, не только не подавляли, а скорѣе воспитывали тѣ жгучія страсти въ ребенкѣ поэтѣ, которыя онъ унаслѣдовалъ отъ предковъ. Съ такимъ то еще смутнымъ разладомъ въ душѣ ребенокъ былъ удаленъ изъ семьи и поступилъ въ школу.

Школа проявила больше участія къ юному поэту. Отецеская заботливость и покровительство таланту со стороны начальства, тѣсный кругъ товарищей, будущихъ соратниковъ на нивѣ русскаго слова и сочувствіе признанныхъ уже міромъ поэтовъ того времени способствовали развитію и укрѣпленію

природныхъ поэтическихъ дарованій юнаго лицейста. Выступая изъ школы въ жизнь, онъ уже на столько усовершенствовалъ свой природный талантъ, что легкость, изящество и совершенство его русскихъ стихотвореній приводили въ восторгъ даже маститыхъ поэтовъ современниковъ. Но находясь въ школѣ въ нѣсколько благопріятныхъ условіяхъ для развитія своихъ поэтическихъ дарованій, юный поэтъ не вынесъ изъ нея того, что даетъ опору всякому дарованію и всякому таланту. Онъ не вынесъ изъ нея правильнаго, яснаго взгляда на жизнь и не приобрѣлъ навыка управлять собою, своими страстями. Воспитатели не поняли даровитаго воспитанника и не умѣли повліять на него. Свою дѣтски простую вѣру и выученные дома и въ школѣ уроки вѣры и жизни юноша самъ пополняетъ чтеніемъ французскихъ писателей, часто антирелигіознаго и антихристіанскаго духа. Въ его сознаніе входятъ два противоположныя теченія, требующія примиренія, котораго школа не дала. Не сглаживаетъ также школа и тѣхъ крайностей, которыя составляли отличительную черту его темперамента. Поэтому еще въ школѣ любовь къ людямъ, душевная общительность, тонкое природное чутье къ отгадыванію истины, добра и идеальной красоты жизни вступили въ душѣ юноши въ борьбу съ легкомысліемъ, съ страстностью, съ погоней за внѣшнимъ блескомъ.—Эта внутренняя душевная борьба между идеаломъ и дѣйствительностью проходитъ черезъ всю жизнь поэта и доставляетъ ему глубокія и тяжкія страданія. Читая его произведенія, гдѣ на самой незначительной картинѣ, на самомъ мелкомъ образѣ лежитъ печать безпредѣльно богатаго, остраго, огненнаго дарованія, невольно умиляешься и преклоняешься предъ талантомъ, но попробуйте вникнуть во внутренній смыслъ его твореній, потрудитесь понять черезъ нихъ, что передумалъ, что перечувствовалъ поэтъ, когда писалъ, и вы прійдете въ полное недоумѣніе. На каждый самый важный и вмѣстѣ самый дорогой для человѣка вопросъ вы можете найти два противоположныхъ отвѣта: и «нѣтъ» и «да». Вѣрилъ ли поэтъ въ Бога, въ промыслъ Божій? видѣлъ ли нравственный смыслъ въ своей жизни и дѣятельности? дорожалъ ли жизнью? Вѣрилъ ли въ безсмертіе своей души? Уважалъ ли нравственныя формы общежитія, каковы: бракъ, семейство, власть, государство? Если прибавить къ его сочиненіямъ и тѣ, довольно подробныя біографическія свѣдѣнія,

которые дошли до насъ, то и тогда трудно понять, что такое представлялъ изъ себя поэтъ, какъ человѣкъ, какъ христiанинъ! Строгие критики готовы видѣть въ этомъ непостоянствѣ убѣжденiй поэта непохвальное стремленiе добывать славу наигриванiемъ на худшихъ струнахъ человѣческаго сердца. Но едва ли это вѣрно. Едва ли можно заподозрить поэта въ неискренности: Всѣ, кто знавалъ его, отзываются о немъ, какъ о непритворно искреннемъ человѣкѣ. Справедливѣе было бы думать, что слова поэта искренни, но что онъ не имѣлъ равновѣсiя и мира въ душѣ, что эта двойственность его мыслей и чувствъ является только отраженiемъ внутренняго душевнаго разлада,— это крикъ восторженнаго или страдающаго человѣка среди увлеченiй. Дѣйствительно вѣра и отрицанiе, любовь и разочарованiе, легкомысленная игра жизнью и глубокая серьезность смѣняются одно другимъ въ жизни поэта, но каждому настроенiю онъ отдаетъ себя вполнѣ, до увлеченiя. Исторiя его души есть исторiя чередующихся паденiй и возстанiй и отразилась она въ сочиненiяхъ поэта въ такихъ глубокихъ и яркихъ краскахъ, что можетъ быть понятна всякому, кто пережилъ что нибудь подобное.

Первыя произведенiя поэта отличаются по преимуществу юношеской веселостью и беззаботностью, которая иногда переходитъ въ легкомысленное воспѣванiе того, о чемъ, по слову апостола, и говорить даже не слѣдуетъ. Поэтъ, повидимому, переживаетъ въ своемъ воображенiи культъ языческой богини Киприды, а въ дѣйствительности и культъ Вакха, но свои мысли и чувства по поводу этихъ увлеченiй облачаетъ въ такiе прелестные стихи, въ такую обольстительную форму, что и самъ обманывается относительно внутренняго содержанiя своихъ пѣсенъ и только впоследствии „стыдится *идоловъ своихъ*“. Но на ряду съ этимъ легкомысленнымъ идолопоклонствомъ изъ подъ пера юнаго поэта выходитъ и такое замѣчательное по глубинѣ мысли и знанiю человѣческой души стихотворенiе, какъ „Безвѣрiе“. Въ дальнѣйшей его болѣе зрѣлой жизни и дѣятельности въ большей или меньшей степени проглядываетъ та же двойственность. Предъ поэтомъ предносится такъ прекрасно изображенный имъ идеаль пророка, призваннаго „глаголомъ жечь сердца людей“, посланника небесъ, у котораго вырванъ „языкъ грѣшный и празднословный и лукавый“, но бушующiя въ невоздѣланной душѣ поэта страсти

загрязняютъ по временамъ это высоконравственное стремленіе души великой. Воспѣвая прекрасное и великое, поэтъ въ обаятельныхъ звукахъ своей струны лукавой воспѣваетъ и страсти человѣческія въ самомъ дикомъ ихъ проявленіи: половую ревность, убійство, самоубійство, игру чужою и свою жизнь и т. п. Правда, о подобныхъ несовершенствахъ человѣческой жизни можно говорить и такимъ языкомъ, который способенъ возбудить въ читателѣ отвращеніе къ страстямъ и ихъ пагубнымъ послѣдствіямъ. Но у нашего великаго поэта страсть рисуется какимъ-то исполиномъ, привлекаетъ сочувствіе и жалость. Упоенное сладкими звуками прекрасныхъ словъ сердце читателя не только проникается благоговѣніемъ и сочувствіемъ къ изображаемому, но дѣлается какъ бы готовымъ приносить себя въ жертву ему. Желаетъ ли поэтъ изобразить въ своемъ героѣ типъ положительной добродѣтели или картину безнравственныхъ стремленій и поступковъ, герои его выходятъ часто одинаково привлекательными для читателя. Подъ широкимъ размахомъ кисти великаго художника совершенно затушевываются возбуждающія отвращеніе черты порока. И удалой самозванецъ Пугачевъ и жертва его звѣрства, безстрашный, самоотверженный капитанъ съ своей душевно-привлекательной дочерью одинаково возбуждаютъ сочувствіе и сожалѣніе у читателя. То же можно сказать о безнравственномъ Онѣгинѣ и Татьянѣ, о мудромъ, но преступномъ и зломъ Борисѣ и объ отважномъ и изворотливомъ лже-Дмитріи, о разбойникѣ-рыцарѣ Дубровскомъ. Поэта чаруетъ въ его герояхъ сила, внутренняя мощь характера, на нихъ и сосредоточиваетъ онъ свое вниманіе, но отъ мысленнаго взора его въ значительной мѣрѣ ускользаютъ тѣ черты въ характерахъ героевъ, которыя составляютъ внутреннее нравственное недостоинство личности. Все удалое, свободолюбивое, мятежное и страстное находитъ живой откликъ въ душѣ поэта, и въ минуты увлеченія онъ при своемъ свѣтломъ умѣ и чуткомъ къ всякой фальши сердцѣ совершенно забываетъ, въ какомъ противорѣчій съ дѣйствительностью и съ чистымъ идеаломъ стоятъ его мысли и чувства. Вникая поглубже въ душевный міръ его героевъ, невольно приходишь къ мысли, что создавшій ихъ поэтъ былъ не только великимъ, даровитымъ художникомъ, но и великимъ страдальцемъ, человѣкомъ, увлекающимся

всякимъ могучимъ стихійнымъ порывомъ страсти и извѣдавшимъ пустоту подобныхъ увлеченій.

Такимъ человѣкомъ поэтъ и является въ своей дѣйствительной жизни. Какъ ни сильно было у поэта влеченіе къ общенію съ людьми, но даже преданнымъ друзьямъ своимъ и благожелателямъ онъ доставлялъ много заботъ и непріятностей, а враговъ и недоброжелателей ѣдко казнилъ онъ острой эпиграммой. Но едва ли кто станетъ утверждать, что поэтъ былъ черствымъ эгоистомъ или мизантропомъ. Близко знающіе его друзья совершенно противоположнаго мнѣнія о немъ. Мелкое столкновеніе съ людьми, минутная вспышка страстности совершенно завладѣвали воображеніемъ поэта и дѣлали его рабомъ своего настроенія, а послѣдственное легкомысліе только способствовало этому. Такою же безпорядочностію отличается и отношеніе поэта къ своимъ серьезнымъ обязанностямъ. Почти вся жизнь его протекла въ литературныхъ трудахъ, но литературные кружки и товарищей по перу онъ посѣщаетъ только изрѣдка мелькомъ, за то онъ увлекается въ одно время балами большаго свѣта, гдѣ стыдится своего скромнаго званія литератора, бросается, затѣмъ, въ вихрь полусвѣта, вступаетъ въ оргическое общество великосвѣтскихъ безобразниковъ и предается такимъ излишествамъ, что два раза лежитъ на краю гроба. Либераль по своимъ, высказаннымъ вслухъ всего міра, убѣжденіямъ, онъ тянется къ знати, безпрестанно попадая въ двусмысленныя и неловкія положенія отъ недостатка матеріальныхъ средствъ. Несомнѣнно любившій свое отечество и русскій народъ поэтъ, оскорбленный пустою молвою, охотно жертвуетъ честью другихъ для возстановленія мнимой чести своей и при томъ въ глазахъ недостойныхъ людей: онъ пишетъ множество политическихъ памфлетовъ и эпиграммъ, смыслу которыхъ не сочувствуетъ. „Я совершалъ преступленіе, говоритъ онъ объ этомъ, приносилъ жертву общественному мнѣнію, которое презиралъ... я рѣшился высказать столько наглости, столько хвастовства и буйства въ моихъ рѣчахъ и въ моихъ сочиненіяхъ, сколько нужно было для того, чтобы понудить правительство обращаться со мною, какъ съ преступникомъ. Я жаждалъ Сибири, какъ возстановленія чести...“ Изъ уваженія къ таланту, наказаніе, заслуженное поэтомъ, смягчается: его высылаютъ изъ столицы на югъ. Здѣсь поэтъ по прежнему много пишетъ, но по прежнему же ведетъ жизнь,

полную развлеченій, шумныхъ пиршествъ, ссоръ, дуэлей и всякихъ приключеній. Въ Одессѣ онъ съ увлеченіемъ беретъ даже уроки чистаго атеизма у человѣка, который впослѣдствіи былъ вѣрующимъ и ревностнымъ лондонскимъ пасторомъ. Но и въ далекихъ степяхъ присутствіе даровитаго но неумѣющаго управлять собою, поэта оказалось настолько неудобнымъ, что потребовалось отправить его въ деревню. Это тихое мѣсто заточенія было весьма благовременнымъ и полезнымъ, такъ какъ не давало никакихъ средствъ для пустыхъ развлеченій и располагало къ сосредоточенію и самоуглубленію. Дальнѣйшая жизнь и дѣятельность поэта, какъ извѣстно, обуславливалась уже отеческой опекой надъ нимъ любящаго Государя Императора. Поэтъ былъ ограничиваемъ въ своихъ словахъ и дѣлахъ зоркимъ и любящимъ окомъ своего Монарха. Попытка сдѣлать важный жизненный шагъ безъ вѣдома своего Покровителя, окончилась для поэта, какъ извѣстно, печально: онъ былъ убитъ.

Намѣченные черты въ жизни и произведеніяхъ воспоминаемаго нами нынѣ поэта мало пока даютъ отраднаго для того, чтобы назвать его человѣкомъ—христіаниномъ. Но поэтъ былъ и серьезнымъ человѣкомъ и христіаниномъ, отчасти въ жизни и дѣятельности своей и особенно въ смерти своей. Не только пиршества и развлечения, не только игривый стихъ или острая эпиграмма наполняли жизнь поэта. Онъ намъ оставилъ и такія произведенія, въ которыхъ онъ умѣлъ и чувства добрыя въ насъ пробуждать, и прелестью стиховъ намъ быть полезнымъ, и милость къ падшимъ призывать. Одаренный природнымъ внутреннимъ чутьемъ истины и чистаго прекраснаго, онъ глубоко постигалъ и вѣру и безвѣріе, и добродѣтель и порокъ. Душа великая не могла не понимать пустоту и ложь того пути, на которомъ останавливался иногда поэтъ: она болѣла, боролась, стремилась освободиться отъ узъ страсти. Особенно это замѣтно въ тотъ послѣдній періодъ его жизни, когда въ немъ совершался глубокой, но медленный и тяжелый нравственный переворотъ, когда ужъ многое перемѣнилось въ жизни для него, и самъ, покорный общему закону, перемѣнялся онъ. Теперь онъ съ большей строгостью сталъ относиться и къ своимъ прежнимъ произведеніямъ, и къ недостаткамъ своей прошлой жизни. Въ уныніи часто онъ помышлялъ о юности своей, утраченной въ бесплодныхъ испытаньяхъ, о

строгости *заслуженных* упрековъ, и горькія кипѣли въ сердцѣ чувства“. Онъ „проклиналъ коварныя стремленья преступной юности своей“. Онъ сознавалъ, что „въ часы забавъ иль праздной скуки, бывало лиръ онъ своей ввѣрялъ изнѣженные звуки *безумства, лжи и страстей*“. Уже и тогда „струны лукавой невольно звукъ онъ прерывалъ, и лиль потокъ слезъ нежданнхъ и ранамъ совѣсти своей искалъ цѣлебнаго елея“, теперь же онъ восклицаетъ: „Самолюбивыя мечты, утѣхи юности безумной! Когда на память мнѣ невольно прійдетъ внушенный ими стихъ, я содрогаюсь, *сердцу болно, мнѣ стыдно идоловъ моихъ*. Къ чему несчастный я стремился? Предъ кѣмъ унижилъ гордый умъ? Кого восторгомъ чистыхъ думъ боготворить не устыдился?“

Но не только высказанныя въ стихахъ мысли и чувства доставляютъ мученіе поэту, терзаетъ совѣсть его и прошедшая пустая, разсѣянная жизнь. „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“ теперь ему „*тяжело*“. По ночамъ его навѣщаетъ грозный судія—совѣсть: „Въ бездѣйствіи ночномъ, говоритъ онъ, живѣй горятъ во мнѣ змѣи сердечной угрызенья... въ умѣ подавленномъ тоской, тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ; воспоминаше безмолвно предо мной свой длинный развиваетъ свитокъ: и, съ *отращеніемъ* читая жизнь мою, я трепещу и проклиная, и горько жалуюсь, и *горько слезы лью*“. „Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ, *въ безумствѣ гибельной свободы*, въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ мои утраченные годы“. Поэтъ уподобляетъ себя упоминаемому въ Евангеліи блудному сыну, долго блуждавшему и расточившему сокровища сердца. Теперь онъ увидѣлъ свою родимую обитель, „главой поникъ и зарыдалъ“—Прибавимъ къ этому, что поэтъ казался не только въ стихахъ, но приступалъ и къ христіанскому таинству покаянія; онъ молится Богу, ходитъ въ церковь, заказываетъ паннихиды, слушаетъ молебны на дому, посѣщаетъ монастыри, изучаетъ и знаетъ библію, увѣряетъ, что онъ не проповѣдывалъ безбожія. Прибавимъ, что и въ стихахъ онъ умѣлъ быть религиознымъ: „Въ простомъ углу своемъ, средь медленныхъ трудовъ, одной картины онъ желалъ быть вѣчно зритель; одной: чтобъ на него какъ съ облаковъ, Пречистая и нашъ божественный Спаситель, она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ,—взирали кроткіе, во славіи и въ лучахъ“. Правда, далѣе поэтъ смѣшиваетъ уже небесное съ

земнымъ, но есть у него и такія произведенія, въ которыхъ дышетъ полная чистота религіознаго воодушевленія, таково, напримѣръ, переложеніе великопостной молитвы Св. Ефрема Сирина и приписываемое поэту переложеніе „Молитвы Господней“.

Медленно совершавшійся въ душѣ поэта поворотъ на путь серьезнаго отношенія къ жизни и къ Виновнику ея—Богу былъ ускоренъ внезапною мучительною смерью поэта. Самовольное со стороны поэта распоряженіе своею жизнью милосердый Богъ обратилъ въ душевную пользу умирающему, который въ нѣсколько дней своихъ страданій достигъ того, чего не успѣлъ достигнуть въ продолженіе всей предшествовавшей жизни. Поэтъ оставилъ этотъ міръ въ полномъ любовномъ примиреніи съ Богомъ, церковію и людьми. Читайте, какими трогательными подробностями присутствовавшіе описываютъ болѣзнь и смерть поэта. Претерпѣвая тяжелыя муки, онъ удерживается отъ стenanій, чтобы не тревожить любимую жену и друзей, благословляетъ дѣтей, вызываетъ своею исповѣдью слезы умиленія у старца духовника, видѣвшаго много христіанскихъ смертей, съ глубокимъ смиреніемъ и вѣрою пріобщается Св. Таинъ. На вопросъ, что передать своему убійцѣ, онъ отвѣчаетъ секунданту: „требую, чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему и *хочу умереть христіаниномъ!*“

Да онъ въ дѣйствительности и умеръ христіаниномъ! кончина его была хотя и не безболѣзненная, но за то непоштыдная и мирная.

Воспоминая въ краткихъ чертахъ исторію тревожной жизни души поэта, мы сдѣлали это не для того, чтобы высказать какое нибудь порицаніе ему и тѣмъ набросить тѣнь на его славу. Величайшій русскій поэтъ самъ себѣ написалъ „памятникъ“ славы, который многомиліонными устами русскаго народа единогласно утверждёнъ и стоитъ незыблемо донынѣ. Слава Пушкина, какъ поэта, не только не меркнетъ, но все больше и больше укрѣпляется. Не о славѣ у насъ рѣчь! Предъ нашимъ мысленнымъ взоромъ стоитъ великая душа поэта, какъ другой замѣчательный памятникъ для потомства, не столь славный, но не менѣе поучительный. Исторія паденій мыслью и чувствами въ дни легкомысленной и самоувѣренной юности, постепенное возстаніе въ годы зрѣлаго возраста и

искренній, серьезный расчетъ съ жизнью предъ смертью—эта исторія повторяется часто между нами и нынѣ, но у великаго поэта она принимаетъ болѣе видныя, болѣе характерныя черты, здѣсь она больше доступна наблюденію, а потому и болѣе поучительна.

Она драгоцѣнна прежде всего для юношей: она учитъ ихъ дорожить школьными годами, воспитывать въ себѣ необходимый для жизни навыкъ управлять собою, своими страстями, учитъ избѣгать ранняго знакомства съ тѣми книгами, которыя отравляютъ умъ сомнѣніемъ, подогрѣваютъ страсти, научаютъ расточать сокровища дѣтскаго сердца. Поэтъ имѣлъ дарованія, несравнимыя съ нашими, и то ошибки юности не легко ему было исправлять, а терпѣть отъ нихъ приходилось часто, что же будетъ съ нами, если мы не вынесемъ изъ школы твердой вѣры, серьезнаго взгляда на жизнь и навыка подчинять свою волю высшимъ требованіямъ?

Поучительна жизнь поэта и для взрослыхъ людей. Она указываетъ, гдѣ та тихая пристань, къ которой сознательно долженъ стремиться каждый. Въ жизни встрѣчается много такихъ настроеній у человѣка, которыя могутъ быть названы отрицательными. Пусть же „высокозамѣчательный примѣръ поэта убѣдитъ cadaго, что высокому всеобъемлющему духу трудно выдержать безусловное отрицаніе до конца, особенно же въ дни тяжелой невзгоды и въ предсмертные часы, при переходѣ изъ этого міра въ загробный; трудно не по малодушію, но по непререкаемой логикѣ человѣческой природы“.

Вспоминая нынѣ столѣтнюю годовщину рожденія нашего любимаго великаго поэта, славнаго вождя русскаго слова, вспомнимъ его и какъ подобнаго намъ человѣка и помолимся о многогрѣшной, но раскаявшейся душѣ раба Божія Александра. Помолимся, чтобы милосердый Отецъ принялъ искренно раскаявшагося любимаго сына своего въ небесную обитель и простилъ ему „всякое согрѣшеніе, содѣянное словомъ или дѣломъ или помышленіемъ: яко нѣсть человѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ“.

Свящ. А. Лобачевскій.

Пушкинъ, какъ историкъ русской жизни.

Д. чл. М. Н. Бережкова.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Общества
26 мая 1899 г.

Русское общество и школа празднуютъ столѣтній юбилей поэта Пушкина. Отраднo видѣть, что число почитателей и простыхъ читателей Пушкина у насъ все больше возрастаетъ, что всѣ образованные люди теперь согласно признаютъ его великимъ русскимъ писателемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Пушкинъ—великій, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ единственный, несравненный писатель русской. Не долго онъ прожилъ на свѣтѣ—лишь неполныя 38 лѣтъ; но онъ успѣлъ въ жизни такъ много перечувствовать и ясно сознать, или же чутко отгадать, и все пережитое такъ сильно выразить въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ, полныхъ необычайной красоты, ума и благородства, да любви къ своей великой родинѣ, Россіи, притомъ же все выразить въ такихъ очаровательныхъ стихахъ, какими писалъ только онъ одинъ, что по всему этому онъ сталъ первымъ между всѣми русскими поэтами, или поэтомъ по преимуществу. Что-то магическое заключалось въ имени Пушкина для современниковъ его; вся читающая Россія съ животрепещущимъ интересомъ прислушивалась къ голосу своего поэта, тогда же почти всѣми прославленнаго. И надъ нашими умами Пушкинъ доселѣ сохраняетъ свое чарующее вліяніе. Трудно говорить о немъ спокойно,—такъ много сразу рождается у насъ чувствъ при одномъ воспоминаніи о его гениальной личности, о его мало счастливой жизни и трагической кончинѣ, да при чтеніи его вдохновенныхъ произведеній, волнующихъ и радующихъ до

глубины души. Хотѣлось бы говорить о немъ какъ можно лучше и достойнѣе его; хотѣлось бы, во всякомъ случаѣ, сказать про него ясно и просто, чѣмъ именно великъ Пушкинъ, чѣмъ дорога для насъ его память,—и однако чувствуешь затрудненіе говорить про него просто: до такой степени разностороненъ и глубокъ Пушкинъ. Думается и то: что сказать про него, многодумнаго писателя и первокласснаго мастера русскаго слова, чего бы самъ онъ не сказалъ про себя и современное ему общество, про всю Россію и Европу, чего бы мѣтко не выразилъ онъ въ своихъ превосходныхъ твореніяхъ? Право не легко, найти „свое слово“ о великомъ писателѣ! И однако мы, представители образованнаго общества, должны говорить о Пушкинѣ, и при томъ говорить такъ, чтобы выразить сколько можно отчетливѣе свое отношеніе къ нему: въ этомъ — смыслъ настоящаго юбилейнаго торжества. Съ своей стороны я рѣшаюсь предложить себѣ и Вашему благосклонному вниманію вопросъ о томъ, какъ вѣрно поэтъ воссоздавалъ русскую дѣйствительность, или иначе говоря, въ какой мѣрѣ онъ былъ историкомъ русской жизни. Я чувствую всю важность вопроса, которымъ задаюсь, и могу въ данную минуту намѣтить свой отвѣтъ на него лишь немногими, самыми краткими чертами.

Каждый талантливый наблюдатель, правдиво записавшій свои жизненные впечатлѣнія, по тому самому есть въ извѣстной мѣрѣ историкъ своего времени; если же этотъ наблюдатель обладаетъ даромъ художественнаго выраженія своихъ мыслей, то онъ становится еще болѣе цѣннымъ писателемъ въ отношеніи историческомъ: онъ описываетъ жизнь не только съ умомъ и искренностью, но еще съ искусствомъ живописца. Въ частности Пушкинъ обладалъ качествами, особенно выгодными для правильнаго изображенія жизни. Поэтъ съ пламеннымъ творческимъ воображеніемъ, полнымъ образовъ и картинъ, онъ въ то же время былъ вполне трезвый созерцатель, спокойно разбиравшійся въ своихъ впечатлѣніяхъ и образахъ: выходило такъ, что поэтическіе образы, зародясь въ его горячей душѣ, принимали окончательную отдѣлку въ ясномъ и спокойномъ умѣ, съ помощью образованнаго литературнаго вкуса, по здравой теоріи искусства. Оттого въ его произведеніяхъ всюду выдержанный тактъ, ничего лишняго, преувеличеннаго, всё въ пору и въ мѣру; про его поэзію можно сказать, какъ

про его красавицу: „все въ ней гармонія, все диво“. И одно это обстоятельство, т. е. всегда художественное впечатлѣніе отъ поэзіи Пушкина, уже служитъ намъ ручательствомъ за то, что его поэзія есть вѣрное изображеніе дѣйствительности; вѣдь по самой своей сущности изящное есть то же, что истинное и правдивое. Другое ручательство за правдивость поэзіи Пушкина—простота созерцанія имъ жизни; эта простота, иначе прямодушіе и честность, была у нашего поэта природнымъ и еще больше, быть можетъ, воспитаннымъ его качествомъ, т. е. слѣдствіемъ серьезнаго размышленія и всегда честныхъ поступковъ въ жизни. Мудрецы—поэты, въ родѣ Пушкина, смотрятъ на жизнь прямо, берутъ ее, какъ она есть, воспринимаютъ честнымъ сердцемъ жизненные впечатлѣнія и такъ-же честно выражаютъ ихъ, чуждаясь всякой доктрины, предвзятыхъ мнѣній и всякой тенденціозности, хотя бы самой благонамѣренной: все это не свойственно ихъ честному сердцу и серьезному уму; въ своихъ твореніяхъ изображая правду жизни они собственно не имѣютъ желанія поучать, а если учатъ (что и есть на самомъ дѣлѣ), то этой самой правдою своей поэзіи. Глубокая искренность прежде и больше всего—вотъ что характеризуетъ Гомера, Данте, Сервантеса, Шекспира, Гете, Пушкина и всякаго иного великаго поэта. Наконецъ въ высшей степени характерная черта пушкинской поэзіи есть пластическая красота изображенія. Въ природѣ каждой страны и въ быту каждаго народа есть много мѣстной своеобразной красоты; она разлита повсюду, гдѣ свѣтитъ солнце, гдѣ распростертъ голубой небесный сводъ; она, можно сказать, у всѣхъ предъ глазами. Но она далеко не каждымъ и въ равной мѣрѣ чувствуется; много условій требуется для того, чтобы сознать ее и наслаждаться ею: нужно природное художественное чувство, нѣкоторое воспитаніе глаза и уха и вообще образованный вкусъ, досугъ и проч. А воссоздавать красоту природы и жизни въ искусствѣ—это новое дѣло, зависящее отъ природнаго дарованія художника, отъ его образованія путемъ школы и жизненнымъ опытомъ, отъ уровня художественнаго развитія самого общества и отъ иныхъ условій. Благо тому обществу, въ которомъ есть художественное образованіе и художники: искусство увеличиваетъ счастье и цѣну жизни чрезъ созерцаніе красоты, этого великаго Божьяго дара; оно примиряетъ насъ съ несовершенствами нашей человѣческой

жизни, даетъ понять истину и правду міроваго порядка: оно въ сущности религіозно; оно тѣсно связано съ религіей, философій, наукой. И благо русскому обществу въ томъ, что оно обладаетъ произведеніями Пушкина: ибо нашъ поэтъ имѣлъ и непосредственное глубокое чувство красоты, и великое искусство воссоздавать ее посредствомъ слова, растолковать ее намъ роднымъ языкомъ. Разсматриваемый съ этой стороны Пушкинъ не меньше націоналенъ, какъ и съ прочихъ сторонъ. Родную русскую природу онъ рисовалъ какъ живописецъ (вспомнимъ-напримѣръ, изображенія зимы и другихъ временъ года): чувствуется, что онъ любилъ эту природу всѣми нервами, всею силой своей здоровой природы; въ глубокомъ природномъ чувствѣ, вѣроятно, и заключается тайна постиженія имъ красоты русскаго ландшафта и всей природы русской, а потомъ—художественнаго изображенія ея въ словѣ. Тоже надобно сказать объ изображеніи у него русскаго быта. Этотъ бытъ достаточно былъ знакомъ поэту: проводя жизнь на половину въ городѣ, на половину въ деревнѣ, вольно и невольно путешествуя по Россіи, Пушкинъ вынесъ много живыхъ впечатлѣній. Вотъ почему весь русскій общественный и народный бытъ полно отразился въ его поэтическихъ произведеніяхъ, въ особенности бытъ обѣихъ столицъ, дворянская жизнь въ деревенскихъ усадьбахъ, культурное состояніе русскаго общества на домашней патріархальной основѣ и подъ нѣкоторымъ европейскимъ вліяніемъ. И не только полно,—онъ отразился еще въ симпатичномъ, изящномъ видѣ. Въ общемъ выходитъ вѣрная картина: подкраски нѣтъ, а есть умѣнье нарисовать все въ надлежащей перспективѣ, ко всему отнести съ должнымъ вниманіемъ, искренно и просто, рѣдко съ чувствомъ негодующимъ, гораздо чаще съ добродушіемъ, да съ чувствами упованія и вѣры въ свое великое отечество, при всѣхъ недостаткахъ его общественной жизни.

Послѣ Пушкина у насъ не мало было и есть писателей, движимыхъ любовью къ народу, стремленіемъ къ общему благу, къ распространенію образованія и т. д. У насъ есть даровитые бытописатели—поэты, беллетристы, этнографы, археологи,—внимательно изучающіе внутренній русскій бытъ въ его настоящемъ и прошломъ; но послѣ Пушкина нѣтъ ни одного писателя, который бы такъ сильно и изящно изображалъ русскую жизнь, какъ онъ, который бы смотрѣлъ такимъ ши-

рокимъ, примиряющимъ и яснымъ взглядомъ на русскую дѣйствительность, какъ Пушкинъ; въ этомъ отношеніи онъ — единственный, несравненный писатель нашъ, поэтъ и вмѣстѣ историкъ русскаго быта.

Не меньше замѣчательнъ поэтъ въ его отношеніи къ прошлой жизни. Онъ страстно любилъ старину — сказку, пѣсню, поговорку; всюду выслушивалъ самородное русское слово, оригинальный оборотъ мысли и рѣчи, и при случаѣ пользовался ими въ своемъ художественномъ воссозданіи русскаго прошлаго.

„Люблю отъ бабушки московской
„Я толки слушать о роднѣ,
„Объ отдаленной старинѣ“.

Такъ выразился Пушкинъ о великосвѣтской московской бабушкѣ; но онъ съ любовью выслушивалъ и крестьянку-няню, и псковскихъ крестьянъ, у которыхъ записалъ нѣсколько пѣсень, и московскихъ просвиренъ, рѣчь которыхъ находилъ образцовою. Онъ допытывался живаго духа старины изученіемъ русскаго языка, преданій, письменныхъ памятниковъ. Собственно русскую исторію Пушкинъ узнавалъ по Карамзину, по той знаменитой книгѣ, изъ которой доселѣ черпаютъ себѣ живыя черты и краски русскіе художники: романисты, живописцы, композиторы и проч. Пушкинъ высоко уважалъ исторіографа, читалъ и даже извучалъ Исторію Государства Россійскаго въ текстѣ и примѣчаніяхъ, гдѣ познакомился съ источниками русской исторіи; по этой преимущественно книгѣ онъ написалъ превосходную драму „Борисъ Годуновъ“, которую и посвятилъ „драгоценной для Россіянъ памяти Н. М. Карамзина, какъ трудъ его гениемъ вдохновенный“. Пробовалъ поэтъ свои силы и въ самостоятельной работѣ надъ русской исторіей XVIII вѣка, внимательно читалъ источники для петровскаго времени, интересовался екатерининскимъ временемъ, Суворовымъ, написалъ исторію Пугачевского бунта, „трудъ несовершенный, но добросовѣстный“, по сознанію автора. Къ характеристикѣ его напомнимъ, что онъ приложилъ къ своему труду очень много подлинныхъ историческихъ матеріаловъ о Пугачевской смутѣ, и что онъ нарочито отправлялся въ Поволжье и Оренбургскій край, на театръ смуты, для лучшаго уясненія себѣ хода ея: черты истиннаго историка и поэта! Но съ подлиннымъ дѣломъ о Пугачевѣ въ С.П.Б. Государственномъ Архивѣ

Пушкинъ познакомился только по напечатаніи труда. Имѣютъ свою цѣну въ ряду источниковъ для исторіи петровскаго времени записки французскаго офицера на русской службѣ, Моро де Бразе, участника Прутскаго похода 1117 года; Пушкинъ перевелъ ихъ по русски, обставя переводъ предисловіемъ и примѣчаніями, изъ которыхъ видно внимательное чтеніе имъ „Журнала Петра Великаго“, этого весьма важнаго источника историческаго, хотя и очень непряглядно издавнаго, и съ немалымъ усиліемъ читаемаго. Есть указанія на то, что Пушкинъ имѣлъ возможность стать въ положеніе историографа, на мѣсто Карамзина: поживи поэтъ дольше, очень вѣроятно, что онъ дѣйствительно сталъ бы историографомъ, и дѣйствительно написалъ бы исторію XVIII вѣка: его таланта было бы достаточно для очерка этого вѣка. (Вѣдь и Карамзинъ приступилъ къ русской исторіи собственно какъ литераторъ, и уже за самой работой выучился быть критикомъ и первокласснымъ историкомъ). А еще съ большей вѣроятностью можно полагать, что Пушкинъ выполнилъ бы свою мысль о большомъ историческомъ романѣ изъ русской жизни XVIII и XIX вѣковъ, долго занимавшую его, имѣя въ виду такіа прекрасныя повѣсти его, какъ Арапъ Петра Великаго, Повѣсти Бѣлкина, Капитанская дочка, романъ Евгенийъ Онѣгинъ: всѣ эти произведенія очень цѣнны въ смыслѣ бытовой живописи и ярко обрисованныхъ типовъ. Для историка пушвинскіе типы—настоящая находка; вѣдь историкъ также стремится къ тому, чтобы обобщать явленія, возводя единичное и частное къ общему, иначе типичному; вся исторія могла бы стать наукой о типахъ или о типичномъ въ жизни. Въ этомъ отношеніи поэты помогаютъ историкамъ. За нѣкоторые годы Пушкинъ велъ краткіе дневники, иногда обрабатывалъ ихъ въ подробные рассказы, какъ, напримѣръ, Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года; но поэтъ не желалъ писать собственно мемуаровъ о своей жизни, и вотъ что однажды замѣтилъ объ этомъ предметѣ въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому: „писать свои мемуары заманчиво и пріятно; никого такъ не любишь, никого такъ не знаешь, какъ самого себя; предметъ неистощимый. Но трудно; не лгать можно, быть искреннимъ—невозможность физическая. Перо иногда остановится, какъ съ разбѣга передъ пронастью, на томъ, что посторонній прочелъ бы равнодушно.

Презирать судъ людей не трудно; презирать судъ собственный невозможно“. (*)

Но если поэтъ не оставилъ и не желалъ оставлять записокъ или мемуаровъ о личной жизни и своемъ времени, за то онъ далъ рядъ художественныхъ произведеній, гдѣ вполнѣ выразилъ себя и время свое; отъ поэтовъ, пожалуй, и не требуется другихъ мемуаровъ, разъ они даютъ нѣчто большее, чѣмъ надуманныя воспоминанія съ разными прикрасами, т. е. художественныя произведенія вѣчной красоты, прочнаго историческаго значенія.

Въ заключеніе позволю себѣ еще разъ выразить предъ Вами, М. м. Г. г. и государыни, мое глубокое убѣжденіе въ томъ, что поэзія Пушкина, кромѣ эстетическаго наслажденія, доставляетъ еще вѣрныя историческія понятія о прошлой русской жизни. Навѣрное, съ развитіемъ нашего русскаго образованія, когда Пушкина будутъ изучать разносторонне и съ полнымъ вниманіемъ, какого онъ заслуживаетъ, его будутъ цѣнить, какъ замѣчательнаго живописца и историка русскаго быта; вѣдь обо всѣхъ его сочиненіяхъ можно и нужно сказать его же словами:

„Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ“.

*) Сочиненія А. С. Пушкина (изд. подъ редакц. П. О. Морозова), том. VII, стр. 160. Впрочемъ одно время Пушкинъ былъ занятъ автобіографіей: V, 148. Онъ не прочь былъ ожидать записокъ разныхъ знаменитыхъ своихъ современниковъ: IV, 414; 431.

Для характеристики возрѣвій Пушкина на русскую исторію отмѣтимъ его сужденія объ исторіи Карамзина: Сочин. V, 40—42; 47; 58—59; 75. За извѣстныя эпиграммы на Карамзина (1, 195) Пушкинъ расканвался. Сравн. еще его разборъ Исторіи русскаго народа Полеваго: V, 78—83 и письмо къ П. Я. Чаадаеву, автору философическаго письма: VII, 410—412. Отмѣтимъ также двѣ знаменитыя пьесы Пушкина на историко-политическую тему, написанныя въ 1831 году, во время польскаго возстанія: Клеветникамъ Россіи и Бородинская годовщина, II, 129—133.

Пушкинъ и русская исторія.

Д. чл. И. А. Сребницкаго.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Общества
26 мая 1899 г.

Въ высшей степени знаменательно совпаденіе появленія на свѣтъ гениальнѣйшаго представителя и выразителя духовной жизни русскаго народа съ зарожденіемъ того столѣтія, при послѣднихъ дняхъ котораго мы теперь присутствуемъ. Начало XIX столѣтія не было простой хронологической гранью, но сопровождалось своего рода переломомъ въ жизни всего культурнаго европейскаго человѣчества, въ томъ числѣ и въ нашей жизни. На западѣ, въ связи съ французской революціей, зарождается и входитъ въ жизнь цѣлый міръ новыхъ идей, новыхъ формъ политической и общественной жизни. Событія съ поразительной быстротой слѣдуютъ одно за другимъ, приводя иногда къ совершенно неожиданнымъ результатамъ. Въ ходѣ этихъ міровыхъ событій пришлось принимать видное участіе и русскому народу. На долю Россіи выпала роль вершительницы политическихъ судебъ Европы, благодаря чему Россія не только окончательна вошла въ политическую систему Европы, но и заняла въ ней первенствующее мѣсто. И вотъ въ этотъ моментъ появляется на свѣтъ Пушкинъ, который показалъ всему міру и духовныя силы русскаго народа, сдѣлалъ его равноправнымъ членомъ культурнаго человѣчества, который своими индивидуальными особенностями вноситъ свой элементъ въ общечеловѣческое развитіе, и въ настоящее время мы видимъ, что русская поэзія, это выраженіе духовнаго міра русскаго народа, въ лицѣ духовныхъ потомковъ Пушкина—Тургенева, Достоевскаго, Толстого и другихъ, занимаетъ такое почетное мѣсто въ духовной сокровищницѣ образованнаго міра, а родоначальнику ихъ, Пушкину,

по справедливости должно принадлежать мѣсто въ пантеонѣ міровыхъ гениевъ, которые вносили то, что было лучшаго и наиболѣе дорогого у отдѣльныхъ народовъ, на созданіе общечеловѣческой духовной культуры. Пушкинъ, повторяемъ, по этому и имѣетъ право на почетное мѣсто во всемірной поэзіи, что онъ вступилъ въ нее не безличнымъ незнакомцемъ, а какъ представитель и выразитель духовнаго міра великаго народа, связаннаго съ прочими историческими народами и единствомъ происхожденія, и общностью основныхъ началъ его культуры.

Національныя начала, сдѣлавшія Пушкина нашимъ народнымъ поэтомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, восприняты имъ подъ влияніемъ того пробужденія національнаго самосознанія въ нашемъ обществѣ, которое характеризуетъ собою вторую четверть истекающаго столѣтія. Просвѣтительныя и гуманныя идеи XVIII и начала XIX столѣтія получили распространеніе и въ передовой части русскаго общества, но, какъ воспринятыя съ чужого голоса, онѣ не были согласованы съ родной дѣйствительностью и способствовали еще большему отрѣшенію части русскаго общества отъ родной почвы. Попытки согласовать эти идеи съ условіями своего быта вели за собою или отрицательное отношеніе къ этому послѣднему, или мечты о возможности быстрого его измѣненія. Лучшие люди первой четверти XIX ст. или превращались въ разочарованныхъ Онѣгинныхъ, или ушли въ декабристы.

Но въ то время, когда Пушкинъ выступалъ на поэтическую арену, его современникъ, съ такимъ же могучимъ талантомъ, съ такимъ же высокимъ порывомъ и, къ несчастью, такъ же рано погибшій—Грибоѣдовъ, съ горячностью провозглашаетъ русскимъ требованіе, чтобы они были русскими, чтобы не отрекались отъ своего роду—племени и въ самихъ себѣ искали средствъ и способовъ выйти къ свѣту изъ того мрака, который такъ художественно изобразилъ Грибоѣдовъ въ своей безсмертной комедіи. Призывъ поэта былъ услышанъ: 2-я четверть настоящаго столѣтія и представляетъ намъ пробужденіе въ русскомъ обществѣ, по крайней мѣрѣ въ лучшей его части, самосознанія, стремленія познать себя въ настоящемъ и прошедшемъ, уяснить свои народныя стихіи и на нихъ основать народное развитіе. Эта эпоха, съ первой половиной которой совпадаетъ и пора наибольшаго разцвѣта поэтической дѣятельности Пушкина, обнимаетъ собою

царствованіе императора Николая I-го: это „николаевская эпоха“. Какъ бы ни судить объ этой эпохѣ, подвергавшейся столь разнообразной оцѣнкѣ, она имѣетъ огромное значеніе въ нашей исторіи послѣдняго времени именно этой своей стороной, салпымъ пробужденіемъ національнаго самосознанія. „Народность“ была однимъ изъ тѣхъ трехъ началъ, которыя должны были лежать въ основѣ политической и общественной жизни русскаго народа. Для пробужденія, развитія и поддержанія этой народности и было сдѣлано очень много въ это царствованіе, прежде всего по почину сверху. Ничто такъ не способствуетъ развитію народнаго самосознанія, какъ историческое изученіе своего прошлаго. До разсматриваемой эпохи это изученіе нашего прошлаго было очень слабо: оно скользило, такъ сказать, по поверхности народной жизни, не углубляясь въ самую ея суть: вѣдь сама знаменитая исторія Карамзина, къ тому же далеко не оконченная, была только исторіей „Государства Россійскаго“, а не народа русскаго, котораго въ ней совсѣмъ не видно. Въ царствованіе Имп. Николая I развитіе науки русской исторіи сдѣлало большіе шаги благодаря именно мѣрамъ и заботамъ правительства, организовавшаго нѣсколько учрежденій специально для открытія, собранія и разработки источниковъ русской исторіи. Учрежденіе археографической комиссіи, снаряженіе археографической экспедиціи, изданіе полнаго собранія лѣтописей, различнаго рода памятниковъ и актовъ, наконецъ монументальнаго полнаго собранія законовъ,—все это вывело науку русской исторіи на новый путь, поставило ее на прочныя основанія и вмѣстѣ съ тѣмъ повліяло на утвержденіе національно-историческаго міросозерцанія въ русскомъ обществѣ. Какъ реакція прежнему національному обезличенію, является славянофильство, имѣвшее, въ лицѣ такихъ своихъ представителей, какъ Хомяковъ, Аксаковы, Самаринъ, Кирѣевскіе и др., важное общественное и литературное значеніе. Эти первые славянофилы не имѣли ничего общаго съ quasi-славянофилами позднѣйшей формации съ ихъ реакціонно-шовинистскими тенденціями. Результаты этого пробужденія національнаго самосознанія и самопознанія, чему такъ много способствовало и историческое изученіе своего прошлаго, не замедлили сказаться. Вторая четверть нынѣшняго столѣтія представляетъ такой пышный разцвѣтъ народныхъ силъ въ сферѣ духовной жизни, какого

мы не видимъ ни прежде, ни послѣ. На небольшомъ пространствѣ времени мы видимъ цѣлую плеяду выдающихся талантовъ или даже геніевъ, которые кладутъ прочныя основы національнаго развитія въ различныхъ областяхъ духовной жизни. Богатство духовныхъ силъ русскаго народа сразу обнаруживается въ такихъ явленіяхъ, которыя при своемъ строго національномъ характерѣ получаютъ и значеніе обще-европейское. Русскій геній перестаетъ быть подражательнымъ и становится самостоятельно-творческимъ. Въ это время зарождается національная русская школа живописи въ лицѣ Брюлова, Иванова, Оедотова, появляется русская національно-художественная музыка въ лицѣ Глинки и Даргомыжскаго; наконецъ, эта-же эпоха представляетъ намъ создателей національной поэзіи, обусловившихъ дальнѣйшее богатое ея развитіе—Пушкина и Гоголя. Замѣчательное совпаденіе! Въ эпоху, въ которую многія темныя стороны нашей общественной жизни продолжали сказываться съ прежней силой, мы видимъ столько славныхъ именъ, не говоря еще о многихъ другихъ выдающихся дѣятеляхъ въ области науки, литературы и общественной жизни. Такъ какъ въ исторіи и народной жизни ничего не бываетъ случайнаго, то и это явленіе зависѣло, конечно, отъ какихъ нибудь органическихъ причинъ, изъ которыхъ первой и слѣдуетъ считать народное начало, которое съ такой силой пробудилось въ эту эпоху. Не можемъ при этомъ пройти молчаніемъ и отношеніе къ этимъ дорогимъ для всей Россіи дѣтелямъ, и въ частности къ Пушкину, верховнаго представителя русскаго народа, Имп. Николая Павловича. Извѣстно, какими заботами, можно сказать, окружалъ Императоръ Пушкина, съ какимъ участіемъ относился къ его поэтической дѣятельности, видя въ послѣдней истинную славу Россіи и украшеніе своего царствованія. Имп. Николай Павловичъ возвратилъ Пушкина изъ ссылки, принялъ его очень милостиво и разрѣшилъ ему печатать его произведенія помимо общей цензуры, взявши такую лично на себя; государь живо интересовался всякимъ новымъ произведеніемъ Пушкина и, считая поэта „умнѣйшимъ человѣкомъ въ цѣлой Россіи“ (Записки А. О. Смирновой) нерѣдко велъ съ поэтомъ продолжительныя и интимныя бесѣды, въ которыхъ касался различныхъ сторонъ прошлой и современной жизни русскаго народа. Когда Пушкинъ выразилъ желаніе заняться изслѣдо-

ваніями по русской исторіи, Императоръ открылъ ему доступъ въ архивы и затѣмъ отпустилъ ему денежную сумму на изданіе „Исторіи пугачевского бунта“. Высоко цѣня Пушкина, какъ поэта, составлявшаго лучшее украшеніе его царствованія, и какъ человѣка высоко честнаго и благороднаго характера, императоръ принималъ близкое участіе и въ личной, частной жизни поэта: онъ оказывалъ матеріальную поддержку Пушкину при жизни и милостиво обезпечилъ его семью послѣ его кончины. Наконецъ вниманіе государя касалось самыхъ интимныхъ сторонъ личной жизни несчастнаго поэта, напр. его женитьбы, а также и той тяжелой исторіи, которая привела поэта къ преждевременному концу. Когда столкновеніе Пушкина съ Дантесомъ казалось (въ концѣ 1836 г.) улаженнымъ вслѣдствіе брака Дантеса съ Е. Н. Гончаровой, и Пушкинъ отказался отъ сдѣланнаго имъ Дантесу вызова, Императоръ, узнавши объ этомъ, выразилъ Пушкину свое удовольствіе о мирномъ исходѣ дѣла, при чемъ сказалъ ему: „Беру съ тебя слово, что если будешь находиться въ такомъ-же положеніи, то все скажешь мнѣ, прежде чѣмъ на что нибудь рѣшиться“. Но и участіе самодержавнаго царя не спасло отъ гибели поэта „невольника чести“. Густой сѣтью опутали его гнусныя интриги „надменныхъ потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ“ и привели его къ роковому концу. Предсмертныя слова поэта были обращены къ царю: „Скажи государю, говорилъ онъ Жуковскому, что мнѣ жаль умереть; былъ-бы весь его. Скажи, что я ему желаю долгаго, долгаго царствованія, что я ему желаю счастья въ его сынѣ, счастья въ его Россіи“. А при жизни онъ вполне искренно писалъ:

Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю

Хвалу свободную слагаю:

Я смѣло чувства выражаю,

Языкомъ сердца говорю.

Его я просто полюбилъ:

Онъ бодро, честно править нами:

Россію вдругъ онъ оживилъ

Войной, надеждами, трудами.

.....

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенъ,

Освободилъ онъ мысль мою,

И я ль, въ сердечномъ умиленія.

Ему хвалы не воспую?

Усилившееся въ царствованіе Имп. Николая Павловича изученіе русской исторіи отразилось и на Пушкинѣ; среди своихъ поэтическихъ трудовъ онъ дѣлалъ попытки посвящать себя историческимъ занятіямъ. Вотъ объ этихъ занятіяхъ Пушкина русской исторіей мы собственно и имѣемъ въ виду сказать нѣсколько словъ. По характеру той школы, въ которой учился Пушкинъ, онъ не могъ вынести изъ нея сколько нибудь основательнаго знанія исторіи, и въ особенности русской, такъ какъ направленіе ея скорѣе было литературно-философское или, пожалуй, гуманитарное. Но у поэта, выразителя духовнаго міра своего народа, не могло не явиться стремленія узнать этотъ народъ и въ его настоящемъ и въ прошломъ. Отсюда занятія Пушкина русской исторіей. Но занятія эти только освѣтили Пушкину историческую жизнь русскаго народа и дали ему матеріаль для нѣкоторыхъ его поэтическихъ произведеній; ученымъ историкомъ онъ не сдѣлался. Въ древней нашей исторіи главнымъ источникомъ и руководствомъ для Пушкина былъ Карамзинъ, къ которому онъ питалъ благоговѣйное почтеніе и горячо возражалъ автору „Исторія русскаго народа“ Полевому за его нападки на Карамзина. „Карамзинъ, говоритъ Пушкинъ, есть первый нашъ историкъ и послѣдній лѣтописецъ. Своею критикою онъ принадлежитъ исторіи, простодушіемъ и аподегмами—хроникѣ. Критика его состоитъ въ ученюмъ сличеніи преданій, въ остроумномъ изысканіи истины, въ ясномъ и вѣрномъ изображеніи событій. Нѣтъ ни единой эпохи, ни единаго виднаго происшествія, которыя не были бы удовлетворительно развиты Карамзинымъ. Гдѣ рассказъ его неудовлетворителенъ, тамъ недоставало ему источниковъ: онъ ихъ не заполнялъ своевольными догадками. Нравственныя его размышленія своею ипическою простотою даютъ его повѣствованію всю неизъяснимую прелесть древней лѣтописи“. Возражая Полевому по поводу его попытокъ подвести исторію русскаго народа подъ схему народовъ западно-европейскихъ, напр. его опредѣленія удѣльной системы, какъ семейственнаго феодализма, Пушкинъ высказываетъ свои взгляды на нѣкоторыя отдѣльныя явленія и на общій ходъ нашей исторіи и выражаетъ въ заключеніе такую общую мысль славянофильскаго — чтобы не сказать оффиціознаго — происхожденія: „Поймите

что Россія никогда ничего не имѣла общаго съ остальною Европою, что исторія ея требуетъ другой мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизотомъ изъ исторіи Христіанскаго запада. Не говорите: иначе нельзя было быть. Коли была бы это правда, то историкъ былъ бы астрономъ, и событія жизни человѣческой были бы предсказаны въ календаряхъ, какъ и затменія солнечныхъ. Но провидѣніе — не алгебра; умъ человѣческій, по простонародному выраженію, — не пророкъ, а угадчикъ. Онъ видитъ общій ходъ вещей и можетъ выводить изъ онаго глубокаго предположенія, часто оправданнаго временемъ, но невозможно предвидѣть ему случая“. Едва ли нужно въ настоящее время доказывать неаучность подобной исторической теоріи, которая впрочемъ въ то время раздѣлялась и историками-спеціалистами. Съ того пункта русской исторіи, на которомъ остановился Карамзинъ, Пушкинъ продолжалъ изучать ее по другимъ источникамъ, о чемъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся замѣтки его, касающіяся эпохи, слѣдовавшей за междуцарствіемъ. Карамзинъ далъ Пушкину матеріалъ для его исторической драмы „Борисъ Годуновъ“, хотя, по собственнымъ словамъ Пушкина, онъ пользовался и лѣтописями. „Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль оживить въ драматической формѣ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ нашей исторіи. Шекспиру я подражалъ въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать языкъ тогдашняго времени“. За исключеніемъ нѣкоторыхъ поэтическихъ вольностей, Пушкинъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ неизмѣнно слѣдовалъ Карамзину, какъ въ изображеніи событій, такъ и въ обрисовкѣ характеровъ дѣйствующихъ историческихъ лицъ, особенно самого Бориса. Извѣстно, что Пушкинъ и трудъ свой называетъ „внушеннымъ ему гениемъ Карамзина“. Но во всей нашей исторіи наиболѣе привлекла къ себѣ вниманіе Пушкина личность и эпоха Петра В. Гениальная русская натура Пушкина тяготѣла къ другому такому же гению. Быть можетъ, для Пушкина имѣла тутъ нѣкоторое значеніе и личная, такъ сказать, связь съ великимъ преобразователемъ черезъ предка поэта, Абрама Ганнибала. Эти обѣ личности такъ поэтически представлены въ неоконченной, къ сожалѣнію, повѣсти „Арапъ Петра Великаго“.

Не менѣе поэтично фигурируютъ они и въ „Родословной“ поэта.

Видокъ Фигляринъ, сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ купленъ за бутылку рома
И въ руки шкиперу попалъ.
Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ родного корабля;
Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперсникъ, а не рабъ.

Петръ В. и его эпоха послужили предметомъ нѣсколькихъ поэтическихъ произведеній Пушкина, какъ „Полтава“, „Арапъ Петра В.“, „Мѣдный всадникъ“, „Пиръ Петра В.“, „Стансы“. Увлеченный любимымъ героемъ, поэтъ задумалъ превратиться въ ученаго историка и въ 1831 г. предложилъ Имп. Николаю Павловичу поручить ему официальнымъ образомъ составленіе исторіи Петра В. и его наслѣдниковъ до Петра III. Это предложеніе встрѣтило полное сочувствіе Государя, который далъ разрѣшеніе Пушкину пользоваться матеріалами для этого труда изъ Государственныхъ архивовъ и книгохранилищъ, назначивши ему, кромѣ того, за это особое жалованье съ зачисленіемъ на государственную службу. Но Пушкину не пришлось выполнить этого взятаго имъ на себя историческаго труда, и единственнымъ слѣдомъ его историческихъ занятій осталось только нѣсколько набросковъ и замѣтокъ въ черновыхъ бумагахъ да развѣ еще переводъ записокъ француза Моро-де-Бразе о прутскомъ походѣ. Но чрезвычайно интересно сравнить изображеніе Петра В. въ поэтическихъ произведеніяхъ Пушкина со взглядами его на личность великаго Императора въ его историческихъ замѣткахъ. Поэтическія произведенія Пушкина представляютъ какъ бы апоэозъ личности Петра В. Эта монументальная личность поразила воображеніе художника; онъ благоговѣетъ передъ нею и представляетъ ее въ такихъ грандіозныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательныхъ образахъ, которые всѣмъ намъ хорошо извѣстны со школьной скамьи. Въ „замѣткахъ“, напротивъ, мы видимъ критическое отношеніе Пушкина къ преобразовательной дѣятельности Петра В., и такъ какъ

эти замѣтки писаны имъ только про себя, то въ нихъ онъ и высказываетъ откровенно свой взглядъ на характеръ дѣятельности Петра В., именно на ея насильственность и слишкомъ крутыя мѣры, къ которымъ нерѣдко прибѣгалъ Петръ. Такъ напр. онъ пишетъ: „1718. Приказываетъ юфть для обуви дѣлать не съ дѣтемъ, а съ ворваннымъ саломъ, подѣ страхомъ конфискаціи и галеръ, какъ обыкновенно кончаются хозяйственные указы Петра“.—„1722. Петръ былъ гнѣвенъ. Дворяне не явились на смотръ. Издалъ указъ, превосходящій варварствомъ всѣ прежніе“.—„Достойна удивленія разность между государственными учрежденіями Петра Великаго и временными его указами. Первые суть плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости; вторые—нерѣдко жестокіе, своенравны и, кажется, писаны кнотомъ. Первые были для вѣчности или, по крайней мѣрѣ, для будущаго; вторые—вырвались у нетерпѣливаго, самовластнаго помѣщика“.—Затѣмъ прибавлено: „NB. Это внести въ исторію Петра, обдумавъ“.

Проникнутый духомъ гуманности, ставившій себѣ въ главную заслугу то, что „въ свой жестокой вѣкъ возславилъ онъ свободу и милость къ падшимъ призывалъ“, поэтъ не могъ сочувствовать никакимъ насильственнымъ мѣрамъ, откуда бы онѣ ни шли. Отсюда можно заключить, что вообще Пушкинъ не допускалъ въ народной жизни рѣзкихъ перемѣнъ, переворотовъ, а тѣмъ болѣе насильственныхъ. Такъ въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „Съ Θεодора и Петра начинается революція въ Россіи, которая продолжается и до сего дня“. Такой взглядъ Пушкина можетъ, думаемъ, послужить для выясненія одного обстоятельства, имѣющаго собственно біографическій интересъ. Пушкинъ находился въ дружескихъ связяхъ съ очень многими декабристами, а между тѣмъ оказался совершенно непосвященнымъ въ ихъ замыслы, и имя его въ этомъ дѣлѣ совершенно не фигурировало. Объясняли это, хотя едва ли вполне правдоподобно, тѣмъ, что его друзья—декабристы не захотѣли, вовлекши Пушкина въ свои замыслы, погубить его талантъ, отъ котораго уже тогда столь многого ожидали. Не вѣрнѣ ли будетъ предположить, что они, зная образъ мыслей Пушкина, понимали, что если бы онъ и присталъ къ нимъ, то только ради однихъ дружескихъ связей; а изъ за этого дѣйствительно у нихъ не хватило бы духу пожертвовать сво-

имъ другомъ — поэтомъ.

Послѣднимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ законченнымъ историческимъ трудомъ Пушкина была „Исторія пугачевского бунта“, оконченная въ 1833 г. и изданная въ 1834 г., при чемъ на изданіе ея императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ 20 т. рублей. Для составленія этой исторіи Пушкинъ воспользовался всѣмъ доступнымъ ему въ то время матеріаломъ, кромѣ самого важнаго, подлиннаго дѣла о Пугачевѣ хранившагося въ Государственномъ архивѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ 1833 г. лично осмотрѣлъ край, гдѣ разыгралась пугачевщина, побывалъ въ Казани, Симбирскѣ, Оренбургѣ, Уральскѣ. Исторія пугачевского бунта показываетъ, на сколько доступны были Пушкину и историческія изслѣдованія. Несмотря на ограниченность имѣвшагося у него матеріала, онъ силою своего художественнаго генія такъ воспроизвелъ картину этого народнаго движенія, что его трудъ не потерялъ своего значенія и въ настоящее время. Появившіяся впоследствии изслѣдованія о пугачевщинѣ, кончая самымъ основательнымъ изъ нихъ, сочиненіемъ академика Дубровила, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи массу архивнаго матеріала, разъясняютъ дѣло только въ подробностяхъ; общій же ходъ пугачевского бунта, его причины, тѣ элементы, изъ которыхъ сложилось это народное движеніе, все это выяснено совершенно правильно у Пушкина. Одновременно съ исторіей пугачевского бунта Пушкинъ работалъ надъ поэтическимъ воспроизведеніемъ этой эпохи въ „Капитанской дочкѣ“. Это произведение, при своей художественной простотѣ или, вѣрнѣе сказать, именно благодаря ей, стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ многочисленныхъ quasi-художественныхъ переработокъ пугачевского сюжета въ новѣйшее время, въ которыхъ обыкновенно на первомъ планѣ стоитъ какая нибудь личная тенденція или теорія автора.

Итакъ Пушкинъ не сдѣлался *ученымъ* историкомъ; да это и не была его область по самому душевному его складу, прежде всего проникнутому идеально-художественными стремленіями. Но занятія исторіей своего народа, конечно, остались не безъ вліянія и на поэтическое творчество Пушкина. Если согласиться съ опредѣленіемъ исторіи, какъ выраженія народнаго самосознанія, то едва-ли можно отрицать, что для пробужденія и укрѣпленія его въ русскомъ народѣ дѣятельность

Пушкина имѣла и всегда будетъ имѣть большее значеніе, чѣмъ кого либо изъ историковъ-спеціалистовъ. Будучи плотью отъ плоти и костью отъ кости своего народа, поэтъ силою своего поэтическаго генія сосредоточилъ въ своемъ духовномъ мірѣ всѣ стремленія, чаянія и идеалы этого народа, которые таились въ немъ безсознательно, и ввелъ ихъ въ народное сознаніе; онъ открылъ передъ своимъ народомъ ту область свѣта, правды и истины, къ которой стремился онъ самъ своей возвышенной душой и куда за нимъ сталъ стремиться и русскій народъ. Чтобы стать выразителемъ духовнаго міра своего народа и руководителемъ будущихъ его поколѣній, Пушкинъ долженъ былъ знать этотъ народъ, и въ этомъ отношеніи ему, конечно, помогли и его историческія занятія; пользуясь результатами этихъ занятій, поэтъ въ тѣхъ случаяхъ, когда касался прошлаго, воспроизводилъ это прошлое въ такихъ же художественныхъ, пластическихъ образахъ, какъ и явленія современной ему дѣйствительности. Въ этихъ образахъ нѣтъ ничего чужого, все свое, родное, въ нихъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ, отражается исторія и характеръ русскаго народа, слышится бѣненіе народнаго пульса. Прекрасно выражено это значеніе Пушкина въ слѣдующихъ стихахъ А. Н. Майкова:

Пушкинъ! Ты въ своихъ созданьяхъ
 Первый намъ самимъ открылъ,
 Что таится въ духѣ русскомъ
 Глубины и свѣтлыхъ силъ!
 Во всемірномъ Пантеонѣ
 Твой уже воздвигся ликъ;
 Ужъ тебя честить и славить
 Всякъ народъ и всякъ языкъ,—
 Но, юнѣйшіе въ народахъ,
 Мы, узнавшіе себя
 Въ первый разъ въ твоихъ твореньяхъ,
 Мы привѣтствуемъ тебя—
 Нашу гордость—какъ задатокъ
 Тѣхъ чудесъ, что, можетъ быть,
 Намъ въ разцвѣтѣ нашемъ полномъ
 Суждено еще явить!

Пусть-же свѣтлый образъ великаго *національнаго* поэта и въ наступающемъ новомъ вѣкѣ озаряетъ поколѣніямъ русскаго народа ихъ національное сознаніе, помогаетъ имъ

углубляться въ самихъ себя и изъ собственныхъ стихій
создавать свое дальнѣйшее развитіе, — и пусть все полнѣе и
полнѣе осуществляется на Руси завѣтное желаніе ея великаго
поэта:

Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Друзья и враги Пушкина въ литературѣ.

Д. чл. М. Н. Сперанскаго.

(Рѣчь на торжественномъ собраніи въ Институтѣ Князя Безбородко 26 Мая 1899 г.).

Въ стѣнахъ этого дома жилъ и проводилъ, быть можетъ, часто время въ той самой залѣ, гдѣ мы сегодня собрались для чествованія памяти великаго поэта, этого „чрезвычайнаго и, быть можетъ, единственнаго явленія русскаго духа,“ здѣсь жилъ и бывалъ искреннѣйшій, несомнѣнно, другъ Пушкина, ставшій теперь для насъ въ свою очередь „чрезвычайнымъ и, быть можетъ, единственнымъ, въ своемъ родѣ, явленіемъ русскаго духа“. Другъ этотъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ въ представленіи нашемъ неразрывно связанъ съ Пушкинымъ: вспоминая одного, мы, невольно, вспоминаемъ и другого. Конечно, вы догадались, о комъ я веду рѣчь? Въ самомъ дѣлѣ, можно ли сильнѣе и искреннѣе, теплѣе и глубже выразить чувство любви и безграничнаго поклоненія къ челоуку, нежели словами, которыя вылились изъ подъ пера, или—лучше сказать—прямо изъ глубины души у Н. В. Гоголя, когда до него дошла роковая вѣсть о случившемся 29 января 1837 г.? „Великаго не стало! Вся жизнь моя теперь отравлена. Пиши мнѣ, Бога ради!“ Затѣмъ Гоголь продолжаетъ: „напоминай мнѣ чаще, что еще не все умерло для меня на Руси, которая уже начинаетъ казаться могилею, безжалостно похитившей все, что есть драгоценнѣйшаго для сердца. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь, какъ русскій, какъ писатель, я.... я сотою доли не могу выразить своей скорби. Что мой трудъ? Что теперь жизнь моя?“ Это горестное чувство не было результатомъ минутнаго, неглубокаго огорченія: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Гоголь пишетъ Прокоповичу: „Я боюсь ипохондріи, которая гонится за мной по пятамъ. Смерть Пушкина, кажется,

отняла отъ всего, на что погляжу. половину того, что могло бы меня развлекать.“ Много времени спустя, въ 1838 году въ мартѣ Гоголь все еще не можетъ свыкнуться съ мыслью, что Пушкина нѣтъ: „все еще мое сердце болять донинѣ; когда занесется сюда (въ Римъ) газетный листокъ, и напрасно силюсь отыскать въ немъ знакомое душѣ имя (Пушкина) или что нибудь, на чемъ можно бы остановиться. Все рынокъ да рынокъ, презрѣнный холодъ торговли да ничтожество“ (Письмо къ Одоевскому). Всѣ эти слова, какъ нельзя лучше, характеризуютъ то глубокое чувство, которое Гоголь питалъ къ своему учителю Пушкину, какъ къ человѣку и какъ къ писателю, великому писателю родной земли. Не даромъ еще въ 1832 году тотъ же Гоголь въ своихъ „Нѣсколькихъ словахъ о Пушкинѣ“ писалъ: „При имени Пушкина тотчасъ осѣняетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ поэтовъ нашихъ не выше его и не можетъ болѣе назваться національнымъ; это право рѣшительно принадлежитъ ему..... Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа“ (I, 225). Правда, отношенія Гоголя къ Пушкину выходятъ за границы обычной дружбы, сочувствія ближнему, его идеаламъ: это—пламенное поклоненіе гениальнаго ученика своему гениальному великому учителю; еще незнакомый съ Пушкинымъ, Гоголь въ 30-мъ году (стало быть, когда ему былъ только 21 годъ) тотчасъ по выходѣ „Бориса Годунова“ явился къ Плетневу съ тетрадкой, въ которой заключался разборъ „Бориса“; тетрадка эта начинается словами: „Великій! когда развертываю дивное твореніе твое, когда вѣчный стихъ твой гремитъ и стремится ко мнѣ молнію огненныхъ звуковъ, священный холодъ разливается по жиламъ, и душа дрожитъ въ ужасѣ, вызвавши Бога изъ своего безпредѣльнаго лона!“.... Далѣе читаемъ: „Будто прикованный, упячотоживъ окружающее, не слыша, не вникая, не помня ничего, пожираю я твои страницы, дивный поэтъ!....“ Накопецъ: „Великій! надъ сямъ вѣчнымъ твореніемъ твоимъ клянись!“ и т. д. (I, 74, 76) ¹⁾ Такія слова могъ только писать фанатическій поклонникъ поэта, самъ поэтъ и поэтъ не заурядный, а такой же „единственный“ и „чрезвычайный“. Но

¹⁾ Ссылки сдѣланы на изданіе Н. С. Тихонова, одиннадцатое (Сиб. 1893). Ср. сочиненія Н. С. Тихонова, III, 2, стр. 182, 185.

были у Пушкина и другіе друзья, также съ искреннимъ чувствомъ относившіеся къ поэту, хотя и болѣе сдержанные. Напомню хотя одного изъ нихъ. Въ числѣ такихъ личныхъ и литературныхъ друзей былъ старѣющійся уже, по складу своего міровоззрѣнія относящійся къ предшествующему поколѣнію, пѣвецъ „Свѣтланы“ и „Людмилы“—В. А. Жуковскій. И его смерть Пушкина вызвала къ обширному письму, и на него она произвела потрясающее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе глубокое, что ему пришлось быть свидѣтелемъ, и притомъ очень близкимъ, послѣднихъ минутъ угасавшаго поэта и молодого друга. И передъ нимъ сразу съ ослѣпительной и ужасной ясностью возстало сознаніе той громадной потери, которую понесла Россія въ лицѣ только что скончавшагося Пушкина: только черезъ двѣ недѣли послѣ смерти поэта рѣшился онъ написать о томъ престарѣлому отцу Пушкина: „Я не имѣлъ духу писать къ тебѣ, мой бѣдный Сергѣй Львовичъ“,—такъ началъ свое письмо Жуковскій. „Что могъ я тебѣ сказать“, продолжаетъ онъ, „угнетенный нашимъ общимъ несчастіемъ, которое упало на насъ, какъ обвалъ, и всѣхъ раздавило? Нашего Пушкина нѣтъ! Это къ несчастію вѣрно; но все еще кажется не вѣроятнымъ. Мысль, что его нѣтъ, еще не можетъ войти въ порядокъ мыслей, ясныхъ, обыкновенныхъ, ежедневныхъ мыслей; еще по привычкѣ продолжаемъ искать его.... Не говорю о тебѣ, бѣдный и дряхлый отецъ, не говорю о насъ, горюющихъ его друзьями: —Россія лишилась своего любимаго національнаго поэта!“¹⁾ Много общаго въ этихъ откликахъ двухъ друзей -- писателей по поводу смерти Пушкина. Не меньшее впечатлѣніе произвелъ этотъ прискорбный фактъ и на другихъ, кому не только не пришлось быть личными друзьями Пушкина, но даже не привелось быть знакомыми лично съ самимъ поэтомъ. Если для друзей Пушкина въ представленіи о немъ сливался любимый и любившій ихъ человекъ съ личностью поэта, ставшаго литературной гордостью Россіи еще задолго до смерти, если одно чувство, невольно усиливая другое, дѣлало особенно сочувственными отзывы друзей, то для лицъ и писателей, не соединенныхъ съ поэтомъ узами дружбы, его личность должна была рисоваться, если не исключительно, то

¹⁾ Письмо къ С. Л. Пушкину отъ 15 Февр. 1837 года.—Сочиненія В. А. Жуковскаго (изд. 7-е, Спб. 1878), VI, 8, 9.

въ значительной степени, какъ личность прежде всего поэта, писателя. Это сознавалось и говорило несомнѣнно въ пользу Пушкина у цѣлаго ряда лицъ, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ литературѣ: А. И. Полежаевъ, Ѳ. И. Тютчевъ, С. Стромилловъ, А. С. Норовъ, Н. Вуичъ, Э. И. Губертъ, А. Кольцовъ и много другихъ — всѣ оплакивали Пушкина¹⁾. Но глубже другихъ взглянулъ, а потому и энергичнѣе другихъ выразилъ свое чувство къ Пушкину юный тогда М. Ю. Лермонтовъ, заочно чуть не боготворившій Пушкина, Лермонтовъ, который только три недѣли передъ тѣмъ увидалъ впервые Пушкина.²⁾ Всѣмъ, конечно, извѣстны его страстные, полные огня, полные гнѣва стихи на смерть Пушкина, которыми онъ бичевалъ не только и не столько убійцу, но въ большей еще степени и то общество, которое не хотѣло оцѣнить своего поэта, не только не умѣло сберечь его, но и довело его своимъ отношеніемъ къ писателю до такого рокового конца: люди

Презнній снявъ вѣнокъ, другой вѣнокъ, терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него.
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело!

Само общество, доведя до такого невозможнаго положенія своего поэта, старалось, по взгляду Лермонтова,³⁾ прикрыть свой поступокъ похвалами поэту, но похвалы эти лицемѣрны:

Къ чему теперь рыданья,
Пустыхъ похвалъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья?...
Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ?
Чтожь? Веселитесь!... (I, 253, 254)

Такъ смѣло, горячо любившій Пушкина — поэта, бросилъ вызовъ въ защиту его памяти Лермонтовъ. Если такъ отнеслись къ Пушкину въ самый моментъ его смерти лучшие люди Россіи, если лучшая часть общества давно уже такъ внима-

¹⁾ См. „Русскіе поэты о Пушкинѣ“ (Сборн., составленный В. В. Каллашевымъ, М. 1899), стр. 71 и слѣд.

²⁾ М. Ю. Лермонтовъ. Жизнь и творчество. Ред. П. Висковатова (М. 1891), VI, 240.

³⁾ Ср. тамъ же, стр. 238.

тельно и чутко отнеслась еще къ лицейсту и начинающему писателю съ первыхъ его шаговъ, когда, напр., появленіе „Руслана“ (1820 г.) заставило въ авторѣ его видѣть уже „явленіе чрезвычайное русскаго духа“, ¹⁾—послѣ всего этого кажется какъ будто страннымъ поднимать вопросъ о врагахъ Пушкина, какъ поэта. Мало того: намъ извѣстно, что та оцѣнка Пушкина, которую мы привели сейчасъ въ выдержкахъ, понятная въ глазахъ русскихъ людей, нашла себѣ откликъ даже въ той средѣ, гдѣ мы не въ правѣ были бы ее ждать въ силу тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ, племеннаго различія, гдѣ мы скорѣе всего ожидали въ то время, если не враждебнаго отношенія, то по крайней мѣрѣ глубокаго сдержаннаго молчанья, на которое не поскупились иныя даже свои русскіе люди, въ сущности потому только, что неприлично же было бросать въ умершаго грязью: *de mortuis nil nisi bene*. Великій польскій современникъ, личный знакомый Пушкина, горячій патриотъ своего отечества Адамъ Мицкевичъ лучше многихъ русскихъ такъ отзывался на смерть Пушкина: „Пуля, сразившая Пушкина, нанесла страшный ударъ интеллектуальной Россіи. Есть у нея и теперь выдающіеся писатели... но никто изъ нихъ не замѣнитъ Пушкина. Ни одной странѣ не суждено болѣе, чѣмъ одинъ разъ, произвести челоуѣка съ такими необыкновенными и въ тоже время столь разнообразными дарованіями“. ²⁾ Стало быть, и Мицкевичъ, отъ котораго нельзя было требовать того поклоненія, какое мы видѣли со стороны русскихъ друзей Пушкина, сошелся въ своемъ чуткомъ взглядѣ на русскаго поэта съ ними, признавъ, вмѣстѣ съ Гоголемъ, Пушкина единственнымъ и необычнымъ явленіемъ русскаго духа. Наконецъ, упоминаніе о врагахъ литературныхъ Пушкина можетъ показаться тѣмъ болѣе страннымъ, что эти враги Пушкина, какъ поэта, писателя извѣстнаго направленія, въ теченіе всей его недолгой жизни, являются чѣмъ-то столь мелкимъ и бездарнымъ, а иногда людьми, столь чуждыми литературѣ,

¹⁾ П. В. Анненковъ. Матеріалы для біографіи Пушкина [изд. 2-е, Спб. 1873], стр. 50, 59, 63. Ср. В. Г. Бѣлинскій. Сочиненія [4-е изд. М. 1880], VIII, 96.

²⁾ Статья А. Мицкевича появилась въ 1837 г. по французски въ „Globe“; въ русскомъ переводѣ см. въ „Мірѣ Божіемъ“ 1899, V, 119—120.

что вряд ли стоит их даже называть врагами поэта, великаго своимъ талантомъ, богатыря своими духовными силами: это были въ сущности или завистливые мелко-эгоистичные обскуранты, лицемѣрно прикрывавшіе свои невысокія стремленія громкими воззваніями и укорами поэту во имя той нравственности, того патріотизма, словомъ всего того, что они сами менѣе всего могли вмѣстить въ своихъ мелкихъ душевкахъ, или же лица, стоявшія въ рядахъ тогдашней администраціи и относившіяся къ поэту съ точки зрѣнія своихъ административныхъ идей. Припомните хотя бы „злого-паука“ и „курилку-журналиста“ Каченовскаго, „клеветника безъ дарованья, живущаго ежемѣсячнымъ враньемъ“ (IV, 274, 279), „закоснѣлаго ругателя“, „оратора нелѣпицы“ (III, 201, 202) ¹⁾ Оаддея Булгарина, который своимъ появленіемъ въ русской прессѣ

Польшу спасъ отъ негодяя

И русскихъ братствомъ запятналъ (IV 278), „Бельведерскаго Митрофана“ Муравьева (IV, 208) и другихъ. Въ качествѣ образчика второй группы можно припомнить тогдашняго министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова, поручившаго дать нагоняй Краевскому за горячія его слова о Пушкинѣ, такъ какъ Пушкинъ не былъ „ни полководцемъ, ни военачальникомъ, ни министромъ, ни государственнымъ мужемъ“: „Писать стишки не значитъ еще, какъ выразился Сергѣй Семеновичъ, проходить *великое поприще*“ ²⁾. Кажется, судьба поэта Пушкина рѣшена была, если не при его жизни, то во всякомъ случаѣ въ тотъ моментъ, когда „великаго не стало“. Кажется, что это „чрезвычайное и единственное явленіе русскаго духа“ не нуждалось болѣе въ защитѣ: великій Пушкинъ былъ уже безспорно признанъ великимъ. Онъ какъ будто избѣгъ общей участи всѣхъ.—суда потомства; этотъ судъ замѣнили, какъ будто, для него отзывы его современни-

¹⁾ Цитирую, какъ и ниже, ради удобства, по 3-му изд. Суворина (Спб. 1887).

²⁾ Русск. Стар. 1880, стр. 537. Въ статьѣ Краевскаго стояла фраза „Пушкинъ скончался... въ срединѣ своего великаго поприща“. По словамъ попечителя округа Дондукова—Корсакова, передававшаго Краевскому выговоръ министра, „ему, Краевскому, какъ чиновнику мин. нар. пр., особенно слѣдовало бы воздержаться отъ подобныхъ публикацій“.

ковъ. Но.... все это только кажется: къ сожалѣнiю, на дѣлѣ въ этомъ случаѣ и Пушкину пришлось не только раздѣлять участь всѣхъ выдающихся людей, но за свой чудный, чрезвычайный и единственный даръ даже послѣ смерти испытать такой рядъ мытарствъ, какихъ онъ не переносилъ при жизни: никто изъ современниковъ не отрицалъ въ Пушкинѣ поэта, между потомками нашлись люди, которые не только рѣшились поставить вопросъ о значенiи (въ чемъ ничего особеннаго нѣтъ) Пушкина, но и успѣли отвѣтить на него отрицательно. Въ этомъ отношенiи нашъ поэтъ какъ будто сблизается по своей судьбѣ съ Шекспиромъ, который также послѣ славы при жизни, на много лѣтъ лишился ея, лишился всякаго значенiя въ глазахъ цѣлыхъ поколѣнiй потомковъ и только черезъ много лѣтъ возсталъ опять во всемъ своемъ величiи передъ ними. Разница между великимъ учителемъ создателя „Бориса Годунова“ и его ученикомъ та, что до такого забвенiя, до какого довели потомки Шекспира, нашъ поэтъ не доходилъ: никогда не умираю его имя, всегда находило оно своихъ защитниковъ. Но можно, пожалуй, проводить и дальше эту параллель: противъ Шекспира до сихъ поръ раздаются голоса, до сихъ поръ есть люди, желающiе ослабить великое значенiе Шекспира, отнимая, если не всю его славу, то хоть часть ея въ пользу то Бэкона, то Бэнъ-Джонсона или другихъ; иначе сказать, до сихъ поръ есть люди, виновные въ томъ, что они не воздаютъ должнаго Шекспиру. Если никто не думаетъ теперь оспаривать принадлежность того или другого крупнаго произведенiя Пушкину, а наоборотъ стараются приписать Пушкину то, что можетъ и не принадлежать ему ¹⁾, то все же Пушкинъ не пользуется заслуженнымъ имъ положенiемъ вполне; и у Пушкина до сихъ поръ есть своеобразные враги, которыхъ можно назвать пассивными, но все же врагами, такъ какъ они, если и не нападаютъ теперь на поэта, то все же виноваты передъ нимъ тѣмъ, что, подобно извѣстному Епиктитовскому рабу, не дѣлаютъ по отношенiю къ поэту того, что должны, являясь виновными и передъ обществомъ тѣмъ, что лишаютъ это общество возможности полной

¹⁾ Вспомнимъ недавнiй и до сихъ поръ не рѣшенный споръ объ окончанiи „Русалки“, до сихъ поръ дебатиремый на страницахъ газетъ и ученыхъ журналовъ (См. Изв. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., III, 3, стр. 633—758; IV, 1, стр. 1—100.)

чашей черпать из поэзии Пушкина тѣ высоко художественныя и воспитательныя идеи, изъ которыхъ сотканъ безсмертный вѣнецъ его поэзии. Конечно, съ подобными „врагами“ мы имѣть не можемъ теперь дѣла: промчатся годы, и это пассивное отношеніе къ поэту исчезнетъ; доказательство того, что надежды наши—не простая мечта, доказательство роста активнаго и въ тоже время искренняго отношенія къ поэту—передъ нами: это — нашъ сегодняшій праздникъ¹⁾. Все болѣе и болѣе приближаемся мы къ правильному истинному изученію, а слѣдовательно, и къ истинному, полному пониманію Пушкина. Но и до того признанія общественнаго и художественнаго значенія поэзии Пушкина, какимъ мы обладаемъ теперь, дошли мы съ Пушкинымъ далеко не быстрыми шагами. У Пушкина были всегда не только друзья, но и враги; эти послѣдніе были не только литературными врагами его (если принимать во вниманіе Булгариновъ, Каченовскихъ и проч.), а также врагами убѣжденій Пушкина, врагами его, какъ человѣка, члена того общества, гдѣ ему осуждено было вращаться; а это, несомнѣнно, отражалось и на отношеніи къ поэзии Пушкина: поэта и его произведеніе, человѣка внѣшняго и духовнаго не легко раздѣлить, а иногда и невозможно. ²⁾ Эти то враги, если и не прямо, то косвенно, надолго задержали правильный ходъ пониманія нами поэзии Пушкина, замедлили тотъ судъ потомства, который теперь поставилъ Пушкина на пьедесталь великаго писателя. Такихъ враговъ у Пушкина и при жизни, и послѣ смерти было много; враги эти боролись такими средствами противъ поэта, а вмѣстѣ и его поэзіи, противъ кото-

¹⁾ Самый характеръ этого праздника также ясно указываетъ на то же: прежніе „Пушкинскіе“ дни (1880, 1887 г.) носили, правда, восторженный, блестящій характеръ, но все же имъ недоставало той широты общерусскаго, общенароднаго характера, какой пріобрѣтаютъ теперешніе Пушкинскіе дни, судя по тѣмъ приготовленіямъ, свидѣтелями которыхъ мы являемся теперь. Ясно, что признаніе Пушкина не только расширилось, но сравнительно и углубилось въ сознаніи всего русскаго народа за истекшіе 10—12 лѣтъ. Конечно, говорить о полномъ сознаніи значенія Пушкина еще рано: оно еще не пришло.

²⁾ Какъ извѣстно, самая смерть Пушкина была слѣдствіемъ разлада его съ обществомъ не столько, какъ поэта, сколько какъ человѣка извѣстнаго круга. См. Рус. Стар. 1885, II, 377; но отношенія камеръ-юнкера Пушкина къ аристократическому кругу находили постоянно откликъ и въ Пушкинѣ-поэтѣ. Ср. III, 205, 208..

рыхъ самъ поэтъ и его поэзія долго были безсильны: эти средства—право сильнаго. Обаяніе поэзіи, обаяніе личности ея создателя, вызвавшія такіе громкіе вопли и смѣлые взрывы искренняго негодованія въ моментъ смерти Пушкина, сдѣлали то, что голоса противниковъ въ литературѣ на время замолкли: у нихъ не хватило смѣлости открыто отвѣтить на вызовъ друзей поэта: люди, не рѣшившіеся бросить комъ грязи въ тѣнь только что скончавшагося поэта, частью находившіе это просто неприличнымъ, частью не согласнымъ съ хорошимъ тономъ чиннаго и благонамѣреннаго общества сѣверной столицы, примолкли, стараясь или казаться равнодушными или слишкомъ благовоспитанными для того, чтобы проявлять горячо свои чувства по поводу случившагося. Они, если не оскорбляли памяти поэта активнымъ противодѣйствіемъ въ области живаго слова, то и не стремились помочь уясненію личности человѣка, такъ недавно вращавшагося въ ихъ обществѣ, такъ недавно освѣщавшаго имъ не только ихъ прошлое, но и настоящее; но съ другой стороны, они не могли забыть поэта, стоявшаго передъ ними недавно живымъ укоромъ для ихъ мелкаго завистливаго самолюбія, своей свѣтлой личностью еще болѣе выдвигавшаго на позоръ ихъ ничтожество: прилично—салонное, но мелкое въ душѣ общество не простило этихъ качествъ поэту, не терпѣло ни малѣйшаго себѣ укора во имя поэта. Къ тому же самъ поэтъ не всегда оставался чуждъ свѣтской интригѣ, не всегда былъ только поэтомъ, но и камеръ-юнкеромъ, одной изъ единицъ общества. И ему приходилось сводить счеты съ этимъ обществомъ; часто и самъ онъ бывалъ виноватъ въ столкновеніяхъ, вооружавшихъ противъ него отдѣльныхъ лицъ. Слабое и слишкомъ трусливое, чтобы пойти на честный бой, это общество однако энергично дѣйствуетъ, чтобы въ лицѣ друзей поэта отомстить ему за всѣ тѣ укоры,—справедливые или нѣтъ, все равно—которые пришлись на долю людей, окружавшихъ Пушкина. Они постарались и успѣли на время набросить на поэзію Пушкина и на самого поэта ту, тѣнь которая лишила общество на долгое время пользоваться благами этой поэзіи и учиться у ея творца. „Подвиги“ враждебной части стсличнаго общества начались съ момента смерти Пушкина: постарались тотчасъ мѣрами иного порядка, ничего общаго съ литературой не имѣющими, охладить тотъ непріятный для узкаго самолюбія порывъ восторженнаго поклоненія

творцу національной русской поэзіи; жестоко мстило это общество всѣмъ, имѣвшимъ неосторожность слишкомъ откровенно и прямо, слишкомъ (конечно, съ точки зрѣнія этого общества) по Пушкински указать на истинную причину катастрофы 29 января. Раздалось страшное слово: „либерализмъ“. Всѣ виѣшніе знаки уваженія къ умершему были старательно запрещены полицейской властью, дѣйствовавшей по указаніямъ „благомыслящихъ“ охранителей Россіи отъ тлетворнаго либерализма поэта. Пущены даже были въ ходъ, кѣмъ слѣдовало, слухи о громадномъ готовящемся заговорѣ и о враждебной правительству манифестаціи, которую собирались якобы устроить на похоронахъ поэта его друзья: это должно было оправдать мѣры, принятія бдительными не по разуму рачителями общественнаго спокойствія: тѣло поэта ночью, среди пикетовъ, разставленныхъ по улицамъ, было внесено въ чужую приходскую церковь, къ погребенію допущены только родные и изъ постороннихъ только А. И. Тургеневъ и В. А. Жуковский. Во имя порядка, который могла нарушить собравшаяся, чтобы отдать послѣдній долгъ поэту, толпа, великій поэтъ былъ лишенъ приличнаго, даже скромнаго погребенія, а былъ спрятанъ и тайкомъ ночью жандармами увезенъ и также тайкомъ опущенъ въ могилу въ деревнѣ. 1) За свое стихотвореніе на смерть Пушкина, хотя и одобренное государемъ 2), юный корнетъ Лермонтовъ попалъ на Кавказъ, откуда ему не суждено было вернуться,—обычное средство чиновнаго общества мстить и избавляться отъ неприятныхъ ему людей, мѣра, съ успѣхомъ примѣненная уже раньше къ самому Пушкину за такого же рода проступокъ. Не стану подробнѣе излагать тѣхъ грустныхъ эпизодовъ, которые происходили въ ближайшее къ тому время. Скажу одно только, что результатомъ этой борьбы на первое время былъ какъ будто перевѣсъ на сторонѣ недруговъ поэта и его поэзіи. Дѣло доходитъ даже до того, что преподаватели училищъ, позволявшіе себѣ читать ученикамъ Пушкина, рисковали прослыть опасными либералами и, стало быть, не благонадежными людьми. 3) Даже въ Московскомъ университетѣ профессоръ 30-хъ годовъ, который, по выраженію официаль-

1) Ср. В. Стоюнинъ. А. С. Пушкинъ (Спб. 1881), стр. 436—433.

2) М. Ю. Лермонтовъ (ред. П. Висковатова), VI, 242.

3) Ср. Стоюнинъ. ук. соч., стр. 439.

ной инструкціи, занималъ студентовъ практическими упражненіями въ російскомъ языкѣ, приспособляя оныя къ правиламъ, коими руководствовались образцовые отечественные писатели, и, если позволяло время, показывалъ силу и богатство російскаго языка ¹⁾),—этотъ профессоръ не допускалъ даже рѣчи о Пушкинѣ: уже Жуковскій не имѣлъ мѣста въ ряду образцовыхъ, благомыслящихъ писателей съ тѣхъ поръ, какъ сталъ писать баллады.²⁾ Для болѣе слабыхъ духомъ Пушкинъ, создатель національной поэзіи, становился—якобы во имя интересовъ государства, на дѣлѣ же во имя мелочнаго властолюбиваго завистливаго чувства—*potius odiosum*, а сама поэзія—поэзіей, надъ которой ставился красный крестъ неумолимаго охрапителя нравовъ общества—цензора. Вотъ состояніе общества, а стало быть, и поэзіи Пушкина во время, ближайшее къ самому Пушкину: небольшая, стойкая своею искренностью и прямою кучка почитателей Пушкинской поэзіи; противъ нея большая, сильная связями съ властью и сама властвовавшая толпа холодныхъ, подчасъ завистливыхъ ко всему выдающемуся и въ то же время честолюбивыхъ людей, думавшихъ путемъ канцеляріи создать общественное мнѣніе, путемъ циркуляровъ и соотвѣтствующей цензуры держать это мнѣніе постоянно въ своихъ рукахъ, заставить его служить своимъ цѣлямъ. Между этими лагерями помѣстилась группа людей, эгоистично желавшихъ сохранить свое положеніе, порядочныхъ, для того чтобы вопреки своему убѣжденію стать въ ряды обскурантовъ—гонителей Пушкина и его идей, но слишкомъ слабохарактерныхъ и робкихъ для того, чтобы открыто стать на сторону опальнаго. Девизъ этихъ людей—умѣренность и золотая середина во всемъ, чего-бы это ни касалось: ни восторга, который могъ бы быть сочтенъ черезъ чуръ горячимъ сочувствіемъ и заставить отшатнуться отъ нихъ тѣхъ, поддержкѣ которыхъ они обязаны своимъ положеніемъ, ни протеста, который могъ бы возбудить подозрѣніе въ ихъ союзѣ съ почитателями отрицаемаго поэта, ни словъ неудовольствія противъ поэта, что могло бы набросить на нихъ тѣнь въ глазахъ этихъ почитателей. При такой обстановкѣ, началась борьба въ обществѣ изъ за Пушкинской поэзіи. Борьба кончилась побѣдой друзей Пушкина: эту побѣду мы теперь еще разъ празднуемъ: 60 лѣтъ назадъ небольшая кучка

¹⁾ Н. С. Тихомировъ. Сочиненія, III, 1, стр. 596.

²⁾ Тамъ же, стр. 597.

людей едва рѣшалась говорить въ защиту поэта, сегодня вся Россія прославляетъ Пушкина. Этимъ оборотомъ въ своей посмертной судьбѣ обязанъ Пушкинъ прежде всего, разумѣется, себѣ, иначе: своей поэзіи, гениальному таланту, тѣмъ гуманнымъ, національнымъ идеямъ, которыя разлиты въ его поэзіи; затѣмъ—своимъ друзьямъ, положившимъ не мало силъ на реабилитацію имени безвинно унижаемаго поэта; обязанъ онъ и тому времени—знаменитымъ сороковымъ годамъ, времени нашего возрожденія, которое дало намъ Бѣлинскаго и ту почву, на которой выяснилась намъ поэзія Пушкина. Наконецъ, обязанъ своей побѣдой онъ—странно слышать—и своимъ врагамъ, но не тѣмъ обскурантамъ, которые хотѣли запретить самое имя поэта, а врагамъ литературнымъ: эти враги поэзіи и идей Пушкина, явившіеся позднѣе только, невольно сослужили ему ту службу, что своимъ трудами, даже своимъ существованіемъ вызвали лучшія литературныя силы Россіи въ ряды защитниковъ поэта, заставили своей дѣятельностью друзей Пушкина глубже вдуматься въ смыслъ и мысли поэта, чтобы тѣмъ дать имъ возможность энергичнѣе защитить своего писателя; рѣзкая, подъ часъ трезвая, критика враговъ указала ясно слабыя стороны прежней защиты, не смотря на ея добрыя цѣли. Писаревъ, относясь съ своей точки зрѣнія отрицательно къ общественному значенію Пушкина, какъ художника, помогъ намъ съ особой яркостью освѣтить ту сторону дѣятельности поэта, которая не съ достаточной полнотой выступала въ критикѣ Пушкина даже у Бѣлинскаго. Результатомъ этой борьбы—а безъ борьбы не могло быть успѣха—было то, что Пушкинъ блестящимъ образомъ оправдалъ чаянія друзей, торжественно доказалъ своей поэзіей свои права передъ противниками, и тѣмъ въ нашихъ глазахъ „вознесся выше онъ главою непокорной Александрійскаго столпа“ (IV, 238). Если взгляды Бѣлинскаго, самого глубокаго эстетика въ нашей литературѣ, и не удовлетворяютъ въ настоящее время во всемъ ихъ объемѣ, то воззрѣнія на Пушкина утилитариста Писарева—особенно въ томъ ихъ толкованіи, которое имъ желаютъ дать и до сихъ поръ, къ сожалѣнію, даютъ люди, слишкомъ много *отрицанія*, но слишкомъ мало *понимающіе* Писарева,—эти взгляды тѣмъ болѣе должны теперь отойти въ область исторіи, спокойно, *sine ira et studio*, изучающей наше прошлое.

Конечно, въ настоящей своей рѣчи, я не въ состояніи дать Вамъ полную картину борьбы за Пушкина, исторію его признанія обществомъ, Россіей. Я ограничусь указаніемъ на главныя перипетіи этой борьбы. Эти моменты отмѣчаются для насъ рядомъ именъ писателей—критиковъ, первое мѣсто между которыми и по времени, и по значенію занимаетъ *В. Г. Бѣлинскій*. Прежде, однако, чѣмъ напомнить Вамъ взгляды Бѣлинскаго на Пушкина, будетъ не лишнимъ съ моей стороны вспомнить ту почву, на которой стоялъ Бѣлинскій, — тѣ сороковые годы, которымъ самъ Пушкинъ обязанъ тѣмъ, что послѣ глухаго, но кратковременнаго замалчиванья со стороны тенденціозныхъ руководителей общественнымъ мнѣніемъ, онъ сразу сталъ передъ обществомъ, какъ неотразимый фактъ исторіи. Сороковые годы отмѣчаются золотыми буквами въ исторіи нашего культурнаго самосознанія, первые проблески котораго и были тотчасъ же приложены къ попыткамъ уяснить Пушкина. Эти проблески начались еще раньше, при жизни самаго Пушкина. Главнымъ направленіемъ, которое засталъ онъ въ нашей литературѣ, и съ которымъ ему самому приходилось считаться, былъ романтизмъ, который старались обосновать на русской почвѣ Жуковский, Батюшковъ, Баратынскій, Дельвигъ и самъ Пушкинъ въ его юношескіе годы. Но онъ же сдѣлалъ и новый шагъ: убѣдившись въ бесплодности попытокъ теоретически осмыслить романтическую школу на русской почвѣ, Пушкинъ кончилъ тѣмъ, что, руководимый своимъ творческимъ чутьемъ, создалъ національный русский реализмъ.¹⁾ То, что далось гению и глубоко-художественному чутью поэта, въ чемъ онъ по крайней мѣрѣ на 15—20 лѣтъ обогналъ свое время, это долго еще носилось въ литературѣ въ видѣ неяснаго, кажушагося почти недоступнымъ призрака, постоянно притомъ застилавшагося другимъ подобнымъ же по своей неясности призракомъ—западнымъ романтизмомъ на русской почвѣ. Съ другой стороны еще при жизни Пушкина въ нашемъ обществѣ, правда, въ незначительной его части, появляются новыя вѣянія: вліяніе философіи Шеллинга и Гегеля съ идеей прекраснаго, какъ источника всего хорошаго, существующаго въ мірѣ, какъ основы всего міровоззрѣнія,

¹⁾ Ср. И. Ивановъ. Исторія русской критики, I (Спб. 1898), стр. 284

начинает сказываться на направленіяхъ литературы и мысли; идея національности и ея отношеніе къ идеѣ общечеловѣческаго намѣчаютъ уже два лагеря—славянофиловъ и западниковъ будущаго. Идея народности, жившая въ Пушкинѣ, какъ инстинктивная, начинается подь перомъ *Н. И. Надеждина* становится сознательной, отливается, начавшись съ западныхъ идей Шеллинга, въ формулу уже почти славянофильскую: „православіе, самодержавіе,“ какъ частныя проявленія народности. Но Надеждинъ не былъ еще и чистымъ славянофиломъ, а скорѣе рационалистомъ-поклонникомъ Петра, отрицателемъ до-петровской эпохи въ литературѣ, но въ то же время и не былъ западникомъ, ибо въ западномъ вліяніи видѣлъ только бездушное подражаніе. Эта первая попытка самоопредѣленія тотчасъ же приложена къ оцѣнкѣ Пушкина самимъ же Надеждинымъ: онъ свою дѣятельность началъ и продолжалъ рѣзкимъ осужденіемъ „романтизма“, въ которомъ видѣлъ послѣднее проявленіе ненавистной ему подражательности. Онъ высоко ставилъ гениальную силу Пушкина и потому строго судилъ его за податливость той поверхностной манерѣ, которая усвоена была школой изъ чужихъ образцовъ. Чѣмъ талантливѣе становился Пушкинъ, тѣмъ страстнѣе желалъ Надеждинъ видѣть въ немъ русское содержаніе, русскую простоту стиля, тѣмъ больнѣе кололо его отсутствіе того и другого въ литературѣ. Произведенія Пушкина на иноземныя темы обижали пылкаго Надеждина. ¹⁾ Но Надеждинъ при всей своей рѣзкости ²⁾ былъ весьма далекъ отъ отрицанія Пушкина—поэта, привлекаетъ къ себѣ своей искренностью, а, кромѣ того, по отношенію къ русской литературѣ вообще былъ правъ, и только его любовь къ Пушкину заставляла его рѣзко нападать на поэта, изъ опасенія, что и онъ можетъ быть задавленъ „бездушной подражательностью.“ ³⁾

¹⁾ Ср. А. Н. Пыпина. Исторія русск. этнографіи, I, 268—264.

²⁾ За нее, какъ извѣстно, Пушкинъ и платилъ, недостаточно понимая его, эпиграммami на Надеждина. См. IV, 276; III, 203.

³⁾ Подь конецъ своей дѣятельности въ качествѣ критика Надеждинъ рѣзко измѣнилъ свой взглядъ на Пушкина: пронзена (Вѣстн. Евр. 1830) смертный приговоръ всему современному роману, въ томъ числѣ и „Онѣгину“, потребовавъ сожженія „Годунова“, (въ „Телескопѣ“ 1836) нашелъ у Пушкина и естественность и „равно могучее направленіе современнаго генія—народность.“ См. И. И в а н о в а, указ. соч., стр. 351, 354. Ср. А. Н. Пыпина. Ист. этн., I, стр. 272.

И дѣйствительно, въ литературѣ, современной Пушкину, русскаго содержанія, русской простоты стиля было еще мало. Поэтому-то высокое значеніе ученика Пушкина Гоголя и состояло въ выполненіи той задачи, которая такъ горячо чувствовалась Надеждинымъ; хотя онъ не угадалъ смысла шага, сдѣланнаго Пушкинымъ въ области національнаго реализма, но за то, съ Надеждина начинается научное отношеніе къ литературѣ, смѣнявшее постепенно старое, смотрѣвшее на нее чуть ли не какъ на „лѣтомъ вкусный лимонадъ“¹⁾. Поэтому-то ученикъ и преемникъ Надеждина и явился вслѣдъ за нимъ такимъ же восторженнымъ поклонникомъ того же Пушкина и такимъ горячимъ почитателемъ Гоголя. Это былъ *В. П. Бѣлинскій*. Статьи Бѣлинскаго о Пушкинѣ писаны въ 1843—46 годахъ; стало быть, уже черезъ 6—7 лѣтъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ защитѣ Пушкина путемъ уясненія его поэзіи. „Литературныя мечтанія“, вышедшія въ 1834 году, уже намѣтили собою переломъ въ русской критикѣ, уже опредѣлили собой то положеніе законодателя въ литературѣ, которое суждено было занять Бѣлинскому. „Литературныя мечтанія“ ясно указали на преемственность идей Надеждина у Бѣлинскаго, но здѣсь же впервые критика являлась, какъ сознательно и горячо прочувствованная система мнѣній, смыслъ которыхъ не ограничивался одной областью эстетическихъ явленій, а напротивъ простирался далеко за ихъ предѣлы—въ пониманіе цѣлой жизни общества; до Бѣлинскаго въ русской критикѣ еще не было такой цѣльности взгляда, силы убѣжденія и искренняго чувства. Если Бѣлинскій потомъ не разъ мнѣнялъ въ частностяхъ свои общія мнѣнія, то всегда это былъ глубоко убѣжденный человекъ, страстно защищавшій свою мысль: онъ былъ всегда громадной нравственной силой.²⁾ Переходъ Бѣлинскаго отъ „чистаго“ искусства къ тенденціозности, которую называютъ „утилитаризмомъ“, хотя и не особенно вѣрно, вовсе не былъ измѣной своему прежнему убѣжденію, а только его углубленіемъ: это было только болѣе глубокимъ пониманіемъ общественнаго значенія писателя. Такой человекъ могъ судить о Пушкинѣ, могъ претендовать на роль толкователя об-

¹⁾ Ср. А. Н. Пыпинъ. Исторія этнографіи, I, 263.

²⁾ А. Н. Пыпинъ. В. Г. Бѣлинскій, I, (Спб. 1876), 91 и 93.

щественнаго значенія поэта. Бѣлинскому, именно, принадлежить та заслуга по отношенію къ Пушкину, что онъ первый попытался подойти къ поэту съ точки зрѣнія исторической: „Это уже не поэтъ“, заявляетъ Бѣлинскій, „безусловно великій и для настоящаго и будущаго, какимъ онъ былъ для прошедшаго, но поэтъ, въ которомъ есть достоинства безусловныя и достоинства временныя, который имѣетъ значеніе артистическое и значеніе историческое“. „Писать о Пушкинѣ“ продолжаетъ критикъ, „значить писать о цѣлой русской литературѣ: ибо, какъ прежніе писатели объясняютъ Пушкина, такъ Пушкинъ объясняетъ послѣдовавшихъ за нимъ писателей“ (VIII, 93, 100). ¹⁾ Дѣйствительно, какъ извѣстно, Бѣлинскій подходитъ къ Пушкину отъ начала русской литературы, какъ эту литературу онъ понималъ, т. е. отъ эпохи Петра ²⁾: при этомъ онъ устанавливаетъ принципы своей критики: личный вкусъ, руководившій критикой стараго времени, теорія, которая обыкновенно гнетъ факты и не покажетъ поэта въ истинномъ свѣтѣ, не имѣетъ мѣста въ истинной критикѣ; тѣсная сфера эстетики, основа нѣмецкой критики, также не приложима. Жизнь выше искусства: это послѣднее только одно изъ проявленій этой жизни; а жизнь совершается въ обществѣ; исторія и жизнь — два основныя источника критики: поэтому, оцѣнивъ въ писателѣ то, что онъ даетъ, уловивъ тайну его личности, нужно опредѣлить связь писателя съ обществомъ, вникнуть въ духъ эпохи, когда писатель явился и дѣйствовалъ: тогда мы поймемъ писателя ³⁾. Результатомъ этого анализа по отношенію къ Пушкину у Бѣлинскаго получились выводы, нѣсколько ослабляющіе то впечатлѣніе, какого мы ожидали бы послѣ такого введенія: Пушкинъ — художникъ по преимуществу ⁴⁾; его поэтической натурѣ ничего не стоило быть гражданиномъ всего міра, и въ каждой сферѣ жизни быть, какъ у себя дома. ⁵⁾ Изъ этого, такъ сказать, космополитизма художественности, усвоеннаго Пушкинымъ, вышли и его достоинства, и его недостатки, какъ по-

¹⁾ Ссылки на 4-е (М. 1880) изданіе.

²⁾ VIII, 105.

³⁾ VIII, 338—352. Ср. С. Трубачевъ. Пушкинъ въ русской критикѣ (Спб. 1889), стр. 29—293.

⁴⁾ VIII, 365, 696—697.

⁵⁾ VIII, 369.

эта: достоинство—въ его всеобъемленности, недостатокъ—въ слабой отзывчивости на общественные мотивы: исключительная художественность сдѣлана изъ Пушкина болѣе поэта чувства, нежели поэта мысли; кротость, глубина, возвышенность этой поэзіи не достаточно активны съ общественной точки зрѣнія. Въ результатѣ, античное спокойствіе поэта онъ готовъ считать чуть-ли не индифферентизмомъ по отношенію къ вопросамъ общественной жизни. Здѣсь знаменитый критикъ уже подчинился невольно тому утилитарно—публицистическому настроенію, которое отличаетъ послѣдній періодъ его жизни и которое помѣшало ему правильно оцѣнить художественность Пушкина съ общественной точки зрѣнія: онъ близокъ къ противоположенію художественности и общест-венности. Но это не помѣшало ему отмѣтить другой важный элементъ поэзіи Пушкина—дѣйствительность, основу его реализма¹⁾; за то народность у Пушкина для Бѣлинскаго не болѣе, какъ „художественный тактъ“²⁾. Конечный выводъ Бѣлинскаго, въ виду сказаннаго, ясенъ: „Пушкинъ былъ по преимуществу поэтъ—художникъ и ничѣмъ инымъ по своей натурѣ быть не могъ, Онъ далъ намъ поэзію, какъ искусство, и на всегда останется образцомъ и учителемъ искусства“. Къ особымъ свойствамъ Пушкина и его поэзіи Бѣлинскій относилъ способность развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности: „Поэто-му, Пушкинъ станетъ“, по пророчеству его критика, „поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чув-ство“³⁾. Въ результатѣ—общественное значеніе и національ-ность поэзіи Пушкина остались у Бѣлинскаго не достаточно выяс-ненными; лучше сказать: Бѣлинскій, стоя на вѣрномъ пути, не договорилъ своей мысли: въ его указанія на свойство Пушкина—лирой пробуждать добрыя чувства—уже заключается признаніе за поэтомъ общественнаго значенія; за то критика Бѣлинскаго, рядо-мъ съ этимъ, была первымъ *объясненіемъ* Пушкина съ исто-рической стороны. Рядомъ съ этимъ толкованіемъ Пушкина въ критикѣ Бѣлинскаго, стоятъ статьи совершенно иного на-правления. Въ статьяхъ, писанныхъ нѣкимъ *А. Мартыновымъ*

¹⁾ VIII, 381.

²⁾ По вопросу о „народности“ и „національности“ поэзіи Пушкина см. Бѣлинскаго. VIII, 386—387, и А. Н. Пыпина. Ист. этногр. I, 394—395, особ. стр. 396—397.

³⁾ VIII, 696—697.

въ „Маякъ“ (1843 г.), объявлявшемъ себя органомъ „современнаго просвѣщенія въ духѣ русской народности“¹⁾, мы видимъ попытку совершенно вычеркнуть изъ русской литературы имя Пушкина: Пушкинъ, по мнѣнію А. Мартынова, довелъ русскую литературу до „ражжиженнаго состоянія, ибо поэтъ уклонился отъ нашей высокаторжественной литературы XVIII в.; поэзія Пушкина — полнѣйшій упадокъ, ибо она отрицаетъ всякія правила и законы, ибо въ ней нѣтъ и слѣда философіи, религіозности русской народности.“²⁾ Въ результатъ, поэзія Пушкина — „безжизненный, красивый стихотворный трупъ“, самъ Пушкинъ — просто „пейзажистъ“, увлекшійся Байрономъ.³⁾ Конечно, при такомъ отношеніи къ Пушкину, у критика не могло быть и рѣчи объ общественномъ значеніи поэта. Узкая и притомъ ложно славянофильская, обскурантистская, ханжеватая критика иначе и не могла отнестись къ Пушкину, у котораго она не находила своеобразно понимаемой вѣры, добродѣтели и красоты: у Мартынова, даръ поэзіи дается отъ Бога затѣмъ, чтобы человѣкъ восхвалялъ Творца; поэтому, поэзія истинная возможна только религіозная; поэтому Клопштокъ выше Байрона и Гете. Въ концѣ концовъ этотъ, странный врагъ поэзіи Пушкина произноситъ свой не менѣе странный приговоръ поэту: „Будьте же безпристрастны, и за одно механическое искусство, или, вѣрнѣе сказать, за одно дарованіе писать красивые стихи, не спѣшите возвышать Пушкина на степень великаго, мірового поэта... Скоро, скоро — пророчествуетъ наконецъ мудрый критикъ — умрутъ его безжизненные мишурныя произведенія.“⁴⁾ Конечно, такой приговоръ не могъ удовлетворить даже самыхъ строгихъ и наименѣе расположенныхъ къ поэзіи

¹⁾ Объ общемъ направленіи этого органа „современнаго просвѣщенія“ и т. д. см. А. Н. Пыпина. Исторія этногр., I, 356 и сл.

²⁾ См. С. Трубачевъ. Пушкинъ въ рус. критикѣ, стр. 314.

³⁾ Тамъ же, стр. 315.

⁴⁾ См. тамъ же, стр. 324. Нѣсколько раньше встрѣчаемъ еще такую же характеризующую Мартынова выходку: въ „Видѣніи въ царствѣ духовъ“ просвѣтлѣвшій духъ Пушкина осуждаетъ земного Пушкина: „Не вѣрите тѣмъ, которые представляютъ вамъ Пушкина великимъ, образцовымъ писателемъ... Еслибъ въ Россіи развелось болѣе Пушкиновыхъ, она скоро бы сгибла и пропала“ (А. Пыпинъ. Ист. этн., I, 359 примѣч.). Вышеоказъ, приведенныхъ мною, полагаю, достаточно, чтобы судить о значеніи и пріемахъ критики А. Мартынова.

и поэту судей его. Но эта критика не осталась однако без вреднаго вліянія: она дала смѣлость другимъ отнестись къ Пушкину строже и одностороннѣе, нежели того заслуживалъ писатель; даже самыя выраженія Мартынова послужили матеріаломъ для опредѣленія Пушкина. Сюда присоединилась криво истолкованная критика и Бѣлинскаго: отзывъ Бѣлинскаго объ общественномъ значеніи Пушкина, выдвигавшій на первый планъ художника, былъ истолкованъ, какъ отрицаніе Бѣлинскимъ общественнаго значенія писателя вообще; это толкованіе явилось не прямо, а въ зависимости отъ воззрѣнія на общественное значеніе эстетики вообще. Бѣлинскій понималъ это значеніе, признавалъ права на общественное значеніе эстетики и эстетическаго произведенія; другіе, т. н. утилитаристы, сводили значеніе это чуть ли не къ нулю; для такихъ людей, понятно, поэтъ терялъ цѣну, разъ они такъ односторонне развили сдержанный отзывъ Бѣлинскаго о Пушкинѣ.

Если можно пройти молчаніемъ достойнаго по взглядамъ и направленію потомка Мартынова съ его „Маякомъ“ *Аскоченскаго* съ его „Домашней Бесѣдой“, гдѣ доказывалось, что Пушкинъ не болѣе, какъ только „бонтопный разсказчикъ закулисной жизни такъ называемаго лучшаго общества“, что у Пушкина кромѣ „формы“ ничего нѣтъ, что самъ поэтъ—это „развращенный вѣкъ и современный человѣкъ“, темы его— „ученіе сладострастія“, а типы—„незаконпорожденныя дѣти цивилизаціи“ и т. д. ¹⁾; если и къ Аскоченскому вполнѣ примѣнила эпиграмма Пушкина на Каченовскаго:

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный зоиль
Разводитъ опіумъ чернилъ
Слюною бѣшеной собаки (IV, 280),—

то никакъ нельзя обойти взглядовъ „Современника“ 1855 г., гдѣ въ статьяхъ *Н. Г. Чернышевскаго* ²⁾ мы можемъ видѣть то тенденціозное приложеніе взглядовъ Бѣлинскаго, которое дало такіе результаты у Писарева. Чернышевскій въ началѣ своей

¹⁾ Домашняя Бесѣда, 1855, № 26 passim.

²⁾ Перепечатка: „Бритическія статьи,“ изд. 2-е, Н. Н. Чернышевскаго (Спб. 1895), стр. 1—119.

критики стоит на почвѣ взглядовъ Бѣлинскаго, часто ихъ только перефразируетъ; поэтому, можетъ, повидимому, быть зачисленъ въ число друзей Пушкина: поводомъ къ его критикѣ является „событіе, радостное для всѣхъ образованныхъ людей русской земли“, равное по значенію юбилею Московскаго университета, именно: „достойное изданіе (Анненкова, вышедшее въ 1855 г.) твореній великаго писателя, имѣвшаго такое вліяніе на образование всей русской публики...“ Для критика, „историческое значеніе Пушкина и художественное достоинство его твореній уже оцѣнено и публикою, и критикою. Пройдутъ годы прежде, нежели другія литературныя явленія измѣнятъ настоящія понятія о поэтѣ, который на всегда останется великимъ. Потому, пройдутъ годы прежде, нежели критика будетъ въ состояніи сказать о его твореніяхъ что нибудь новое“ (т. е. послѣ Бѣлинскаго) ¹⁾. Не таковы однако, результаты изученія „личности и дѣятельности Пушкина на основаніи данныхъ, представляемыхъ новымъ изданіемъ“, результаты, къ которымъ пришелъ Н. Г. Чернышевскій. Отмѣтивъ то, что до сихъ поръ оставалось въ тѣни, именно: строгость Пушкина къ себѣ, тщательность отдѣлки, *сжатость* выраженія мысли, соединенную съ необыкновенной экспрессіей²⁾, критикъ опредѣляетъ Пушкина, какъ поэта формы по преимуществу; значеніе его поэзіи то, что она прекрасна, художественна, хотя этимъ „слишкомъ узкимъ взглядомъ“ не исчерпывается значеніе Пушкина въ исторіи русской поэзіи. Но за то „художественность у него (Пушкина) составляетъ не одну оболочку, а зерно и оболочку вмѣстѣ вмѣстѣ“ ³⁾. Съ этого момента у Чернышевскаго начинается поворотъ во взглядѣ на Пушкина отъ полного признанія поэта къ ограниченію высказаннаго имъ же и высказываемаго критикой: „взгляды Пушкина на историческіе характеры (рѣчь идетъ объ историческихъ произведеніяхъ поэта) и явленія былъ не болѣе, какъ отраженіе общихъ понятій. Петръ—великій человекъ, мудрый правитель; Карлъ—опрометчивый герой, Мазепа—коварный измѣнникъ, Борисъ—повтореніе характеровъ и взглядовъ, высказанныхъ

¹⁾ Критическія статьи, стр. 1—2.

²⁾ Современные „беллетристы нуждаются въ подобномъ урокѣ (который далъ Пушкинъ въ процессѣ своего творчества). Изъ всѣхъ недостатковъ, какіе замѣчаются въ современной литературѣ, самый общій—растативность и необходимое слѣдствіе ея—блѣдность картинъ, вылость сценъ, пустота и утомительность всего произведенія“ (Тамъ же, стр. 58).

³⁾ Тамъ же, стр. 68.

Карамзинимъ..... Пушкинъ *по преимуществу* поэтъ—художникъ, не поэтъ—мыслитель; т. е. *существенный смысл* его произведений—художественная ихъ красота.“¹⁾ Какъ видно изъ этихъ цитатъ, Чернышевскій, стоя на почвѣ Бѣлинскаго, только усилилъ выводъ Бѣлинскаго, возведя *частную* характеристику своего предмѣстника въ *общую* („существенный смысл“): общественное значеніе художественности, въ данномъ случаѣ художественности Пушкина, отдѣлено совершенно (хотя это ясно и не высказано Чернышевскимъ) отъ общественнаго значенія писателя, какъ понимала школа т. н. утилитаристовъ этотъ терминъ; оцѣнка же Пушкина строится именно съ точки зрѣнія общественнаго значенія, такъ понимаемаго. Результатъ такой постановки вопроса, вызванной личными стремленіями публициста Н. Г. Чернышевскаго, насъ послѣ этого уже не будетъ удивлять: „Въ исторіи русской образованности Пушкинъ занимаетъ такое же мѣсто, какъ и въ исторіи русской поэзіи...“²⁾ Но, такъ какъ Пушкинъ не былъ мыслителемъ, а только человекомъ необыкновеннаго ума, то въ его произведеніяхъ „выразилось не столько развитіе поэтическаго содержанія, сколько развитіе поэтической формы“³⁾. Современники высоко цѣнили Пушкина потому, что его творенія отвѣчали запросамъ *ихъ* времени. „Это значеніе Пушкинъ *продолжаетъ еще сохранять* до нашего времени.“ Стало быть, можетъ настать время, когда Пушкинъ не будетъ имѣть этого значенія: значеніе же онъ сохранилъ только историческое. Сравните съ этимъ приведенное мною начало статьи Чернышевскаго: постоянное восхваленіе, но и постоянное указываніе на *инымъ потребности* общества заставляють именно такую мысль читать между строкъ у Н. Г. Чернышевскаго. Я умышленно нѣсколько больше остановился на взглядахъ Чернышевскаго: они намъ даютъ объясненіе отношеній къ Пушкину утилитаристовъ въ критикѣ: эти усиливали, доводили до крайности то, что у Чернышевскаго только чувствовалось, едва пробивалось между строкъ вдумчиваго, хотя нѣсколько радикальнаго кригика.⁴⁾ Къ числу такихъ

1) Тамъ же, стр. 63 и 64.

2) Тамъ же, стр. 67.

3) Тамъ же, стр. 66.

4) Оставляю въ сторонѣ взглядъ А. Дружинина. (Выбл. для чтенія, 1855 г., № 3—4), какъ мало оказавшій вліянія на общее теченіе

писателей принадлежить и талаптивный, въ тоже время софистиически настроенный *Д. И. Писаревъ*, дѣятельность котораго разыгралась на почвѣ борьбы — и это важно для пониманія Писарева — борьбы между двумя направленіями въ литературной критикѣ — эстетическимъ и публицистическимъ; эта борьба объясняетъ тотъ приподнятый тонъ и тотъ радикализмъ, которыми отличались статьи разгоряченнаго полемикой, увлекающагося Писарева. Онъ — представитель публицистической партіи, да еще въ ея крайнемъ направленіи; его девизъ — цитата изъ Пьера Леру: „Задача художника — открыть болѣзнь общества, задача критика — найти способъ къ ея исцѣленію.“ Злоба дня — удѣлъ литературы для Писарева; безъ этого у литературы нѣтъ жизни, иначе, нѣтъ *практическаго* (это для Писарева главное) значенія. Писаревъ въ своей критикѣ Пушкина общалъ продолжать дѣло Бѣлинскаго, перерѣшивши тѣ вопросы, которые Бѣлинскій рѣшалъ на основаніи эстетическихъ догматовъ, на иныхъ основахъ, основахъ „мыслящихъ реалистовъ“. Онъ хочетъ насъ увѣрить, что, подобно М. Н. Чернышевскому, онъ совершенно солидаренъ съ великимъ русскимъ критикомъ, если только съ него, Бѣлинскаго, „соскоблить шелуху гегелизма и эстетики“. ¹⁾ Конечно, поставивши себѣ такія условія, которыя указываютъ отнюдь не на строго безпристрастное отношеніе къ дѣлу, а наоборотъ на узко-партійный утилитаризмъ самозваннаго продолжателя Бѣлинскаго, Писаревъ не только не дополнилъ критики Бѣлинскаго, оставившаго только недостаточно освѣщенной общественную сторону поэзіи Пушкина, но и отвергъ произвольно, на дѣлѣ, Бѣлинскаго и въ своихъ крайнихъ выводахъ, по крайней мѣрѣ, по формулировкѣ ихъ близко подошелъ къ развязности Аскоченскаго и Мартынова. Да и къ самой критикѣ подошелъ онъ также произвольно: для него весь Пушкинъ исчерпывается „Онѣгинымъ“ и 7-ю лирическими стихотвореніями поэта. Приступая къ разбору Пушкина, онъ уже предрѣшилъ свой судъ о немъ: ограничившись названными только что пьесами, онъ развязно заявляетъ, что онъ взялъ только „Онѣгина“ и 7 сти-

критики Пушкина: восторженный поклонникъ поэта, Дружининъ смотритъ на Пушкина, какъ на поэта, которому ранняя смерть помѣчала стать рядомъ съ мировыми гениями: образъ Пушкина — образъ „вѣчнаго юноши, какимъ онъ сошелъ въ преждевременную могилу“.

¹⁾ Д. И. Писаревъ. Сочиненія (изд. 1894 г. СПб.), V, 64, 78, 79

хотвореній потому, что „предпринимать такой объемистый и утомительный трудъ (т. е. разборъ *всего* Пушкина) въ настоящее время значило бы придавать вопросу о Пушкинѣ, *слишкомъ важное значеніе, котораго онъ уже имѣть въ 1865 году не можетъ*“¹⁾. Результатъ такой критики, если только статью Писарева можно назвать этимъ почтеннымъ именемъ, конечно, послѣ всего этого насъ не удивить: „Пушкинъ не великій поэтъ, а легкомысленный версификаторъ, опутанный мелкими предрассудками, погруженный въ созерцаніе мелкихъ личныхъ ощущеній и совершенно не способный анализировать и понимать великіе общественные и философскіе вопросы нашего вѣка.“²⁾ Не нахожу даже нужнымъ подробно разбирать выводъ Писарева: того, что сказано о томъ, *какъ* онъ подошелъ къ своей задачѣ, достаточно для того, чтобы понять, на сколько могутъ взгляды Писарева претендовать на серьезное уясненіе личности и дѣятельности писателя. Прибавлю только одно: послѣдующая и современная Писареву критика, менѣе страстная и менѣе партійная, нашла, что Пушкинъ далеко не легкомысленъ, далеко не версификаторъ, а истинный художникъ слова, далеко не опутанный мелкими предрассудками чело-вѣкъ, далеко не эгоистичный созерцатель личныхъ ощущеній, а глубоко правдивый и къ себѣ и къ другимъ чело-вѣкъ, глубокой аналитикъ великихъ общественныхъ вопросовъ и философски мыслящій чело-вѣкъ, хотя и не записавшійся ни въ одинъ изъ тогдашнихъ философскихъ толковъ. Къ счастью для насъ, своей статьей Писаревъ произвелъ не глубокое впечатлѣніе на общество, а возбудилъ чувство скандала своими приемами и своей, такъ сказать, высокоумѣнной развязной софистикой; той же статьей подорвалъ онъ уваженіе и къ тѣмъ своимъ мыслямъ, которыя заслуживали бы уваженія, будучи высказаны болѣе сдержанно и умѣренно, какова, напр., его вѣра въ великое значеніе писателя, какъ общественнаго дѣятеля; въ концѣ концовъ самъ себя Писаревъ и погубилъ: въ своемъ отрицаніи, въ своемъ утилитаризмѣ и радикализмѣ онъ зашелъ такъ далеко, что отъ него отшатнулись даже самые горячіе, но не столь опрометчивые сторонники утилитаризма въ литературѣ; его да-

¹⁾ Статья писана въ этомъ году. Тамъ же, столб. 119.

²⁾ Тамъ же, столб. 120.

же опровергать серьезно не стали, а критика пошла спокойно по стопамъ Бѣлинскаго, спокойно продолжая расширять и углублять умѣренный взглядъ отца нашей критики, которому, скажу кстати, даже не было суждено знать *всего* Пушкина ¹⁾: первое почти полное изданіе Пушкина вышло въ 1855 году, черезъ 7 лѣтъ послѣ смерти перваго настоящаго истолкователя поэта. Если Писаревъ счелъ вопросъ о Пушкинѣ устарѣвшимъ уже въ 1865 году, то самъ Писаревъ тотчасъ послѣ смерти долженъ былъ отойти въ область исторіи. Писареву могутъ теперь серьезно *открыть* только незрѣлые умы, подкупаемые въ пользу идей Писарева блестящей, увлекательной, живой формой изложенія, умы или люди, незнакомые съ ходомъ нашего культурнаго развитія. Это въ особенности примѣнимо къ суду Писарева надъ Пушкинымъ. Пушкинъ остался неуязвимъ для критики писаревскаго пошиба, шелъ своей дорогой, освѣщенной теперь Бѣлинскимъ и его учениками. Между ними съ особой благодарностью должны мы вспомнить искренняго критика Пушкина, самостоятельнаго мыслителя *Аполлона Григорьева*. Григорьевъ заключилъ свою критику поэта словами: „Пушкинъ единственный всесторонній представитель нашей народной физиогноміи.... Пушкинъ—наше все“. Этими словами закончимъ и мы сегодняшнее наше собраніе.

¹⁾ Ср. Бѣлинскій. Сочиненія, VIII, 91

Гуманные мотивы въ творествѣ Пушкина.

Препод. Института А. П. Кадлубовскаго.

М.м. Г.г.

Столѣтняя годовщина дня рожденія нашего великаго поэта наполнила текущій годъ его именемъ: оно опять у насъ всѣхъ на устахъ, и образъ его, всегда дорогой для насъ, теперь особенно ярко сіяетъ и царитъ въ сознаниіи всѣхъ русскихъ людей; и вновь встаютъ въ памяти давно знакомые, но сохраняющіе непреходящее обаяніе его поэтическіе образы, и вновь всматриваешься въ нихъ; и живѣй и яснѣй хочется черезъ нихъ разсмотрѣть ихъ творца, стоящую за ними личность поэта, его душевную физіономію въ нихъ отразившуюся, то настроеніе его, которое ихъ проникаетъ. И поэзія Пушкина, эта изумительно искренняя и правдивая поэзія, много даетъ намъ для уясненія духовнаго образа поэта; руководясь ея указаніями, на нѣкоторыхъ сторонахъ этого образа я хотѣлъ бы остановить Ваше благосклонное вниманіе, на тѣхъ сторонахъ, которыя указалъ и самъ поэтъ: незадолго до своей безвременной кончины, оглядываясь на свою литературную дѣятельность, онъ увѣренно говорилъ, что онъ пробуждалъ добрыя чувства своей лирой, что онъ призывалъ милость къ падшимъ, что долго будетъ тѣмъ любезенъ онъ народу. Прошло послѣ этихъ словъ восемь лѣтъ, и Бѣлинскій, разъясняя любимаго поэта русскому обществу, говорилъ подобныя же слова: онъ указывалъ, что поэзія его полна „безконечнымъ уваженіемъ къ достоинству человѣка, какъ человѣка“, что въ ней отразилась личность ея творца, „любящая, симпатичная, гото-

вая протянуть руку каждому, кто казался ему человѣкомъ“. „Придетъ время, добавилъ онъ, когда Пушкинъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство“.¹⁾ Эта то сторона, гуманность его творчества и отразившейся въ послѣднемъ его личности, сторона, которую онъ самъ очевидно чувствовалъ и цѣнилъ, которую подчеркивалъ и его знаменитый критикъ, кажется мнѣ достойною вниманія въ знаменательную его годовщину.

Въ ранней молодости, когда Пушкинъ изъ стѣнъ Лицея вступилъ въ жизнь, чувство любви къ людямъ составляетъ основу немногихъ его стихотвореній, но въ нихъ выражается очень непосредственно и ясно; почему эти стихотворенія и принимались нѣкоторыми, какъ высшее выраженіе Пушкинской гуманности; ихъ содержаніе составляетъ свободолобіе; въ нихъ мы читаемъ прославленіе свободы и горячій протестъ противъ деспотизма и произвола, живое сочувствіе къ тѣмъ, кто страдаетъ подъ ихъ гнетомъ; возмущенное чувство и негодованіе звучитъ въ стихахъ пылкаго юноши противъ Наполеона, противъ Аракчеева; особенно же заслужило всеобщую извѣстность написанное имъ въ 1819 году стихотвореніе „Деревня“, гдѣ онъ выразилъ тягостное чувство, которое породило въ немъ зрѣлице главнаго недуга русской жизни, крѣпостного права, и свою мечту—увидѣть наконецъ народъ неугнетенный.

Но не этотъ протестъ, не это непосредственное изліаніе своего негодующаго и возмущеннаго чувства являются, и особенно въ болѣе зрѣлую пору творчества, характернымъ выраженіемъ Пушкинской гуманности и любви къ людямъ, его отзывчивости и вниманія къ ихъ горю и страданіямъ; эти чувства въ немъ не ослабѣвали, напротивъ развивались и крѣпли съ теченіемъ времени, но они находили себѣ иное, болѣе вдумчивое и болѣе глубокое выраженіе. Обращаясь ко времени, послѣдовавшему за высылкою поэта изъ столицы на югъ Россіи, за этимъ первымъ ударомъ судьбы, мы видимъ, что собственныя душевныя страданія, которыя рано начали преслѣдовать его, не только не озлобили его души, но еще усилили въ немъ гуманное и бодрое настроеніе, какъ и во-

¹⁾ Бѣлинскій, сочиненія, VIII, 696.

обще житейскія тревоженія и „бури судьбы жестокой“ не сломили и не помрачили бодрости и ясности его духа; страданія другихъ дѣлались ему черезъ это лишь ближе и понятнѣе; у него развивается съ теченіемъ времени особая чуткость къ человѣческому страданію, способность подмѣчать его среди разнообразныхъ явленій жизни, прозрѣвать его тамъ, гдѣ оно недоступно поверхностному взгляду; и эта то чуткость росла съ годами и легла въ основу многихъ зрѣлыхъ его созданий.

Когда изгнанникомъ скитался онъ по югу Россіи, ему вспомнилась „тоскующая тѣнь“ Овидія; и долго стояла она предъ мысленнымъ взоромъ поэта; часто съ живымъ сочувствіемъ касался онъ страданій и тоски римскаго поэта и свою собственную тоску воплотилъ въ его образъ; преданія о трагическихъ, печальныхъ событіяхъ привлекають его вниманіе, и онъ воспроизводитъ ихъ, какъ въ ту же эпоху въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“; перечислять всѣ примѣры этого рода было бы очень долго; я приведу отъ многого лишь наиболее характерное, хотя бы непомогее...

Указанная чуткость Пушкина съ удивительною силой сказывается въ его творчествѣ въ эпоху полного его развитія и зрѣлости, со второй половины 20-хъ годовъ; въ это время, когда онъ увлекался образомъ Петра Великаго и преклонялся предъ его дѣятельностью, въ это время его мысль остановилась и на тѣхъ безвѣстныхъ единичныхъ личностяхъ, на судьбѣ которыхъ гибельно отозвалось руководимое могучимъ царемъ великое общее дѣло, которыя были раздавлены побѣдною колесницей историческаго прогресса; они являлись жертвами исторической необходимости: но чувство состраданія и ужаса передъ ихъ судьбой еще усиливается сознаніемъ этой роковой необходимости, тѣмъ болѣе, что она остается для нихъ непонятной и кажется чѣмъ-то бессмысленнымъ.

Для славы великаго общаго дѣла поэтъ не находилъ нужнымъ закрывать глаза на это столкновеніе частныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ съ общими, напротивъ онъ выдвинулъ и освѣтилъ его, съ состраданіемъ и вниманіемъ остановившись на его жертвахъ. Петербургское наводненіе освѣтило для Пушкина эту сторону дѣла и вызвало созданіе „Мѣднаго Всадника“; въ немъ онъ далъ яркую картину, проникнутую съ одной стороны хвалою и чувствомъ восторга предъ великимъ царемъ и его дѣломъ, съ другой—скорбью и сострада-

нѣмъ къ безвѣстному герою поэмы, явившемуся такою жертвой: его погубилъ воздвигнутый могучею волею Петра городъ; наводненіе лишило его всего дорогого въ жизни и повергло въ тавиное безуміе, полное тремета и ужаса передъ „чудотворнымъ строителемъ“ столицы, въ которомъ несчастный видѣлъ основную причину своихъ бѣдъ и несчастій.

Столкновеніе общаго съ частнымъ затронулъ Пушкинъ еще въ одномъ изъ самыхъ глубокихъ своихъ созданій, хотя къ сожалѣнію неоконченномъ, въ „Галубѣ“. И что особенно знаменательно, героя поэмы, чеченскаго юношу Тазита, сдѣлалъ онъ носителемъ христіанскихъ идеаловъ мира и любви, выдѣлившимся изъ своего еще дикаго племени и за то имъ гонимаго. Удивительная сжатость изложенія еще болѣе отбѣняетъ контрастъ двухъ выведенныхъ поэтомъ міровоззрѣній; вспомнимъ эти разговоры Тазита съ отцомъ, упреки послѣдняго, кроткое смиреніе и покорное молчаніе юноши, сознававшего безцѣльность спора, и вмѣстѣ съ тѣмъ твердую вѣрность его своимъ нравственнымъ началамъ:

„Кого ты видѣлъ?“ Супостата.

„Кого, кого?“—Убійцу брата.

„Убійцу сына моего?...

Тазить! гдѣ голова его?

Подай! мнѣ черепъ этотъ нуженъ...

Дай, нагляжусь!“—Убійца былъ

Одинъ, израненъ, безоруженъ...

„Ты долга крови не забылъ?

Врага ты навзничь опрокинулъ,

Не правда ли?...

Упился ты его стenanъемъ,

Его змѣинымъ издыханьемъ?...

Гдѣ жъ голова? Подай!.. нѣтъ силъ“...

Но сынъ молчить, потупя очи...

Особенное значеніе получаетъ для насъ „Галубъ“, если мы примемъ во вниманіе во 1-хъ, то продолжительное время, въ теченіе котораго писалась поэма (3—4 года), а во 2-хъ, сохранившіеся черновые наброски ея программы; напомнимъ одинъ изъ нихъ, раздѣленный на 14 пунктовъ, изъ коихъ Пушкинъ зачеркнулъ 7, какъ уже обработанные: „1. Поселены. 2. Черкесь—христіанинъ. 3. Купецъ. 4. Рабъ. 5. Убійца. 6. Изгнаніе. 7. Любовь. 8. Сватовство. 9. Отказъ. 10. Миссіонеръ. 11. Вѣна.

12. Сраженіе. 13. Смерть. 14. Эпилог“. Изъ программы видно, что Тазитъ долженъ былъ въ дальнѣйшемъ продолженіи поэмы вступить еще разъ въ столкновеніе со своимъ роднымъ народомъ, въ качествѣ сознательнаго проповѣдника христовой вѣры и кровью заплатить за свою преданность ея высокимъ и святымъ идеаламъ, идеаламъ любви, мира, всепрощенія. Для насъ становится яснымъ, какъ глубоко занималъ и волновалъ поэта вопросъ о борьбѣ свѣтлыхъ и добрыхъ началъ съ косностью понятій и дикостью предразсудковъ людскихъ, и какъ близокъ былъ Тазитъ его сердцу; въ немъ онъ представилъ всю власть этихъ началъ надъ душою постигшаго ихъ красоту человѣка.

Мотивъ всепобѣждающей любви и прощенія, столь очевидно привлекающій Пушкина въ „Галубѣ“, играетъ вообще весьма замѣтную роль въ его поэтическихъ произведеніяхъ, являясь однимъ изъ наиболѣе яркихъ выраженій душевной его мягкости и гуманности. Поэтъ постигъ высшую красоту этихъ чувствъ, и уже результатомъ этого явилось ихъ воплощеніе въ Тазитѣ. Высказавшееся еще въ годы жизни на югѣ, такое настроеніе все крѣпнеть въ душѣ Пушкина и все болѣе слѣдовъ оставляетъ въ его творествѣ. Еще въ 1821 году онъ возвысился до него, когда услышалъ вѣсть о смерти ненавистнаго ему тиранна Наполеона, противъ котораго такъ недавно еще (1820) писалъ онъ свои гнѣвные стихи, и который въ изгнаніи окончилъ свою бурную жизнь; и глубокіе, задушевные, величавые звуки раздались у поэта; то же участіе къ падшему, побѣжденному, къ которому такъ былъ склоненъ Пушкинъ, охватило его и теперь, когда этимъ падшимъ являлся врагъ; но не врага уже видѣлъ онъ въ побѣжденномъ героѣ, а человѣка, видѣлъ его страданія, искупившія его зло, и за нихъ онъ не помнилъ зла и ужаса, окружавшихъ его имя; добрыя слова находитъ поэтъ для его памяти, и пѣжностью прощенія и примиренія дышатъ его стихи:

Да будетъ омраченъ позоромъ
 Тотъ малодушный, кто въ сей день
 Безумнымъ возмутитъ укоромъ
 Его развѣнчанную тѣнь!
 Хвала! Онъ русскому народу
 Высокій жребій указалъ

И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщаль!

Истинная, горячая, но въ то же время чуждая нетерпимости любовь къ родинѣ выразилась здѣсь у Пушкина; такъ и позднѣе, когда его, „въ волненьи бурь пародныхъ“, охватывало чувство вражды къ врагамъ родины, эта вражда угасала вмѣстѣ съ опасностью для родной земли и не простиралась до преслѣдованія побѣжденныхъ уже враговъ ея:

Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица
И не услышатъ нѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца,

Ибо въ бореньи падшій не вредимъ! (1831). На рубежѣ новой эпохи своей литературной дѣятельности, во время жизни въ деревнѣ, Пушкинъ выразилъ, въ другомъ примѣненіи, такое же свое доброе и благожелательное отношеніе къ ближнему: онъ съ благодарностью помнилъ добро, сдѣланное ему, а за зло, если таковое и было, „не принималъ его брать отъ него осужденья“; въ своихъ воспоминаніяхъ о Лицѣѣ и годахъ ученія онъ съ нѣжною привязанностью (которую сохранялъ всю жизнь) говорилъ о товарищахъ и теплыми словами поминалъ наставниковъ:

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію и мертвымъ и живымъ,
Къ устамъ поднявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Весьма знаменательно, что въ то же время (1825) Пушкинъ писалъ „Бориса Годунова“ и въ немъ создавалъ лицо лѣтописца Пимена; и нельзя не признать родственной связи между приведенными стихами поэта и тѣми извѣстными словами, которыя вложены въ уста Пимену въ началѣ его сцены: Пушкинъ въ исторической перспективѣ воплощалъ въ немъ настроеніе, родственное тому, которое онъ все сильнѣе и сильнѣе чувствовалъ въ своей душѣ.

Въ ту пору, когда писанъ былъ „Галубъ“, съ конца 20-хъ годовъ, поэтъ очевидно уже задумывается надъ вопросомъ о нравственномъ достоинствѣ чувствъ любви и прощенія и сознательно высоко ихъ цѣнить. Въ идеальномъ для него царѣ, Петрѣ Великомъ, онъ чтитъ человѣчность, милость, правду; и привѣтствуя новаго царя, Николая Павловича,

„освободившаго его мысль“, Пушкинъ желалъ, чтобы онъ
 Во всемъ былъ пращуро подобенъ,
 Какъ онъ неутомимъ и твердъ,
 И памятью, какъ онъ, незлобенъ (1826).

А въ жизни самого Петра его поразилъ и восхитилъ одинъ эпизодъ, вызвавшій одно изъ самыхъ радостныхъ и наиболѣе общеизвѣстныхъ его стихотвореній. Кто не помнитъ этого шумнаго праздника, которымъ могучій царь знаменуетъ не военное торжество, а дарованное имъ подданному прощаніе:

Нѣтъ! Онъ съ подданнымъ мирится;
 Виноватому вину
 Отпуская, веселится,
 Кружку пѣвнать съ нимъ одну.
 И въ чело его цѣлуется,
 Свѣтель сердцемъ и лицомъ,
 И прощенье торжествуетъ,
 Какъ побѣду надъ врагомъ (1835).

Въ этомъ апоэозѣ прощанія Пушкинъ сошелся съ другими великими европейскими художниками слова; такъ, Шекспира въ его послѣднихъ произведеніяхъ, созданныхъ имъ въ полномъ обладаніи глубокимъ и мудрымъ знаніемъ жизни, привлекали картины прощанія и примиренія; онъ творилъ образы лицъ, имена которыхъ— „какъ бы названія милосердыхъ силъ, распространяющихъ прощаніе на людей“¹⁾; и въ „Бурѣ“, въ уста Просперо, въ которомъ онъ болѣе, чѣмъ въ комъ либо изъ своихъ героевъ, воплотилъ самого себя, вложилъ онъ изреченіе: „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ“. Такъ Гете въ знаменитой балладѣ „Богъ и Баядерка“ прославилъ благость Божества, дарующаго прощаніе грѣшницѣ:

Раскаянне грѣшныхъ любимо богами;
 Заблудшихъ дѣтей огненнымъ ругами
 Благіе возносятъ къ чертогамъ своимъ.

Но Пушкинъ болѣе, чѣмъ оба названные поэта Запада, выдвинулъ *радость прощанія* и въ блескѣ этой радости представлялъ онъ любимаго государя. Великодушное, царственное прощаніе, милость, какъ лучшее изъ „державныхъ правъ“, плѣняли его воображеніе не разъ въ эти послѣдніе годы его

¹⁾ Давденъ, Шевский, переводъ Черновой (1880), стр. 436.

жизни и составляли содержание его произведений; въ 1833 г. поэт увлекся такою картиной въ своей передѣлкѣ „Мѣры за мѣру“ Шекспира, въ „Анджело“, послѣдніе слова „Анджело“, какъ заключительный аккордъ разрѣшающія всю драму, говорятъ именно о прощениі, съ особою силою указывая на него, и звучать такъ величественно просто: „И Духъ его простилъ“. Подъ вліаніемъ того же настроенія Пушкинъ „думлялся“, вспоминая великопостную молитву Ефрема Сирина, которая всёхъ чаще приходила ему на уста „и освѣжала его“ невидимою силой, которую онъ переложилъ въ стихи, и въ которой испрашивается смиреніе и любовь къ ближнему, — „Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья“. Широкое чувство милосердія и благоволенія къ людямъ, выразившееся въ этомъ культѣ мира и всепрощенія, наполняло душу поэта; оно заставляло его, конечно, чутко отзываться и на тѣ явленія, гдѣ онъ видѣлъ нарушеніе этихъ началъ; и дѣйствительно, вѣрлище жодской злобы и безсердечія и тѣхъ страданій, которыя они вызываютъ, продолжаютъ и въ эту, болѣе позднюю, пору жизни его и дѣятельности волновать его гуманную и любящую душу; свое участіе къ жертвамъ злобы онъ самъ отмѣтилъ въ одномъ замѣчательномъ самоприваніи, относящемся къ тому же времени, о которомъ по преимуществу мы говоримъ (1830 г.): какъ извѣстно, Пушкинъ любилъ осень; онъ задумывался самъ надъ такимъ своимъ чувствомъ и находилъ ему объясненіе: осень влечетъ его къ себѣ

Красою тихою, блестящей смиренно,

Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ чужой.

И въ этомъ случаѣ кругозоръ Пушкина теперь расширенъ; онъ видитъ многообразныя проявленія людской неправды и зла, видитъ ихъ роковое значеніе въ жизни, видитъ ихъ и тамъ, гдѣ они не бросаются сразу въ глаза, гдѣ они представляютъ явленіе слишкомъ обидное и притичное и принимаются иной разъ безъ раздумья за черту добродѣтели. Въ этомъ смыслѣ высказался Пушкинъ около того же времени, въ 1829 году; побуждаемый добрыми своими чувствами, онъ, не желая брать на себя суда надъ внешнею жизнью человѣка, пламенно вооружался противъ „жестокыхъ осужденій“, направленныхъ на этого человѣка, противъ „тщеславной любви“ и „лицемѣрнаго гоненья“ со стороны свѣта, находя у себя слово примиренія и состраданія; на этомъ мотивѣ основано

то стихотвореніе, съ которымъ онъ обратился къ А. П. Кернъ: „Когда ея младыя лѣта позорить шумная молва“, когда она „по приговору свѣта на честь утратила права“, поэтъ называетъ себя ея единственнымъ вѣрнымъ другомъ; онъ одинъ „среди толпы холодной“ видитъ и „дѣлать ея страданья“, онъ молить за нее безчувственный кумирь, хотя и знаетъ, что „молить бесплодной мольбой“...

Всякая же жестокость отвращала его отъ себя; было уже указано, какъ, работая послѣдніе годы жизни надъ исторіей Петра Великаго, которому онъ такъ поклонялся, и въ дѣятельности котораго онъ видѣлъ лишь свѣтлую сторону, — какъ онъ началъ обращать вниманіе на тѣ суровыя и даже жестокія мѣры, къ которымъ прибѣгалъ подъ часъ Петръ; какъ смущался поэтъ и мучился сомнѣніями, разрушившими его прежде, исключительно восторженное отношеніе къ великому императору, какъ вырывалось у него иногда даже раздраженное осужденіе его памяти, оставившее свой слѣдъ въ нѣкоторыхъ черновыхъ замѣткахъ; какъ онъ хотѣлъ, — и не смогъ, — примирить два противоположные взгляда и потому, главнымъ образомъ, не смогъ привести въ исполненіе столь лелѣянной имъ мечты — написать исторію Петра Великаго: „его рука дрогнула, говоритъ извѣстный біографъ его, Анненковъ; онъ слишкомъ любилъ побѣжденныхъ и проигравшихъ свое дѣло, слишкомъ возмущался, когда побѣдители кичливо предавались торжеству, хотя бы послѣднее было вынесено самымъ историческимъ ходомъ дѣлъ и необходимостью“.¹⁾

Эгоизмъ человѣка современнаго поэту общества выставилъ онъ на всенародныя очи и покаралъ въ личности своего Алеко, ищущаго свободы отъ „стѣснительныхъ условій свѣта“, но не познавшаго цѣны истинной свободы и „для себя лишь желающаго воли“; какъ Галубъ, Алеко исповѣдуетъ мстительность:

Нѣтъ, я не спора

Отъ правъ моихъ не откажусь,

Или хоть мщеньемъ наслажусь.

О нѣтъ! когда бъ надъ бездной моря

Нашелъ я спящаго врага,

Клянусь, и тутъ моя нога

Не пощадила бы злодѣя...

Скоро опъ доказываетъ свои слова дѣломъ, и горе постигаетъ

¹⁾ Анненковъ, Воспоминанія и критическіе очерки, III, 230.

мирный цыганскій таборъ, который не зналъ дотолѣ такихъ сокрушительныхъ бурь страсти, но въ которомъ было больше истинной свободы и больше правды... „Цыганы“ окончены были уже въ Михайловскомъ (1824 г.), на рубежѣ того періода жизни и дѣятельности поэта, къ которому мы по преимуществу обращаемся, и въ которомъ является особенно много произведешій, основанныхъ на мотивѣ вниманія и участія къ людямъ; въ этомъ періодѣ сострадательный взоръ поэта, какъ это отмѣчено уже нами и въ „Мѣдномъ Всадникѣ“, обращается на слабыхъ и безвѣстныхъ, незамѣтныхъ людей. Вспомнимъ „Анчаръ“, эту мрачную картину деспотизма, не выдающаго въ человѣкѣ души живой и готоваго спокойно предать его смерти... хотя бы для того, чтобы на ней основать рядъ новыхъ человѣческихъ смертей; вспомнимъ этого „бѣднаго“ раба, безропотно исполняющаго жестокою волю властелина:

Но человѣка человѣкъ
 Послалъ къ анчару властныхъ взглядомъ;
 И тотъ послушно въ путь потекъ,
 И къ утру возвратился съ ядомъ....
 Пришелъ, и ослабѣлъ и легъ
 Подъ сводомъ шалаша, на лыки,
 И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
 Непобѣждаемаго владыки.

Трагизмъ картины усиливается мрачнымъ спокойствіемъ и сжатостью тона; этимъ съ особою силою отбѣняетъ поэтъ, что и самъ рабъ повидимому находилъ свою гибель законною и естественною, что подобное явленіе не выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій жизни; но тѣмъ то оно и ужаснѣе; и зоркій глазъ и чуткое сердце нужно, чтобы почувствовать весь этотъ ужасъ и содрогнуться передъ нимъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе и чаще мысль поэта останавливались на такихъ, страшныхъ именно своею обыкновенностью, явленіяхъ; вспомнимъ хотя бы отношеніе народа къ казни Кочубея („Полтава“, 1828 г.), принятой имъ также, какъ обычное явленіе, которое быстро изглаживается изъ памяти, опустѣвшее поле и буднично-убогую обстановку, при которой убираютъ тѣла казненныхъ.

Такъ поэтъ въ судьбѣ простыхъ людей, въ обыкновенныхъ, привычныхъ отношеніяхъ и явленіяхъ жизни умѣлъ почувствовать страданіе, находилъ трагическіе моменты, вызы-

важнѣе въ насъ состраданіе и страхъ. Но мало того. Въ его душѣ вообще растетъ вниманіе и сочувствіе къ простымъ, не блестящимъ людямъ и къ той простой, будничной, часто сѣренькой жизни, которою они живутъ, жизни, взятой во всемъ ея цѣломъ, во всей совокупности ея радостей и бѣдъ; мы видимъ въ немъ не только состраданіе къ ихъ бѣдствіямъ, причиняемымъ имъ произволомъ сильныхъ, но любовь къ нимъ и сочувствіе къ различнымъ явленіямъ ихъ собственной жизни; все больше пріобрѣтаютъ они для него цѣны и смысла. Такое настроеніе вмѣстѣ съ нерасположеніемъ къ условности и пошлости окружавшей Пушкина свѣтской жизни, замѣтно у него еще съ раннихъ лѣтъ: съ неизмѣнною нѣжностью вспоминаетъ онъ о своей нянѣ (напр. еще въ стихотвореніи „Сонъ“, 1816 г.); не разъ, называя себя „врагомъ стѣспительныхъ условій и оковъ“, хочетъ онъ уйти въ сферу болѣе простой жизни; позднѣе мы не можемъ не узнать негодующаго голоса самого поэта въ словахъ Алеко, бичующаго пустую, искусственную и эгоистическую жизнь высшаго общества.

Съ возвращеніемъ поэта съ юга и съ жизнью въ деревнѣ указанное настроеніе крѣпнеть и становится все яснѣе; хотя поэтъ и стремится въ столицу, какъ культурный центръ, недовольство жизнью свѣта за указанные ея недостатки продолжаетъ сказываться у него, можетъ быть, съ большею еще силою, чѣмъ прежде, какъ въ упомянутомъ выше стихотвореніи А. П. Кернъ, какъ въ отзывѣ о „мертвящемъ упоеніи свѣта“ въ концѣ VI главы „Онѣгина“ и нѣкоторыхъ еще мѣстахъ его и т. д. Но и положительная сторона дѣла выдвигается во время жизни Пушкина въ деревнѣ; въ немъ пробуждается любовь къ народной жизни и поэзіи: онъ записываетъ нянины сказки, народныя пѣсни, старается—и мастерски—подражать имъ;¹⁾ онъ все болѣе углубляется въ простую деревенскую жизнь, все болѣе овладѣваетъ она его душою, Въ бодрыхъ и радостныхъ стихахъ онъ самъ признавался въ этомъ; онъ, такъ умѣвшій цѣнить и такъ любившій красоты южной природы, ея „ясныя, какъ радость, небеса“, отказывался отъ нея для сѣренькой, бѣдной, но дорогой и близкой ему русской деревни, какъ и отъ сильныхъ героическихъ личностей для

¹⁾ О. И. Буслаевъ вспоминаетъ, какъ знатокъ народной русской пѣсни П. В. Кирѣевскій, не рѣшался въ переданныхъ ему Пушкинымъ текстахъ пѣсней отличить его подражанія отъ подлинныхъ, записанныхъ имъ, народныхъ пѣсней (Буслаевъ, мои воспоминанія. 293).

людей простыхъ, незамѣтныхъ и скромныхъ, но имѣющихъ оттого не меньшія права на вниманіе:

Въ ту пору мнѣ казались нужны
 Пустыни, волнъ края жемчужны,
 И моря шумъ, и груды скаль,
 И гордой дѣвы идеаль,
 И безыменныя страданья...

Другіе дни, другіе сны:

Смирились вы, моей весны
 Высокопарныя мечтанья....
 Иныя нужны мнѣ картины:
 Люблю песчаный косогоръ,
 Передъ избушкой двѣ рябины,
 Калитку, сломанный заборъ,
 На небѣ сѣренькія тучи,
 Передъ гумномъ соломы кучи
 Да прудъ подъ тѣнью ивъ густыхъ,
 Раздолье утокъ молодыхъ;
 Теперь мила мнѣ балалайка
 Да пьяный хохоть трепака
 Передъ порогомъ кабака.
 Мой идеаль теперь — хозяйка,
 Мои желанія — покой,
 Да шей горшокъ, да самъ большой.

Такъ для этого міра готовъ поэтъ даже забывать героевъ и блескъ ихъ славы; да и въ героѣ съ теченіемъ времени онъ все болѣе желаетъ видѣть прежде всего человѣка и цѣнить въ немъ по преимуществу тѣ стороны героизма, въ которыхъ находили себѣ выраженіе чисто человѣческія движенія его души; къ концу 20-хъ годовъ такое отношеніе сложилось вполне и нашло себѣ выраженіе въ стихотвореніи „Герой“ (1830); здѣсь поэтъ выразилъ свой восторгъ передъ давнимъ „властителемъ думъ“ его поколѣнія, но этотъ восторгъ вызванъ не военными подвигами Наполеона, а тѣмъ участіемъ, которое онъ, по преданію, оказалъ въ Египтѣ несчастнымъ зачумленнымъ, и которое такъ родственно участію нашего поэта къ безвѣстнымъ, незамѣтнымъ страдальцамъ:

Нѣтъ, не у счастья на лонѣ
 Его я вижу, не въ бою,
 Не зятемъ Кесаря на тронѣ....

Не та картина предо мною:
 Одровъ я вижу длинный строй;
 Лежить на каждомъ трупъ живой,
 Клейменный мощною чумою,
 Царицею болѣзней. Онъ,
 Не бранной смертью окружень,
 Нахмуясь, ходитъ межъ одрами
 И хладно руку жметъ чумѣ,
 И въ погибающемъ умѣ
 Рождаетъ бодрость. Небесами
 Клянусь: кто жизньню своей
 Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
 Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
 Клянусь, тотъ будетъ небу другомъ....

Самое же стихотвореніе вызвано поступкомъ императора Николая Павловича, посѣтившаго пораженную холерой Москву, съ цѣлью ободрить ея жителей; этотъ поступокъ привлекъ сочувствіе Пушкина, и послѣдній отозвался на него воспоминаніемъ о другомъ подобномъ случаѣ: такъ свободнѣе могъ онъ высказать овладѣвшее его душой настроеніе.

Такъ человѣкъ заслонялъ собою героя въ сознаніи Пушкина; такъ и наоборотъ, въ самыхъ простыхъ, низко стоящихъ на общественной лѣстницѣ людяхъ, видѣлъ онъ человѣческое достоинство, видѣлъ въ нихъ человѣчныя черты, достойныя его художественнаго воспроизведенія и сочувствія; такъ, на фонѣ обыденнаго происшествія въ крестьянской жизни, въ „Утопленникѣ“, писанномъ въ то же время, въ 1828 году, онъ раскрываетъ трагическую картину душевной жизни простаго крестьянина, мученія совѣсти, которыя онъ испытываетъ вслѣдствіе сознанія несправедности своего поступка, хотя и воплотившіяся въ грубоватой, наивной, суевѣрной формѣ.

Входя все ближе въ міръ простыхъ людей и отношеній, Пушкинъ какъ бы сживается съ нимъ, и на рубежѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ это настроеніе его сказывается съ полною силою, чтобы сохраниться уже до конца. Въ 1830 г. оно находитъ себѣ выраженіе въ любопытномъ и оригинальномъ произведеніи, „Повѣстьхъ Бѣлкина“, гдѣ Пушкину не только принадлежит замыселъ самыхъ повѣстей, но и созданіе личности автора ихъ, Ивана Петровича Бѣлкина, такого же смирнаго, добраго и простаго человѣка, нѣсколько наивнаго и

старомоднаго, къ которому Пушкинъ относится съ такимъ тонкимъ и мягкимъ юморомъ, но и съ очевидною симпатією; за его личностью онъ скрываетъ свое авторство, влагая ему въ уста пять разсказовъ, съ любовью и мастерски воспроизводя манеру изложенія Бѣлкина и тѣмъ уясняя его образъ. Позднѣе (1833) Пушкинъ пишетъ „Капитанскую Дочку“, въ которой „достигъ простоты самой природы“,—повѣсть, проникнутую такимъ же вниманіемъ и сочувствіемъ къ этому міру, съ ея крѣпостнымъ героемъ Савельичемъ, котораго обрисовалъ поэтъ съ такимъ теплымъ сочувствіемъ, въ которомъ открылъ такъ много человѣчнаго, столько душевнаго достоинства, честности и самоотверженной преданности. Свѣтлыя черты доброты и нѣжности чувствуетъ поэтъ въ такомъ „низменномъ“ чело-вѣкѣ; такой характеръ носить и извѣстная сценка, мимоходомъ набросанная въ „Дубровскомъ“, повѣсти, относящейся къ тому же времени: кузнецъ Архипъ, въ озлобленіи совершающій жестокою расправу надъ беззаконными приказными, способенъ однакоже къ самому нѣжному участию ко всему живому и проявляетъ его, какъ только нѣтъ поводовъ къ такому озлобленію, спасая съ опасностью жизни несчастную кошку съ крыши горящаго дома Дубровскаго. Въ одинъ изъ тѣхъ же послѣднихъ годовъ жизни (1833) Пушкинъ пишетъ удивительную по простотѣ и полную такого же вниманія къ самымъ будничнымъ явленіямъ, къ сценамъ домашнихъ отношеній и домашней жизни въ простой крестьянской средѣ,— „Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ“.

Но въ узкую односторонность великій поэтъ не впадалъ: какъ отмѣтилъ еще тотъ критикъ, который первый по достоинству оцѣнилъ это обращеніе Пушкина къ русской дѣйствительности и возникшіе на его почвѣ произведенія и поэтическіе образы, оно „идетъ у Пушкина рука объ руку съ глубокимъ пониманіемъ и воспроизведеніемъ идеаловъ, тревожившихъ его душу въ молодости, не сопровождается отреченіемъ отъ нихъ“¹⁾; одновременно съ повѣстями Бѣлкина Пушкинъ пишетъ „Каменнаго гостя“, „Модарта и Сальери“, вдохновляется героическимъ образомъ Петра...²⁾

Пушкинъ говорилъ тому царю, котораго онъ хотѣлъ видѣть во всей душевной красотѣ и истинно царственномъ

¹⁾ Аполлонъ Григорьевъ, сочиненія, (писано въ 1861 г.)

²⁾ Въ 1828 г. напр. написана „Полтава“; вспомнимъ дагѣ намѣреніе писать исторію Петра.

величій, — что онъ умѣетъ цѣнить и истинно высокій подвигъ героя, великое дѣяніе гѣнія, — и въ чувствахъ нѣжной любви и участія снисходить къ обыденнымъ житейскимъ явленіямъ:

Ты любишь громъ небесъ — и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

Не приложимъ ли этотъ послѣдній образъ къ самому Пушкину? Онъ потому съ такимъ сочувствіемъ и отмѣтилъ данную черту, что она отвѣчала его собственному міровозрѣнію, да въ слѣдующихъ за тѣмъ стихахъ Пушкинъ примѣнилъ этотъ образъ къ поэту и тѣмъ самъ указалъ на значеніе его для его собственной характеристики:

Таковъ прямой поэтъ. Онъ сѣтуетъ душой

На пышныхъ играхъ Мельпомены

И улыбается забавѣ площадной

И вольности лубочной сцены.

Поэтъ озарялъ свѣтомъ своей поэзіи различныя сферы жизни, онъ проникалъ по волѣ своею мечтою „и въ нищую хату и въ царскій чертогъ“; во всякомъ человѣкѣ, героѣ ли и царѣ простомъ ли рыбацкѣ, — видѣлъ онъ прежде всего человѣка, имѣющаго всѣ права на вниманіе, сочувствіе, состраданіе, уваженіе.

Итакъ, много, и притомъ весьма яркихъ, выражений нашло гуманное настроеніе Пушкина въ его творчествѣ; но особенно важно съ этой точки зрѣнія отмѣтить то направленіе, въ какомъ совершалось развитіе его творчества, отмѣтить, какъ это гуманное настроеніе разрослось вширь и вглубь и все болѣе проникало его творчество, доходя до широкаго, всеобъемлющаго чувства благоволенія къ людямъ. Правда, многіе усматривали не прогрессъ, а регрессъ у Пушкина въ указанномъ отношеніи съ теченіемъ времени; мы часто слышали рѣчи о томъ, какъ онъ измѣнилъ идеаламъ своей пылкой и „гордой юности“, начавъ угождать большому свѣту, исполнившись презрѣніемъ къ нуждамъ и горю простыхъ смертныхъ и „покинувъ область живыхъ стремленій для областей холодной художественности“¹⁾, для отвлеченной сферы чистаго искусства; какъ, подобно дяку, о которомъ говоритъ будущій самозванецъ Григорій, „добру и злу внимая равнодушно“, онъ сталъ безразличенъ къ нравственнымъ принципамъ; какъ несправедливо вслѣдъ за Бѣлинскимъ усматривать

¹⁾ Чернышевскій, Критическія статьи (изд. 1893 г.), 83.

гуманное содержание въ его поэзіи и придавать ей воспитательное значеніе¹⁾; послѣ стихотвореній ранней юности въ своихъ стихахъ онъ не бичевалъ болѣе недостатковъ, тяготѣвшихъ надъ русской общественной жизнью, въ особенности же не обличалъ уже крѣпостного права, какъ въ своей юношеской „Деревнѣ“, и примирялся съ мрачной дѣйствительностью. Но въ русской литературной критикѣ давно уже высказывались и другіе взгляды, утверждавшіе и развивавшіе положенія Бѣлицкаго, особенно же уяснявшіе значеніе позднѣйшей поры Пушкинскаго творчества и его обращенія къ простымъ сферамъ жизни²⁾. И дѣйствительно, Пушкинъ не измѣнялъ гуманнымъ идеаламъ юности; правда, горячихъ криковъ негодованія, непосредственного обличенія, протеста не раздастся въ его стихахъ; являясь прежде всего художникомъ, избѣгая тенденціозности изображенія и обращенія поэзіи въ публицистику, онъ идетъ другимъ путемъ, онъ пишетъ яркія картины жизни, полныя глубокаго пониманія и проникновенія. И ко злу жизни онъ не равнодушенъ, и въ основаніи его картинъ, какъ старались мы выше показать, лежитъ нерѣдко та же чуткость къ неправдѣ и злобѣ людской, та же отзывчивость и участіе къ людскимъ страданіямъ, и мало того, сфера ея все расширяется, захватывая и тѣ мало замѣтныя явленія, которыя преглядитъ поверхностный взглядъ; онъ проглядѣлъ ихъ и въ творествѣ Пушкина... Но особенно характерною чертою гуманныхъ мотивовъ въ его творествѣ этой поры является не отрицательное, а положительное ихъ содержаніе, которое также старались мы выше отмѣтить, не протестъ противъ сильныхъ и высшихъ, а любовь и вниманіе къ низшимъ и слабымъ; все громче этотъ мотивъ въ его поэзіи, все ближе самъ поэтъ, а чрезъ него и читатель, къ этимъ людямъ. И развѣ это раскрытіе въ нихъ человѣческаго достоинства, это братское къ нимъ отношеніе не было въ ту пору и гражданскимъ подвигомъ?

И несомнѣнно, что русское общество, восхищаясь и удивляясь художественною красотой и изумительною отдѣлкой поэтическихъ образовъ великаго поэта, невольнo, можетъ быть

¹⁾ Особенно рѣзкое выраженіе такого взгляда—въ знаменитой статьѣ Писарева: Пушкинъ и Бѣлицкій (соч. Писарева, изд. 1891 г., V, 1—122).

²⁾ Таковы, между многими другими, работы Анненкова, а относительно послѣдняго пункта—особенно статьи Аполлона Григорьева и Страхова „Критическія статьи о Тургеневѣ и Толстомъ“, „Замѣтки о Пушкинѣ“).

безсознательно, проникалось и высокимъ, [истинно гуманнымъ] содержаніемъ ихъ и лежащимъ въ ихъ основѣ чисто человѣчнымъ, братскимъ отношеніемъ къ людямъ; этимъ онъ много сдѣлалъ для воспитанія и развитія этихъ чувствъ въ русскомъ обществѣ вообще, а тѣмъ самымъ въ частности по отношенію къ деревнѣ и крестьянину. И я убѣжденъ, что Пушкину, тому Пушкину, котораго такъ много и сильно порицали за его олимпійское равнодушіе къ вопросамъ жизни,—что ему мы должны приписать и крупную роль въ дѣлѣ уврачеванія недуговъ русской жизни, въ развитіи въ русскомъ обществѣ сознанія „неправды черной“ и „ига рабства“, и что, далѣе, его вліяніе отозвалось и въ тѣхъ великихъ законодательныхъ актахъ, которые обновили русскую жизнь, особенно же въ величайшемъ гуманномъ актѣ нашей исторіи, освобожденіи крестьянъ.

Да, поэтъ имѣлъ право сказать тѣ слова, которыя были упомянуты мною въ началѣ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
 И милость къ падшимъ призывалъ.

Не только *милость*, не только къ *падшимъ*; но глубокое чувство братской любви къ низшимъ и слабымъ, уваженіе чело-вѣка въ чело-вѣкѣ...

Быть можетъ, М. м. Г. г., новое славное имя озаритъ для насъ новый, приближающійся вѣкъ; но какъ драгоценное достояніе, завѣщанное намъ истекающимъ вѣкомъ, мы перенесемъ въ него имя Пушкина; онъ, этотъ знаменательный вѣкъ русской жизни, озаренъ именемъ поэта, во многомъ пре-дуказавшаго путь и направленіе нашего духовнаго развитія; и вся наша послѣдующая литература, быть можетъ лучшій плодъ этого развитія, въ лицѣ Тургенева, Достоевскаго, Толстого (не говоря о другихъ), съ ея любовью къ простымъ и „бѣд-нымъ людямъ“, съ ея глубокимъ вниманіемъ и сочувствіемъ къ страданіямъ и горю, которыми полна повседневная жизнь, къ явленіямъ, которыя оказываются „самыми простыми и обыкновенными, и самыми ужасными“¹⁾, шла по пути, указанному Пушкинымъ, исполняя его славные завѣты. И, памятуя эти завѣты,

¹⁾ Слова Л. Н. Толстого въ началѣ II-й главы „Смерти Ивана Ильича“.

„Его, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ“^{*)},—
и къ его великому нерукотворному памятнику—мы вѣримъ—
Не заростетъ народная тропа!

^{*)} Тютчевъ, На смерть Пушкина.

О нѣкоторыхъ анонимныхъ произведеніяхъ русской литературы конца ХУІІ и начала ХУІІІ стол.

Д. чл. И. Н. Михайловскаго.

I.

Книги составлены „Доводъ вкратцѣ“ (рукоп. Моск. Дух. Акад.) и „Предисловіе“ къ русской исторіи (рукоп. Импер. Публ. Библ. IV, F. 159) 1)

На первое разсужденіе, имѣющее слѣдующее подробное заглавіе: „Доводъ вкратцѣ, яко ученіе и языкъ эллино-греческій наипаче нужно потребный, нежели латинскій языкъ и ученіе, и чѣмъ пользуется славянскому народу“ 2) впервые указано было въ статьѣ „О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ ХУІІ столѣтіи“, помѣщенной въ прибавленіяхъ къ Твор. св. отцовъ 1845 г. (кн. 2-я) и приписываемой А. Горскому. Но осторожный изслѣдователь не коснулся вопроса о томъ, кто могъ быть составителемъ этого трактата.

Первая попытка дать отвѣтъ на этотъ вопросъ принадлежитъ преосв. Филарету, архіеп. Черниговскому. Въ своемъ „Обзорѣ русской духовной литературы“ (изд. 2-е, кн. I, 296—297) онъ высказалъ предположеніе, что это сочиненіе написано Павломъ Негребецкимъ, хотя доказательствъ въ подтвержде-

1) Читано 15 октяб. 1897 г.

2) Напечатано Н. Каптеревымъ въ прилож. къ статьѣ: „О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ...“ (Прибавл. къ Твор. св. отц. 1889 кн. VI).

нія этого мнѣнія никакихъ не представлено, кромѣ небольшой выдержки изъ „Довода“ о томъ, что бѣлоруссы принуждены учиться „латинскимъ языкомъ, скудости ради греческаго, кромѣ Львова, что учатся гречески“. Но такое указаніе на бѣлоруссовъ и Львовъ могъ сдѣлать не только „воспитанникъ Львовскаго училища,“ но и всякій другой. Языкъ же „Довода“, приближащійся къ московскому разговорному или, по крайней мѣрѣ, къ тому дѣловому языку, какимъ писали въ приказахъ, слишкомъ мало похожъ на книжный славянскій языкъ донесенія Павла Негребецкаго, отрывокъ изъ котораго приведенъ у преосв. Филарета. Точно также полное, можно сказать, отсутствіе въ „Доводѣ“ полонизмовъ или близкихъ къ нимъ провинціализмовъ, свойственныхъ малороссу или бѣлоруссу, говоритъ противъ основательности высказаннаго преосв. Филаретомъ предположенія.

Въ 1878 г. Г. Мирковичемъ въ его статьѣ „О школахъ и просвѣщеніи въ патриаршіи періодъ“, помѣщенной въ июльской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Просв. этого года, было вскользь высказано другое мнѣніе, что авторомъ и Довода, и другаго разсужденія о томъ же предметѣ былъ не кто иной, какъ чудовскій монахъ Евѳимій, на томъ основаніи, что „кромѣ его некому приписать ихъ“. Къ этому мнѣнію присоединился и С. Н. Брайловскій и нѣсколько полнѣе обосновалъ его въ статьѣ своей: „Отношенія Чудовскаго инока Евѳимія къ Симеону Полоцкому и Сильвестру Медвѣдеву“ (Русск. Филолог. Вѣстн. 1889, № 4). Основаніями для г. Брайловскаго послужили слѣдующія соображенія: 1, „Доводъ“ близокъ по содержанію къ другому сочиненію: „Учитися ли намъ полезнѣе грамматикѣ, риторикѣ, философіи и еѳологіи, и стихотворному художеству, и оттуда познавати божественная писанія, или не учася симъ хитростемъ, въ простотѣ Богу угождати и отъ чтенія разумъ святыхъ писаній познавати—и что лучше російскимъ людямъ учитися греческаго, а не латинскаго“—которое, по предположенію и г. Мирковича и г. Брайловскаго, принадлежитъ иноку Евѳимію; 2, въ „Доводѣ“ есть ссылки на авторитетъ Епифанія Славинецкаго, „что замѣчается во многихъ статьяхъ, несомнѣнно принадлежащихъ Евѳимію“; и наконецъ 3, сочиненіе „вышло изъ лагеря восточной партіи, самымъ виднымъ и дѣятельнымъ представителемъ“ которой былъ Евѳимій.

Нетрудно, конечно, на каждое из этих соображений привести и возражение. 1) Не доказано еще, что и другой-то трактат: „Учитися ли намъ полезнѣ...“ составленъ этимъ Чудовскимъ инокомъ; 2, на Елиф. Славинецкаго, какъ на авторитетъ, могъ ссылаться и всякій другой, не только Евоеимій; 3, если этотъ инокъ былъ самымъ дѣятельнымъ борцомъ „греческой части,“ то изъ этого не слѣдуетъ, что онъ былъ и единственнымъ ея представителемъ.

Но этого мало: въ самомъ „Доводѣ“ есть данныя, указывающія и на существенное различіе во взглядахъ составителей этихъ двухъ трактатовъ, а также и на то, что „Доводъ“ во всякомъ случаѣ составленъ не инокомъ Евоеиміемъ. Данныя эти слѣдующія: 1, въ „Доводѣ“ мы находимъ уступку и въ пользу изученія латинскаго языка: „А по греческомъ ученіи хотящему не вредительно учитися и латинскому“; на это врядъ ли согласился бы составитель другаго трактата, не отличающійся особою ширью своихъ взглядовъ, какъ видно это изъ осужденія „латинниковъ“ за то, что „святаго многострадальнаго Іова зовуть срамно“. 2, Если разсужденіе „Учитися ли намъ полезнѣ...“ держится въ своихъ доказательствахъ преимущественно богословско-религіозной почвы, то въ „Доводѣ“, напротивъ, на первомъ планѣ доказательства историческаго и литературнаго характера. 3, Врядъ ли инокъ Евоеимій или кто-другой, составившій разсужденіе „Учитися ли намъ...“ позволилъ бы себѣ ссылаться на всѣхъ тѣхъ „латинниковъ“ и тѣмъ болѣе на тѣхъ еврейскихъ и языческихъ писателей и ученыхъ, на которыхъ ссылается авторъ „Довода“. Наконецъ 4, языкъ „Довода“ никоимъ образомъ не позволяетъ признать его авторомъ инока Евоеиміа.

Въ этомъ трактатѣ мы найдемъ значительное количество неправильностей противъ языка, преимущественно синтаксическихъ (а иногда, пожалуй, и этимологическихъ). Вотъ важнѣйшія изъ нихъ: „Князь Владимиръ, *будуще* въ невѣрїи“; ни единыя не принялъ, кромѣ *въру греческую*“; „что оттуда придетъ, *какое нибудь дѣло есть*—чаятъ себѣ быти вредительно“; „*въру христіанскую* не восхотяше учитися“; который *будуще* посланъ отъ папы помирилъ“; „*подостойно* подобаетъ“; „*платониковъ, которыхъ* лутчіе отцы наши послѣдовали“; „*владяхуся ученіямъ* и нравами“; „съ латинскимъ языкомъ *сопрази*“; „*хотя бы иное не было*“; „*христіанскіе въры* не только

ползуетъ“; „или во астроологіи Птолемеа, и въ геометріи Эвклида, и въ риторикѣ Димостена, и въ докторство Инократа и Галина“; „которыми мощно употребляются“; „не учать ихъ высокими науками“; „въ Венеции сіяетъ, и во славной ихъ академіи въ Патавіи, притомъ въ Парижѣ французскомъ, въ Лондинѣ аглинскомъ, въ Лундунѣ галанскомъ, въ Прагѣ нѣмецкомъ, и во Италіи въ Римѣ, и во иныхъ и островахъ, какъ въ Керкирѣ, въ Хіѣ, въ Закипоѣ и во иныхъ многихъ“.

Могъ ли допустить подобнаго рода солецизмы въ своемъ трактатѣ русскій уроженецъ природный, какимъ былъ Еввоимій? Отвѣтъ можетъ быть только отрицательный. Такія ошибки возможны только у иностранца, который былъ знакомъ съ русскимъ языкомъ, даже довольно свободно, можетъ быть, говорилъ и писалъ на немъ, но все-таки не обладалъ тѣмъ чутьемъ языка, которое вырабатывается въ человѣкѣ по отношенію къ языку родному, и потому легко могъ сдѣлать ту или другую ошибку, и въ особенности въ падежахъ.

Кого же изъ образованныхъ иностранцевъ, жившихъ въ Россіи въ послѣдней четверти XVII столѣтія и притомъ интересовавшихся тѣмъ предметомъ, о которомъ трактуется въ „Доводѣ“, и достаточно свободно владѣвшихъ русскимъ языкомъ, назовемъ мы въ данномъ случаѣ, какъ не переводчика Посольскаго приказа Николая Спаарія? Нѣтъ надобности особенно останавливаться на томъ, что Спаарій былъ хорошо знакомъ съ тѣмъ вопросомъ, о которомъ трактуется въ интересующемъ насъ сочиненіи; несомнѣнно, что на Москвѣ онъ считался однимъ изъ ученѣйшихъ и опытнѣйшихъ педагоговъ; наконецъ, какъ на компетентнаго человѣка, указывали на Спаарія и свято-гробскіе греки, руководившіе въ этомъ дѣлѣ московскою греческою партіею.

Но не одни эти соображенія заставляютъ насъ признать Спаарія авторомъ „Довода“ И въ языкѣ и въ самыхъ приемахъ изложенія этого сочиненія мы найдемъ много общаго съ языкомъ и литературными приемами сочиненій Спаарія.

Спаарій любитъ, напр., ссылаться на мнѣнія самыхъ разнообразныхъ писателей: и духовныхъ и свѣтскихъ, и христіанскихъ и языческихъ. Такъ въ предисловіи къ Хрисмологіону онъ ссылается на „древнюю притчу“, т. е. пословицу, на Григорія Богослова, Василія Македонянина, Поливія, Кикерона, посланіе отъ Павла къ Тимошею, на Солона, „воспѣваніе“ Бо-

городицы, Сенеку, Плутарха, Фалиса, стихи древніи, Феодорита, Августина, Клавдіана творца, Амвросія, Игнатія, Зонару, Юлія Кесаря и Соломона. Въ 1-й главѣ Хрисмологіона такихъ ссылокъ 15, во 2-й болѣе 30 и т. д. Въ предисловіи къ Сивилламъ дѣлаются ссылки на Давида, Никифора Ксанопула, богослововъ, Дѣянія апостольскія. Библию, Фаворина, синаксарь, Исходъ, первыя Царства, Григорія Нисскаго, апостола Павла, евангел. Іоанна, Іоанна Дамаскина, Аристотеля и Климентя Александрійскаго (да перечислено около 30 именъ авторовъ древности и новаго времени, писавшихъ о сивиллахъ); въ 7-й главѣ „Книги о сивиллахъ“—такихъ ссылокъ—20.

То же самое видимъ мы и въ „Доводѣ“; здѣсь приведены въ свидѣтельство и примѣръ: лѣтописцы древніе русскіе, греческіе и славенскіе историки, Павелъ Піязецій, Бароній, Антоній Посевинъ, „отцы наши крайніе богословы“, Квинтиліанъ, Геллія, Орацій, Цицеро, Геронимъ, Лукрецій, Липсій, Мелетій Смотричъ, отецъ Епифаній и Александръ Гегія.

Приводя стихи греческіе и латинскіе, Спаарій даетъ ихъ подстрочный переводъ, не заботясь о размѣрѣ, а сохраняя только число строкъ оригинала. Тоже самое находимъ мы и въ „Доводѣ“ въ передачѣ стиховъ Александра Гегія.

Иностранныя собственныя имена Спаарій передаетъ не съ такой послѣдовательностью, къ какой болѣе или менѣе привыкли мы, а такъ, какъ читаетъ ихъ въ той книгѣ, которой пользуется въ данномъ случаѣ. Такъ въ Хрисмологіонѣ почти рядомъ стоитъ и Омиръ и Гомерусъ, Амвросій и Амбросій, Унни и Хупни. То же самое и въ „Доводѣ“: Димостенъ, Омиръ, Галицъ, Эрмпсъ и Орацій, Цицеро, Цицерона; Іеронимъ и Геронимъ, Гегій и Хегій.

Но еще рѣзче бросается въ глаза сходство въ языкѣ или, точнѣе сказать, въ ошибкахъ противъ русскаго языка. Важнѣйшіе солецизмы „Довода“ нами уже были приведены. Они заключаются 1, въ неправильномъ употребленіи падежей вообще—и между прочимъ а) въ употребленіи предлога „въ“ съ винит. пад. вмѣсто предложнаго, б) въ злоупотребленіи, такъ сказать, винит. падежомъ и въ другихъ случаяхъ и г) въ неправильномъ употребленіи именит. падежа при отрицательномъ глаголѣ „нѣтъ“, 2, въ несогласованіи причастій и т. п.

Первый, весьма характерный солецизмъ (а) мы постоянно встрѣчаемъ у Спаарія. Вотъ нѣсколько примѣровъ для

образца изъ разныхъ его сочиненій: „во *вѣщбу*“—т. е. въ предсказаніи—„яже Крису царю воздадеся, именованъ бысть полуосель, сирѣчь мескъ“ (Хрисм.); „понеже убо во *еллинскій и латинскій языкъ* тое краеграніе отъ тѣхъ стиховъ собирается“ (Сивиллы); „три пути ихъ называются во *философію*“ (Музы); „три части мѣсяца: календи въ *начало*, поне—посреди, идусь— въ *конецъ*“ (Ариом.); „тотъ народъ татарскій живеть и въ *восточную татарскую старую землю*“ (Тат. книж.); „объ этой стѣнѣ напишемъ въ *книгу* во описаніи Китайского государства“ (Стат. спис.) и т. п.

Вотъ нѣсколько примѣровъ употребленія винит. пад. вмѣсто другихъ падежей въ другихъ случаяхъ: „по *оба берега* ея живутъ“; „межъ *Асію и Европію*“ (Дневн. пути по Сибири); „власть надъ *Европію* и надъ *Асію*“; „по благополучномъ совершенію *вашу*, В-ого Г-ря, *службу*“ (отписки); въ pendant къ выраженію „Довода“: „*которыхъ* отцы наши послѣдовали“—приведу выраженіе изъ Татарской книжицы: „*обычай* отца своего слѣдовалъ“.

Неправильное употребленіе именит. пад. при „нѣтъ“: „Нѣтъ *моею государство*“ (Опис. Китая); „еще нѣтъ *время* оставити тебя одного“ (Тат. кн.); „про Байкала *никакое воспоминаніе* нѣтъ“; „и *имя* ей нѣтъ“ (Дневн.); „когда строили, на горахъ каменія не осталось, а на степяхъ *песокъ*“ (Стат. спис.).

Несогласованіе причастій: „Философъ, иже—всегда посмѣваяся, о всѣхъ вещехъ *малоюше*, яко всякая смѣху достойна суть“ (Сивиллы); „а зимнею порою мерзнуть Байкалъ *начинающе* около Крещеньева дни и стоитъ до мая мѣсяца“; „а отъ того мѣста внизъ по Иртышу *плавающе* впадетъ въ рѣку Иртышъ великая рѣка Тоболъ“ (Дневн. пути по Сибири).

Изъ неправильныхъ формъ, соотвѣтствующихъ формъ „сопряжи“, можно указать на „обтечать“ (Хрисм.) и „возбодить“ (Сивиллы).

Тому же Н. Спаарію должно быть приписано составленіе и указаннаго въ заглавіи нашей статьи „предисловіе“. Предисловіе это находится въ рукописи Имп. Пуб. Библ. IV F. 159 (бывш. Толст. отд. I, № 237) и помѣщено вмѣстѣ съ черновыми набросками переводовъ разныхъ отрывковъ историческаго содержанія передъ Степенною книгой. Это предисловіе

издано Е. Е. Замысловским¹⁾; а затѣмъ коснулся его Кояловичъ въ своемъ сочиненіи: „Исторія русскаго самосознанія...“²⁾

Предисловіе это заключаетъ въ себѣ послѣ общихъ соображеній о стремленіи человѣка къ знанію и о важности въ этомъ отношеніи исторіи—1, указанія на требованія, предъявляемыя къ историческимъ сочиненіямъ Евстафіемъ, архіеп. Θεσσαλονικійскимъ, Діонисіемъ Галикарнасскимъ и др., и 2) краткій панигирикъ царю Θεодору Алексѣевичу, объясняющій между прочимъ, „какихъ рзди причинъ сія книга и исторія сложена“. Такою причиною было царское повелѣніе, „изо всѣхъ историковъ древнихъ и новыхъ, не токмо славенскихъ и русскихъ, но и еллинскихъ, и латинскихъ, и польскихъ собрати во единой исторической книгѣ—откуда произведется народъ московскій, и русскій, и славенскій, и какія ихъ начала и протчая, и потомъ по чину и по вѣкомъ до сихъ временъ что учинилося въ россійскихъ государствахъ, и—всякія дѣла припоминати, елико божественное, и елика гражданскія, посольскія и воинскія.“

Приписываемъ мы составленіе этого „предисловія“ Н. Спаарію, а не кому другому по слѣдующимъ соображеніямъ. Языкъ произведенія своими неправильностями обнаруживаетъ въ авторѣ иностранца, а дѣльность изложенныхъ мыслей доказываетъ его хорошую научную подготовку. Затѣмъ время когда было написано это предисловіе, время, ограниченное очень тѣсными рамками царствованія царя Θεодора Алексѣевича (1676—1682), было таково, что, дѣйствительно, *некому* другому, кромѣ Спаарія, приписать этотъ трудъ; Спаарій же долженъ былъ заявить о себѣ чѣмъ нибудь подобнымъ. Не слѣдуетъ забывать, что, когда въ сентябрѣ 1679 года, по сдачѣ отчета о своемъ посольствѣ, Спаарій снова былъ зачисленъ на службу въ Посольскій приказъ съ прежнимъ помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ, но съ половиннымъ поденнымъ кормомъ, ему обѣщана была прибавка „смотря по его работѣ“, „какъ онъ службу свою впредь покажетъ“. Такимъ образомъ прямой интересъ Спаарія требовалъ, чтобы онъ показалъ свою „работу“, свое усердіе къ службѣ; эта работа и раньше заключалась главнымъ образомъ въ соста-

¹⁾ Царствованіе Θεодора Алексѣевича. ч. I стр. XXXV—XLII.

²⁾ Стр. 87—88.

вленія трудовъ въ родѣ Хрисмологіона, Василиологіона, имѣвшихъ въ виду кромѣ прямой своей задачи и восхваленіе царствовавшего тогда царя Алексѣя Михайловича; естественно было и теперь составить новый трудъ, русскую исторію, съ цѣлю прославленія новаго царя.

На Спаарія указываетъ также внесеніе въ текстъ предисловія требованія, „чтобы исторія та не противилася бы противъ исторію четырехъ мопархіяхъ“. Вѣдь не кто другой, какъ Спаарій въ своемъ Хрисмологіонѣ, писалъ объ этихъ четырехъ мопархіяхъ, ставя въ преемственную связь съ ними и русское самодержавіе; и совершенно понятно, почему и теперь въ приготовляемой для прославленія новаго государя исторіи онъ настаиваетъ на этой связи.

Похоже разбираемое предисловіе на спааріевы труды и по приемамъ изложенія. Начинается, напр., оно съ разсужденія о значеніи для познанія чувства вообще и зрѣнія въ частности, а затѣмъ авторъ переходитъ къ исторіи и доказываетъ ея важность и пользу. Подобнымъ же образомъ построено и предисловіе къ „Книгѣ іероглифійской“, въ которомъ Спаарій сначала развиваетъ положеніе, что „ничто сице честно, и ничто сице древне, ничто сице благоувѣтно — — яко время“ и послѣ разсужденій общаго характера переходитъ къ удивительнѣйшему „между всѣхъ иныхъ времене дѣлъ“, къ „живописанію“ древнему, „нарицаемому іероглификонъ“.

Въ первыхъ же строкахъ предисловія къ русской исторіи приводится мысль Аристотеля. что „всѣ человѣцы естественно желаютъ вѣдати“. Эти же слова Аристотеля помѣщены и въ началѣ „предглаголанія“ въ „Книгѣ о сивилляхъ“ „преизрядное видится быти древнее оное верховнаго Аристотеля реченіе — — се есть вси человѣцы естественно вѣдати желаютъ“ „Пролегоменоць“ въ Хрисмологіонѣ начинается словами Аристотеля же, что „чинъ есть во всѣхъ вещехъ свѣтъ и вождь, во еже разумѣти я“. Въ началѣ предисловія къ Василиологіону читаемъ слова Платона: „образъ есть Божій—царь на землѣ“.

Какъ въ выше разсмотрѣнномъ нами „Доводѣ“, какъ во всѣхъ вообще сочиненіяхъ Спаарія, такъ и въ разбираемомъ предисловіи сдѣлано довольно много ссылокъ на писателей: на „крайнѣйшаго философа Аристотеля“, на Платона, Кикерона, Оукидида, Поливія, Василия Македонянина, на разныхъ

историковъ, на Евстафія, архіеп. Фессалоникійскаго, Діонисія „Аликарнасея“, Тацита и на „ученыхъ людей разныхъ народовъ.“

Приступая къ разъясненію значенія исторіи, составитель предисловія прежде всего разбираетъ этимологию этого греческаго слова: „Исторіи имя и реченіе предивный Платонъ философъ произведетъ отъ истаме и русъ, еллинску, се есть отъ задержанія теченія, потому что исторія вещь и дѣла текущія мира сего описаніемъ своимъ будто заключить въ себѣ и задержать, или исторо, по—еллински толкуется зрю и смотрю, понежъ смотреть, яко въ зеркаль, исторія многіе и розныя вещи и дѣла міра сего“.—Вотъ совершенно аналогическое мѣсто изъ „Мусъ“: „Именованіе же имъ мусы, Платонъ философъ пишетъ въ словѣ своемъ Кратиль, яко отъ мосее, сирѣчь снизскати получиша, понеже и ученіе снизскаеть. Иніи же мусы нарицаху, яко омуусасъ, сирѣчь вкупѣ бывающе есть бо во ученіи подобіе и нѣкое связаніе совокупленія, въ нихже вся между ими совокупаются и сочиняются—Евсевій же пишетъ, яко муса отъ мнинъ, сирѣчь учитися, произведеса“. Съ такого этимологическаго толкованія начинается каждая глава въ „Мусахъ“; постоянно прибѣгаетъ къ этому приему Спафарій и въ другихъ сочиненіяхъ.

Не можемъ не остановиться еще на одной подробности, хотя по существу и неважной. Говоря, какъ дѣлится у Евстафія Фессалоникійскаго гражданская исторія, и приводя эти греческіе термины, авторъ предисловія и въ русской фразѣ сохраняетъ греческій союзъ *κἠ*: „раздѣляется“, говоритъ онъ, „въ топиконъ, прагматиконъ, хрониконъ, *κε* генеалогиконъ“. Совершенно сходные случаи найдемъ мы и у Спафарія. Такъ въ своемъ Дневникѣ пути по Сибири, приводя греческія и латинскія названія для Уральскихъ горъ, онъ не только въ первомъ случаѣ сохраняетъ это *κε*, но ставитъ его и вмѣсто соотвѣтствующаго латинскаго союза: „а по-еллински Оря Рифея *κε* Ипервореа, а по-латински Монтесъ Рифеи *κε* Иперборей“.

Наконецъ, неправильность языка предисловія мы не можемъ не признать за важнѣйшее и убѣдительнѣйшее доказательство принадлежности этого предисловія Спафарію. Но прежде чѣмъ перейти къ разбору этихъ неправильностей, считаемъ нужнымъ оговориться, что ихъ въ предисловіи еще

больше, чѣмъ въ „Доводѣ“, потому что мы имѣемъ дѣло съ черновымъ наброскомъ, въ которомъ авторъ, при окончательной обработкѣ, можетъ быть, устранилъ бы многіе промахи.

И здѣсь, какъ и въ „Доводѣ“, находимъ мы случай употребленія винит. пад. вмѣсто предложнаго послѣ „въ“: „что подобаеть во *исторію* молчанію предати“; также находимъ вин. пад. вмѣсто родит. „противъ *исторію*“. Но кромѣ того мы видимъ здѣсь нѣсколько случаевъ смѣшенія во множ. числѣ родит. пад. съ предложнымъ: „черезъ нашихъ *и куствахъ* и *случаяхъ*“, „изъ добрыхъ и достовѣрныхъ прежнихъ *историкахъ*“, „противъ исторію четырехъ *монархиахъ*“, „объ исторіи и *историковъ*“, „о своихъ предкахъ и *народовъ*“ и „о приключившихся *дѣлъ*“. Подобныя ошибки попадаютъ и въ трудахъ Спаарія: „ничтоже помянути хотятъ *совидѣніихъ* своихъ“ (Хрисм.); „отъ многжды паки *писаніяхъ* книгъ ея“, „иже во всѣхъ древнихъ *отцехъ* похвальніи суть“, „между стиховъ и *предреченіяхъ*“ (Сивиллы) и т. п.

Въ „Доводѣ“ отмѣчено было нами несогласованіе краткаго причастія; здѣсь оно замѣняется уже русскимъ дѣпричастіемъ, и также ставится иногда не на мѣстѣ: „а житіе наше *будучи* краткое исторія научить насъ“; „*будучи* любомудрый въ царехъ и *хотя* московскаго народа и російскаго преукрасити всякими добродѣтелями и ученіями — насади Богъ въ сердца его...“ — Такія ошибки при сокращеніи обстоятельственныхъ предложеній мы часто встрѣчаемъ въ тѣхъ произведеніяхъ Спаарія, которыя писаны не славянскимъ, а русскимъ языкомъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: „*будучи* отъ Самаровскаго яму, во многихъ мѣстахъ стрѣтили меня льды самыя великіе“ (отписка); „*будучи* въ Тобольскъ, течеть рѣчка Вагай“ (Дневн. пути по Сибири); „Адамъ Шаль, который еще *будучи* владѣтели никанскіе ханы прѣхаль въ Китай“ (Стат. спис.); „однакоже *докучая* ему ево ближніе люди“ (ханъ) „указъ учинилъ“ (Татар. кн.); „какъ о томъ и езуиты, *будучи* мы ныне въ царствѣ и *поговоря* съ ними, удивились“ (Опис. Китая) и т. п.

Нельзя не указать на ошибку въ образованіи глагольной формы — „умолчилися“.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ оговориться, что было бы полезно остановиться и на лексической сторонѣ языка обоихъ интересующихъ насъ произведеній, но за неимѣніемъ

къ тому средствъ принуждены отказаться отъ этого: какъ нѣтъ вообще хорошаго лексикона русскаго языка XVII в., такъ нѣтъ у насъ подъ руками и сочиненій Спаарія; тѣ очень небольшія по своему объему выписки изъ разныхъ его произведеній, которыя сдѣланы нами совсѣмъ для другихъ цѣлей, даютъ слишкомъ мало матеріала. Можно было бы сравнить языкъ предисловія съ языкомъ „Довода“, и въ этомъ случаѣ мы замѣтили бы нѣкоторое сходство въ выборѣ словъ и выраженій: въ „Доводѣ“, напр., мы находимъ выраженіе „нужнонадобный“, въ предисловіи — „нужнопотребный“, въ „Доводѣ“ — „польза *производится*“, въ предисловіи — „*произвели* что есть поэзія“, въ „Доводѣ“ — „типографіи предати“, въ предисловіи — „въ типографію предати“. Но если бы оказалось и нѣкоторое различіе въ языкѣ этихъ произведеній -- собственно въ лексическомъ отношеніи -- то и это не противорѣчило бы нашему мнѣнію о принадлежности обояхъ трудовъ Спаарію: языкъ его произведеній не можетъ быть названъ установившимся, и славянскій языкъ Хрисмологіона значительно отличается отъ такого-же языка Ариемологіи или Книги о сивиллахъ и во многомъ несхожъ съ русскимъ языкомъ Описанія Китая или Татарской книжицы.

II.

О рукописи Импер. Публичной Библиотеки Q, I, 327 (бывшей
Графа Толстого—II, 251). ¹⁾

Рукопись Импер. Публ. Библиотеки Q, I, 327, находившаяся прежде въ собраніи Графа Толстого (II, 251), впервые была указана въ описаніи рукописей послѣдняго Строевымъ. Она была охарактеризована слѣдующими словами: „Сочиненіе нравственнаго содержанія, раздѣленное на 4 главы, изъ коихъ остался начальный листъ первой и вся послѣдняя; все же прочее утрачено. Въ началѣ помѣщены *Стихи о Слово Божіи, еже есть хлѣбъ животный* и *Предисловіе ко пречестнѣйшему Князю Петру Михайловичу Черкасскому, въ чину ученичества возлежащему*, отъ его учителя“. Затѣмъ Н. А. Лавровскій, подробно разбирая содержаніе этой рукописи въ своей статьѣ: „Памятники стариннаго русскаго воспитанія“ ²⁾ издалъ все „предисловіе“ цѣликомъ, а другія части рукописи въ выдержкахъ. И Строевъ и Лавровскій такимъ образомъ видѣли въ разсматриваемой рукописи сборникъ, состоящій изъ двухъ отдѣльныхъ частей, только благодаря случаю, чисто внѣшнимъ образомъ соединенныхъ въ одной тетрадь. ³⁾

Значительно позже М. И. Демковъ, собирая матеріалъ для своей „Исторіи русской педагогикѣ“, остановился на этой рукописи ⁴⁾, пользуясь впрочемъ статью Н. А. Лавровскаго;

¹⁾ Читано 4 февр. 1895 г.

²⁾ Чтенія Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1861 г. кн. 3-я.

³⁾ Н. А. Лавровскій считалъ даже весьма вѣроятнымъ, что „утраченное“ въ рукописи „было сочиненіе Епифанія Славинецкаго, его—Гражданство и обученіе нравовъ дѣтскихъ“.

⁴⁾ Между прочимъ рефератъ о ней былъ прочитанъ въ томъ-же заведеніи нашего Общества, какъ и печатаемая статья, а затѣмъ составилъ 24-ю главу 1-го тома „Исторіи русской педагогикѣ“.

поэтому и онъ принимаетъ эту рукопись за сборникъ и даже предлагаетъ называть „педагогическимъ сборникомъ XVII в.“

Къ сожалѣнію, ни Строевъ, ни Лавровскій не обратили вниманія на то, что нѣкоторые листки въ рукописи перепутаны, и потому принимали „предисловіе“— 1, за нѣчто цѣлое и 2, за нѣчто отдѣльное отъ остальной рукописи. Мы имѣемъ въ виду прежде всего указать на неправильность такого взгляда на интересующую насъ рукопись.

Въ этомъ „предисловіи“—какъ понимается его составъ Строевымъ, Лавровскимъ и Демковымъ—заключается въ дѣйствительности двѣ части одного цѣлаго, органическимъ продолженіемъ котораго является дальнѣйшій текстъ рукописи. Части эти: 1, собственно предисловіе, обращенное къ Князю П. М. Черкасскому (безъ конца), и 2, первая глава (также безъ конца) разсматриваемаго нами сочиненія, обращенная уже къ родителямъ упомянутаго князя, къ князю Михаилу и Княгинѣ Марѣ Черкасскимъ, та глава, отъ которой—по мнѣнію Строева и Н. А. Лавровскаго—сохранился будто бы одинъ листокъ. Что предисловіе—въ нашемъ ограниченномъ нами смыслѣ—должно быть отдѣлено отъ другой неправильно присоединенной къ нему части, на это указываетъ та бессмыслица, которая получается при неразрывномъ чтеніи этого предисловія. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли какой нибудь смыслъ въ словахъ: „сего ради умыслихъ азъ благородія твоего православною душѣ внимающей и всѣмъ богатствомъ, яко малому песку противу горѣ велицѣй, вмѣнитися отъ него“? Между тѣмъ стоитъ прочесть начало 1-й главы, сохранившееся на 33-мъ листѣ рукописи, и соединить съ словами: „и всѣмъ богатствомъ...“, словами, съ которыхъ начинается 5-й листъ рукописи,—и мы получаемъ одно неразрывное цѣлое, въ которомъ говорится, что Соломонъ возлюбилъ премудрость и передъ нею ставилъ ни во что и власть и всевозможныя богатства: „Егда вся разсмотрѣ, едину мудрость выше всѣхъ превознесе толико, якоже всѣмъ царствомъ, престоломъ, достоинствомъ, каменіемъ честнымъ, бисеромъ, злату, серебру, и всѣмъ богатствомъ, яко малому песку противу горѣ велицѣй, вмѣнитися отъ него“¹⁾.

¹⁾ Эти слова—встать сказать—и въ такой именно послѣдовательности находятся у Симеона Полоцкаго въ первомъ словѣ въ день св. Григорія Богослова (Вечера душевная—л. 223 об.)

Такимъ образомъ въ предисловіи своемъ составитель интересующаго насъ памятника, воспользовавшись текстомъ предисловія къ „Обѣду душевному“ Симеона Полоцкаго и потому въ прямомъ соотношеніи съ приведенными въ видѣ эпиграфа и позаимствованными отсюда же стихами о хлѣбѣ духовномъ, развиваетъ мысль о необходимости для человѣка этого хлѣба духовнаго, духовной пищи, каковую въ видѣ составленнаго имъ сочиненія и предлагаетъ „душѣ вникающей“ маленькаго князя. Много ли утрачено изъ этого предисловія, сказать трудно. Можетъ быть, недостаетъ только нѣсколькихъ строкъ, а можетъ быть—и нѣсколькихъ листковъ, но во всякомъ случаѣ не болѣе 5. ¹⁾ Наименьшее количество утраченнаго текста собственно предисловія можетъ быть принято потому, что послѣ предисловія на недостающихъ пяти листахъ могло быть помѣщено оглавленіе, одинъ листокъ могъ быть занять даже рисункомъ.

Не останавливаясь на содержаніи первой главы, такъ какъ оно изложено и у Лавровскаго и у Демкова, а текстъ ея помѣщается у насъ въ приложеніи, замѣтимъ только, что глава эта имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Яко подобаетъ отъ юности дѣтемъ прилѣжати ученію, родителема же сихъ принуждати прилѣжно Божественнаго закона наказанію и мудрости снисканію, духовнаго же и гражданскаго жительствова ко обученію“. Изъ этой главы утрачено какихъ-нибудь 2—3 листа въ самомъ концѣ, и утраченное можно возстановить—согласно съ мнѣніемъ М. И. Демкова—вполнѣ по Обѣду душевному (Слово 2-е въ недѣлю 34-ю по Сошествіи св. Духа).

Изъ слѣдующихъ главъ въ рукописи сохранилось нѣсколько разрозненныхъ листковъ третьей и четвертой главъ, и эти сохранившіеся листки также перепутаны. Внимательное сличеніе л. 34 съ обор. л. 39 показываетъ, что этотъ послѣдній первоначально, когда текстъ былъ только что написанъ,

¹⁾ Вотъ схема расположенія сохранившихся и утраченныхъ листковъ—послѣдніе мы обозначимъ буквами—первыхъ пяти тетрадей рукописи, какъ представляется оно намъ: тетр. I: а, б, 1, 2, 3, 4, в, г; II: д, е, ж, 33, 5, 6, 7, 8; III: 9—16; IV: 17—24; V: 25—32. Третья, четвертая и пятая тетради сохранились вполнѣ, съ помѣтами тетрадей внизу перваго листа каждой. На первомъ же изъ сохранившихся листовъ первой тетради такой помѣты нѣтъ; поэтому-то мы и думаемъ, что впереди также вырванъ одинъ или два листа (послѣднее вѣроятіе).

находился непосредственно передъ л. 34: невысохшая еще на этомъ листѣ киноваръ въ заглавіи главы четвертой отклеилась на протяженіи почти дюйма и прилипла къ обор. л. 39-го, гдѣ и засохла. Такимъ образомъ л. 39-й и 1—2 изъ предшествующихъ листковъ ¹⁾ принадлежали къ третьей главѣ, что и естественно, такъ какъ на этихъ листкахъ помѣщены молитвы, читаемыя утромъ „возставъ отъ сна“; а въ главѣ 4-й находятся молитвы, читаемыя днемъ—передъ всякимъ дѣломъ, передъ уходомъ изъ дому въ школу и т. д. Въ утраченной цѣликомъ второй главѣ, вѣроятно, помѣщены были Молитва Господня, Символь вѣры и заповѣди. Такъ готовы мы думать на основаніи словъ Обѣда душевнаго относительно „чина ученія“: „Первѣе да учать, прежде всѣхъ словестъ глаголати Господню молитву и архангельскій гласъ къ Богородицѣ; второе — да учатся Символу вѣры христіанскія; третіе, еже заповѣди Божія знати....“ Въ главахъ же третьей, четвертой и, можетъ быть, пятой—помѣщены были молитвы, читаемыя утромъ, днемъ и вечеромъ передъ сномъ, согласно съ шестымъ правиломъ того же „чина ученія“: „Шестое учити достойтъ еже утро и въ вечеръ отъ сна воставше и на сонъ грядуще молитися—о прешедшихъ благодарствіе Богу возсылати, о грядущихъ же прошеніе дѣяти“.

Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ 3-ей и 4-й главъ, принадлежащія перу самого составителя:

„Егда часъ востанія приидеть, вскорѣ востани и возложи на себе знаменіе креста святаго, размышляя иже еси новымъ добродѣйствомъ обязанный къ дѣланію и благодаренію Всемиловитому Богу, который присное о души и тѣлеси здравія твоего попѣченіе имѣеть, пачеже хранися излишнихъ и непотребныхъ мыслей, да не сотворятъ разрушеніе хотящей быти отъ тебе молитвы къ Богу. И тако молитися начни“ (л. 35).

„А егда во одежды облачишися, розмышляй и проси Христа Господа, да дастъ ти совлещися истмы дѣланія и облещися во свѣтлость добродѣянія и правды, еуже возможеши силно противитися всѣмъ искушеніемъ дьявол-

¹⁾ Къ главѣ 3-ей, повидимому, принадлежатъ л.л. 35, 36 и 39; на первомъ изъ этихъ листовъ помѣта тетради—7; а къ главѣ 4-й относятся л.л. 34, 37 и 38.

скимъ. Къ сему можешъ и сіе краткоо отреченіе сатаны не безъ духовной ползы глаголати“... (л. 36).

„Кая иматъ отрокъ въ церкви блюсти и во умѣ обращати: Да вѣсть убо отрокъ, храмъ Божій не жилище быти разбойникомъ, но молитвы домъ; сего ради тамо дѣянїя безмѣсная и глумы, игранїя дѣлаяй, да не явится; егда же пѣти время, да творить самое сіе со благоговѣніемъ и отъ Бога да просить милость чрезъ молитвы и іная размышленїя благоговѣнная получитьи благовременнаго прошенїа“... (л. 37)

Сколько главъ и какого содержанїя заключалось въ недостающихъ далѣе тетрадахъ, сказать что-либо опредѣленное невозможно. Во всякомъ случаѣ послѣдняя глава—которая счетомъ, мы не знаемъ—заключала въ себѣ сводъ нравственныхъ изреченїй изъ разныхъ книгъ Св. Писанїя, расположенныхъ по категорїямъ взаимныхъ отношенїй между людьми. Отъ этой главы сохранились послѣднія три (14—16) тетради рукописи.

Но какъ ни мало сохранилось отъ разныхъ главъ этого сочиненїя (кромѣ первой и послѣдней), тѣмъ не менѣе можно съ достаточною увѣренностью сказать, къ какому роду произведенїй долженъ быть отнесенъ интересующїй насъ памятникъ XVII стол. По нашему убѣжденїю, это не что иное, какъ книга для первоначальнаго обученїя или, проще сказать букварь, подобный букварямъ Бурцова, Карїона Истомина, Поликарпова и др.: всѣ они обязательно заключаютъ въ себѣ и важнѣйшія молитвы и нравственныя наставленїя. Поэтому мы думаемъ, что правильнѣе всего называть разбираемое сочиненїе „букваремъ, составленнымъ для Гнѣздя П. М. Черкаскаго“.

Кѣмъ же былъ составленъ этотъ букварь? Н. А. Лавровскїй высказалъ предположенїе, что составителемъ могъ быть кто либо изъ ученыхъ южноруссовъ или бѣлоруссовъ. Л. Н. Майковъ затѣмъ первый указалъ ¹⁾ на то, что составитель пользовался проповѣдями Симеона Полоцкаго, а М. И. Демковъ готовъ считать Симеона Полоцкаго и самимъ составителемъ. Вѣрно-ли или нѣтъ предположенїе Демкова—во всякомъ случаѣ ему принадлежитъ честь внимательнаго сличенїя

¹⁾ Очерки изъ исторїи русской литературы XVII и XVIII столѣтїя. С.П.Б. 1889 (стр. 153).

нія текста предисловія и первой главы этого сочиненія съ проповѣдями Симеона Полоцкаго. Сличеніе это показало, что половина—если не больше—предисловія взята изъ предисловія къ „Обѣду душевному“, а первая глава почти во всемъ своемъ объемѣ, но только разбитая на свои составныя части, дословно находится въ пяти словахъ Симеона Полоцкаго. Естественно поэтому было сдѣлать заключеніе что Симеонъ Полоцкій и былъ составителемъ этого предисловія и первой главы букваря, причемъ ему нужно было только соединить въ одно цѣлое эти отдѣльныя мѣста своихъ проповѣдей.

Но съ такимъ заключеніемъ согласиться нельзя, и вотъ почему: 1) объ отношеніяхъ Симеона Полоцкаго къ современникамъ сохранилось довольно много извѣстій, и они собраны въ изслѣдованіи Татарскаго ¹⁾; но между именами покровителей и друзей Полоцкаго имени Князя Черкаскаго мы не встрѣчаемъ. 2) Въ это же приблизительно время (въ 1679 году) въ Верхней типографіи былъ напечатанъ букварь, въ составленіи котораго принималъ участіе самъ Симеонъ Полоцкій. ²⁾ Естественно-ли, чтобы сейчасъ же послѣ этого онъ сталъ составлять новый букварь? Поднесеніе такого вновь составленнаго букваря, кажется намъ, прямо указывало бы на неудовлетворительность только что изданнаго. 3) Самое время оставленія интересующаго насъ букваря противорѣчитъ заключенію М. И. Демкова. Симеонъ Полоцкій умеръ, какъ извѣстно, въ 1680 году, въ концѣ августа, а букварь составленъ несомнѣнно позже: въ 1-й главѣ его уже упоминается о Князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Черкасскомъ, родившемся вскорѣ послѣ смерти Полоцкаго, въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года ³⁾ При этомъ составитель букваря употребилъ такое выраженіе, которое заставляетъ думать, что этотъ княжичъ былъ тогда не новорожденнымъ младенцемъ, а постарше. Вотъ какъ сказано о немъ: „Князя Петра и Князя Алексія, *во училище* сущихъ“. Это выраженіе заставляетъ насъ относить составленіе букваря по крайней мѣрѣ къ срединѣ, если не къ концу восьмидесятихъ годовъ.

Такимъ образомъ вопросъ о принадлежности—въ смыслѣ

¹⁾ Симеонъ Полоцкій (его жизнь и дѣятельность). М. 1883.

²⁾ Тамъ же, стр. 244—24.

³⁾ Пам. стар. русск. воспитанія—стр. 69.

авторства—Симеону Полоцкому составленнаго для князя Черкаскаго букваря долженъ быть рѣшенъ отрицательно; но нѣтъ ли указаній на кого-либо другого? По нашему мнѣнiю, ихъ можно найти.

Если мы обратимся къ тѣмъ нравственнымъ наставленiямъ которыя помѣщены въ послѣдней главѣ нашей рукописи, то сразу бросается въ глаза значительное несходство приведенныхъ въ рукописи текстовъ съ текстами славянской Библии. Вотъ важнѣйшiе (далеко не всѣ) примѣры.

Рукопись.

Библия 1663 г.

и почести лице стараго (Лев. 19). и почти лице старчо...

Не сотворите неправедное въ судѣ, въ аршинахъ, въ мѣрахъ, въ вѣсахъ, въ фунтахъ вѣсъ праведный, лакоть праведенъ, мѣра праведная, и черпало праведное да будетъ въ васъ (Тамъ же).

Да не сотворите неправды въ судѣ, въ мѣрилѣхъ, и въ стоялѣхъ и въ перевѣсахъ присно правдивы мѣры, и судъ праведенъ да будетъ въ васъ.

Достовѣрнѣйши суть язвы любимича (Прит. 26)

Достовѣрнѣйши суть струпи друга (Прит. 27).

Любляя же жизнь свою щадить усто свое Прит. 10).

Любляя же животъ свой щадить уста своя....

Въ мѣсто любимича не буди врагъ (Сир. 6).

Въ друга мѣсто не буди врагъ.

Всякому человѣку не возри на доброту, и посреди женъ не сосѣди (Сир. 42).

Не зри на доброту всякаго человѣка, и посреди женъ не сочетайся.

Аще согрѣшитъ въ ты братъ твой.... (Матѣ. 18).

Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой...

И лице прiятiе не есть у Того (Ефес. 6).

И обiновенiе лица нѣст у Него.

И всѣхъ въ преимуществѣ сущихъ... во всякомъ благочестiи и честности (Тим. I, 2).

И за вся иже во власти суть... во всякомъ благовѣрiи и чистотѣ.

И ученiе вредословится (Тамъ же—6).

Хулится и ученiе.

Такое несходство указываетъ, конечно, на то, что тексты не выписывались, а самостоятельно переводились съ ла-

тинскаго или греческаго оригинала; а это, въ свою очередь, даетъ важное указаніе на то, между кѣмъ должны искать мы составителя рукописи. Русскому человѣку не было надобности обращаться къ нерусскому, неславянскому тексту; это могло быть сдѣлано тодько иностранцемъ и не по незнанію славянскаго языка, а просто по той причинѣ, что такое лицо скорѣе могло имѣть подъ руками греческую или латинскую Библию, чѣмъ славянскую. Какъ иностранецъ, не вполнѣ увѣренный въ правильности своей рѣчи, составитель въ иныхъ случаяхъ старался пользоваться, только *mutatis mutandis*, готовымъ матеріаломъ, разъ онъ находилъ такой въ той или другой книгѣ, и этимъ, по нашему мнѣнію, проще всего объясняется то обстоятельство, что первую главу чуть не цѣликомъ составляютъ выдержки изъ проповѣдей Симеона Полоцкаго. Гдѣ нужно, составитель букваря вставляетъ и свое и, выражаясь при этомъ вообще правильнымъ языкомъ, иногда допускаетъ ошибки, употребляетъ необычныя выраженія и т. п. Къ такимъ промахамъ можно отнести, напр., слѣдующіе: *ибо* нижняя же часть, образъ *юныхъ дѣтей о своихъ* наставленія, прошенія *отъ вѣхъ чловѣчьхъ* о царѣхъ и всѣхъ *во преимущестѣ* сущихъ и др.

Подобныя ошибки въ смѣшеніи предлоговъ, падежей—и особенно родительнаго съ предложнымъ—между прочимъ встрѣчаются въ произведеніяхъ Спаѳарія. Точно также переводъ текстовъ по иноязычной Библии, вмѣсто пользованія готовыми текстами славянской, мы можемъ указать и въ произведеніяхъ этого лица. Такъ въ Ариемологіи—подъ заголовкомъ: „четыре суть меньшія на земли, отъ нихже вси мудріи мудростію превышаются“ (Прит. Солом. 30) приведены 1, мравій, 2, хирогриали, 3, пружи и 4, не „ящерица“, какъ стоитъ въ Библи 1663 г., а „паука“, слово, соотвѣтствующее „агапеа“ латинскаго или „ἀράχνη“ греческаго текста. Правильность нашего предположенія объ авторствѣ Спаѳарія находитъ косвенное подтвержденіе и въ свидѣтельствахъ современниковъ, которые 1, говорятъ, что онъ занимался преподаваніемъ въ частныхъ домахъ, и 2, указываютъ въ числѣ лицъ, расположенныхъ къ нему и ему протежировавшихъ и Князя Черкаскаго. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, естественнѣе всего считать составителемъ интересующей насъ рукописи не кого иного, какъ этого образованнаго и трудолюбиваго *переводчика* Посольскаго приказа.

Считаемъ нелишнимъ помѣстить здѣсь цѣликомъ и предисловіе и первую главу интересующаго насъ памятника, тѣмъ болѣе что ту книжку „Чтеній“, гдѣ напечатана она была Н. А. Лавровскимъ, теперь не легко можно достать. Тѣ немногія мѣста, гдѣ рукопись отстываетъ отъ текста Сим. Полоцкаго или представляетъ добавленія, напечатаны курсивомъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

копречестнѣйшему князю, Петру Михайловичю Черкасскому,
вчину ученичества возлѣжащему.

Неохлѣбе единомъ живѣ будетъ, человѣкъ, *княже пречестный учениче благочестивый*, ноовсякомъ глаголъ исходящемъ изоустъ Божіихъ, *якоже Самъ* рекъ Предвѣчная Правда, *Христось Богъ Нашъ, Иже* свышнихъ со | шедый, овшней пице, *вышней* части, *пещися повельвая*, ибо нижняя же часть человѣка хлѣбомъ питается, *вышняя же часть, словомъ Божіимъ наслаждается*, *понеже* свойственная иприлично полезная душамъ пища есть глаголъ Божій, слово Божіе, тако глаголетъ, Григорій божественный ветхаго Рима первопрестолникъ: брашно ума, глаголъ Божій есть. Сеже яко такова изводства дѣйствуетъ вдушѣ, какова брашно тѣлесное воплотя. Брашно укрѣпляетъ плоть, слово Божіе || душу. брашно есть нужно въ путь житейскій, слово Божіе впуть духовный. хлѣбъ воп крѣпнать во брани гражданстѣй, слово Божіе набрани духовнѣй. Аимже образомъ алчбу имѣяй пици плотскія, здравъ быти является тѣломъ: неимѣяй же алканія брашень немощенъ есть плотски. Подобнымъ обычаемъ алкоту имѣяй слова Божія знаменіе показуетъ здравія си душевнаго. нежелаяй паки прияти его востомахъ разумаси явствуется болѣзнуяй духомъ. Болѣзнуяй же ко смерти, иже что либо прииметь, то | скоро извергаетъ изсирища памяти иразума. Имать ктому сія пища духовная исилу просвѣщенія очесъ умныхъ якоже иногда просвѣти Іоанафану медь тѣлесныя зѣницы, се бо псалмопѣвецъ вопиеть. Явленіе словесъ Твоихъ просвѣщаетъ ивразумляетъ младенцы *). *ты благочестивый учениче,*

*) Почти дословно сходно съ началомъ предисловія къ „Обѣду душевному“ Сим. Полоцкого (л. 5 и особ. л. 7-й).

и младенче пречестный княже Петре, прими любезно хлѣбъ сей предуготовленный, впросвѣщеніе ти, и яждь здравъ воспашеніе твое душевное. Яждь взимая руками ума твоего, прежуйвай зубами разсужденія, и погрожай *) встомахъ на || мяти Твоя, ибудетъ ти въ пользу.

Ибо сію книгу предлагаю ти, и тою аки пищею, чествую тя и учреждаю, неотмого ума умысля, и непріявъ от Божественнаго Писанія, и Езекиілю предложенъ бысть свитокъ вопищу. и книга святому Иоанну Богослову ¹⁾, ко Езекиілю рече Господь ²⁾, сыне человекъ снеждь свитокъ сей. емуже снешу бысть сладка зѣло пища. и аголетъ бо пророкъ: и снешдохъ его, и бысть воустыхъ моихъ яко медъ сладокъ. Явже есть яко свитокъ той знаменова слово Божіе, духовный | хлѣбъ. егда убо азъ тебѣ свитокъ сей, книгу сію яко хлѣбъ предлагаю, словомъ Божіимъ чествую даа си, еже аще снешси, будетъ воустыхъ сладко яко медъ. толику убо сладку, и душеполезну суцу слову Божію, тако проповѣданному якоже писанному ³⁾, ибо всяко писаніе Богодуховно и полезно есть, коученію, кообличенію коисправленію, кнаказанію еже во правду, да совершень будетъ Божій человекъ, навсяко дѣло благоуготованъ, сего ради умыслихъ азъ, блжгородія твоего, православной душе внимающей....

(л. 2—4 об.)

Глава 1 яко подобаетъ отюпости дѣтемъ прилѣжати ученію. родителемаже сихъ понуждати прилѣжно Божественнаго закона наказанію, имудрости снисканію, духовнагожъ и гражданскаго жителства кообученію:

Блаженъ человекъ иже обрѣте премудрость: ⁴⁾

Преславнѣйшій мудростію, имирнымъ скипетра держаніемъ воцарѣхъ іудейскихъ сынъ царя и пророка Давида, царьже и пророкъ | Соломонъ подсолнцемъ от Бога созданныхъ вещей преискусно знаше естество, свойство и силу послѣдовательно ицѣннїтя, можаше. *Ородителіе и чада право-*

*) „р“ сбоку исправлено на „л.“

¹⁾ Апок. 10.

²⁾ Езек. 3.

³⁾ 2 Тит. 3.

⁴⁾ Прит. глава 3:—И этотъ текстъ, и дальнѣйшее взято изъ Слова 1 го въ день св. Григорія Богослова (Вечера душевная—л. 223 об. ил. 224).

славніи: свидѣтельствуеть осемь Божественное Писаніе сиче ¹⁾ И глагола Соломонъ одревѣхъ иже откедръ ливанскихъ, идоссопа идущаго изстѣны. И глагола оскотѣхъ иптицахъ, иогадѣхъ, иорыбахъ. Егда вся разсмотрѣ, едину мудрость выше всѣхъ превознесе толико, якоже всѣмъ царствомъ, престоломъ, достоинствомъ каменіемъ честнымъ, бисеромъ, злату, серебру, || ивсѣмъ богатствомъ, яко малому песку, противу горѣ велицѣй, вмѣнитися отнего, глаголетъ бо²⁾: Лучши есть премудрость куповати, нежели злата истребра сокровище: дражайши есть каменія многоцѣннаго, всякоже недостойно ея есть. И пакы ³⁾ Предсудихъ ю скипетру престолу, ибогатствомъ, ничтоже мнѣхъ быти къ разсужденію ея, ниже уподобихъ ея каменію пречестному, яко все злато всложеніи тоя, песокъ есть меншіи, ияко каль мнится преднею серебро: паче здравія, икрасоты возлюбихъ ю ипредложихъ ю засвѣтъ имѣти. Тѣмже исамъ ея отГоспода моляше ⁴⁾: Дажь рабу твоему сердце смысленно, напослушаніе исуужденіе людемъ вправду. Ивсѣмъ ея искати совѣтуеть сиче⁵⁾. Вовсякомъ стяжаніи твоємъ, стяжи разумъ, взыщи его ивознесеть тя, почти премудрость, дая обиметь дадасть главѣ твоей вѣнецъ благословень, вѣнцемъ же пищнымъ защититъ тя*). *Обаче* различная есть вчеловѣцѣхъ мудрость: Есть мудрость скотская или мудрованіе плоти, онемже апостоль глаголетъ сиче⁶⁾: Сущіи воплоти плотская || мудръствують. Сія мудрость неточію нѣсть полезна, подушегубна, ибо потомужде апостолу: мудрованіе плотское смерть есть Чесо ради⁷⁾; занеже мудрованіе плотское вражда наБога, закону бо Божию непокарается. Сію стяжутъ мудрость рабъ похотей тѣлесныхъ плѣнницы страстей плотскихъ, сластей всяческихъ любителие, все житія си время во угождениіи плотстемъ изнуряющіи**): Есть вторая мудрость мирская, юже наипаче стяжутъ сребролюбцы илюбочестіемъ содержиміи людіе | о сей святыи учитель языкъ глаголетъ сиче⁸⁾. Аще кто

¹⁾ 3 Царс. глава 4.

²⁾ Притч. 3.

³⁾ Прем. глава 7.

⁴⁾ 3 Царс. 3:

⁵⁾ Прит. 3:

⁶⁾ Пропущено нѣсколько строкъ, поход. у Сям. Полоцкаго.

⁷⁾ Рим. 8.

⁸⁾ Рим. 8.

***) Здѣсь опять небольшой пропускъ.

^{*)} 1 Кор. 3.

мнится мудръ быти ввасъ, вовѣцѣ семъ, буй дабываетъ яко дапремудръ будетъ, (премудростію Божію) премудрость бо мира сего есть буйство уБога. Здѣ знаменати годствуеть иувѣститися всѣмъ лѣпо есть, яко негаждуются здѣ художества свободная, Грамматика, риторика, философія, ипрочая, яже зѣло суть полезна вогражданствѣ икдуховной премудрости пособственна. Нообхуждается здѣ разума естественнаго художествомъ тѣхъ хитростію || изощреннаго, Божію словеси непокорство, егда кто наестественныя вины взирая, Божію повинуется слову, та мудрость мира сего, буйство есть уБога: ибо величайшее есть заблужденія начало, еже хотѣти Божественная, ивесма умъ человѣческій превосходящая, мѣрою человѣческаго разума мѣрити. Что подобно есть, аще бы сова, хотѣла освѣтѣ солнца, все конечно силу зрѣнія ея превосходящемъ, судъ творити. Еще аще кто разума своего остроту обращаетъ наразвращеніе правыхъ, напомраченіе истинны, напобореніе лжи наобиду немощныхъ | напрехищреніе неискусныхъ, нагордость илукавство, той мудрствуетъ мирно ибуй есть уБога. Ащеже кто весь разумъ свой остроту его предреченными хитростми умудренную, Божію словеси покаряетъ иправды поборникъ содѣвается, купноже смиренномудрствуетъ, той немирски нобожественнѣ мудръ есть: ибо египетская сокровища наБожественнаго созданіе обращаетъ храма. Такови бяху вси учителяе церковнии, между нимиже Григорій святыи *Богословъ*, яко луна посредѣ звѣздъ сияеть: онъ бо отдѣтства си вданъ бывъ отродителю своею обыкновенію || хитростей предреченныхъ, толико внихъ трудися ипреуспѣваше, якоже вся сверстники своя превзыти ему, яко горѣ холми. Недоволенъ же бывъ ученіемъ домашнимъ, умысли морскія преплавати пучины воградъ Аѳинскій иже вовремя то мати бяше всѣхъ ученій свободныхъ *). дошедъ Аѳинейскихъ училищъ, прилѣжаше хитростемъ высочайшимъ, ипреуспѣ вся соученики своя въ мудрости. Стяжа паки себѣ сверстника премудрости и благочестія Васілія святого, снимже невочто ино упражняшеса, точію еллыны исамыя учителя си ко | благочестію приводити имирскихъ ученій совершенству обучатися. Самъ Богомудрый Григорій осебѣ глаголетъ сія. Имѣхома гла-

*) Опять опущено вѣсколько строкъ.

голетъ два токмо пути дѣлъ, и поступленій нашихъ: Единъ первѣйшій и изряднѣйшій, еже люди вцерковь Божию, наипаче учителя наши поганья приводити, истину имъ Христа Бога нашего показовати. Второй хуждши, еже въ мирскихъ ученіихъ добрыхъ мыслей, искусство имѣти. Иная глаголетъ всякая дѣла оставляхома: и прочимъ, отитьлахъ и достоинствахъ тщавшимся, или родомъ, или ученіемъ хвалившимся || мы токмо о имени Господа нашего Иисуса благоволихомъ и величахомъся. Тоже само яко насъ християны именовашу, паче всяческихъ достоинствъ и титулъ полагахомъ, и тѣмъ самѣмъ паче Гигеса и Мида блаженни быти вмѣняхомся. Отъ сихъ является и любовь ею ко Господу, ихитростей свободныхъ полза воспасеніе, явѣже будетъ и паче, впротяженіи словесе настоящего. Есть же и третия мудрость, духовная: яже творитъ душу любезну Господеви, и обрѣтаема точію вдуховныхъ, по глаголу апостола Павла ¹⁾: Сущія подуху, духовъ | ная мудрствуютъ, и хранящимъ ю животъ есть, пословеси тогожде: Мудрованіе духовное животъ имиръ егоже намъ живота и мира желая апостоль, глаголетъ сице: Сего ради имы не престанемъ о васъ молящеса и просяще, да исполнитеса вразумѣ воли Его, ввсякой премудрости и разумѣ духовномъ. Сейже разумъ или мудрость духовная есть трегуба: сердечная, устная и дѣльная. Первая сердца мудрость вотреіхъ содержится, впокаяніи огрѣсѣхъ прешедшихъ вопреобижденіи прибытко(въ) и вжеланіи вѣчныхъ благъ*) : || Вторая усть премудрость такожде вотреіхъ содержится. Воисповѣданіи грѣховъ, вблагодарствіи, и вназиданіи ближнихъ**). Дѣльная ж(ъ) мудрость подобнѣ втреіхъ содержится, воотреченіи воли своея, во отсѣченіи сластей плоти, втерпѣніи противѣства мира сего***): Благо есть мужу, егда воздвигнетъ яремъ въ юности своей ²⁾. Древета донелѣже млада, издивыхъ лѣсовъ и пустынь ненаселенныхъ,

¹⁾ Рим. 8.

*) Опять пропускъ.

***) Опущено болѣе двухъ страницъ (л. 227 об. и л. 228).

***), До сихъ поръ заимствовано все изъ перваго слова въ день Григорія Богослова (Веч. душ. л. 223 об. по л. 228 об.)—но, какъ замѣчено было, съ значительными пропусками.

²⁾ Иерем. во глав. трет.—Это текстъ перваго слова въ день св. Николая—6 декабря (Веч. душ. л. 139 об.) На этотъ же текстъ сказано и слово въ день преп. Саввы Звенигородскаго (дек. 3); начало этого слова и позаимствовано далѣе (Веч. лл. 131 об. и 132).

всады пресаждати есть садовникомъ обычай, *родителие чюада православию*: яко та влаги пивъ новыхъ | удобъ могутъ внутрь пріяти, итѣми оживлшеса плоды благія приносить. Нетако старая: ибо та неудобъ терпятъ преселеніе. Подобитѣ дѣется вродѣ звѣрей, тако словесныхъ якоже ибессловесныхъ: ибо младъ конь безтрудоу обрздавается ивсадника пріемлетъ, нежели стародивый ималолѣтенъ воу сый удобѣ яремъ навый носити приучается неже впряднованіи состарѣвыйся. Точнѣ вочеловѣцѣхъ, юноша яко лѣторасль, аможе хощеши преклонитися можетъ, нетако лѣты доволный. || Того ради хотящій навикнути хитростемъ, или свободнымъ, или несвободнымъ, воюности дѣтстей приводятся коучителемъ, ивручаеми имъ бывають; датрудолюбія налогъ пріимуть воу младости, егоже бы употребленіемъ препитати свою старость. Ивоуравѣхъ, юныхъ, злонравіе немногими искореняется трудами, иблзій насаждаются, втѣхъ мѣсто обычай. Востарыхъ паки, поелику кто старшъ возлюбѣ, поголику неисправнѣй вней инеприклоннѣй, кдобродѣтели: ибо имже новъ сосудъ тукомъ проникается, той | инастарость его, неизмывается. Убо благо есть мужу, иже благій яремъ воздвигнетъ отюности своя. Ивелія есть тымъ полза, иже благому игу Христову, ивремени его лехкому подлагають выа си отмладости своя: ибо ейже работѣ приобикнуть вверстѣ юности, та имъ сладка будутъ, ане стужитъ ивопредѣлѣхъ послѣдніа ветхости. Воюности *) нехотятъ труждатися, востарости злѣ постраждетъ: ибо яко кто неоретъ, ипесѣетъ воюности лѣта, яже есть весна: той востарости его, яже есть зима, ихладъ || игладъ страдати долженствуетъ: тако воюности жизни своя, непоказавый трудолюбія вдѣлѣхъ непріиметъ востарости плодовъ упокоенія: трудъ бо юности, покой старости приносить. Ипротивнымъ обычаемъ, лѣность юности, трудъ старости ибезпокойство плодотворить. Чесо ради родителие чюадолюбивіи, должны суть юность рожденныхъ собою котрудомъ душеполезнымъ прикланяти иотмладыхъ похтей, добрымъ дѣломъ приучати я: емуже бо приобикнетъ младость, то безтрудоу носить | старость. Оорлѣ пишеть святой Амвросій в Шестодневницѣ, яко малыа птенцы си вземлетъ пазногты острыми, иобращаетъ очесы ко

*) Этими словами начинается первое слово въ день св. Николая.

солнцу, да от юности сіянію лучесь его приобькнууть: Тако добріи родителіе должны суть творіти, еще во младости лѣтъ, юности возраста чада си констинному солнцу ко Христу Богу, очесы ума ихъ обращати: да от дѣтства си приложатся восвѣте заповѣдей его ходити: да первѣе познають свѣтъ небесный, еже есть вѣрити во Единого Истиннаго || во Троицѣ Святѣй славимаго Бога, и Его Божественныя заповѣди хранити: нежели прелестныя суеты мира сего видѣти, и разумѣти возмогутъ. Единъ отучителей искусныхъ, подаетъ намъ образъ преполезный, дѣтскія юности наставленія сицевъ: Въ первомъ глаголетъ, седмилѣтїи, даучать родителіе чада си благая, и чистая словеса анехудая искверная глаголати: праведная анеложная вѣщати: Ибо имже тукомъ новъ сосудъ исполненъ будетъ, того вони изсебе, никогда избудеть. Во второмъ (глаголетъ) | седмилѣтїи, даучать, я, коемулибо художеству, да возмогутъ тѣмъ нуждая, житію стяжати. Изряднѣе же, да соблюдаютъ я отвидѣнія скверныхъ: ибо, якоже нѣсть лѣпо юнымъ скверная глаголати, тако и видѣти. Даетъ вину Арістотель: яко вся первая наипаче суть любима: Итого ради яже во первыхъ зрятся тѣмъ съвящшимъ удивленіемъ присмотряются юніи, и твердо содержатъ я впамяти. Повторомже (глаголетъ) седмилѣтїи, егда приимуть разумъ благъ и доволенъ, даучими будутъ страху Божию и мудрости, еже како || Богу жити разумнїю же и искусству, како честно гражданствовати въ мирѣ. Въ сія триседмичная лѣта, чесому юноша приложится того, и востарости удержится, по оному словеси: Юноша попути своему ходяй аще и состарѣется, не отступитъ от него. Суть плодове во оградѣхъ, нанихже что желѣзомъ напишется младыхъ, то востарости и вящше и свѣтлѣе, насебѣ изявляютъ: Тымъ подобны суть юноши ибо что приимуть во юности яко сѣмя: то и востарости по себѣ явятъ яко класы: Икаковыми яко | древесна навесну цвѣты процвѣтуть: таковы во старости плоды сотворятъ *). Велие зѣло есть блаженство вмирѣ семъ плоды трудовъ своихъ ясти: *родителіе православнїи, пачеже словесный плодъ супружества своего, егда онаказанїи возимъте, яко мудреци глаголетъ* 1).

*) Здѣсь кончатся заимствованія изъ перваго слова въ день св. Николая (Веч. лл. 139 об.—141).

1) Сирахъ, глава 7:

Суть ли тебѣ чада накажи я, *и блаженни будете яко пророкъ глаголетъ*¹⁾: Блажени вси боящіяся Господа ходящія впутехъ Его труды плодовъ твоихъ снѣси. Блаженъ еси, и добро тебѣ будетъ. Жена твоя яко лоза плодовая востранахъ дому твоего: сынове твои яко || лѣторасли масличныя окрестъ трапезы твоея: Вящшее сіе есть блаженство, нежели злато мира сего обдержати: ибо отецъ оставляяй посебѣ чада, аще и представится отвѣка сего, не умираетъ: живетъ бо вчадѣхъ своихъ, и слава его непогибнетъ со шумомъ, зане всыпѣхъ идщерѣхъ процвѣтаетъ. Безчадный паки, аще и безчисленныхъ богатствъ будетъ обладатель егда умретъ, некому живетъ въ мирѣ, яко отрасли неосташа: Богатства же его чуждымъ, иногдаже и врагомъ его во обладательство приходятъ: Онъ | трудися, анедрузи его входятъ: и слава яко вѣтръ преходить, и яко снѣнъ мимо грядетъ. Блаженно убо супружество плода нелишаемое своего, но плода благаго, плода честнаго: Плодъ бо золь и нечестный, окаянно паче, нежели блаженно супружество дѣть. И яко лучшее есть неплодное древо, нежели злыя и вредныя приносящее плоды; тако блаженнѣ(й)шіи суть родители, чадъ неродившіи, нежели родившіи злая. Тѣмже убо тщаніе родителей должно есть присное имѣти даплодъ, ихъ, благъ будетъ: ибо не яко, || водревѣсѣхъ, поестеству плодъ или сладокъ или горекъ раждается по понаказанію рождшихъ, и пообыкновенію и воли рожденныхъ, или добронравіе или злообыкновеніе всердца ихъ въкореняется. Премудрый Платонъ, воску сердца юношеская уподобляетъ, зане якоже воскъ всякія печати на себѣ воображеніе пріемлетъ, заудобство мяхкости своея: тако юныхъ сердца, всякій нравъ удобоприемлютъ мяхкосердіа ради. Натомъ восцѣ напечатаетъ ли кто цѣлаго и незлобиваго голубя, выну пребудетъ че | ловѣкъ, той цѣль и незлобивъ яко голубъ. Напечатаетъ ли кто орла высокопарна и свѣтолюбива присно той человекъ вышняя имать мудрствовати и свѣтлая. Напечатаетъ ли кто землеточиву кроторію, или блаторачителя вепря, поистиннѣ той человекъ досмерти пребудетъ

¹⁾ Псал. 127.—Начиная съ этихъ словъ текстъ позаимствованъ изъ Слова въ день Ксеноф. и Маріи (Веч. душ. л. 238 об. и слѣд.), начинающагося словами: „Веліе зѣло есть блаженство въ мирѣ семъ, плоды трудовъ своихъ ясти, слушателие православніи“; слѣдующія нѣсколько строкъ опущены.

земныхъ любитель, и блата грѣховна искатель. Напечатаеть ли кто лютаго лва или волка хищнаго выну будетъ человѣкъ той жестокъ, яко левъ, и хищливъ яко волкъ: Напечатаеть ли кто трудолюбива вола выну иматъ той человѣкъ || вотрудѣхъ пребыти. Напечатаеть ли кто лѣниваго осла, всегда влѣности той человѣкъ иматъ жати: Напечатаеть ли кто гнѣвливаго медвѣдя, хитраго лиса, или лающа пса, докончины живота си той человѣкъ пребудеть гнѣливъ, хитръ, и аятель честныхъ: Аще же напечатаеть кто смиреннаго агнца или чистаго горностая, той человѣкъ до послѣдняго издыханія будетъ смиренія любитель и чистоты хранитель: На ту приклонность царствующій пророкъ возглаголюя, возопи сице ко юнымъ ¹⁾: Сопреподобнымъ преподобень буде | ши, и смужемъ, неповиннымъ непови(не)нѣ будещи: и соизбраннымъ избранъ будещи, и остроупивымъ развратися: И нѣ философъ умы отрокъ юныхъ, уподобляетъ скрижали ненаписаннѣй, нанейже учитель чтолибо хоцетъ написати можетъ: точнѣ воумѣхъ юношескихъ, что либо хоцещи вообразитя, или добро или зло, и выну пребываетъ, и прибываетъ. Подобнымъ обычаемъ, яко надыни во оградѣ растущей, аще мало намалѣи вообразитя писаніе, велико возрастетъ свозрастѣніемъ ея || Или яко сѣмя, мало убо повергается на нивѣ нововеликій класъ возрастаетъ и приплодованіе творитъ: тако обученіе юныхъ, мало зачѣтся: новозрастетъ во велико и вѣтви произведетъ многи: Юныхъ сердца наипаче, суть скрижали некаменные, и плотныя, на нихже аще кто Христова напишетъ посланіе, то пребудеть выну. Аще же кто демонскую начертаетъ букву, не удобъ сотретися можетъ. И нѣ еще любомудрецъ, уподобляетъ и юныя отроки, новому сосуду скуделному, вонъже аще что вліется в новостіи | того вони не лишится достарости: тако во истинну юноніи, кчесому во юной веретѣ вѣка си приучени будутъ, того докончины си не забудутъ: На послѣдокъ младому деревеси подобна есть юность: ибо а може хоцетъ кто, тамо тонкое древо преклонити можетъ: Подобнѣ вѣкъ юношескій, к чему либо обратиши удобно есть приклоненъ. Зрите убо родителие, како должны есте воспитавати чада ваша. Добрая словеса, и образы дѣлъ благихъ натоми воску печатайте-

¹⁾ Псаломъ 17.

Божественная словеса, апескверная икощунная: || натѣхъ скрижалѣхъ и законъ Господень пишете. Миро благовонное ученія душаполезнаго, втыя новыя сосуды скуделныя вливайте. Или пословеси Господню: Вино новое вмѣхи новыя вливайте еже есть любовь Божію всердца ихъ отюности вселяйте: Кнебеси юная сія дрeвеса обращайтесь иклоните: данеземная, но небесная изрять, илюбятъ имудрствуютъ *): Веліеже дрeвле благоразумныхъ отомъ попеченіе баше дадоброискусныя своимъ чадомъ учителя обрящутъ. Иеронимъ блаженный единой честнѣй | женѣ именованной Лета, сице чрезъ свое писаніе овоспитаніи дщере совѣщаше: учителя избери влѣтѣхъ благихъ, житія благочестнаго и ученія: Александръ Великій, вселенныя покоритель, зѣло радовася ипривѣтствова себѣ, яко вто время дадеса ему жити, внегода преславнѣйшій всѣхъ любомудрыхъ Аристотель живяще иучаше нему самому наставникъ дадеса. Θεодосій царь попеченіе имѣя отческое осыну си Аркадіи иОноріи, написа коГратіану царю посланіе, || моля его, дапошлетъ ему вЦарь градъ изряднѣйшаго нѣкоего воблагочестіи имудрости мужа, наставленія ради сыну его. Гратіанже написа о томъ епистолю къ Дамасу папѣ: иже посла дивнѣ благочестиваго иученаго мужа Арсенія: Недоволно быти непщеве царь Θεодосій, еже царство множествомъ всяческихъ богатствъ кипящее, внаслѣдіе сынома дати своимъ: тшася ктому благонравіемъ и благочестіемъ прежде обогатити я: тѣмже вручая чада си Арсенію Богомудрому, рече ему: | отселѣ ты паче отецъ будеши сима отрокома, нежели азъ. Оле любителства добронравія! Оле добродѣтели царскаго достойныя сана! Сію царственную добродѣтель подражающа, преподобный Ксенофонтъ и преподобная Марія **), яже убо велми славна ибогата вновомъ Римѣ бывша, исаномъ болярскимъ почтена, имѣста отБожія дарованіе десницы, плодъ честный ложесну свою два сына Аркадія иІоанна: аже, яко благочестіемъ православнокаоолическія вѣры и добрыхъ дѣяній честнотою сіяющіи людіе || благочестно воспитаста, истрахъ Божій всердцахъ ею всѣяста крѣпцѣ. Нужд(н)ому въдомѣ си научиста я писаній, ивсяческихъ

*) Изъ слова въ день преп. Ксенофонта и Маріи (Веч. душ. лл 238 об., 239—240 об.)

***) Изъ того же слова—(Веч. душ. г. 241 об.)

добродѣтелей мысленному, зданію твердое основаніе положи-
ста. Желаяща же тому всовершенство произвестися, и му-
дрости убо мирскія внемъ, яко постлаію или подножію
быти, духовныя же кровомъ украситися. Умыслиста послати я
воградъ Виритьскій стяжанія ради тоя благодати: Вѣдяща яко
блаженъ человекъ иже стяжа премудрость, яко лучше ту
куповати, нежели злата и серебра сокровища | и яко дражайши
та есть каменія многоцѣннаго. Слышавша похвалу ея: въ Пре-
мудрости книзѣ написанную отъ Соломона, сице: Предсудихъ
ю скипетру и престолу, и богатство, ничтоже мнѣхъ быти къ
разсужденію ея. Ниже уподобихъ ея каменію пречистому, яко
всезлато всложенію тоя, песокъ есть меншій, яко каль мнит-
ся преднею сребро. На послѣдокъ вѣру емша тому же *) сего,
иже спремудростію пребываетъ. Да убо возлюбитъ Богъ чада
его, крѣпцѣ предположиста всебѣ, еже послати я во Вирить
ко учите ¹ лемъ преславнымъ премудрость **) и преблагимъ куп-
но премудрости и добродѣтелемъ наставляющимъ, и прежде
добронравію ниже ***) вѣгійству: яко сіе безонаго, аки тѣло без-
души есть: оно же безъ сего, яко душа тѣлесе кромѣ ****). *От-
сихъ о благороднѣи родители, княже Михайле, и княгиня
Марѳа, приемлите себѣ образъ юныхъ дѣтей своихъ на-
ставленія и бо и они саномъ балярскимъ почтена быша, и плодъ
честный имѣваше два сына Аркадіа и Оанна, якоже и вы князя
Петра, и князя Алексія во училище сущихъ, ихъ же дана учите-
те | благочестіемъ православно каволическія вѣры, шествова-
ти, и добрыхъ дѣланій честнотою сіяти, и кореняюще страхъ
Божій всердца ихъ, нещадыще жезла *****):* Аще хочете очадѣхъ
веселитися вашихъ: жезлъ бо есть злобы искоренитель, и на-
садитель добродѣтелей. Мало сына оскорбиши, многого пол-
зуеши его. Слезы его тако ти ползу содѣють, якоже дождь
благвременный паниву излиянный. Снопа его же немлатиши,
орѣха аще неразбиеши, невозмещи хлѣба и ядра не приимеши

*) У Сим. Пол.—„глаголющу: Ничтоже возлюбитъ Богъ токмо“.

**) У Сим. Пол.: премудрымъ.

***) У Сим. Пол.: неже.

****) Изъ того же слова въ день Ксен. и Маріи (л. 241).

*****) Отсюда до словъ: „кромѣ наказанія свершѣють“—заимство-
вано изъ Слова въ день св. Марѳы (1-го сент.)—съ нѣкоторымъ измѣне-
ніемъ въ началѣ; у С. Пол.: „Родителие, не судите жезла, аще хочете...“
(Веч. душ. л. 11).

сытости и сладоу: чады же, аще || небіеши, несподобишися радости. Бій первѣе словомъ, таже жезломъ, потженеши жестосердіе его, іако плевелы отбіеши злонравіе. Ащеже благопокорива ти чада суть, благодари, Господа, и правительствуи житіе ихъ любовію напуть благій. Буди имъ образъ житіемъ ти, ковсякой добродѣтели данезритъ око ихъ никтоже развратно втебѣ, данеслышатъ ушеса ихъ скверныхъ и неподобныхъ глаголь оттебе: Образъ твой есть сынъ, какова ты видать и слышитъ: тако самъ образуется. Тѣмже во правду родителіе гажденія и казни достойны суть, ихже чада кромѣ наказанія сверѣпѣють. *Сею ради* искуснѣйшій правоучитель Іисусъ сынъ Сираховъ сицево родителемъ овоспитаніи чады восвоихъ премудрѣйшихъ писаніихъ остави увѣщаніе, родителіе православніи¹⁾: Конь неученъ сверѣпъ идетъ и сынъ самовольный блудникъ будетъ. Накажи чадо и удивитъ тя: неиграи снимъ данесотворити печали. Несмѣйся снимъ данепоболити онемъ, инаполслѣдокъ сотнеши си зубы. Недасть*) ему власти во юности: сокруши ребра || его дондеже младъ есть, еда како ожестѣвъ не покориттися**). *Тѣмже подобаетъ родителемъ имѣти любовь к чадамъ умтреная***)*. Якоже вино мѣрно употребляемое веселитъ и здравитъ: безмѣрнѣ паки піемое, разума лишаетъ, и болѣзни бываетъ виновно: тако любы родителей к чадамъ, аще есть подостойному: полезна есть и рождшымъ и рожденнымъ. Ащеже выше мѣры, итѣма вредъ творитъ, и овымъ: овы вразвращеніе попускаетъ, тѣмаже печаль, и болѣзнь оразвращеніи овѣхъ содѣваетъ: Піи | тове утвориша баснь о солнцѣ, нарекоша его отца сыну Фаэтоу и глаголють (:). Яко Фаетонъ видя отца си любве к себѣ безмѣрную горячесть, дерзнулъ есть просити его, да дасть ему на своей огненнѣй колесницѣ инабыстротекущихъ конехъ. чрезъ единъ день токмо яжденіемъ утѣшится. Отецъ безмѣриемъ любве обдержимый, неотрече сыну просимаго. Новнегда всѣдъ Фаетонъ на колесницу, невѣдѣ коней правителствовати, тогда вмалѣ небесе и земли несожже огнемъ отчимъ, за что Дій небесе владѣтель, уби || его молніиною стрѣлою, и трупъ снебесе низвергль есть. Баснь се есть питическая, и родителемъ впа-

¹⁾ Сирах. 30.

*) У Сим. Пол.—„не даждь“.

**) Взято изъ самаго начала Слова 2-го въ нед. 34-ю по Сочествіи св. Духа (Об. душ.—л. 540.)

***) Отсюда и до конца все дословно взято изъ того-же Слова 2-го въ недѣлю 34-ю (л. 542—547).

ставленіе полезна, данеповсякому чадъ прошенію соизволеніе творять, иданепопускають имъ законѣхъ самоволства, наколесницѣ богатствъ си, безуправителя яжденія дѣяти даненеискусни суще правленія сверѣпныхъ коней воли своея, огнемъ похотѣй иярости насмертнюю казнь себѣ заслужать, или уграда или уБога. Тако погибоста Офні и Финеесъ ¹⁾ сына великаго архіерея Илія: Ибо пущена бывша ототца самоволножити | много зла пред Богомъ твориста: Новоединъ день Богу отмщающую, мечемъ врагъ погибоста Иотецьже яко ксловесемъ увѣщанія, неприлагаше имъ жезла казни, небезотмщенія скончася: ибо паде сосѣдалища своего взнакъ, искорушися хребеть его нумре тако: Се изводство ненаказанія чадъ, потцу пчадомъ смертная погибель. Нооткуду честныхъ родителей чада злонравіе стяжутъ; повѣмъ вамъ истинну, ради исъправленія: отматерня ласкательства ототца ненаказанія, отобюже пространновоспитанія. Блажить мати малаго || сына малую злобу, азлоба всердцѣ аки терніе кореніе си утвержаетъ, исыну растушу, срастеть злоба паче. Егда же возрастетъ сынъ вколичество непреклонное, совозрастетъ злоба вонравъ неискоренимый: итогда исполнится оная притча ²⁾: Юноша попути своему аще исостарѣеть неотступитъ отнего: ибо якоже сосудъ глинянъ, аще въ новости, пекла напѣтся, никогдаже измется: тако человекъ, сосудъ сый скуделенъ, воюности нравъ воспріятый хранитъ досмерти. Тѣмъ-же иГосподь люди Израилскія обличаше чрезъ Іеремія пророка | сице ³⁾: Аще можетъ премѣнити еоиоплянинъ кожу свою, или рысь пестроты своея, ивы можете благодворити понеже научистесь злу. Подобнѣ труднѣ есть злыхъ родителей чадомъ измѣнити злый нравъ, идобрая глаголати: яко отпеленъ родителма научаются злонравію изсловити: Неудобно трезвеннымъ имъ быти, занеже отдѣтства упиватися попускають: Невозможно чистымъ соблюстися: ибо владенствѣ си, ивидять, ислышать, итворять нечистоту невозбранно. Оле злонравія. Оле Бого || мерскихъ налоговъ! Ктоже засія судъ, пріиметь; ей, якоже насадителемъ сада, вина приписуется кривины древесъ, яко неисправляху воюности ихъ: Ияко художникомъ нелѣние причитається вещей; неискусно ими содѣянныхъ: Тако родителемъ приписуется вина, злонравія чадъ ихъ:

¹⁾ 1 Царс: 4.

²⁾ Прит. 22.

³⁾ Іерем. 18.

И судь*) приимуть яко вдѣтствѣ научиша, или попустиша имъ злобѣ навъкати. Вы православнїи *родителие* данеприимете суда озлонравїи чадъ вашихъ, тщитесь воспитаватїя добрѣ, храняще сія вещи, нужныя благороспитанїи. | Первая вещь есть жезлъ, егоже потребу Самъ Богъ Всемогущїй образно показалъ есть: егда бо даде перворожденному сыну си Израилю вопустыни манну, ишовелѣ сосудъ полный хранити ея вковчезѣ завѣта, вопамять вѣчную того благодѣянїя таможде благоволи храненну быти жезлу Ааронову, искрижалемъ завѣта: якоже воспоминаеть учитель языковъ ¹⁾: Повторой же завѣстѣ, скинїя глаголемая святая святыхъ, злату имущая кадилницу: иковчегъ завѣта, *всюду окованъ златомъ, внем || же стамни злата* имущая манну, ижезлъ Аароновъ прозябшїй, искрижали завѣта (.) Имже трїехъ сихъ вещей купно положенїемъ, научаетъ вся родители чадопитанїю: Черезъ манну убо, еже чадомъ пищу явса нуждая промышляти отчески. Черезъ скрижали, еже учити закону Божїю, Черезъ жезлъ, еже непослушныя, наказанїя достойнаго нелишати. Что само иприточникъ ²⁾ завѣщаетъ глаголя: Неотрѣй младенца наказовати, аще бо жезломъ биши его, неумреть отнего, тыже убо бїя его жезломъ, душу его избавиши отзлы смерти. | Ипаки ³⁾: иже щадитъ жезлъ свой, ненавидитъ сына своего. Алюбяй прилѣжно наказуетъ. Вторая вещь есть, еже дѣтемъ злаго возбраняти общества, слукавыми дружитися непопущати: ибо иЕва прамати, яко слукавымъ зміемъ бесѣдоваше, его проклятыя научиса гордости и восхотѣ равенство с Богомъ враи, якоже онъ иногда внебеси. Нояко той снебесе низвержеса: тако Ева соАдамомъ соизволившимъ ея совѣту, изгнася израя. Того дѣля, Богъ Всемогущїй множицею у || вѣщаше люди Израильскїя, еже потребити иноплеменники, иобщенїя неимѣти соязычники, воже бы имъ языческимъ неприложитися беззаконнымъ дѣянїемъ, иБогомерзскимъ обычаемъ. Ихже словесъ Господнихъ яко непослушаша людіе, заблудиша отОтца Небеснаго, кмучителю геенскому: забыша дѣлъ Божественныхъ, инаучишася демонскихъ, якоже плачася пророкъ извѣствуетъ ⁴⁾: Неипотребиша

*) Въ рукоп. вм. этого слова стоитъ: „яко“.

¹⁾ Евреемъ: 9.

²⁾ Прит. 23.

³⁾ Прит. 13.

⁴⁾ Псаломъ 105.

языкъ яже рече Господь имъ: и смѣсишася воязычѣхъ, и навъкоша дѣломъ ихъ и пороботаша истуканнымъ ихъ, и бысть имъ всоблазнъ. Се исолнце, зѣло полезно мирови суще, егда созымъ планетою или знаменіемъ случитъся нанебеси, велію тщету в мирѣ дѣетъ. Источникъ аще и велми чистъ суцъ, егда съ тиннымъ случитъся блатомъ, обыче блатенъ быти и тины смрадъ издаяти. Тѣмже пророкъ глаголетъ: Состроитивымъ развратишися. и Иисусъ Сираховъ повѣсуетъ ¹⁾: Касаяся неклѣ очернится иобщаяся гордому точенъ ему будетъ. Глаголетже пророкъ исіе ²⁾: Сопреподобнымъ преподобенъ будеши, || исмужемъ неповиннымъ непови(не)нъ будеши исоизбраннымъ избранъ будеши. Ноувы намъ нетоль удобнѣ съ добрыми добримся, якоже слукавыми лукавимся. Имже убо образомъ недугъ вредоносный ближнія повреждають, аздравіе от друга кодругу непреходитъ: тако зліи нрави тлятъ други, добріи паки неудобъ кодругомъ переходятъ, сеже заприклонность нашу козлобѣ. Обаче съ добрыми общеніе дабудетъ чадъ вашихъ: ибо яко вшедшіи во мироварницу, итамо | время нѣкое пребывши исполняются аромать благовоніемъ, иссобою ту благовую воню износятъ: Тако общающися благимъ, благостыни обучаются, или поне зла творити ненавыкають. Исобесѣдующіи мудрымъ умудряются, поглаголу приточника ³⁾: Ходяй съ премудрымъ, премудръ будетъ. Третія вещь есть, еже злаго посебѣ образа неявляти чадомъ: ибо якоже піюикъ, что видить чловѣки творящія абіе то тщится дѣяти: подобнѣ чада, дѣла родителей своихъ || видяще подражателіе имъ бывають: Блажени убо *) родители, ихже житіе добродѣтельное, есть чадомъ образъ благонравія, зеркало исправленія иправило дѣянія благихъ. Окаяннѣе суть рождши, иже злобнымъ си житіемъ чадо си соблазняють: чадоубійцы паче суть сіи чловѣцы, нежели родители: ибо худшее раждають, алучшее убивають: раждають бо плоть тлѣнную, убивають же душу безсмертную, егда соблазняють чада си, игрѣха ихъ виновницы бывающе, лишаютъ я живота душъ, | яже есть благодать Божія. Горе чловѣку тому, имже соблазнъ приходитъ, глаго-

¹⁾ Сирахъ 13.

²⁾ Псаломъ 17.

³⁾ Прит. 13.

*) Сбоку на полѣ добавлено: „суть“.

леть Христось Господь ¹⁾). Ипаки: иже аще соблазнить единаго отмалыхъ сихъ вѣрующихъ вмя уне ему ^{*}) есть, даобѣсится жерновъ оселскій навьи его ипотонеть впучинѣ морстей. Аще тако горе чюждымъ, много паче родителемъ: ибо елико родителіе суть ближншія кровію чадомъ, толико соблазнъ ихъ лютшая ивредная паче: игрѣхъ соблазнѣ ихъ болшь есть. Блюдитесь убо ородителіе, данебудете душегубцы чадъ вашихъ, соблазнію житія вашего || давѣстеже, яко отецъ долженьъ есть быти вдуму аки солнце, матиже ^{**}) аки луна, чада яко звѣзды. Пооному видѣнію Іосифову ³⁾): се видѣхъ сонъ аки солнце имѣсяць, иединонадесять звѣздъ покланяхуся мнѣ. Чтознаменоваше, родители ичада, подомыслу Іакова патриарха, рекша: Что есть сонъ сей иже еси видѣлъ, едали пришедъ азъ имати твоя събратіею твоею поклонимся тебѣ доземли. Убо отецъ имать быти яко солнце, мати, якоже луна: овъ яко свѣтило болшее сіяже яко свѣтило меньшее | даблагими образы житія, осіявають яко свѣтомъ звѣзды домовъ си иже суть чада: даиони яко звѣзды свѣтомъ житія святаго сіяють: Ноувы намъ, яко солнце сіе илуна множицею лишеніе свѣта страждуть. Луна убо чрезъ междувложеніе земли ^{***}) еже есть жена чрезъ междувложеніе земныхъ мудрованіи истрастей влагающихся между ^{****}) ею имужемъ: Солнце паки, чрезъ противоположеніе луны, сирѣчь, мужъ егда ему жена сопротивляется ипрерѣкаетъ: итакоспона бываетъ дасвѣтъ козвѣздамъ ^{*****}) не приходитъ. Свѣтъ глаголю доброобразія, и благочестнаго житія не изливается на чада. Паче же тма помрачаетъ я, егда домашняя разгласія, золь прописують образъ: егда нравы родителей развратніи соблазнъ родятъ, чада же злобное житіе родителей подражаютъ. Ибо яко в дому присно дымокурномъ живущіи, удобъ очерняются: тако злымъ родителей образомъ, чада удобъ развращаются. Храните убо себе родителіе отъ всякія злобы, да не будете помрачителіе звѣздъ.

¹⁾ Матѣ. 18.

^{*}) Въ рукоп. вмѣсто „ему“—описка: „единъ“.

^{**}) Въ рукописи описка: мати же.

³⁾ Быт. 37.

^{***}) Исправлено изъ: земныхъ.

^{****}) Въ рукописи: жежду.

^{*****}) Здѣсь обрывается текстъ 1-й главы, занимающей лл. 33, 5—32 об.; конецъ приведенъ нами по Слову 2-му въ недѣлю 34-ю изъ „Обѣда душевнаго“ Симеона Полоцкаго (лл. 545 об.—547); заключительныя слова въ рукописи, вѣроятно, были нѣсколько измѣнены.

вашихъ, развратителіе чадъ любезныхъ, онихже слово имате воздати общему всѣхъ Господу и Богу. И мзду по дѣломъ вашимъ воспріяти. Четвертая вещь и послѣдняя есть, еже родителемъ, отъ младыхъ ногтей, отъ сосцу матерню страху. Божию обучати младенцы своя, да паче растутъ въ добродѣтели, нежели въ количество плоти. Чинъ же ученія ихъ буди сидевъ: первѣе, да учать прежде всѣхъ словесъ, глаголати Господню молитву, и архангелскій гласъ ко Богородицѣ. Второе знати яко Богъ есть единъ существомъ во Троицѣ Ипостасей: и да учатся Символу вѣры христіанскія. Третіе, еже заповѣди Божія знати и хранити, наипаче десятословіе. Четвертое, еже въ домъ Божій на молитву учащати: Изряднѣе же во дни святыхъ къ литургіи божественнѣй. Пятое, наставляти, да тайною покаенія святаго, чрезъ истинное исповѣданіе грѣховъ своихъ, часто очищаютъ души своя. Шестое учити достойть, еже утро и в вечеръ отъ сна воставше и на сонъ грядуще молитися Господу Богу, Пресвятѣй Богородицѣ, ангелу хранителю, и тезоименнымъ защитникомъ, и всѣмъ святымъ. О прешедшихъ благодарствіе Богу возсылати, о грядущихъ же прошеніе дѣяти. Седмое хранити брежно отрочатъ отъ отроковицъ соигранія, купноспанія, да не діаволскимъ наважденіемъ впадутъ во искушеніе. Осмое, да обучаютъ дѣти своя или рукодѣлію нѣкоему, или иному честному коему упражненію: да не во празденствѣ живуще, приобыкнуть злобамъ: праздность бо есть питателница тымъ. Девятое, да промышляютъ имъ о честномъ и душеспасенномъ санѣ житія временнаго, или духовнаго, или мірскаго. Десятое, да и возрастшымъ завѣтъ имъ творять: якоже сотвори Товія старый, сыну своему Товію юному, глаголя сице: Во вся дни живота твоего, во умѣ да имѣши Бога и стрежи, да не когда грѣху изволиши, и преступиши заповѣди Бога нашего. Отъ имѣнія же твоего твори милостыню, и не отврати лица твоего ни отъ единаго убогаго. Аще се не сотвориши, то ни отъ тебе отвратится лице Господне. Елико можеша, толико буди милосердъ. Аще же много тебѣ будетъ, изобилно воздавай. Аще мало тебѣ будетъ, и малое благоволенно участити помысли: Мзды бо благи себѣ сокровищуеша въ день потребный: яко милостыня отъ всякаго грѣха и отъ смерти избавитъ. И не оставитъ души ити во тму, и прочая. Сипцевымъ образомъ аще воспитаете чада вашія, истинни будете родителіе ихъ,

не точію тѣлесемъ, но и душамъ: ибо тѣлесы рождше я въ миръ естественнѣ, душами родите Богу нравно. Емуже родителіе купно съ чады вашими работайте усердно, чрезъ вся дни живота вашего со страхомъ: Да мзду трудовъ вашихъ воспріимете съ радостію, во царствіи Его небесномъ: Тоя да не лишитъ вы Богъ во Троицѣ Единный, отъ всея твари славимый, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

III.

Рукопись И. А. Вахрамѣева—№ 802¹⁾.

Нѣтъ надобности распространяться о томъ, какъ нечасто попадаются между произведеніями русско-славянской литературы такія сочиненія, которыя касаются природы. Если мы назовемъ Шестодневы, поэму Георгія Писиды, физиологи, бестиаріи, а затѣмъ лѣчебники и травники, то этимъ почти исчерпывается индексъ такихъ сочиненій. Да и въ этихъ сочиненіяхъ на первомъ планѣ не столько интересъ къ самой природѣ, сколько другія побочныя цѣли и задачи. Тѣмъ важнѣе должна намъ казаться всякая попытка изобразить богатство и разнообразіе природы ради самаго этого разнообразія, несомнѣнно и въ XVII столѣтіи останавливавшего на себѣ вниманіе пытливаго, любознательнаго русскаго человѣка. Такую попытку описать наиболѣе интересные—съ точки зрѣнія описывающаго, конечно—типы трехъ царствъ природы находимъ мы въ рукописи И. А. Вахрамѣева—№ 802.

Въ этой рукописи, къ сожалѣнію, не достаетъ ни начала, ни конца; утрачены заглавіе сочиненія, можетъ быть, предисловіе, описаніе перваго четвероногаго „звѣря“ и нѣсколько листовъ (вѣроятно, немного) въ самомъ концѣ послѣдней части сочиненія—о камняхъ. Сочиненіе дѣлится на 9 частей, которыя имѣютъ каждая свое заглавіе, обозначаемое обыкновенно и въ концѣ каждой части. Первая часть кончается такими словами: „Конецъ описанію и повѣствованію всѣмъ звѣремъ земнымъ и морскимъ“, вторая часть носитъ заглавіе: „о птицахъ воздушныхъ обрѣтающихся на вселеннѣй“; третья часть — „о рыбахъ морскихъ и рѣчныхъ обрѣтающихся въ водѣ“, четвертая часть — „о гадахъ пресмыкающихся по земли“, пятая — „о чрепокожныхъ обрѣтающихся на земли“, шестая — „о несекомыхъ обрѣтающихся на земли“, седьмая — „о чудяхъ различныхъ обрѣтающихся на вселеннѣй“, восьмая — „о дровесѣхъ различныхъ обрѣтающихся на вселеннѣй“ и девятая—

¹⁾ Читано 16 мая 1896 г.

„о каменіяхъ различныхъ обрѣтающихся на вселеннѣй“. Въ первой части описано было всего 82 звѣря; рукопись начинается съ описанія второго—единорога. Во второй части описаны 51 птица; въ третьей части говорится о 72 рыбахъ; въ четвертой части 22 описанія, въ пятой—6, въ шестой—9, въ седьмой—47¹⁾, въ восьмой—98, и послѣдняя часть прерывается на описаніи 27-го камня—магнита. Такимъ образомъ все сочиненіе заключаетъ въ себѣ болѣе 400 описаній.

Изъ этого перечня частей сочиненія виденъ, конечно, тотъ планъ, та система, которой держался составитель. Онъ задался цѣлью описать важнѣйшіе и наиболѣе интересные изъ извѣстныхъ ему животныхъ, растений и минераловъ, дать систематическое „начертаніе“, какъ въ старину говорили, естественной исторіи. Животныя дѣлятся на семь классовъ: звѣрей, птицъ, рыбъ, черепакожныхъ, пресмыкающихся, „несѣкомыхъ“ и дивъ. Введеніе послѣдняго разряда можетъ представиться намъ нарушеніемъ правильности предлагаемаго авторомъ дѣленія—вводится, повидимому, посторонній, не входящій въ объемъ дѣлимаго понятія членъ; но на самомъ дѣлѣ, съ своей точки зрѣнія, составитель имѣлъ право, не грѣша противъ принятой имъ системы, говорить объ этихъ „дивахъ“, потому что дѣйствительно смотреть на нихъ какъ на особый классъ животныхъ. Это объясняетъ авторъ въ концѣ VII-й части, пользуясь Лѣтописью святителя Ростовскаго Дмитрія: „Си вси родове дивъ чудобразныхъ, обрѣтающихся по различнымъ странамъ земнаго круга, аще нѣкоторые отъ сихъ и баснословіемъ повествованій еллинскихъ исплетенны бяху, обаче видятся отъ исторіографскихъ описателей яко бы сихъ чудъ подобообразныхъ видовъ родове даже аще и въ нынѣшніи времена обрѣтаются на вселеннѣй, иже человѣческое купно же и звѣрское подобіе свое имуть, и ихъ всѣхъ отъ естества человѣческаго праотца Ноя, якоже и насъ, произыти сказуетъ учитель западный Августинъ“²⁾. Далѣе авторъ объясняетъ, какъ могли произойти „злообразни и несовершенни родове человѣческіи, сирѣчь выродки, полувзвѣри и получеловѣци“³⁾, не по созданной отъ Бога мѣрѣ человѣци, но щуды, гиганты,

¹⁾ При нумераціи была пропущена ошибка: № 31 пропущенъ; поэтому послѣдній номеръ—48-й.

²⁾ Лѣтопись св. Дмитрія. Спб. 1796—ч. II, стр. 10.

³⁾ Тамъ же—II, 6.

якоже древесна и страшылица нѣкая¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ говорится, какъ могли образоваться путемъ скрещенія—отъ ошагры и верблюда „верблюдопардусъ“, отъ волковъ и индѣйскихъ псовъ „волкопсы“, отъ пардуса и львицы леопардъ и т. п.

Если принятая авторомъ система мѣстамп и нарушается, то развѣ по незнанію, по неясности представленія о томъ или другомъ типѣ. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, о „сипіи“ говорится, какъ о морскомъ звѣрѣ, а о „кракатицѣ“—какъ о черепоконномъ; саламандръ, „хамеліонъ“, крокодилъ отнесены, конечно, къ звѣрямъ, а мыши и нетопырь къ пресмыкающимся; различаются звѣри: „мантихоръ“ и „тщеринъ“ и дивы: „мантикоры“ и „щериты“, къ дивамъ отнесенъ не только „пификъ или обезьяна“, но и „тургусы“ (вѣроятно, тунгусы), „кои въ близости съ русскими жителями водворяются,—познали проповѣдь Евангелія и крестилися“. Моржъ и „морсъ“, китъ и балена описаны какъ особыя животныя; о рыбѣ скарѣ говорится въ III-ей части въ двухъ мѣстахъ (№№ 14 и 60), какъ о двухъ различныхъ рыбахъ, причемъ и подробности, несомнѣнно заимствованныя изъ разныхъ источниковъ, приводятся различныя. Такія повторенія и мѣстами непослѣдовательность объясняются еще и тѣмъ, что мы имѣемъ дѣло съ черновою рукописью, въ которую вносился матеріалъ, попадавшійся составителю въ разныхъ сочиненіяхъ, по мѣрѣ нахожденія: по всей вѣроятности вносились выписки или переводы мѣстъ изъ одного какого-нибудь сочиненія (положимъ, изъ bestiaria Дамаскина Студита), потомъ идутъ выписки изъ другого источника—космографіи и т. д.; затѣмъ слѣдуютъ описанія такихъ видовъ, которые были извѣстны автору по личнымъ наблюденіямъ или по слышаннымъ отъ кого-либо изъ бывалыхъ и знающихъ людей рассказамъ; наконецъ, въ каждой части найдутся и такіе виды, которые встрѣтились позже и внесены какъ бы въ дополненіе уже написаннаго.

Число описанныхъ въ сочиненіи видовъ авторъ могъ бы значительно увеличить; но нѣкоторые виды имъ игнорируются, какъ общеизвѣстные, ничѣмъ не выдающіеся. Такъ о нѣкоторыхъ неупомянутыхъ авторомъ растеніяхъ онъ самъ заявляетъ въ концѣ VIII части: „о соснѣ или о березѣ, о осинѣ, о волшнягу, о черемхѣ, о рябинѣ, о жимолостяхъ, о талнику, о калинѣ, о шипу и о протчихъ повѣствовать нечего, ибо

¹⁾ Тамъ же—I, 30.

объ оныхъ всякъ и безъ описанія извѣстенъ есть; того ради неключимы оставляются“.

Особенное вниманіе обращаетъ описатель на такіе виды, которые приводятся въ различныхъ сочиненіяхъ религіозно-нравственнаго направленія то какъ символическіе образы Спасителя или какой-нибудь христіанской добродѣтели, то какъ примѣры для подражанія. Такъ относительно птицы „зороастра“ указывается на то, что она „страстей Христовыхъ образъ“, равно какъ и о неяснѣ—что она „образъ есть Христу Господу нашему“. Описаніе терна заканчивается словами: „съ сего древа іудее сплетше вѣнецъ Господу поругашася и на главу наложиша“. Въ описаніи первыхъ 12 камней неуклонно прибавляется, какой пзъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ и изъ апостоловъ уподобляется описываемому камню. О топазѣ, напр., говорится: „сему камню уподобленъ въ Ветхомъ Завѣтѣ пратецъ Симеонъ, а въ Новой Благодати святыи апостоль и евангелистъ Матѣей“.

Часто на описываемое животное указывается, какъ на примѣръ, достойный подражанія. Лѣнниваго, напр., сочинитель словами Соломона отсылаетъ къ пчелѣ и муравью; въ описаніи первой какъ бы подчеркивается, что пчелы новаго царя „избираютъ по чину и по роду, якоже и въ человѣдѣхъ“. О птицѣ порфиріонѣ говорится, что онъ „уподобляется горлицѣ, четъ бо едино супружіе свое“, а о горлицѣ—что „есть птица зѣло цѣломудренна“. Описаніе морскаго ежа даетъ такое наставленіе: „Зря, яко и ежъ къ сохраненію себѣ имать увѣденіе, ты же не имаша, человѣче, разума къ сохраненію, дабы не потопитися тебѣ въ гееннѣ огненной“.

Преимущественно описываются иноземные виды, интересные въ томъ или другомъ отношеніи: по своей величинѣ, по особой свирѣпости“ или ядовитости, наконецъ, по приносимой ими пользѣ; въ послѣднемъ случаѣ указывается иногда и цѣна. Въ описаніи бобра, напр., по поводу касторовой струи сказано „продаютъ во Америкѣ тридцетъ рублей“. О карака-тицѣ добавлено, что у грековъ ее ѣдятъ въ среды и пятки, что „продается фунтъ отъ дву рублей и съ полтиной“, а о рыбѣ „сибелбуть“—что ее „облитую воскомъ въ Россію посылаютъ купцы“. О сельди говорится: „ея же ловятъ галанцы множество и солятъ въ бочкахъ и продаютъ въ различныя страны и отъ того обогащаются“.

Не можемъ не остановиться еще на попыткѣ описать разнообразіе и прелесть соловьиного пѣнія: „обаче имать гласъ къ пѣнію велми удивительный, мусикійскимъ учепіемъ изображенны, иже овогда непрестаннымъ духомъ протягаетъ въ длину, иногда напѣваетъ мусикійскими согласіями и свищетъ“.

Откуда авторъ черпалъ содержаніе для своего сочиненія? Отвѣтъ на это даютъ отчасти тѣ ссылки, которыя мы постоянно встрѣчаемъ въ рукописи. Вотъ тѣ авторы и тѣ отдѣльныя сочиненія, на которыя ссылается авторъ въ разныхъ мѣстахъ: 1) „Божественное Писаніе“, евангеліе, „Говъ въ книзѣ своей глаголетъ“, „псаломникъ“, Соломонъ въ притчахъ, „пророкъ глаголетъ“; 2) Отцы Церкви: Златоустъ, Василій Великій (Шестодневъ), Аѳанасій Великій, Амвросій Медиоланскій, Августинъ; 3) богослужебныя книги: „во акаѳистѣ поется“, „въ книгѣ Тріоди въ пареміяхъ“; 4) житія и другія историческія сочиненія: еллинскія исторіи, „троянская исторія“, „исторіографскіе описатели“, „у историковъ во описи“, „въ каталогѣ по первомъ вѣкѣ; 5) писатели древности: Аристотель, Плиній, Кедринъ (Книга Александра Великаго), Корнилій (можетъ быть, а Lapide), „по Гомерову свидѣтельству“, еллинскіе стихотворцы, „баснословіе повѣствованій еллинскихъ“, еллинское баснословіе; 6) какаѣ-то „Сиргиль-книга“; 7) географическія и медицинскія сочиненія: землеписатели, „глаголють врачеве“, „лекари нарицають“, „описують вси дохтуры и учителя“; 8) ходячія мнѣнія: „пословіе“ въ народѣ, „повѣтствуется и сіе“, „нарицается“, „глаголють“, „нѣкто аки глумлящися написалъ“.

Не всѣ изъ этихъ ссылокъ принадлежать непосредственно составителю интересующаго насъ сочиненія; не одна изъ нихъ, конечно, попала въ его трудъ изъ другихъ сочиненій, послужившихъ источниками. Съ другой стороны несомнѣнно, что этотъ перечень долженъ быть пополненъ названіями такихъ трудовъ, какъ сочиненіе Дамаскина Студита „о собствахъ естества животныхъ“, фізіологъ, космографія, а также Лѣтопись святителя Ростовскаго Димитрія.

Разбираемое нами сочиненіе несомнѣнно составлено въ Россіи и для русскихъ; указанія и намеки на это встрѣчаются довольно часто. Нѣкоторыя изъ такихъ мѣстъ приводились уже нами: напримѣръ, оговорка о рыбѣ сибелбуть. Вотъ еще нѣсколько мѣстъ: „Малконъ-звѣрь, инакоже и зярибетъ, росси-

скіиже мскусъ нарицается“.—„Мыши обрѣтаются въ Индіи — величествомъ съ нашихъ котовъ российскихъ“. О виноградѣ говорится, что для него втыкають колья, „какъ у насъ хмель — и отрѣзываютъ такъ, какъ хмель“. О ягодахъ „кумаріи-древа“ замѣчено, что онѣ — „какъ у насъ клубеница“. Говоря о всѣмъ извѣстныхъ рожкахъ, авторъ добавляетъ, что стручки собирають и сушатъ „якоже у насъ видимъ“. Про миндаль добавлено, что онъ продается „я зде въ Россіи“, а о бобковомъ деревѣ: „на егоже здѣсь подобіе дѣлають вербу бумажную“.

Нѣкоторыя животныя или растенія только потому и приведены авторомъ, что найдены въ Россіи или въ мало извѣстныхъ, близкихъ къ ней странахъ. Таковы, напримѣръ, „перекузня“ на Дону, „слукъ — инако моска“ въ Казани, сазанъ — „на низу“, семга — „въ окіанѣ-морѣ близъ Соловецкаго острова“. Изъ сибирскихъ видовъ указаны — лось, бобръ, зубръ, зерень, избирь, соболь, таймень, муксунъ, муль (вѣроятно, омуль) тугунъ, певкъ — „въ Индіи и въ Сибири“, тургусы. Большая часть этихъ описаній отличается краткостью. Для примѣра приводимъ слѣдующее: „Избирь звѣрь степны подобенъ рыси во всемъ обрѣтается въ Сибири“.

Найдется довольно много описаній — и также иногда очень краткихъ — такихъ животныхъ или растеній, которыя встрѣчаются въ Китаѣ, Персіи, Турціи и въ частности на Аѳонѣ. Изъ послѣднихъ укажемъ на слѣдующія: „роида“ — „въ горѣ Аѳонской и инде въ областяхъ турецкихъ“, шевтала — древо, крапай-древо, мирсина-древо — „велимъ благоуханно, того ради въ горѣ Аѳонской монахи въ недѣлю Ваня въ рукахъ е держать“, — особые виды вербы или „ваія“, дуба и ели, которая „по земли разстиляется, а вверху не растеть“.

О паукѣ былъ приведенъ (но затѣмъ зачеркнутъ) слѣдующій рассказъ, затрогивающій турокъ: „Сей родъ махометаны битъ велятъ для нѣкоторой ихъ басни, аки бы паукъ нѣкогда на мори простерши сѣти свое съ корабля на корабль на маштахъ и затѣмъ кораблямъ въ плѣнъ быти взятымъ, не хотя прервати сѣти его, и тако въ полонъ взяты были и не уплыли“.

Если принять во вниманіе особенности въ способѣ выраженія и ошибки въ образованіи формъ и въ словосочетаніи, то съ полною увѣренностью можно видѣть въ авторѣ иностранца. На это указываетъ, напримѣръ, употребленіе такихъ

словъ, какъ: „съ востокомъ солнечнымъ рождается“, „весело и радиво“, „заключились вверху“, „худѣйшее животное и обиднѣйшее отъ четвероногихъ“, „до веснѣйшаго времени“, „сему камени *приготовленъ* (вмѣсто: уподобленъ) есть пратоцъ Левій“, и такія формы, какъ: разсястися, ныряется, умирается, тлѣемо, и такое согласованіе, какъ: „несій рыба“, „китъ есть рыба *величайшій* всѣхъ рыбъ“ и такое управленіе, какъ „при траву“, „предъ *человѣчьихъ*“, „си дванадесять *каменіяхъ*“, „похожъ *черемхе*“, „ею солнце никогда не сіяло“, „а нынѣ оной крокодилъ обрѣтенъ бысть въ *Новое Лѣто*¹⁾ отъ португальцевъ“.

Подобными солецизмами характеризуется слогъ произведеній Спаарія; знакомство съ Востокомъ также могло бы указывать на принадлежность разбираемаго сочиненія этому лицу. Но настаивать на этомъ мы не рѣшаемся: употребленное относительно тунгусъ выраженіе: „живуть Сибирскаго Государства въ провинціяхъ Россійской Имперіи“—какъ бы указываетъ на болѣе позднее время составленія интересующаго насъ сочиненія. Замѣтимъ только, что спааріевы труды подвергались иногда подобнымъ добавленіямъ и передѣлкамъ: существуетъ, напримѣръ, списокъ Описанія Китайскаго Государства (Имп. Публ. Библ.—4^о, № 1715), въ которомъ спааріево выраженіе „Царскаго Величества счастіемъ“ замѣнено новымъ: „неусыпнымъ попеченіемъ—мудрой Монархини нашей, Ея Императорскаго Величества“.

¹⁾ Здѣсь подъ Новымъ Лѣтомъ слѣдуетъ понимать островъ, какъ объяснено это въ другомъ мѣстѣ: „Есть островъ нарицаемый Новое Лѣто, въ Америкѣ лежащій“.

СОСТЯЗАНІЯ ПОЭТОВЪ ВЪ КАТАЛОНИИ.

(Los jochs florals)

Д. чл. В. К. Пискорскаго.

Front altiu y parla franca
Y ab lo cor esperançat,
Conquistarem lo que' ns manca
Guardant ve'l que'ns ha quedat,
¡Germans! nostre crit retrunya
Ben alt, y á la llum del sol:
¡Visca lliure Catalunya
Dintre'l reyalme espanyol!')

Литературная эволюція современной Каталоніи находится въ тѣсной связи съ возрожденіемъ такъ наз. jochs florals или поэтическихъ состязаній на призы изъ цвѣтовъ. Состязанія эти распространены по всей Испаніи, но получили особенно важное значеніе въ Барселонѣ. Они представляютъ собою и по формѣ, и по характеру возстановленіе традицій средневѣковыхъ провансальскихъ и каталонскихъ поэтовъ. Честь возстановленія поэтическихъ состязаній въ Барселонѣ принадлежитъ современному поэту и государственному дѣятелю Испаніи—Виктору Балагеру, и автору большого труда по исторіи Каталоніи—Антонио де Бофаруль (Antonio de Bofarull). Состязанія эти открыты

1) *Floralia*.—Versos de Mossen Jaume Collell, mestre en gay saber, canonge de la seu de Vich. Barcelona. 1894. p. 168. Переводъ:

Съ гордымъ челомъ и рѣчью свободной,
Съ сердцемъ, полнымъ надеждой,
Мы завоемъ то, чего намъ недостаетъ,
Ревниво оберегая то, что осталось за нами.
Братья! нашъ крикъ раздается
Высоко, при сіяніи солнца:
Да здравствуетъ свободная Каталонія
Въ предѣлахъ испанскаго королевства!

были въ 1859 г. и, продолжаясь изъ года въ годъ, въ первое майское воскресенье, до настоящаго времени, дали блестящіе результаты: теперь Каталонія обладаетъ богатой самостоятельной литературой, имѣетъ собственный театръ и прессу; имена Балагера, издавшаго до 1896 г. болѣе 32 т. сочиненій самаго разнообразнаго содержанія на каталонскомъ и кастильскомъ языкахъ (особенно извѣстны его *Historia de Catalunya* въ 11 т., *Los trovadores* въ 4 т., *Tragedias* въ 3 т., *Poesias catalanas* въ 3 т., и др.), Вердагера—автора поэмы „Атлантида“ (1879), Солера—основателя каталонскаго національнаго театра, Фелиу-и-Кодины—автора многихъ комедій, Гимера и другихъ поэтовъ, увѣнчанныхъ наградами на *jochs florals*, приобрѣли почетную извѣстность далеко за предѣлами Каталоніи. Первые проблески литературнаго возрожденія въ Каталоніи относятся къ концу XVIII и къ первой трети текущаго столѣтія. Два обстоятельства, главнымъ образомъ, содѣйствовали этому возрожденію: съ одной стороны, появленіе капитальныхъ трудовъ Антони Капманъ-и-Монтпалау (*Memorias historicas sobre la marina, comercio y artes de la antigua ciudad de Barcelona. Madr., 1779*) и епископа Асторги-Феликса Торресъ Амагъ (*Memorias para ayudar á formar un diccionario critico de los escritores catalanos*), пробудившихъ въ обществѣ интересъ къ отечественной исторіи и литературѣ, съ другой—война за независимость и установленіе конституціонной свободы, что способствовало въ сильной степени пробужденію національнаго самосознанія въ массѣ каталонскаго общества. Родоначальникомъ новой каталонской литературы можетъ считаться Арибау (*Carles Aribau*), авторъ замѣчательной „оды къ отечеству“ (*A ma patria*, 1833 г.), произведшей на современниковъ огромное впечатлѣніе. Но расцвѣтъ этой литературы уже совершился подъ вліяніемъ „*jochs florals*“¹⁾.

* *
*

На этикъ состязаніяхъ мнѣ привелось присутствовать въ Барселонѣ въ маѣ 1897 г. Въ большой залѣ (*sala de contra-*

¹⁾ см. José Leopoldo Feu, *Datos y apuntes para la historia de la moderna literatura catalana*; Milà y Fontanels, *Estudios de la lengua catalana* Barc. 1876. *Més lo grandios esclat de la llengua literaria de Catalunya va venir ab la restauració dels Jochs Florals de Barcelona, monument alsat á las glorias de la terra.* A. Guimerá, *La llengua catalana*, p. 32.

taciones) красиваго зданія биржи (Casa Lonja), находящагося на улицѣ Paseo de Isabel II, въ залѣ съ готическими арками и колоннами, въ часть дня открылось торжество. Стѣны и колонны были украшены національными флагами и щитами, гирляндами изъ цвѣтовъ и зелени, а въ глубинѣ залы возвышался тронъ подъ балдахиномъ изъ малиноваго бархата съ золотой бахрамой. Неподалеку отъ трона на возвышеніи стояли кресла для членовъ консисторіи или жюри, а напротивъ ихъ—каедрa, съ которой поэты читали свои произведенія на каталонскомъ языкѣ. Остальная часть залы была заставлена стульями для публики, впускавшейся туда по билетамъ, раздававшимся членами консисторіи, а позади публики помѣщался оркестръ музыки. Произведенія поэтовъ были разсмотрѣны и оцѣнены членами консисторіи еще задолго до наступленія дня состязанія, но приговоры судей оставались въ тайнѣ до послѣдняго момента. Костюмы присутствовавшей публики гармонировали съ торжественностью всей обстановки: мужчины были во фракахъ, дамы—въ свѣтлыхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ кружевныхъ мантильяхъ, составлявшихъ головной уборъ, съ вѣрами и букетами цвѣтовъ въ рукахъ. При звукахъ марша короля Донъ-Хуана члены консисторіи заняли свои мѣста, а затѣмъ предсѣдатель произнесъ рѣчь въ честь Каталоніи, за рѣчью слѣдовалъ отчетъ секретаря консисторіи о ея дѣятельности и присужденіе наградъ; каждому произведенію, представленному на соисканіе приза, соотвѣтствовалъ конвертъ, скрывавшій имя автора; секретарь сталъ распечатывать конверты и читать имена увѣнчанныхъ поэтовъ.

Удостоенный высшей преміи,—т. наз. *joia del amor*, получилъ отъ жюри естественный цвѣтокъ, а вмѣстѣ и право избрать королеву торжества; при звукахъ музыки и громкихъ рукоплесканіяхъ, поэтъ вручилъ букетъ лилій одной изъ присутствовавшихъ дамъ, привелъ ее подъ руку къ трону, который она и заняла, въ качествѣ королевы. Поэты поочередно всходили на каедрu и читали свои произведенія; въ случаѣ отсутствія кого-либо изъ нихъ, произведеніе его читалъ секретарь; каждый поэтъ получалъ свою награду изъ рукъ королевы, опять при звукахъ музыки и рукоплесканій. Для соисканія призовъ представлены были не только стихотворенія, но и прозаическія произведенія и музыкальныя пьесы. Публика знакомилась съ ними на основаніи секретарскаго отчета.

Награды были различныхъ степеней; высшею былъ натуральный цвѣтокъ (*joia del autor*), затѣмъ слѣдовали золотая фіалка (*Violeta de oro*), различныя дорогія вещи художественной работы—серебряный кубокъ, золотая лира, серебряная ручка, чернильница и др. Преміи эти изготовлялись на пожертвованія частныхъ лицъ, общественныхъ учреждений, такихъ, какъ муниципальный совѣтъ Барселоны, атенео, редакціи отдѣльныхъ газетъ и т. д.

Въ 1888 г. тронъ этотъ занимала настоящая королева, регентша Марія Христина, принявшая цвѣтокъ отъ поэта, получившаго тогда первый призъ. Присутствовалъ на этихъ состязаніяхъ и знаменитый испанскій ученый, мадридскій профессоръ и академикъ—Менендесъ Пелайо (*Menendez Pelayo*). Обращаясь къ королевѣ и ея министрамъ, онъ произнесъ рѣчь на каталонскомъ языкѣ; въ ней онъ доказывалъ, что единство и жизненность націи возможны лишь при условіи свободнаго развитія ея составныхъ частей и что преступно (*Ni hi há major sacrilegi*) стѣснять свободное употребленіе языка, этого дара божьяго, который служитъ выраженіемъ духовныхъ свойствъ народа, на немъ говорящаго и думающаго.¹⁾ Такія слова въ устахъ кастильскаго ученаго историка и литературнаго критика доказываютъ, что каталонскія литературныя стремленія находятъ признаніе и сочувствіе среди лучшихъ и наиболее авторитетныхъ представителей кастильскаго общества.

Поэтъ, удостоившійся награды на трехъ состязаніяхъ, возводится въ степень „магистра веселой наукой“ (*mestre en gay saber*). Къ числу поэтовъ, обладающихъ этой степенью, между прочимъ относится и почтенный каноникъ Вискскаго собора—Джауме Коллель (*Jaume Collell*). Одаренный живымъ воображеніемъ и богатою памятью, онъ рано посвятилъ себя литературно-поэтической дѣятельности, основательно изучилъ итальянскихъ классиковъ, знаетъ на память всю „Божественную Комедию“ и является однимъ изъ видныхъ представителей каталонской лирической поэзіи. Одно изъ его стихотвореній я избралъ эпиграфомъ для настоящей статьи.

Въ нѣкоторыхъ городахъ вмѣсто дорого стоящихъ празднествъ *jochs florals* устраиваются болѣе скромныя литератур-

¹⁾ Angel Guimerá, *La llengua catalana* (discurs llegit en la sessió pública celebrada en l' Ateneu Barcelonés lo 30 de Novembre de 1895). Barcelona, 1896, p. 19.

ныя состязанія подъ названіемъ „certamen literario“, гдѣ писателями выдаются и болѣе скромныя награды. Я сказалъ раньше, что современный обычай состязанія поэтовъ представляетъ собой возстановленіе древнихъ литературныхъ традицій и обычаевъ, существовавшихъ какъ въ Провансѣ, такъ и въ Каталоніи. Въ этомъ легко убѣдиться изъ нижеслѣдующей исторической справки.

* *
*

Послѣ разгрома Прованса Симономъ Монфортомъ и установленія тамъ инквизиціоннаго трибунала, трубадуры стали искать убѣжища при дворахъ Альфонса X Кастильскаго и Петра III Арагонскаго; но ихъ поэтическія традиціи не заглохли и въ Провансѣ: въ началѣ XIV в. послѣдніе трубадуры Тулузы тайно собирались въ одномъ саду для чтенія своихъ произведеній, а нѣкоторые изъ тулузскихъ горожанъ, въ интересахъ сохраненія родного языка и поэзіи, рѣшили учредить поэтическія состязанія ежегодно перваго мая. Чтобы не вызывать подозрѣній со стороны инквизиціи, они придали этимъ состязаніямъ религіозный характеръ, постановивъ выдавать преміи лишь авторамъ лучшихъ произведеній въ честь Мадонны. Въ 1323 году „Веселое общество семи тулузскихъ трубадуровъ“ разослало пригласительныя письма на конкурсъ по всѣмъ мѣстностямъ langue d'oc'a, а въ слѣдующемъ году, перваго мая, въ присутствіи муниципалитета и аристократіи Тулузы, состоялось первое состязаніе поэтовъ, изъ которыхъ Арнальдо Видалъ изъ Кастельнодари удостоился награды, въ видѣ золотой фіалки, за составленный имъ гимнъ въ честь Мадонны. Нѣкоторое время спустя Тулузское муниципальное управленіе приняло подъ свое покровительство поэтическія состязанія, постановивъ выдавать преміи поэтамъ на свой счетъ и поручивъ секретарю общества семи т. наз. „mantenedores de la Violeta de Tolosa“ составить правила для состязаній. Въ 1356 г. они составили кодексъ подъ названіемъ „Законы любви“, такъ какъ любовь и поэзія были синонимами для трубадуровъ. Основнымъ условіемъ допущенія на конкурсъ поэтическихъ произведеній, согласно этому кодексу, было требованіе, чтобы они составлены были на романскомъ языкѣ, т. е. на каталано-провансальскомъ. Правило это соблюдалось во Франціи до XVI в., когда на тулузскихъ состязаніяхъ ро-

манскій языкъ офіціально былъ замѣненъ французскимъ. Въ теченіе XV в. въ исторіи тулузскихъ состязаній замѣчается перерывъ. Въ 1495 г. они были возобновлены поэтессой Клеменсія Исаура, пожертвовавшей все свое состояніе на устройство этихъ празднествъ въ честь любимаго ею поэта Ренато, убитаго на войнѣ. Въ 1694 г. „Общество веселой науки“ было переименовано въ „Академію“ и просуществовало до 1791 г.; послѣ нѣкотораго перерыва, въ 1808 г. оно было возобновлено Наполеономъ. Многіе изъ извѣстныхъ французскихъ писателей, какъ Мармонтель, Лагарпъ, Шатобрианъ, Викторъ Гюго, принимали участіе въ этихъ состязаніяхъ и, получивъ три раза преміи, удостоивались степени магистра веселой науки. Вольтеръ получилъ эту степень *par acclamation*, хотя и не участвовалъ въ состязаніяхъ.

Поэтическія состязанія установлены были впервые въ Каталоніи въ 1390 г. королемъ Хуаномъ I, прозваннымъ за свою любовь къ изящному „*amador de la gentilesa*“. Они были организованы по образцу тулузскихъ и происходили въ Барселонѣ. Обязательнымъ языкомъ для поэтовъ въ Барселонѣ всегда оставался провансальско-каталонскій, тогда какъ въ Тулузѣ онъ замѣненъ былъ французскимъ. Впрочемъ и въ ю. Франціи въ послѣднія десятилѣтія замѣчается литературное движеніе, имѣющее цѣлью возродить провансальскій языкъ и литературу; сторонники этого движенія извѣстны подъ именемъ фелибровъ, а наиболее видными его представителями являются Федерико Мистраль, Ж. Руманиль и Т. Обанель. Барселонскіе *jocs florals* XIV—XV вв. способствовали развитію каталонской поэзіи и языка, особенно когда въ нихъ принималъ участіе поэтъ Энрико де Виллена (1384—1434), но политическія бури, наступившія въ Каталоніи въ послѣдующее время, мѣшали укорениться этому учрежденію здѣсь раньше половины нынѣшняго столѣтія.¹⁾

* *
* *
* *

Итакъ, современныя состязанія поэтовъ въ Барселонѣ, являясь отголосками поэзіи провансальскихъ трубадуровъ, въ то же время служатъ выраженіемъ древнихъ литературныхъ традицій Каталоніи, выработавшей себѣ самостоятельный литературный языкъ. Для кастильца, съ его централизаціонными инстинктами,

¹⁾ Victor Balaguer, *Noticia historica de los juegos florales*, pp. 9—38. A. Guimerá, *la llengua catalana*, p. 21.

каталонскій языкъ представляется не болѣе, какъ діалектомъ, областнымъ нарѣчіемъ. Но это „нарѣчіе“ почти въ такой же мѣрѣ отличается отъ кастильскаго, въ какой послѣдній разнится отъ родственныхъ ему португальскаго и итальянскаго языковъ. Утрата политической самостоятельности Каталоніей повела и къ уtratѣ самостоятельности языка, низшедшаго, въ глазахъ господствующей націи, на степень нарѣчія. Естественно, что каталонцы, съ пробужденіемъ своего національнаго самосознанія, стремятся дать своему языку и литературѣ полныя права гражданства и дать теоретическія и историческія обоснованія этимъ стремленіямъ.

Каталонскіе ученые причисляютъ свой языкъ къ семьѣ романо-провансальскихъ или лимузенскихъ нарѣчій (*langue d'oc*), географическими предѣлами распространенія которыхъ служили съ одной стороны Луара, а съ другой— Эбро, и все побережье Средиземнаго моря отъ Аликанте до Генуи. Первые слѣды появленія этого языка они относятъ уже къ IX в. и всю свою литературную исторію раздѣляютъ на три періода: 1) провансальскій, продолжавшійся до альбигойскихъ войнъ и изгнанія трубадуровъ изъ южной Франціи, 2) каталонскій, обнижавшій XIII и XIV вв., и 3) валенсійскій, начавшійся въ XV в. и продолжавшійся въ теченіе двухъ столѣтій. Каждый изъ указанныхъ періодовъ характеризуется опредѣленными чертами: въ первый періодъ, именно въ теченіе IX и X вв. формируются два родственныхъ нарѣчія—каталонское и провансальское, которыя объединяются до извѣстной степени въ условномъ поэтическомъ языкѣ трубадуровъ со времени брака графа Барселонскаго Рамона Беренгера III съ наслѣдницею Прованса Дульсэ и политическаго объединенія двухъ странъ, родственныхъ по своей культурѣ. Послѣ крестоваго похода Симона Монфортскаго Провансъ перестаетъ быть средоточіемъ литературнаго развитія Каталоніи, которое получаетъ сильный импульсъ въ славное царствованіе короля Хаиме I. Онъ завоевалъ у арабовъ Балеарскіе острова, Валенсію и Мурсію и основалъ университеты въ Леридѣ, Монпелье, Перпиньянѣ, Валенсіи и Пальмѣ. Будучи авторомъ „хроникъ“ и „книги мудрости“ (*Llibre de la saviesa*), написанныхъ на каталонскомъ языкѣ, Хаиме I является родоначальникомъ второго періода литературной исторіи Каталоніи. Въ этотъ періодъ всѣ виды литературнаго творчества получаютъ въ Каталоніи

своихъ выдающихся представителей: хроника въ лицѣ Дэсклота, Мунтанера и короля Педро IV, философія—въ лицѣ Рамона Лулля (Raymundus Lullus), автора „Ars Magna“, поэзія— въ лицѣ Хуана Мартореля, автора, „Tirant lo Blanch“, и др. Въ то же время литература пріобрѣтаетъ опредѣленную физономію, вполне соответствующую отличительнымъ чертамъ національнаго характера практическихъ каталонцевъ: писатели избѣгаютъ риторической напыщенности и преувеличеній; изложеніе сжато, точно и выразительно, образы реальны и поэтичны. Третій періодъ называется валенсійскимъ, такъ какъ каталонская муза нашла себѣ гостепріимное убѣжище въ Валенсіи послѣ того, какъ придворная поэзія въ эпоху короля Альфонса V Великодушнаго, проведшаго большую часть царствованія въ Неаполѣ, гдѣ онъ былъ окруженъ гуманистами, приняла учено-схоластическое направленіе. Наиболѣе виднымъ представителемъ этого періода является Ausias March, подражатель Петрарки; за нимъ слѣдуетъ рядъ другихъ поэтовъ, находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ итальянской поэзіи: Андресъ Фебреръ, переведшій „Божественную Комедію“ Данте каталонскими терцетами, Уго де Рокаберти— авторъ „Комедіи Славы Любви“, написанной въ подражаніе комедіи Данте, и т. д. Просуществовавъ около двухъ столѣтій, валенсійская школа мало по малу слилась съ кастильской литературой, тогда какъ каталонская проза находила благопріятную почву для развитія въ самой Барселонѣ, пока въ 1714 г. не произошло крушеніе основъ каталонскихъ вольностей: въ этомъ году Филиппъ V Бурбонъ уничтожилъ фуэросы Каталоніи и подчинилъ ее системѣ учреждений, дѣйствовавшихъ въ Кастиліи. Этимъ положенъ былъ предѣлъ для дальнѣйшаго литературнаго движенія въ этой странѣ. Изъ Барселонскихъ писателей этого періода особенно замѣчательны хроникеры Карбонель (Pedro Miguel Carbonell), Пужадесъ (Pujades, Historia de Catalunya), Бруникеръ (Ceremonials dels concellers, Rèbrica) и др.¹⁾

* *
*

Таковы были важнѣйшіе моменты въ развитіи каталонской литературы до возрожденія ея въ нынѣшнемъ столѣтіи. Цент-

¹⁾ Obras de Victor Balaguer—Los Juegos Florales en España.—De la literatura catalana. Barcelona, 1895, pp. 141—192; A. Guimerá, La llengua catalana, pp. 15—23.

ромъ ея современнаго развитія служить Барселона, та самая Барселона, о которой еще Сервантесъ, устами Донъ Кихота, отзывался въ слѣдующихъ лестныхъ выраженіяхъ: „архивъ утонченной вѣжливости, убѣжище для иностранцевъ, пріютъ для бѣдныхъ, отечество мужественныхъ, мѣсто, гдѣ мстятъ за обиженныхъ и гдѣ завязываютъ прочныя дружественныя отношенія, мѣсто, единственное по красотѣ и положенію“.²⁾

Въ настоящее время здѣсь находится одинъ изъ лучшихъ въ Испаніи университетовъ, королевская академія изящныхъ искусствъ и естественныхъ наукъ, архивъ короны арагонской, который можетъ считаться однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Европѣ по богатству документовъ и образцовой организаціи, надъ выработкой которой много потрудились архивариусы Бофарулли (D. Proserpio, D. Manuel, D. Francisio de Bafarull), въ теченіе трехъ поколѣній удерживающіе въ своемъ родѣ этотъ постъ, и, наконецъ, атенео, — мѣсто собраній каталонскихъ ученыхъ, литераторовъ и художниковъ. Собранія, извѣстныя подъ именемъ атенео, очень распространены въ Испаніи и играютъ весьма видную роль въ развитіи испанскаго общества. Барселонскій атенео обладаетъ превосходной библіотекой и представляетъ особый интересъ, какъ главное средоточіе того оппозиціоннаго противъ Кастиліи движенія, которое извѣстно подъ названіемъ каталанистскаго и частныя проявленія котораго въ послѣднее время засвидѣтельствованы цѣлымъ рядомъ газетныхъ сообщеній. Въ каталанизмѣ надо различать двѣ стороны: литературную и политическую; представители первой заботятся главнымъ образомъ о признаніи за каталонскимъ языкомъ и литературой правъ на самостоятельное существованіе, тогда какъ представители каталанизма съ политическимъ оттѣнкомъ стремятся къ возстановленію древней независимости Каталоніи. Считаю умѣстнымъ сообщить здѣсь нѣсколько словъ и объ этой сторонѣ движенія.

Важнѣйшія положенія доктрины каталанистовъ утверждены постоянной комиссіей каталонской уніи и изложены въ формѣ катехизиса въ изданіи: *Compendi de la doctrina catalanista* (Sabadell, 1894). Въ пользу установленія автономіи приводятся историческія соображенія въ такой формѣ:

²⁾ Archivo de la cortesía, albergue de los extranjeros, hospital de los pobres, patria de los valientes, venganza de los ofendidos y correspondencia grata de firmes amistades, y en sitio y en belleza única. El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha compuesto por Miguel de Cervantes de Saavedra, segunda parte, Madrid, 1887, p. 379.

В. Какъ должно смотрѣть на Каталонію?

О. Какъ на длинный рядъ поколѣній, связанныхъ между собой каталонскимъ языкомъ и традиціями и смѣняющихъ другъ друга на территоріи, которую мы занимаемъ въ настоящее время.

В. Что такое каталонская рѣчь: языкъ или діалектъ?

О. Языкъ. Діалектомъ ее называютъ одни—по невѣжеству, другіе—по злобѣ, рассматривая ее, какъ испорченный оффиціальный языкъ, именуемый кастильскимъ.¹⁾

Далѣе указывается на то, что каталонскій языкъ древнѣе кастильскаго, что онъ отличается точностью, ясностью и простотой выраженій и мелодичностью звуковъ, и, наконецъ, слѣдуетъ вопросъ:

Справедливо ли, что каталонскій языкъ годится только для литературныхъ цѣлей?

О. Нѣтъ. Это былъ первый изъ нео-латинскихъ языковъ, который сталъ употребляться въ философіи; онъ обладаетъ богатой и полной юридической терминологіей, служившей для изученія права; законы о мореплаваніи, принятые многими народами, написаны были на каталонскомъ языкѣ; этимъ же языкомъ пользовались и въ кортесахъ каталопо-арагонской конфедераціи въ ту эпоху, когда она являлась первой морской державой. Итакъ, годность каталонскаго языка для политическихъ цѣлей не подлежитъ сомнѣнію (ib. p. p. 6—7).

Другимъ аргументомъ въ пользу притязаній каталанистовъ служатъ экономическіе мотивы. Каталанисты указываютъ на полное несоотвѣтствіе между тѣми матеріальными жертвами, какія несетъ Каталонія въ пользу испанскаго королевства, и тѣми „благами“, какія получаетъ взамѣнъ. Будучи самой промышленной и торговой частью полуострова, Каталонія уплачиваетъ ежегодно $\frac{1}{5}$ часть всѣхъ тѣхъ доходовъ, какіе государство получаетъ съ торгово-промышленныхъ предпріятій въ Испаніи, между тѣмъ какъ количество населенія Каталоніи по отношенію къ общему числу населенія всей Испаніи составляетъ только 10, 5%.¹⁾ Весьма любопытно и то отношеніе,

¹⁾ P. *Cóm ha de mirarse Catalunya?*

R. *Com la llarga cadena de generacions unidas per la llengua y tradició catalanas, que venen succehintse en lo terror que avuy ocupém nosaltres.*

P. *La llengua catalana es idioma ó dialecte?*

R. *Es un idioma. Lo motejaren de dialecte, alguns per ignorancia, los altres per mala fé, considerantlo com una corrupció de la llengua oficial, que es la castellana.* ib., p. 5.

какое существуетъ между цыфрами населенія гг. Мадрида и Барселонѣ съ ихъ провинціями: Барселонская провинція заключаетъ въ себѣ 1.034.538 жителей, тогда какъ Мадридская — всего лишь 737.444; населеніе одного города Барселонѣ составляетъ 509.589 человѣкъ, тогда какъ въ столицѣ королевства насчитывается всего 512.150 жителей.²⁾

Разорительныя и окончившіяся полной неудачей войны Испаніи съ ея колоніями и Сѣверо-Американскими Соедин. Штатами, особенно гибельно отразившіяся на благосостояніи Каталоніи, въ сильной мѣрѣ способствовали усилению каталанистскаго движенія, въ которомъ самостоятельность языка и литературы становится все болѣе знаменемъ политической автономіи.

* *
*

Состязанія поэтовъ воспитали въ каталонскомъ обществѣ уваженіе къ прошлому, духъ свободы и чувство національнаго достоинства. Упреки въ торгашествѣ и меркантилизмѣ, часто обращаемые кастильцами по адресу каталонцевъ, не всегда справедливы. Торговья и промышленныя наклонности не уничтожили въ нихъ чувства прекраснаго, что доказывается, напр., существованіемъ *jochs florals* и національной литературы. Есть черты, общія и для кастильца, и для каталонца. Одна испанская поговорка такъ обобщаетъ духовныя особенности народа, отрѣзаннаго отъ прочей Европы Пиренеями:

de musico, poeta y loco
todos tenemos un poco—

т. е. „мы всѣ немного музыканты, поэты и сумасброды“. Подъ это опредѣленіе могутъ быть подведены и каталонцы, но съ извѣстнымъ ограниченіемъ: ихъ трезвый и разсудочный характеръ менѣе всего даетъ основанія считать ихъ сумасбродами или въ смыслѣ средневѣковаго кастильскаго гидальго, воплощеннаго въ Донъ-Кихотѣ, или въ смыслѣ тѣхъ современныхъ кастильскихъ дѣятелей, которые, задаваясь широкими задачами, не считаются съ дѣйствительными средствами для ихъ осуществленія.

¹⁾ Deliberacions de la assemblea general de delegats de la Unió Catalanista, Barcelona, 1895, p. 130.

²⁾ По даннымъ переписи 1897 г., обнародованнымъ Испанскимъ географическимъ и статистическимъ институтомъ. La Vanguardia 9 sept. 1899 № 5876).

Еще нѣсколько словъ о лѣтописцѣ Переяславля суз- дальскаго.

(По поводу вновь найденнаго отрывка его).

Еще одно, послѣднее сказанье,—
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ
Мяѣ, грѣшному. [Бога
Пушкинъ.

I.

Свойства и приемы древнерусскаго лѣтописанія въ общихъ чертахъ опредѣлились для современной науки съ достаточной ясностью. Широко распространенное и очень живучее, оно все время, можно сказать, сопутствуетъ нашей исторической жизни, какъ память ея и сознаніе. Все время дѣлаются свѣжія записи современныхъ событій; эти записи, по мѣрѣ накопленія, вносятся въ своды, укладываются въ нихъ постепенными наслоеніями, въ порядкѣ болѣе или менѣе правильномъ; затѣмъ первоначальные своды дополняются новыми записями и подвергаются переработкѣ: являются сборники разнообразнаго состава и изложенія; что ни сборникъ, то—смотришь—особый составъ, свой подборъ извѣстій, либо новое изложеніе, то съ сокращеніями и пропусками, то—на оборотъ—съ прибавками и распространеніями. Такое разнообразіе въ составѣ и изложеніи лѣтописныхъ сборниковъ позднѣйшаго времени зависѣло,—помимо крайней простоты и подвижности лѣтописной формы,—еще отъ воли самаго составителя, который подбиралъ въ свой сборникъ то, что казалось ему наиболѣе достойнымъ памяти, что могло, по его соображеніямъ, казаться интереснымъ для тѣхъ читателей, которыхъ онъ ближайше имѣлъ въ виду; оно также зависѣло иногда отъ случайныхъ причинъ, напримѣръ,

отъ количества и качества старыхъ лѣтописей, какія были подъ рукой у составителя новаго сборника: если хороши и обильны старыя лѣтописи, то и новый сборникъ могъ выдти достаточно полнымъ, хотя бы и короче изложеннымъ; иногда, наоборотъ, онъ выходилъ обширнымъ, равнялся всей совокупности раннихъ источниковъ. При этомъ, однако, замѣчается и другое явленіе: лучшіе лѣтописные своды старыхъ вѣковъ остаются у позднѣйшихъ составителей сборниковъ мало измененными со стороны плана и содержанія, такъ что изслѣдователь сразу узнаетъ типичные древніе своды (лаврентьевскаго разряда, софійскіе, новгородскіе, воскресенскіе, никоновскіе).

Такимъ образомъ изслѣдователю лѣтописей, какъ и всякой вообще литературы, приходится имѣть дѣло съ типами и съ варьяціями типовъ, направлять свое изслѣдованіе именно къ тому, чтобы опредѣлять основные типичные своды лѣтописей, и отличать тѣ сборники, которые болѣе или менѣе уклоняются отъ типичныхъ. Онъ не можетъ оставить безъ вниманія позднѣйшихъ сборниковъ: ибо въ нихъ могутъ найтись не только извѣстія о старыхъ вѣкахъ, заимствованныя изъ старыхъ списковъ, до насъ недошедшихъ, но и слѣды древнихъ лѣтописныхъ сводовъ; иногда изслѣдователь встрѣчаетъ въ позднихъ сборникахъ такія интересныя извѣстія, какихъ онъ совсѣмъ не чаялъ тамъ встрѣтить. Вообще, при подвижности и долговременности русскаго лѣтописанія, критику очень не легко установить научную классификацію лѣтописныхъ сводовъ и сборниковъ; ему нужно вооружиться большимъ терпѣньемъ, чтобы хорошо въ нихъ разобраться; ему нужно имѣть и большую начитанность въ лѣтописяхъ, и неослабное, напряженное вниманіе на все время работы надъ ними: вѣдь самый лѣтописный типъ ему иногда приходится мыслить какъ нѣчто отвлеченное, искомое, чего пока еще нѣтъ въ наличности, но что необходимо предполагать и доказывать. Иной разъ, при первомъ взглядѣ на какойнибудь лѣтописный сборникъ, можетъ показаться, что онъ сходенъ съ такимъ-то типичнымъ сводомъ, или сборникомъ; но при болѣе внимательномъ чтеніи онъ окажется какъ разъ не сходнымъ съ наличнымъ или предполагаемымъ типомъ; въ такомъ случаѣ, для пользы дѣла, изслѣдователю лучше будетъ отмѣтить разницу сборниковъ новаго и стараго, или же ограничиться описаніемъ и разборомъ лѣтописнаго памятника, не спѣша подводить его подъ извѣстный типъ.

При изученіи содержанія и состава лѣтописей нужно также отрѣшиться на время отъ того идеальнаго, въ существѣ дѣла, конечно, вѣрнаго воззрѣнія, которое высказывали, на-примѣръ, Карамзинъ и Пушкинъ на наше древнее лѣтописаніе, какъ на дѣло набожности и любви къ отечеству. Это идеальное воззрѣніе во всякомъ случаѣ не должно мѣшать изслѣдователю видѣть ближайшія практическія побужденія, какія имѣлись у лѣтописателей, и тѣ дѣйствительныя условія, при которыхъ они трудились. Въ самомъ дѣлѣ, веденіе лѣтописи было поручаемо со стороны духовной и свѣтской власти лицамъ, въ ея глазахъ надежнымъ и умѣющимъ, иначе говоря: лѣтопись велась подъ надзоромъ власти и подъ нѣкоторою цензурою власти; по этому лѣтопись получала характеръ если не всегда въ собственномъ, новѣйшемъ, смыслѣ официальный, то во всякомъ случаѣ публичный характеръ, становилась книгой необходимой для справокъ и доказательствъ на будущее время по дѣламъ церковнымъ, земскимъ и по всякимъ дѣламъ житейскимъ. Конечно, была возможность вести лѣтопись и составлять даже цѣлые сборники и внѣ монастыря или приказа; очень вѣроятно, даже необходимо предполагать, что нѣкоторые лѣтописные сборники составлялись и копировались по заказу частныхъ лицъ людьми, къ этому дѣлу привыкшими, причемъ эти люди, переписчики или отчасти-составители, допускали болѣе или менѣе свободное отношеніе къ лѣтописному тексту, дѣлая сокращенія либо прибавки, осмысленія и догадки, такъ какъ не всегда уже точно понимали старинный языкъ лѣтописей, да отъ поспѣшности впадали въ ошибки, пропуски и т. п. Не свободны отъ этихъ недостатковъ, конечно, и лѣтописи полу-официальной редакціи. При всемъ томъ, однако, наши лѣтописи остаются перворазряднымъ историческимъ источникомъ, очень обильнымъ и вообще достовѣрнымъ; большинство записей въ нихъ сохранились въ первоначальномъ видѣ, удерживаютъ черты свѣжести и старинной простоты; намѣренныхъ искаженій не замѣтно, а есть много сокращеній, какъ это ясно видно, на-примѣръ, въ прекрасномъ Ипатьевскомъ лѣтописномъ сводѣ, дающемъ понятъ, какъ была обильна и словоохотлива южнорусская лѣтопись XII и XIII вѣковъ, по сравненію съ новгородскими и вообще сѣверно-русскими лѣтописями (1). И правъ поэтъ,—скажемъ еще разъ,—смотрѣвшій съ идеальной высоты на лѣтопись, какъ на дѣло благочестія

и любви къ родинѣ, по понятію самихъ лѣтописателей стараго времени. Съ признательностью намъ нужно также вспомнить старинныхъ читателей и собирателей лѣтописныхъ сборниковъ, сохранившихъ для насъ цѣлыя сотни ихъ; можно подивиться, какъ много успѣли сберечь ихъ, при всякихъ несчастливыхъ для книги обстоятельствахъ стараго быта русскаго; глядя на эти толстые, сильно поношенные, поразбитые лѣтописные сборники, невольно чувствуешь почтеніе къ трудамъ любознательныхъ старинныхъ людей русскихъ, по вмѣстѣ съ тѣмъ испытываешь и сожалѣніе, что древнія лѣтописи у насъ доселѣ все еще недостаточно изучены, и что лишь съ недавняго времени онѣ стали печатно издаваться по правиламъ науки.

Обратимся къ прямому предмету нашей замѣтки, т. е. къ лѣтописцу Переяславля суздальскаго, въ подлинникѣ называемому „Лѣтописецъ русскихъ царей“.

II.

Этотъ лѣтописецъ входитъ составною частью въ знаменитый сборникъ Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ (№ 902/1468), давно уже обратившій на себя вниманіе русскихъ ученыхъ, не разъ ими описанный, не мало обслѣдованный. Калайдовичъ и Строевъ установили принадлежность его по письму ко второй половинѣ XV вѣка. Какъ видно изъ уцѣлѣвшаго въ сборникѣ оглавленія, онъ первоначально заключалъ въ себѣ статьи учительнаго и историческаго содержанія; но нынѣ учительныя статьи (Апокалипсисъ толковый, Сборникъ, т. е. Изборникъ князя Святослава и Пчела) отсутствуютъ въ немъ, неизвѣстно какъ и когда утратившись; нынѣ въ сборникѣ остаются лишь Хронографъ особой редакціи, да Лѣтописецъ русскихъ царей, непосредственно за нимъ слѣдующій; въ такомъ видѣ онъ представляетъ изъ себя собственно „историческій сборникъ“ какъ и выражается про него И. И. Срезневскій. И въ такомъ уменьшенномъ видѣ онъ все таки представляетъ значительную по объему книгу въ листъ, всего 531 листъ, мелкаго полуустава въ два столбца (2). Большинство ученыхъ изслѣдователей интересовались въ этомъ сборникѣ

хронографомъ, весьма любопытнымъ по составу и языку, меньшинство -- лѣтописью, или лѣтописью и хронографомъ вмѣстѣ. Въ 1836 году, князь М. А. Оболенскій, издавая „Супрасльскую рукопись“, обратилъ вниманіе на Лѣтописецъ Архивскаго сборника, напечаталъ нѣсколько страницъ изъ него въ приложеніи къ своему изданію, и употреблялъ его для подведенія варьянтовъ къ Супрасльской рукописи; спустя 15 лѣтъ онъ сполна издалъ всю лѣтопись Архивскаго сборника, предпославъ ей тексту весьма внимательное описаніе всего сборника и примѣчанія собственно къ Лѣтописцу, который впервые отъ него получилъ заглавіе Лѣтописца Переяславля суздальскаго: съ тѣхъ поръ заглавіе упрочилось за памятникомъ, стало принято въ наукѣ. Какъ Супрасльская рукопись, такъ и Переяславскій Лѣтописецъ напечатаны кн. Оболенскимъ по славянски, особымъ графическимъ способомъ, по его выраженію, хотя, къ сожалѣнію, не вездѣ все таки точно (3).

Издатель посмотрѣлъ на памятникъ, сильно его заинтересовавшій, какъ на очень важный. Онъ находилъ, что „Лѣтописецъ Переяславля суздальскаго, по составу и изложенію, совершенно самостоятеленъ, отличается ото всѣхъ доннѣ известныхъ нашихъ лѣтописцевъ древностію языка“, что по времени составленія онъ древнѣе Лаврентьевскаго списка (Предислов. стр. III—IV). Тутъ же кн. Оболенскій прибавилъ, невидя, впрочемъ, въ похвалу, или въ иномъ смыслѣ, что „составитель лѣтописца Переяславскаго, сокращая древнѣйшій Кіевскій времянникъ, служившій ему источникомъ, въ изложеніи событій слѣдовалъ своему собственному разумѣнію“. Болѣе умѣренно и вполне вѣрно, по нашему убѣжденію, взглянулъ на лѣтопись ученый Д. В. Полѣновъ, подвергшій ее внимательному разбору по сравненію съ Лаврентьевскимъ спискомъ и однофамильными съ нимъ: „мы не можемъ, сказалъ онъ въ заключительныхъ строкахъ разбора, признать Лѣтописца Переяславскаго за лѣтопись самостоятельную; начало ея, правда, не то, какое находимъ въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Радивилловскомъ и Троицкомъ; но пропускъ событій и даже сокращенія ихъ въ строгомъ смыслѣ не могутъ быть признаны за самостоятельность“. Въ самомъ дѣлѣ, чего ни будь существенно важнаго, противъ Лаврентьевскаго и однофамильныхъ съ нимъ списковъ, нѣтъ въ лѣтописцѣ Переяславскомъ; онъ представляетъ только особую редакцію начальной лѣтописи, что вы-

разиль и князь Оболенскій, когда сказалъ про составителя Переяслав. лѣтописца, что въ изложеніи событій онъ слѣдовалъ „собственному разумѣнію“; дѣйствительно составитель часто вдается въ свои домыслы, сокращаетъ, когда хочетъ и распространяетъ, вообще свободно, даже очень развязно пересказываетъ начальную лѣтопись. Правда, во второй половинѣ, заканчивающейся 1214 годомъ, есть не многія прибавки извѣстій новыхъ, немаловажныхъ, когда дѣло идетъ о событіяхъ въ землѣ владимірской, суздальской и переславльской, въ началѣ XIII вѣка; тамъ заключаются несомнѣнныя указанія на то, что въ началѣ этого вѣка въ Переяславлѣ Залѣсскомъ была ведена своя лѣтопись, съ отмѣтками мѣстныхъ происшествій; но и та велась въ сущности на основѣ той же владимірской лѣтописи, которую мы ясно замѣчаемъ въ Лаврентьевскомъ сводѣ, за время Андрея Боголюбскаго, Всеволода III Большое гнѣздо и его сыновей. Указаніемъ на мѣстную Переславльскую лѣтопись, и изданіемъ ея по Архивскому сборнику, кн. Оболенскій во всякомъ случаѣ оказалъ важную услугу русской исторической наукѣ.

На этомъ, пожалуй, можно было бы считать поконченнымъ дѣло о лѣтописцѣ Переяславля суздальскаго; но одно неожиданное обстоятельство вновь привлекло къ нему вниманіе людей, интересующихся древнерусскими лѣтописями. Въ концѣ прошлаго года, въ „Чтеніяхъ Моск. Об. И. и Др.“ были напечатаны нѣсколько лѣтописныхъ статей изъ сборника, принадлежащаго Н. П. Никифорову (въ гор. Горбатовѣ), доселѣ бывшаго неизвѣстнымъ для науки. Сборникъ въ большинствѣ его статей, по содержанію учительныхъ и лѣтописныхъ, относится по письму либо къ концу XV вѣка, либо къ началу XVI в., какъ свидѣтельствуешь С. А. Бѣлокуровъ, тщательно описавшій составъ всего сборника, съ особой тщательностью дослѣдовавшій лѣтописныя въ немъ статьи, между прочимъ и отрывокъ „Лѣтописца русскихъ царей“, простирающійся до 907 года (4). Является естественная задача сравнить отрывокъ съ текстомъ полнаго списка Лѣтописца въ Архивскомъ сборникѣ, и — что еще важнѣе — попытаться уяснить происхожденіе обоихъ сборниковъ, т. е. Архивскаго и Никифоровскаго (будемъ называть ихъ такъ для краткости): когда и гдѣ они были составлены и въ послѣдній разъ переписаны? Когда Лѣтописецъ русскихъ царей попалъ въ сосѣдство хронографа въ одномъ

сборникъ, и западно-русской Литовской лѣтописи—въ другомъ? Въ какомъ смыслѣ было употребляемо самое заглавіе „лѣтописца русскихъ царей“, неимѣющаго ничего общаго по содержанию съ „Царственной книгой“ или съ „Царственнымъ лѣтописцемъ“. позднѣйшими московскими лѣтописями дѣйствительно царскаго періода? Предложимъ нѣсколько данныхъ и соображеній для рѣшенія этихъ вопросовъ.

Сличать, впрочемъ, новый отрывокъ лѣтописца русскихъ царей съ Архивскимъ спискомъ долго не приходится: они очевидно сходны, большею частію даже дословно; отмѣны въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ самыя не значительныя; даже пропускъ общій: „и бѣ обладая Олегъ кіяны, деревляны, радимичи, а со уличи и иверци“... (т. е. пропущены противъ Лаврент. сп. слова „имяше рать“). Ясно, что оба списка происходятъ отъ ближайшаго общаго оригинала. На 907 годѣ сличеніе приходится остановить, ибо тутъ кончается отрывокъ. По видимому, составитель Никифоровскаго сборника намѣренно не продолжалъ его: слѣдующая за нимъ въ сборникѣ западно-русская Лѣтопись великихъ князей литовскихъ могла, на его взглядъ, замѣнить или восполнить лѣтописецъ русскихъ царей. И дѣйствительно она восполняетъ его: это—очень важная по содержанию лѣтопись, хотя и не въ полномъ спискѣ. Объ этой западно-русской Литовской лѣтописи г. Бѣлокуровъ пришелъ къ тому, на нашъ взглядъ, очень вѣроятному выводу, что она составлена въ Смоленскѣ, при тамошнемъ епископѣ, въ послѣдствіи митрополитѣ, Герасимѣ, можетъ быть самимъ Герасимомъ, въ 1420 или 1430 годахъ, и что весь сборникъ г. Никифорова, судя по разнымъ припискамъ на немъ, западно-русскаго происхожденія (5).

Есть данныя предполагать западно-русскаго происхожденіе такъ же и Архивскаго сборника XV вѣка. Еще князь Оболенскій, въ предисловіи къ лѣтописцу Переяславля суздальскаго, представилъ соображеніе о томъ, что русская редакція хронографа, предшествующаго лѣтописцу, была переписана въ 1261 году, и что съ оригинала этого года былъ сдѣланъ Архивскій списокъ XV вѣка; это соображеніе основано на одной глоссѣ съ хронологическою датой на счетъ того Совія, современника—де Авимелеха, который завелъ въ Литвѣ разные языческіе обычаи, между прочимъ и сожиганіе мертвыхъ. Срезневскій, соглашаясь съ хронологическимъ вычисленіемъ кн. Оболенскаго,

добавляетъ, что хронографъ притомъ былъ дѣломъ русскаго труженника изъ западной Россіи; съ своей стороны г. Истринъ указалъ на Виленскій списокъ того же хронографа съ глоссой, еще болѣе опредѣлительной на счетъ литовскаго язычества: „скажемъ поганскыя прѣлести быти сицево и въ литвѣ *нашей*“, говорится тамъ въ началѣ статьи о Совіѣ. Такимъ образомъ мѣсто и время написанія русскаго хронографа по спискамъ Архивскому и Виленскому опредѣляются, кажется, довольно ясно (6). А чтó касается лѣтописца русскихъ царей, то въ немъ не менѣе ясно замѣчаются признаки западно-русскаго говора; вотъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство.

„И того езера иде оустіе *оу* море варяжское“, стран. 1.

„Отъ сего ли лба мнѣ смѣрть *оузяти*“ стран. 9. „*Оузяз* еси и лише своего урока, то почто идѣшь“, стр. 10. „Оучаще ты вѣру ихъ *оузяти*“, стр. 19.

„Абіе *оуринуша* ихъ въ ровъ и съ лодьею“, стр. 11.

„И погрѣбоша ѥ оу граде *Оуручею*“ (т. е. у Овруча), стр. 15.

„*Оуси* оумрѣвеша“ (т. е. всѣ слуги св. кн. Глѣба), стр. 39.

„Да аще его не *впредіве* (не упредимъ), то проженеть насъ“, стр. 49.

„Единою бо ему любяще некоего *мѣстича*, именемъ Яна“, стр. 50.

„Идутъ по мнѣ съ дружиною мужа моего приставлены къ *скарбу*“, стр. 11.

„И пришедшу ей (т. е. царевнѣ греческой Аннѣ) къ граду, изидоша Крѣсуници, поклонишася *дѣдичнѣ* своей“, стр. 29.

О языкѣ переводнаго хронографа XIII вѣка не беремъ судить, имѣя очень мало печатныхъ текстовъ изъ него; не можемъ, однако, не обратить вниманія на характерный западно-русскій глаголь *сочити* въ смыслѣ *κατηγορεύω*, и на производныя слова того же корня *рогъсочьство* и *расокъ* въ смыслѣ *κατάσχοτος*, т. е. соглядатай. (Смотр. у Срезневскаго въ спискѣ словъ, выбранныхъ изъ хронографа). О лѣтописцѣ же русскихъ царей въ первой его части, т. е. въ предѣлахъ начальной лѣтописи, полагаемъ, не лзя сомнѣваться, что тамъ есть черты западно-русскаго нарѣчія; такихъ чертъ почти, однако, не видно во второй его части, т. е. собственно въ Переяславскомъ лѣтописцѣ, чтó также считаемъ нужнымъ теперь же отмѣтить.

Такъ какъ лѣтописецъ Переясл. сузд. въ Архивскомъ спискѣ кончается 1214 годомъ, и, судя по оглавленію сборника, дальше не продолжался, то не было бы препятствія признать, что въ томъ же XIII вѣкѣ, когда былъ написанъ хронографъ гдѣ-то въ западной Руси, къ нему былъ присоединенъ и нашъ лѣтописецъ. Но другія данныя въ самомъ лѣтописцѣ склоняють насъ думать, что онъ присоединенъ къ хронографу позже. Вотъ эти данныя.

1. Заглавіе „Лѣтописецъ русьскихъ *царей*“ было бы, кажется, преждевременнымъ для лѣтописнаго сочиненія XIII вѣка; имя „царя“ для русскихъ князей кievскаго періода—крайне рѣдко въ древнихъ лѣтописяхъ. Иначе дѣло обстоитъ въ нашемъ лѣтописцѣ, какъ это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ, кромѣ заглавія.

„Въ лѣто 6360, индикта 15, нача Михаилъ царствовати въ Цариграде, нача *царствовати* руская земля“, стран. 5 по изд. кн. Оболенскаго. (Не знаемъ, вѣрно ли это мѣсто прочтено издателемъ, или не описка ли это въ подлинникѣ вмѣсто, обычнаго въ лѣтописяхъ „нача ся прозывати руская земля“. Въ спискѣ Никифоровскомъ мѣсто также кажется не очень вразумительнымъ: „в лѣто 6360, индикта 15, нача Михаило царствовати въ Цариградѣ нача царствовати, Роуская земля приидоша на Царьградъ, якоже пишеть въ лѣтописаніи грѣчестемъ“).

„Поищемъ собѣ князя и поставимъ надъ собою *царствовати*“, стр. 5.

„И сѣдѣ ѡлегъ княжа и *царствоуа* въ Кіевѣ“, стр. 6.

„Се азъ, *царице*, отхожу мира сего суетнаго“... „И дахъ ей (церкви) десятую часть по всему своему *царствоу* съ всехъ градовъ и сель“, стран. 34. (Рѣчи св. кн. Владиміра).

„Стяжастѣ високаа, по истиннѣ вы *царя царемъ*, и князи наши вашимъ именемъ противныя плѣкы побеждають“, стр. 41. (Обращеніе къ св. Борису и Глѣбу). „Посѣтивъ (Господь) спасе люди своя рукою крѣпкою и мышцею високою, и рукою благочестивою *царьскою* правдиваго и благовѣрнаго князя Андрѣя“, стр. 78; (также впрочемъ выражается объ Андрѣ Боглюбскомъ Лѣтоп. по Лавр. сп. на стран. 338; также Ипат. сп. стр. 378: цитуемъ вторыя изданія. Кстати отмѣтимъ выраженіе Ипат. списка про смоленскаго князя Давида Ростиславича подъ 1197 годомъ, по случаю кончины этого князя:

бѣ бо любя дружину, а злыя кажня, якоже подобаетъ *царемъ* творити“: тамъ же, стр. 471).

На основаніи этого словоупотребленія полагаемъ, что лѣтописецъ русскихъ царей въ первой его половинѣ, т. е. въ начальной лѣтописи особой редакціи, былъ переписанъ позже XIII вѣка, примѣрно въ половинѣ или въ концѣ XV вѣка, когда титулъ „царя“ дѣйствительно былъ прилагаемъ къ московскимъ государямъ, напримѣръ, къ Василю Васильевичу Темному, какъ ревностному охранителю православія, не принявшему флорентійской уніи, или къ Ивану III Васильевичу, какъ къ государю, свергнувшему зависимость отъ царей Золотой Орды, супругу царственной Софіи Палеологъ, употреблявшему царскій титулъ и во внѣшнихъ государственныхъ сношеніяхъ (7). Тогда было своевременно озаглавить и русскую лѣтопись, какъ лѣтопись русскихъ царей.

2. Ученымъ изслѣдователемъ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ было замѣчено, что въ начальной русской лѣтописи, именно въ повѣсти о крещеніи св. Владиміра, содержится первая у насъ полемическая проповѣдь противъ ученія латинской церкви (8). Къ этому мы прибавимъ съ своей стороны, что лѣтописецъ русскихъ царей, сравнительно съ другими списками начальной лѣтописи, содержитъ еще два текста полемическаго содержанія, также направленныхъ противъ католиковъ: они находятся на первыхъ страницахъ нашего памятника, въ описаніи разселенія славянъ, гораздо раньше разсказа о св. Владимірѣ; въ первомъ текстѣ обличается латинскій обычай дѣлать сыропустное заговѣнье во вторникъ на первой недѣлѣ великаго поста; въ другомъ осмѣиваются разные латинско-польскіе обычая и моды, кои стали вторгаться въ жизнь кievлянъ, со временъ-де полянъ отличавшихся добрыми нравами. Оба текста на столько оригинальны по содержанію, но притомъ такъ мало извѣстны, рѣдко цитуются въ ученыхъ сочиненіяхъ, даже специальныхъ, что мы считаемъ умѣстнымъ привести ихъ здѣсь. (Приводимъ ихъ по сборнику Никифорова, текстъ котораго лучше изданъ, чѣмъ Архивскаго сборника). „Сіи убо Оугри почаша быти, тогда въ Цариградѣ царь Раклѣй (*), иже ходилъ на Хоздроа Перьскаго, роева лѣтъ 6, и не успѣ къ запуску сырному, и

(*) Ираклій.

разрѣшиша ему бо въ второй день заговѣти патриархъ сборомъ; и взяша за то епитемію и царь и царица. за немощь телеслага грѣха и мяснаго, и зарекноваша на 2 лѣта того не творити, и постиша (*) до того жа года. Латына бо ходиша съ нимъ, и взяша обычай самовольный запусчати мясо въ второкъ Θεодоровы недѣли, за слабость невѣрія, съ прилики царя Храклія, его же избави Боже душа наша“. (9). Затѣмъ продолжается разсказъ объ Иракліѣ, о его войнѣ съ обрами, о притѣсненіяхъ обрровъ дулѣбамъ, какъ и въ другихъ спискахъ начальной лѣтописи; обозрѣваются племена славянскія въ Руси, частнѣе поляне, о коихъ говорится такъ: „имаху обычай свой добръ и кротокъ, и Богъ възлюбилъ ихъ. Стыдѣя бо ся отецъ и матерей, снохъ своихъ и сестръ, и снохи свекровей чтаху, аки Бога, и снохи деверію, и велико стыдѣніе имели. Посемъ же латына бестудіе вземше отъ худыхъ римлянъ, а не отъ витязей, и начаша къ женамъ чуждимъ на блудъ мысль дръжати, и предстояти предъ дѣвами и женами, службы съдѣвающе, и знамя носить ихъ, а своихъ не любити; начаша пристрояти собѣ кушули, а не срачици, и межиножіе показовати, и кротополе носити, и аки гворъ въ ногавици сѣтворше, образъ килы имуще, и не стыдящесь отнюдъ, аки скомраси. Словѣне же отвращахуся ихъ, ови же къ нимъ присташа мало. Бяху бо законъ и обычай брачны у нихъ, не хожаше женихъ по невѣсту, но привожаху вечеръ“ и т. д. уже болѣе сходно съ другими списками лѣтописи (10).

Этотъ второй текстъ полемическаго содержанія, неподражаемый по наивности насмѣшки, заслуживалъ бы обстоятельнаго историко-литтературнаго и филологическаго объясненія. По нашему мнѣнію, онъ мѣтитъ на латино-польское вліяніе въ Кіевской землѣ, послѣ того какъ она со времени Ольгерда вошла въ составъ великаго княжества Литовскаго; спустя приблизительно вѣкъ, на примѣръ въ эпоху флорентійской уніи, польское католическое вліяніе могло уже обнаружиться въ Кіевскомъ краю нѣкоторыми изъ указанныхъ обычаевъ и модъ, каковы: особаго рода кавалерство, короткое платье и т. п. Неизвѣстный составитель русскаго лѣтописца осмѣялъ, а раньше можетъ быть не мало поболѣлъ душой при видѣ наступающаго измѣненія древне-русскихъ отеческихъ обычаевъ, вторженія на

(*) Въ Архив. ошибка: „постигоша“.

ихъ мѣсто обычаевъ чужихъ. Прибавимъ къ этому еще, что въ данномъ текстѣ мы видимъ новое доказательство тому, что лѣтописецъ русскихъ царей въ первой его половинѣ, т. е. начальная лѣтопись въ немъ, составленъ значительно позже XIII вѣка, когда составилаь вторая половина его, т. е. собственно владимѣрско-перемыславская лѣтопись, сохранившаяся въ древней первичной редакціи, почти неизмѣненной.

III.

Присмотримся ближе къ составу, изложенію и языку занимающаго насъ лѣтописца, отмѣтимъ что считаемъ наиболѣе существеннымъ въ немъ, и что можетъ служить для уясненія тѣхъ же поставленныхъ раньше вопросовъ. Намъ нѣтъ надобности, въ нашихъ краткихъ замѣткахъ, приводить всѣ различія въ текстѣ лѣтописца русскихъ царей и Лаврентьевскаго списка, указывать сокращенія, прибавки, домыслы, ошибки, варианты, тѣмъ болше, что все это въ достаточномъ видѣ было указано въ статьѣ Полѣнова. А умножать варианты мы вовсе не имѣемъ желанія: вѣдь этимъ путемъ мы все таки не возстановимъ подлиннаго текста начальной лѣтописи въ ея рассказахъ про славянъ, про призваніе варяжскихъ князей и дѣятельность первыхъ кievскихъ князей X вѣка, вообще про начало Руси: при неясности преданія объ этомъ началѣ, лѣтописатели рассказываютъ его каждый на свой ладъ, съ произвольными подробностями; въ ихъ рассказахъ очень мало историческаго содержанія. Иное дѣло — литературная сторона рассказовъ; съ этой стороны они имѣютъ свой интересъ (11).

Послѣ заглавія, нашъ лѣтописецъ, минуя космографію, начинаетъ прямо съ расселенія славянъ, иначе нориковъ, съ Дуная, описываетъ племена славянскія и инородческія въ Руси, подробнѣе говоритъ о бытѣ полянъ, причемъ названія „полянъ и древлянъ“ не разъ соединяются вмѣстѣ такъ тѣсно, какъ будто лѣтописецъ представляетъ ихъ родовымъ и видовымъ понятіемъ, или какъ будто имя существительное съ прилагательнымъ. Вотъ три мѣста:

„Такоже и останци словене съ Дуная пришедше сѣдоша

по Днѣпру, и нарекошася *деревяне поляци*, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ“.

„Кіянномъ живущимъ и рекъшася *полянне деревянные*, сущіи отъ рода словенъ, и радимичи и вятичи отъ ляховъ“.

„За ты грѣхы найдоша козари *на полянъ на деревянные*, и реша: платите намъ дань“. (Архив. сп. стран. 1, 3 и 4).

Тутъ виднѣется какой-то домысль, но не ясно высказанный. Домысль есть и въ этомъ описаніи: „по нихъ же родъ ихъ нача княжити, а деревянные собѣ, а дрягвичи собѣ жить, а словѣне собѣ новгородци, *а полочанъ такожъ безъ князьи*“, стран. 2. Напротивъ, Лаврен. спис. хочеть сказать болѣе вѣроятное, что у каждаго племени, до прихода Рюрика, были свои князья и свои княженія: „и по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ поляхъ, а въ деревяхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане“. (Лѣтоп. по Лавр. сп. стр. 9).

Любопытно далѣе о кривичахъ: „отъ нихъ же и кривичи, иже сѣдятъ врѣхъ Влгы и Двины, и Днѣпра, ихъ же и градъ есть *Смоленскъ, 3 градъ есть се отъ нихъ созданъ*“. (Архив. сп. стр. 2). Выше передъ тѣмъ въ лѣтописцѣ было говорено о построеніи Кіева, потомъ Кіевца на Дунаѣ; теперь послѣдовательно говорится о Смоленскѣ, какъ о третьемъ городѣ по времени построенія. Не указываетъ ли эта подробность на то, что переписчикъ лѣтописи былъ смоляннинъ? Не мѣстная ли смоленская эта прибавка?

Въ перечнѣ языковъ, платящихъ дань Руси, про литву прибавлено: „*Литва, испрѣва исконнии данници и конокръмцы*, Зимгола, Корсь, Нерома сиречь Жемонть, Либь“. Нѣтъ ли кстати здѣсь намекъ на то преданіе, невѣрное впрочемъ исторически, будто и Гедиминъ былъ сыномъ княжескаго конюха? Во всякомъ случаѣ отзывъ про литву презрительный.

Брезгливо, какъ извѣстно, отзываются древнія лѣтописи и про половцевъ. „Якоже се и при насъ нынѣ половци законъ держатъ отецъ своихъ: кровь проливати, а хвалящеса о сихъ, и ядуще мерътвечину и всю нечистоту, хомѣки и сусолы, и поймають мачехи своя и ятрови, и ины обычая отецъ своихъ творять“. (Лѣтоп. по Лавр. сп. стр. 15). Лѣтоп. рус. царей повторяетъ этотъ отзывъ почти дословно, съ такою важною отмѣной: *якоже и половци законъ Маиметевъ оръжатъ*“: стран. 4. Черта позднѣйшая, не современная начальной лѣто-

писи: половцы стали мусульманами, когда смѣшались съ татарами въ XIII вѣкѣ. И въ другомъ мѣстѣ лѣтописца послѣдовательно говорится: „идоша угре мимо Кіева горою, ежъ зовется нынѣ Угорское, и пришедше къ Днѣпру сташа вежами, *бѣше бо ходяще, яко измаили*“: стр. 6. (Въ Лавр. сп. это же мѣсто читается: „бѣша бо ходяще, аки се половци,,). Позднѣйшія черты сказываются также въ названіи половцевъ, равно и печенѣговъ, *татарами*: стран. 32—33; 40; 51. Древніе списки Лавр. Ипатьев. никогда не называютъ печенѣговъ и половцевъ татарами; но поздніе списки—и кромѣ лѣтописца русскихъ царей—допускаютъ смѣшеніе всѣхъ этихъ степняковъ подъ общимъ именемъ татаръ: смотр. напр. Супрасльскую рукопись и лѣтопись Авраамки подъ 1185 и 1186 годами: тамъ половцы являются подъ именемъ татаръ. И еще: въ обѣихъ лѣтописяхъ подъ 1093 годомъ половцы же зовутся „печениги“. А лѣтопис. рус. царей, —добавимъ,—характерно называетъ печенѣговъ „*сыродцами*“: стр. 35.

За народоописаніемъ идетъ собственная лѣтопись. Здѣсь замѣчательнъ рассказъ о мщеніи Ольги древлянамъ за смерть Игоря съ подробностями, какихъ нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ. Вотъ одна изъ такихъ подробностей о сватовствѣ князя древлянскаго Мала: „князю же веселіе творящу къ браку, и сонъ часто зряше Малъ князь: се бо пришедши Ольга дааше ему прѣты многоцѣнны, червены, вси жемчугомъ иссажены, и одѣяла чрѣны съ зелеными узоры, и лодьи, въ нихъ же несенымъ быти, смолны“ (вѣр. осмоленные лодьи). Объяснено, для чего Ольга требовала отъ жителей Коростеня голубей и воробьевъ: на жертвоприношеніе—де богамъ и на исцѣленіе головной болѣзни, хоть не видно, какъ и кому именно птицы полезны для лѣченія головы. Въ цѣломъ рассказъ занимателенъ въ отношеніи литературномъ, но не въ историческомъ; это—одна изъ выдумокъ лѣтописателя, который замѣтно склоненъ къ сочинительству и не лишень, правда, таланта рассказывать складно и живымъ языкомъ (12).

Любопытно сказаніе о царевнѣ Аннѣ, какъ она прощалась съ братьями, царями Василюмъ и Константиномъ, какъ на дорогу молилась, обратясь къ св. Софіи цареградской, (приводится молитва, хорошо составленная), какъ она высадилась

въ Корсунѣ и вступила въ бракъ со Владиміромъ. Въ сказаніи есть черты живой дѣйствительности; не знаемъ, заимствовано ли оно откуда нибудь, или сочинено самимъ составителемъ лѣтописца русскихъ царей. Вѣроятно—первое (стр. 28—29).

Не меньше любопытны отмѣтки про другую гречанку, плѣнницу Святослава, бывшую женой сначала Ярополка, потомъ Владиміра, мать Святополка, по прозванію „окаяннаго“. Лѣтописецъ не однократно заговариваетъ о ней: одинъ разъ, какъ и въ Лаврент. спискѣ, нѣсколько не умѣстно, что быть можетъ объясняется сокращеніемъ первоначального текста, болѣе подробнаго и стройнаго; другой разъ говорить о ней же болѣе кстати и опять согласно съ Лавр. спискомъ (Лѣтоп. рус. царей, стран. 15—16; Лѣтоп. по Лавр. сп. стран. 73, 77); въ третій разъ уже отдѣльно отъ Лаврент. списка говорить про нее слѣдующее: „сего (Святополка) мати преже бѣ чръница пленена въ Цариградѣ, грѣкини сущи, и бѣ красна, и поя ю Яроплкъ, братъ Владимировъ; *по мужней же смерти паки пострижесея; Владимиръ же растриг ю*, красоты дея лица ея, и зача отъ нея окаяннаго Святоплъка, а поя ю неспрадную сущу отъ Яроплъка, бѣ бо родился двою отецъ дѣтищъ сей окаянный Святоплкъ, тѣмъ же и не любяше его Владимиръ, яко не отъ себѣ единого суца“. На этомъ основаніи Святополкъ въ нашемъ лѣтописцѣ получаетъ новое презрительное прозваніе „*рострижиничъ*“ (стран. 35 и 46). Въ основѣ этого разсказа, кажется, лежатъ дѣйствительные факты. Во всякомъ случаѣ этотъ разсказъ о красавицѣ гречанкѣ, попавшей изъ Царьграда въ плѣнъ полуварварской Руси, дважды бывшей монахиною, и дважды становившейся женою кievскихъ князей братьевъ, изъ коихъ одинъ убилъ другаго, объ этой несчастной, опозоренной матери Святополка, проклятаго потомствомъ,—этотъ разсказъ, говоримъ, могъ бы стать сюжетомъ для трагедіи, или историческаго романа.. Да простятъ намъ читатели это отступленіе въ сторону отъ критическаго очерка; но мы еще разъ должны замѣтить, что нашъ лѣтописецъ, да и другія лѣтописи нашей старины содержать въ себѣ много благодарныхъ темъ для литературной обработки, и что наши лѣтописи слѣдуетъ изучать не только съ исторической стороны и для цѣлей точной исторіи, но еще со стороны литературной. Она значительна въ лѣтописяхъ.

О Рогнѣдѣ, также въ извѣстной мѣрѣ трагической лич-

ности, не дано въ нашемъ лѣтописцѣ разказа, какъ она собиралась мстить Владиміру, и какъ сама едва не погибла отъ него. Этого разказа, какъ извѣстно, нѣтъ и въ начальной лѣтописи; онъ находится внѣ ея, именно подъ 1128 годомъ (Лѣтоп. по Лавр. сп. стр. 284--285). Въ Ипатьев. сп. его вовсе нѣтъ, равно нѣтъ и въ лѣтописцѣ рус. царей: ибо 1128-й годъ въ немъ совсѣмъ пропущенъ.

О щедрыхъ пирахъ князя Владиміра и угощеніяхъ кіе-скаго народа любопытна слѣдующая добавка: „оустрой же всѣмъ бояромъ *тридни*, въ *недѣлю* сходится всему народу и воемъ, и заказникомъ и нарочитымъ мужемъ, и при князи и безо князя. И бываше на обѣдѣ томъ множество отъ мясъ и отъ скота, и отъ птицъ и отъ звѣрины, и отъ рыбы драгоценны, и отъ овоція, отъ масла (*), и отъ всякаго учиненія рукъ человѣчъ, и отъ пітія вина разна, и отъ медъ разныхъ; *перцю* же выходила *колода* безо князя, а при князи 3 колоды на недѣлю, а *колода* 50 бочекъ“ (13).

Кончина Ярослава, рѣчи ему вложенныя въ уста, и рѣчи о немъ изложены иначе, чѣмъ въ Лавр. спискѣ: стран. 42 и 46. Убіеніе св. Бориса и Глѣба разказано по мниху Іакову, а не по Нестору: стр. 35—42. Договоры съ греками X вѣка, эти высоко важные памятники нашей исторіи, пропущены въ лѣтописцѣ; за то вставлены церковные уставы Владиміра и Ярослава въ краткой редакціи (14). Въ разказѣ объ основаніи Печерскаго монастыря самое интересное, противъ другихъ лѣтописей, есть то, что приводится мірское имя преподобнаго Антонія: въ нашемъ лѣтописцѣ, и только въ немъ одномъ— онъ называется по мірскому „*Антима*“: стран. 45. А въ заключеніе всего разказа, на полѣ, противъ словъ „того ради старѣй наречеса всехъ манастырей, преслоу по всей Руси, вѣнжи (**)
и азъ придохъ, 17 лѣтъ сущу, и приать мя, сеи же и написахъ“—отмѣчено той же рукой, что и весь текстъ лѣтописи, имя „*Нестеръ*“: стр. 46. (15).

44 - Далѣе отмѣтимъ выборку въ нашемъ лѣтописцѣ извѣстій

(*) Напечатано, вѣроятно, по ошибкѣ: „и отъ воція отъ масла“ стран. 34.

(**) Любопытная форма, вмѣсто обыкновенной „въ онъ же“.

о разныхъ суевѣрїяхъ, о волхвахъ и знаменїяхъ. Вотъ какъ, при этомъ, рассказано про извѣстное знаменье въ Полоцкѣ подь 1091 годомъ: „тогда явись *мечта* въ Полотску, въ нощи всегда стукъ, по улицы яко человекѣ рищють бѣси; и аще кто ис храма выпикнетъ, того *ухотятъ* и умереть *язвою*; потомъ на конихъ являтися начаша, самѣхъ не видѣти, но кони ихъ копыта, и тїи уморяху полочанъ; они жъ рѣша: *изъ навей дѣти насъ емлютъ*; се же знаменїе отъ Друцька приде“: стр. 51. (Сравн. въ Лавр. сп. стран. 207, и въ другихъ, наприм. въ Ипатьев., Тверской лѣтописи и проч. Рассказываютъ на разные лады,—и всюду не вполне ясно; до сихъ поръ трудно понимать этотъ рассказъ). Нашъ лѣтописецъ вообще любитъ отмѣтить знаменїя, выражаясь даже о нихъ въ одномъ мѣстѣ „*знаменїя знаменита*“, стр. 55. Сравн. подь 1044 годомъ о крещенїи костей Ярополка и Олега Святославичей; какъ и въ Лавр. сп. это извѣстїе не сопровождается никакими сужденїями, такъ что не видать, считаетъ ли лѣтописатель это дѣло суевѣрнымъ, или благочестивымъ. Тутъ же непосредственно: „въ то время Святославъ (нужно читать „Всеславъ“) родися отъ влѣхвованїа, и язва на главе его, и рѣша матери влѣхвы: *навяжи коросты язвы тоя на главу ему* до его живота, да будетъ немилостивъ пролиати кровь“. Срав. Лавр. подь тѣмъ же годомъ, гдѣ какъ будто иное пониманїе.

Границы между начальной лѣтописью и продолженїемъ ея нѣтъ никакой: ни приписки Сильвестра, ни извѣстїй о немъ нѣтъ. Событїя 1110 года изложены ближе къ Ипатьев. списку, чѣмъ къ Лаврентьевскому. Затѣмъ переходъ сразу къ 1137 г. къ событїю смоленскому: „поставленъ бысть скопецъ Мануилъ епископъ Смоленску, пришелъ бо бѣ грекъ, певецъ гораздъ, самъ третїи къ князю Мстиславу; преже бо того не бывалъ епископъ Смоленску“. (Лѣтоп. по Ипат. сп. стр. 215, почти дословно такъ же). Но съ 1138 года изложенїе идетъ по Лаврентьевскому списку весьма къ нему близко, либо дословно по нему, либо сокращенно. Съ 1175 года начинается обозначаться мѣстный житель „Переяславля суждаьскаго“, иначе Переяславля „новаго“ (стран. 73 и 111); переписывая владимїрскую лѣтопись, онъ дѣлаетъ нѣсколько добавленїй о своемъ городѣ и землякахъ; всего яснѣе онъ сказывается подь

1175 годомъ, въ концѣ разсказа о смерти Андрея Боголюбскаго, когда онъ обращается съ молитвой къ князю мученику, дабы онъ молился Господу Богу „*помиловати князя нашего и юстодина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго сына*“, и дай же ему на противныя (*), и многа лѣта съ княгинею, и прижитіе дѣтей благородныхъ, и мирну дръжаву его, и царство небесное въ безконечныя вѣкы, аминь“ (16). Подъ слѣдующими годами Переяславскій лѣтописатель много разъ говоритъ про участіе переяславцевъ въ княжескихъ спорахъ, которые обнаружились въ суздальско-владимірской землѣ послѣ кончины Андрея Боголюбскаго, причемъ всегда ставитъ своихъ земляковъ рядомъ со владимірцами, съ коими тѣ дѣйствительно были единомышленны. „А съ переяславци имяхуть володимирци едино сердце“.. „Володимирци же съ переяславци укрѣпившеся, послашася къ Чернигову по Михалка и по брата его по Всеволода“ (т. е. братьевъ покойнаго Андрея).. „Новіе же людіе и мѣзиніи, володимирци и переяславци, вразумѣвшеся яшася по правду крѣпко.. се бо володимирци съ переяславци всей земли ихъ за правду, Богови имъ помогающу“. (**)

Не выписываемъ другихъ текстовъ; отмѣчаемъ стран. 85—89 печатнаго изданія, гдѣ они читаются въ соотвѣтственномъ контекстѣ; въ Лаврент. спискѣ рѣчь идетъ въ этихъ случаяхъ про однихъ только владимірцевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно большое сочувствіе лѣтописателя ко Всеволоду Юрьевичу и къ сыну его Ярославу Всеволодовичу, долго княжившему въ Переяславлѣ, тутошнему и уроженцу; отмѣчено его рожденіе въ 1190 году, и его княжескіе постриги въ 1194 году; впрочемъ отмѣтки объ этомъ есть и въ Лавр. спискѣ, даже нѣсколько подробнѣе. Подъ 1201 г. записано, что великій князь владимірскій отправилъ сына Ярослава на княженіе въ „Переяславль русьскій“ (т. е. южный), причемъ переяславцы, послы изъ этого южнаго Переяславля, взявши своего юнаго князя отъ св. Спаса, пошли въ путь съ великой радостью: стран. 105; то же извѣстіе есть и въ Лавр. спискѣ, и опять подробнѣе, чѣмъ въ Переясл. лѣтописцѣ. Подъ 1207 годомъ говорится о возвращеніи Ярослава изъ русскаго Переяславля въ „Володимиръ суздальскій“, вмѣстѣ съ женой: стран. 108;

(*) Пропущено, вѣроятно, слово „побѣду“.

(**) Пропущены слова „прославлены Богомъ по“ всей земли п т. д. Сравни. Лавр. сп. стран. 359, гдѣ рѣчь идетъ только про владимірцевъ.

то же извѣстіе болѣе обстоятельно передается въ сп. Лаврентьевскомъ, гдѣ сказано и о томъ, кто была первая жена Ярослава, тогда какъ въ Переяслав. лѣтописцѣ нѣтъ этого извѣстія. (Лѣтоп. по Лавр. сп. стр. 405—407); сверхъ того въ Лавр. списокѣ добавлено, что Всеволодъ посадилъ тогда сына Ярослава въ сѣверномъ Переяславлѣ, о чемъ нѣтъ въ Переясл. лѣтописцѣ. Въ обѣихъ лѣтописяхъ есть разсказъ о томъ, какъ въ 1208 году Всеволодъ хотѣлъ было посадить Ярослава въ Рязани, но потерпѣлъ неудачу въ этомъ предпріятіи отъ сопротивленія Рязани, которая за то была сожжена великимъ княземъ владимѣрскимъ; разсказъ ведется въ той и другой лѣтописи по своему, и опять нѣсколько подробнѣе въ Лавр. списокѣ. Такимъ образомъ лѣтописецъ Переяславля суздальскаго до сихъ поръ содержитъ даже про любимаго мѣстнаго князя менѣе обстоятельныхъ извѣстій, чѣмъ владимѣрская лѣтопись по Лаврентьевскому списку.

За то подъ 1213 годомъ въ нашемъ лѣтописцѣ рисуется живая картина, какъ Ярославъ по смерти отца пріѣхалъ въ Переяславль, созвалъ жителей на вѣче ко святому Спасу, и держалъ передъ ними рѣчь: „братія переяславци! се отецъ мой иде къ Богови, а васъ удалъ мнѣ, а мене вдаль вамъ на рудѣ; да рците ми, братія, аще хотите мя имѣти собѣ, яко же имѣсте отца моего, и головы свои за мя сложити. Они же вси тогда рекоша: вельми, господине, тако буди, ты нашъ господинъ, ты Всеволодъ. И цѣловаша къ нему вси крестъ, и тако сѣде Ярославъ въ Переяславли на столѣ, идѣ-же родися“; стр. 110. Это событіе не описано въ Лавр. списокѣ. Нѣтъ тамъ и про вторую женидьбу Ярослава Всеволодовича на дочери Мстислава Мстиславича, по имени Ростиславѣ, что было въ 1214 году, по нашему лѣтописцу: стр. 111. Вообще событія 1213 и 1214 годовъ описаны въ Переяславскомъ лѣтописцѣ иначе, чѣмъ въ Лавр. списокѣ,—своеобразно, съ новыми интересными подробностями объ усобицѣ сыновей Всеволода; но такихъ своеобразно и свѣжо описанныхъ лѣтъ только и есть, что эти два года.

По мѣстамъ въ лѣтописцѣ есть нѣкоторые лишки противъ Лаврентьевскаго списка. Извѣстно, что владимѣрская лѣтопись содержитъ много извѣстій про семейство Всеволода Юрьевича, отмѣчаетъ время рожденія сыновей и дочерей его „большого гнѣзда“, постриги юныхъ княжичей и посаженія на конь, ихъ

браки и другія событія семейныя: по временамъ владимірская лѣтопись является какъ бы семейною хроникой знаменитаго Всеволода III, или въ пѣкоторомъ родѣ метрикой, употребляя другое современное выраженіе. И вотъ въ данномъ случаѣ Переяславскій лѣтописецъ иногда дополняетъ владимірскую лѣтопись въ Лаврентьевскомъ сводѣ; такъ подь 1196 г. въ немъ читаемъ: „того же лѣта быша *пострыгы* у великаго князя Всеволода сыну его *Володимиру* (*), при епископѣ Иоаннѣ, а княземъ рязанскимъ ту сущемъ, мѣсяца октября въ 26 день, и быша веселящеса у отця своего за мѣсяць, и тако разъехашася каждо въ свояси одарени дары безцѣнными, кони и съсуды, златыми и сребренными, порты и паволоками, а мужи ихъ такоже одари, и поехала славяще Бога и великаго князя Всеволода“: стр. 103. Другое въ томъ же родѣ извѣстіе подь 1198 годомъ: „тое же осени мѣсяца ноября въ 9 день быша *пострыгы* у великаго князя Всеволода сыну его *Гавриилу* въ градѣ Володимири при епископѣ Иоаннѣ, въ томъ же дни *и на конь всаженъ бысть*“: стр. 104. (Княжичъ Гавриилъ родился 1196 г. марта 27 дня: тамъ же стр. 102).

Есть въ Переясл. лѣтоп. извѣстія, общія у него съ Радзивиловскимъ спискомъ, но не съ Лаврентьевскимъ, напри- мѣръ подь 1196 г. о жепитьбѣ Константина Всеволодовича, или подь 1197 г. объ изгнаніи новгородцами свояка Всеволода, князя Ярослава Владиміровича: стран. 102—103. Но въ большинствѣ случаевъ извѣстія Переясл. лѣтоп. подобраны изъ Лавр. списка; весь онъ составленъ на основѣ Лаврентьевскаго, представляетъ собой лишь немного измѣненное изложеніе его; мѣстнаго переяславскаго колорита почти никакого нѣтъ: мимоходомъ сказано подь 1157 г. объ окончаніи Андреемъ Боголюбскимъ церкви св. Спаса, заложенной Юріемъ Долгорукимъ въ Переяславлѣ новомъ (стр. 72; то же извѣстіе въ Радзив. и Академич., но не въ Лавр. сп.); кратко сказано подь 1195 г. о zaloженіи деревяннаго города въ Переяславлѣ княземъ Всеволодомъ (въ Лавр. подробнѣе); знаменитое Переяславское озеро только однажды названо въ необычной и едва ли правильной формѣ „*Клишино*“ (въ самомъ началѣ лѣтописца,

(*) Его крещеное имя—Димитрій. Родился 25 октября 1194 года: Лѣтоп. по Лавр. сп. стр. 391. Лѣтоп. Переясл. стр. 102. Сравни. Карамзина, И. Г. Р. III, прим. 143, равно и слѣдующія два примѣчанія (на счетъ обычая постриговъ молодыхъ княжичей).

на стран. 1: „Мера же сидитъ на этомъ озерѣ, какъ и на Ростовскомъ). Изъ окрестностей Переяславля называется только *Шерньскій лѣсъ*“: стран. 190 (упоми. и въ Лавр. спискѣ не разъ въ формѣ „Шерньскій лѣсъ“). Такимъ образомъ говорить объ особой лѣтописи сѣвернаго Переяславля приходится развѣ въ самомъ ограниченномъ, умѣренномъ смыслѣ; и замѣна заглавія подлинника „Лѣтописецъ русскихъ царей“ другимъ, которое далъ ему издатель кн. Оболенскій, т. е. „Лѣтописецъ Переяславля суздальскаго“ не имѣетъ, собственно говоря, достаточныхъ для себя основаній въ содержаніи всего памятника.

Еще одно замѣчаніе о прозваніяхъ „Переяславль суждальскій“ и „Володимиръ суждальскій“: едва ли эти прозванія идутъ отъ современныхъ мѣстныхъ лѣтонисцевъ владимірскаго и переяславскаго; имъ, жителямъ суздальскаго края, не было надобности звать свои родные города суздальскими; вѣдь они хорошо знали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, про какой Переяславль или Владиміръ, сѣверный или южный, они пишутъ. Иное дѣло — посторонній переписчикъ лѣтописи, напимѣръ, западно-русскій человекъ XV вѣка: въ его устахъ и подъ его перомъ различія Переяславля русскаго и Переяславля суздальскаго вполне понятны и въ извѣстной мѣрѣ даже необходимы.

Изъ всего, вышесказаннаго нами, полагаемъ вывести слѣдующія заключенія:

1. Названный въ подлинникѣ „Лѣтописецъ русскихъ царей“ въ первой половинѣ содержитъ начальную кievскую лѣтопись, особую по изложенію и составу, по по доброкачественности текста уступающую спискамъ Лаврентьевскому и Ипатьевскому, такъ какъ даровитый составитель ея позволялъ себѣ очень свободный пересказъ и вообще очень свободное обращеніе съ раннимъ текстомъ. Мѣсто ей принадлежитъ все таки въ ряду списковъ Лаврентьевскаго разряда.

2. Она составлена не раньше какъ въ половинѣ XV вѣка, и тогда же приблизительно была соединена съ хронографомъ Архивскаго сборника.

3. Въ другой части Лѣтописца русскихъ царей содер-

жится лѣтопись XII и начала XIII вѣка, очень близкая къ Лаврентьевскому списку, и съ признаками мѣстной Переяславской лѣтописи, веденной въ промежутокъ 1214—1219 годовъ. Только къ этой второй части подходит, да и то въ очень умѣренномъ смыслѣ, заглавіе „Лѣтописца Переяславля суздальскаго“. Эта вторая часть, несомнѣнно, въ отношеніи редакціи древнѣе чѣмъ первая, съ которой она вмѣстѣ слилась въ XV вѣкѣ.

4. Лѣтописецъ русскихъ царей въ томъ же XV вѣкѣ вошелъ небольшимъ отрывкомъ въ составъ другаго сборника (Никифоровскаго): это можетъ служить признакомъ отдѣльнаго его существованія нѣкоторое время отъ хронографа. При этомъ нѣтъ основаній полагать, будто у составителя Никифоровскаго сборника былъ подъ рукой лѣтописецъ русскихъ царей съ обѣими его частями, т. е. съ начальной лѣтописью и съ такъ назыв. лѣтописцемъ Переяславля суздальскаго.

5. Желательно точнѣе переиздать Лѣтописецъ русскихъ царей хотя бы не графическимъ способомъ, все таки не обезпечивающимъ точность передачи рукописи, а обычно принятымъ: ибо лѣтописецъ важенъ въ отношеніи языка (17). А верхъ нашихъ желаній тотъ, чтобы былъ изданъ весь историческій Архивскій сборникъ, т. е. хронографъ и лѣтописецъ.

Примѣчанія.

1. Мы не считаемъ научно доказаннымъ тотъ взглядъ, будто съ паденіемъ В. Новгорода лѣтописи и иные памятники новгородской письменности потерпѣли подъ рукой московскигъ книжныхъ людей извращенія и искаженія, будто и Синодальный харатейный списокъ 1 Новгород. лѣтописи умышленно „обезглавленъ“, будто составитель Софійскаго временника передѣлывалъ на московскій ладъ всю новгородскую исторію и т. п. (Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки. Сочиненіе Н. Н. Яниша, въ Чтеніяхъ Моск. О. И. и Др. за 1874 г. кн. 3). Въ статьѣ впрочемъ есть остроумныя, дѣльныя замѣчанія по частнымъ вопросамъ, относящимся до лѣтописанія.

2. Въ свое время книга дорого цѣнилась и имѣла интересную судьбу. Переписка по листамъ гласитъ, что „въ 1623 году, ноября 28, Иванъ Кириловъ, попъ Московскаго собора Черниговскихъ чудотворцевъ, продалъ сію книгу ярославцу Ивану Кондратьеву за 60 рублей, а того же года, апрѣля 6, продалъ ее опять Жданъ Власьевъ Богдану Арефьеву. (Сумма за одну книгу—для XVII вѣка очень значительная! Я даже готовъ усумниться, вѣрно ли прочтена издателемъ цифра рублей). Въ XVIII вѣкѣ книга была у государыни Екатерины II, и отъ нея была пожалована графу А. А. Безбородкѣ; по смерти его поступила въ С.-Петербургскій Архивъ, а съ 1821 г. въ Главный Архивъ М. И. Д. въ Москвѣ. (Предислов. кн. Оболенскаго къ Лѣтоп. Переясл. Суздал. стр. LIX.)

3. Супрасльская рукопись, содержащая новгородскую и кievскую сокращенныя лѣтописи, Моск. 1836. Лѣтописецъ Переяславля суздальскаго, составленный въ началѣ XIII вѣка, между 1214 и 1219 годовъ, издан. кн. *М. Оболенскимъ*, Моск. 1851. (Временникъ Общ. Ист. и Др. кн. IX и отдѣльно).

Д. В. Польшовъ, Обзорніе лѣтописца Переяславскаго (Ученныя зап. втор. отдѣлен. И. Ак. Наукъ, кн. I, С.-пб., 1854). *И. И. Срезневскій*, свѣдѣн. и замѣт. о малоизв. и неизвѣстн. памятникахъ, № 84, статья подъ заглав. Русскій историч. сборникъ XV вѣка. *Архим. Леонидъ*, Древняя рукопись (Русск. Вѣстн. 1889, апрѣль). *В. Истринъ*, Александрія русскихъ хронографовъ (Чтенія М. О. И. и др. 1894, кн. I—II).

Въ этихъ трудахъ есть указанія и на другія сочиненія, относ. до Архивскаго сборника XV вѣка, преим. до хронографа въ немъ, наприм. *Андр. Н. Цонова*, знаменитаго изслѣдователя хронографовъ.

4. Русскія лѣтописи I—III 1) Лѣтописецъ патріарха Никифора. 2) Лѣтописецъ Переяславля суздальскаго. 3) Хроника русская (Лѣтописецъ вкратцѣ) проф. И. Даниловича. По рукописи принадлежащ. Н. П. Никифорову, съ предислов. С. Бѣлокурова. (Чтенія, 1898, IV).

Эти лѣтописныя статьи помѣщены въ сборникъ въ срединѣ учительныхъ статей (такъ же какъ и хронографъ съ лѣтописцемъ русскихъ царей въ Архивскомъ сборникѣ). Онѣ имѣютъ общее заглавіе „Временникъ великихъ царствъ, отколѣ кое царство пошло и русское княженіе“. А надъ отрывкомъ Переясл. лѣтописца свое частное заглавіе „Лѣтописецъ русскихъ царей“, какъ въ Архивск. сборникѣ. Отмѣчаю эти черты сходства сборниковъ, хотя бы и внѣшняго, отдаленнаго: можетъ быть, оно не вполнѣ случайное.

5. Въ предисловіи г. Бѣлокурова къ изд. имъ лѣтописямъ стран. XIX—XXI и L.

Въ свое время Татищевъ свидѣтельствовалъ: слышу что о Смоленскѣ есть сочинена лѣтопись, токмо мнѣ видѣть не случилось. (Предызвѣщеніе къ Исторіи Россійской, § 5). Недавно Археографическою Коммиссіей издана такъ называемая лѣтопись Авраамки, интересный по составу и изложенію сборникъ, съ припискою въ одномъ мѣстѣ гласящей такъ: „въ лѣто 700з (отъ Р. X. 1495) написана бысть сіа книга, глаголемый лѣтописецъ, во градѣ Смоленскѣ, при дрѣжавѣ великаго князя Александра, изволеніемъ Божиємъ, и повелѣніемъ господина владыки смоленскаго Юсифа, рукою многогрѣшнаго раба Божія Авраамки“. (Полн. Собр. рус. лѣтописей, томъ XVI).

Вопросъ о смоленскомъ лѣтописаніи, и вообще о запад-

но-русскомъ или литовско-русскомъ, находится на очереди; онъ заслуживаетъ обстоятельнаго научнаго изслѣдованія.

6. Предислов. къ Лѣтоп. Переясл. сузд. кн. Оболенскаго, стран. XIX—XXII. Срезневскій въ самомъ концѣ указан. статьи. Истринъ, Чтенія, 1894, кн. I, стран. 125 и 360.

7. Изъ новыхъ книгъ, которыя могутъ руководить по вопросу о древности царскаго именованія и царскаго титула, укажемъ на книгу проф. М. А. Дьяконова, Власть московскихъ государей, С.-пб. 18⁹⁹. (Ближайше сюда относится III глава о политическихъ слѣдствіяхъ флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи).

8. Историко-литературный обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ лативянъ, XI—XV в. Андрея Попова, Моск. 1875. Смотр. въ началѣ книги, гдѣ на стран. 5 цитуется и Переяславскій лѣтописецъ.

9. Но этого текста нѣтъ въ книгѣ Попова. Не знаемъ, взять ли онъ изъ хронографа, или изъ иного источника. О томъ же, что латиняне начинаютъ постъ со среды первой недѣли, и не строго содержатъ весь великій постъ -- въ книгѣ собрано много обличительныхъ статей, наприм. на стран. 9; 48; 52; 61; 103 и т. д. Сравн. у преосв. Макарія, Истор. рус. церк. II, приложенія; Е. Голубинскаго, Ист. рус. церк. I, втор. полов. на стр. 715.

10. И этого текста нѣтъ ни у Попова, ни у другихъ извѣстныхъ намъ изслѣдователей древнихъ полемическихъ противъ католиковъ сочиненій. По видимому, это — оригинальный текстъ нашего лѣтописца.

11. Въ книгѣ Ѳ. Гилярова, Преданія русской начальной лѣтописи, Москв. 1878, старательно подобраны тексты старыхъ и новыхъ лѣтописныхъ сказаній; изъ подбора ихъ ясно видно, какъ произвольно разнообразятся лѣтописныя сказанія у позднѣйшихъ переписчиковъ и компиляторовъ XV — XVIII в. На эти сказанія не смотрѣли, какъ на что-то неприкосновенное, вполнѣ установившееся, а скорѣе какъ на что-то полусказочное, потому и свободно передавали ихъ: все равно — дескать, какъ ни рассказать. (Разумѣемъ рассказы про Кіевъ и трехъ братьевъ, Кія, Щека и Хорива, про Новгородъ и трехъ братьевъ варяговъ, про Аскольда и Дира, про Олега, Игоря, Ольгу).

12. Такое же впечатлѣніе выносите въ частности отъ раз-

сказа нашего лѣтописца о мщеніи Ольги древлянамъ. Въ свое время ученый А. А. Котляревскій доказалъ, что разные виды мщенія Ольги (по понятіямъ опять таки лѣтописателей) воспроизводятъ формы жертвоприношенія древлянъ душѣ покойнаго Игоря: засыпаніе ихъ живыми въ землю, сожженіе, избіеніе на могилѣ. При этомъ Котляревскій, по видимому, намѣренно игнорировалъ извѣстія Переяслав. лѣтописца; въ самомъ дѣлѣ эти извѣстія ничего существеннаго для исторіи погребальныхъ обычаевъ не представляютъ, сравнительно съ Лаврентьевскимъ спискомъ и Ипатьевскимъ. (О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. Москва, 1868).

Съ разказами объ Ольгѣ сопоставимъ еще разказъ объ единоборствѣ переяславскаго богатыря съ печенѣжскимъ и живо изложенную перебранку между Блудомъ и Варяжкомъ: та же свобода въ пересказѣ живымъ языкомъ и довольно складно.

13. Что за мѣра „колода“, не знаемъ; въ другихъ памятникахъ намъ не встрѣчалось это названіе въ смыслѣ мѣры; знаемъ его въ старину въ значеніи *гроба*, *заставы* или *шлагбаума*, но не въ смыслѣ какой-то мѣры для перца, какъ здѣсь.

14. Въ свое время ихъ отмѣтилъ преосв. Макарій: Истор. рус. церкви, т. I, стр. 174; т. II, стр. 269.

15. По видимому, это—также единственный въ лѣтописяхъ случай обозначенія имени Нестора сбоку текста.

16. Это мѣсто хорошо объяснено издателемъ княз. Оболенскимъ въ началѣ предисловія къ Лѣтописцу; онъ сдѣлалъ и вѣрные выводы изъ него.

17. Отмѣтимъ нѣсколько словъ и выраженій, интересныхъ для словаря древнерусскаго языка,—отмѣтимъ въ той формѣ, какъ они читаются въ печатномъ текстѣ кн. Оболенскаго, съ указаніемъ страницъ.

„Есть же *пословица* въ Руси и до сего дни: погибоша, рече, яко Обора безъ останка“, 3.

„И бѣ *притча* и нынѣ: безъ хлѣба аки въ Роднѣ“, 16.

„И рече Варяжко (Блуду): всякъ *милостникъ* подобенъ есть зміи запазушнѣй“, 16.

„Тажа *речь* и сіа часть: Влѣчія хвоста радимичи бѣгають пищалци“, стр. 18.

„И есть градъ ихъ и нынѣ *спы*“, 4 (т. е. насыпи: дѣло идетъ объ остаткахъ городовъ уличей и тиверцевъ).

„И по семь събравше кости, въкладаху въ судъ, и поставляху на распутии, на стлѣпѣ, и въ *курганы* сыпаху“, стр. 4. (О словѣ „курганъ“ сравн. у Срезневскаго, Матеріалы для словаря древн. рус. языка по письмен. памятникамъ).

„Приведоша ему жену отъ Плескова, именемъ Олгу *остроумную*, и корень, и основаніе вѣрѣ христіанстей, и намъ *вождь*“, стр. 8; снес. стр. 15: и си бысть похвале достойна, пръвѣй *вождь* христіанству.

„Не хошу *крититина* розути“, 16. (Рогнѣда про Владиміра, вмѣсто „не хошу розути *робичича*“ въ Лавр. сп.).

„И начаша о мирѣ *вносити рѣчи* греци“, 8. „Дабы не *пустовалъ* земли греческыя“, 9 (т. е. не опустошалъ бы).

„И слѣзъ съ коня *усміяся*“, 9 (усмѣхнулся). „Сътвори *скръпнѣй медянъ*“, 10; снес. въ Лѣт. по Лавр. сп. стран. 39: сотворивъ мѣдянъ скоропий, т. е. мѣднаго змѣя.

„Они же сѣдѣще *въ перемородахъ* гордящесѣ“, 11. Въ Лавр. читается то же мѣсто: они же сѣдѣху въ перегѣбѣхъ, въ великихъ сустугахъ гордящесѣ: стр. 55.

„Готовъ ли еси *поручитися по мнѣ* Богу и патриарху; онъ же радъ, поручюся, рече“, стр. 13.

„Чюже земли вѣтще блюдеши, а свою *ахабивъ*“, 14.

„Брони, *читъ*, мечь“, 14. (Вмѣсто *щитъ*).

„Отъ Малуши, *милостници* Олжины“, 15. („Милостникъ“ употреблено нѣсколько разъ на стран. 16).

„Володимиръ же посла Добрыню, *дядка* своего, въ Новъградъ“, 17.

„*Записую* миръ“, 15.

„*Засади* свои посадники“, 15.

„И сѣдѣша миръ *на уроцѣ*“, 19.

„Отвѣща *сторикъ* рече“, 19. (т. е. историкъ: дѣло идетъ о греческомъ „философѣ“ обратившемъ Владиміра).

„То что ти есть *преграда* спасенію“, 27.

„Грѣка же отпусти, *даровавъ* его“, 27 (т. е. одаривъ).

„*Туземцы*“, т. е. мѣстные жители, корсуняне, 29.

„Володимиръ же *человѣкомъ* створи его и отца его“, 33, (т. е. сдѣлалъ мужемъ, большимъ человѣкомъ).

„Сыну, се азъ *труденъ*“ (боленъ), 35.

„Они жъ мечтаниемъ, яко *скомраси*, прорезаху въ нихъ за плечами“, 47. (Разсказъ про ярославскихъ волхвовъ 1070 года). „И бѣ съ ними людей инѣхъ 300 *мутихъ*“: тамъ же.

„Трѣва“ вм. отрава, 49.

„По ихъ *просу*“ вм. просьбѣ, 51.

Изъ Переяславскаго собственно лѣтописца отмѣтимъ выраженіе въ разсказѣ подъ 1177 годомъ: стрѣльцемъ стрѣляющимъ между плѣкома, и *поидоша* къ себѣ *на грунахъ* обоя, и покрыша поле Гургеевское; стран. 89. Снес. Лѣтоп. по Лавр. сп. стр. 362 и печатный Радзивилов. списокъ (Библ. Росс. историч. I, на стран. 264), гдѣ слово „на грунахъ“ пояснено „грунью или свалкою“. Сравн. Карамзина, И. Г. Р. III, примѣч. 39; тамъ „на грунахъ“ объясняется: „т. е. на рысяхъ“. Слич. Срезневскаго, Матеріалы для словаря, подъ словомъ „груна“.

Съ своей стороны можемъ засвидѣтельствовать, что въ юрьевскомъ уѣздѣ владимірской губерніи народное выраженіе „ѣхать грунью, или ѣхать въ грунь“, значитъ доселѣ именно ѣхать рысю, не тихо.

М. Березковъ.

P. Dolabella и Cn. Lentulus.

(Къ нумизматикѣ и просопографіи послѣднихъ временъ римской республики).

д. ч. В. Р. Фохта.

Золотая монета чеканилась у Римлянъ лишь въ особенно критическія времена, и при томъ обыкновенно внѣ Рима, по приказанію главнокомандующаго, въ силу его чрезвычайныхъ полномочій, совокупность которыхъ и составляло такъ называемое *imperium*¹⁾. Поэтому со времени второй пунической войны мы до сулланскихъ смуть²⁾ не встрѣчаемъ больше римскихъ золотыхъ монетъ. Затѣмъ золото чеканилось опять по распоряженію Помпея и Цезаря, по смерти котораго золотая монета теряетъ свой исключительный характеръ³⁾. Изъ золотыхъ монетъ республики, не подлежащихъ сомнѣнію⁴⁾, лишь двѣ относятся учеными къ до-цезаревскому періоду: статеръ Т. Квинція Фламиніана (о которомъ авторъ высказалъ свое мнѣніе въ особой статьѣ) и золотой съ надписью Cn. Lentulus⁵⁾. Послѣдняя монета является столь загадочной, столь сильно затрагиваетъ римскую исторію, что она заслуживаетъ болѣе подробнаго обсуждения.

Итакъ познакомимся прежде всего съ самой монетой. Главная сторона представляетъ посреди круга изъ жемчужинъ (*collier des perles, Perlenschnur*) увѣнчанную лавромъ голову Зевса, обращенную вправо. У затылка находится неясный (на рисунокѣ у Бабелона) маленькій предметъ, похожій на овальный щитъ, или на клеймо какого-либо прежняго владѣльца, или контрмарку позднѣйшихъ временъ. На оборотной сторонѣ мы видимъ орла съ перуномъ въ когтяхъ. Крылья у орла распростерты, какъ будто онъ готовится къ полету въ правую сторону, хотя голова у него обращена влѣво. Подъ орломъ въ отрѣзѣ (*exergue, Abschnitt*) находится надпись CN. LENTVL,

кружокъ такой-же, какъ и на главной сторонѣ. Вѣсъ монеты⁶⁾ составляетъ 7, 90 грам. Моммзенъ предполагаетъ, что упомянутый магистратъ есть *Cn. Lentulus P. f. Marcellinus*, который вмѣстѣ съ Л. Марціемъ Филиппомъ былъ консуломъ въ 56 г. до Р. Х. Ему-же приписываютъ денаріи, квинаріи, ассъ и полуассъ съ подобной-же надписью, чеканенные имъ, какъ *III vir monetalis* около 84 г. до Р. Х.⁷⁾, и денаріи съ головой генія римскаго народа⁸⁾, которые онъ выпустилъ, какъ *quaestor et curator denariis flandis* въ 74 г. до Р. Х., одновременно съ другимъ квесторомъ, П. Корнеліемъ Лентуломъ⁹⁾, въ силу сенатскаго постановленія, для покрытія расходовъ на приготвленія къ войнѣ противъ Миеридата и съ пиратами (*Plut. Lucull. 13*).

Моммзенъ¹⁰⁾ предлагаетъ относить нашъ золотой къ первой монетной дѣятельности Лентула Марцеллина, а Бабелонъ, ссылаясь на Ленормановъ¹¹⁾, предпочитаетъ 74 г. до Р. Х. и рѣшительнѣе Моммзена подчеркиваетъ то обстоятельство, что это единственный случай выпуска городской или сенатской монеты въ доцезаревскій періодъ республики.

Однако уже самъ Моммзенъ замѣчаетъ, что вѣсъ нашего золотого, приближающійся къ $\frac{1}{42}$ римскаго фунта (=327, 45 грам.), соотвѣтствуетъ скорѣе времени Августа¹²⁾, хотя этому противорѣчитъ и чеканъ и неизвѣстность монетнаго триумвира того-же имени. Важнѣе еще то, что мы до послѣдняго года жизни Цезаря не знаемъ ни одного монетнаго магистрата, который чеканилъ-бы золотую монету, составлявшую прерогативу высшей военной власти. Далѣе, характеръ чекана, изображенія и надписи на мѣдныхъ и серебряныхъ монетахъ Лентула Марцеллина съ одной стороны и нашей золотой съ другой не имѣютъ между собой никакой видимой связи или замѣтнаго сходства¹³⁾, хотя въ послѣднія времена республики чеканъ серебра и золота почти одинаковъ¹⁴⁾. На своихъ серебряныхъ монетахъ второй серіи квесторъ, бывший монетный триумвиръ, отмѣчаетъ исключительный случай выпуска имъ монеты, какъ квесторомъ въ качествѣ *curator denariis flandis* по постановленію сената. Тѣмъ болѣе на золотой монетѣ мы были-бы въ правѣ ожидать надписи, которая объясняла-бы исполненіе квесторомъ функціи военнаго магистрата, главнокомандующаго дѣйствующей арміи.

Не менѣе важное значеніе, чѣмъ выше высказанныя со-

ображенія, имѣеть указаніе Моммзена на вѣсъ обсуждаемаго нами золотого.

Между тѣмъ какъ первыя золотыя римскія монеты въ вѣсѣ своемъ припоравливались къ низшей единицѣ вѣса, т. е. скрупулу и вѣсили 1, 2 и 3 скрупула¹⁵⁾, а Фламининъ чеканить, вѣроятно, для Греціи, свой греко-римскій статеръ, Римляне со временъ Суллы, можетъ быть, для упрощенія дѣла кладуть въ основаніе вѣса при выдѣлкѣ золотой монеты, опредѣленную часть фунта¹⁶⁾. Золотые Суллы вѣсятъ обыкновенно $\frac{1}{30}$ ф. (10, 85 грам.), рѣже $\frac{1}{36}$ ф. (8, 91 грам.)¹⁷⁾. Послѣдняя норма¹⁸⁾ соблюдается довольно строго въ золотыхъ Помпея¹⁹⁾ (9, 00 грам.). Но уже въ золотыхъ Цезаря вѣсъ падаетъ до $\frac{1}{40}$ ф. (8, 16 грам.)²⁰⁾, а ко времени Августа до $\frac{1}{42}$ ф. (7, 95 грам.). Въ принципѣ это оставалось безъ измѣненія до Антонина Пія, хотя на монетномъ дворѣ и скрадывались не только сотыя, но и десятыя части грамма (ср. Моммзенъ RMW, 753), какъ, напр., около 60 г. по Р. X. Такимъ образомъ и въ золотой, какъ и въ мѣдной и серебряной монетахъ, замѣчается *постепенное паденіе основнаго вѣса* сравнительно съ номинальной цѣнностью.

Итакъ, по вѣсу своему нашъ золотой относится скорѣе ко времени Цезаря²¹⁾ или позднѣйшему времени, чѣмъ къ до-цезаревскому. Моммзенъ (см. прим. 5) думаетъ даже объ августовскомъ, но сомнѣвается лишь въ виду изображеній и легендъ, не соответствующихъ имперіи. Странно, что онъ оставилъ безъ вниманія эпоху второго триумвирата. Поэтому ознакомленіе съ вѣсомъ золотыхъ монетъ этого времени является далеко неизлишнимъ.

Между тѣмъ какъ золотые Цезаря вѣсятъ лишь немного меньше законнаго, отъ 8, 16 гр.—8, 02 гр.²²⁾, мы среди сенатскихъ²³⁾ и, вообще, чеканенныхъ до единовластія Августа находимъ и болѣе легкіе.

Такъ, напр., извѣстны между золотыми: Л. Муссидіа Лонга²⁴⁾ такой, который вѣситъ 7, 93 гр., Ливинія Регула²⁵⁾ одинъ въ 7, 97 гр., другой въ 7, 98 гр., и Г. Вибія Вара²⁶⁾ даже одинъ въ 7, 62 гр. Подобное же явленіе замѣчается и въ золотыхъ, чеканенныхъ полководцами политическихъ партій²⁷⁾. Такъ напр., вѣсятъ: золотой Брута 7, 99 гр., 7, 87 гр., золотой Кассія 7, 70 гр., золотые Корнуфиція²⁸⁾ 7, 93 гр. и 7, 90 гр.²⁹⁾. Что касается М. Антонія, то у него встрѣчаются

не только золотые въ 7, 95 гр. и 7, 94 гр. (Babelon I, 163, n. 14; 184, 69), но и въ цѣломъ кладѣ, найденномъ въ Амбене (Ambenay), средній вѣсъ золотыхъ составляетъ лишь 7, 97 гр. Слѣдовательно по вѣсу нашу монету можно отнести и ко времени второго триумvirата.

Въ 44 г. до Р. X. появляются IV viri monetales (*Suet. Caes.* 41). Но вскорѣ они для насъ исчезаютъ и уступаютъ мѣсто подчиненнымъ триумvirату чиновникамъ, которые, подъ различными названіями должности своей, являются лишь легатами триумvirовъ, чеканятъ для своихъ патроновъ золотую, серебряную и мѣдную монету съ изображеніями и надписями, относящимися прежде всего къ ихъ патронамъ и Цезарю и лишь въ меньшей степени къ нимъ самимъ. Обычная сенатская чеканка монеты возобновляется лишь около 20 г. до Р. X. (*Babelon I*, 88 sq.), но изображенія и надписи относятся главнымъ образомъ къ Августу. Съ 14-го г. до Р. X. сенату предоставлена лишь мѣдная монета (Момм. *RMW*, 744).

Такъ какъ наша монета не заключаетъ въ себѣ никакихъ указаній на триумvirатъ, то мы скорѣе всего могли-бы считать ее за сенатскую. Коллегія кватуорvirовъ 44 г. до Р. X. намъ теперь извѣстна. Она состоитъ³⁰⁾ изъ слѣдующихъ лицъ: *M. Mettius*³¹⁾, *L. Aemilius Buca*³²⁾, *L. Flaminius Chilo*³³⁾, *C. Cossutius Maridianus*³⁴⁾ и *P. Sepullius Macer*³⁵⁾ который, вѣроятно, въ январѣ или февралѣ замѣнилъ собой умершаго или вышедшаго въ отставку М. Меттія. Монетными магистратами въ 43 году были³⁶⁾: *L. Livineius Regulus*³⁷⁾, *L. Mussidius Longus*³⁸⁾, *P. Clodius*³⁹⁾, *C. Vibus Varus*⁴⁰⁾. Изъ магистратовъ, чеканившихъ отъ имени сената, по смерти Цезаря и во время триумvirата, нѣкоторые, повидимому, не принадлежали къ монетнымъ кватуорvirамъ. *C. Norbanus* и *L. Cestius* гр., въ виду прибавленнаго *S(enatus) C(onsulto)* не могли быть *praefecti urbi*, оставленные Цезаремъ въ Римѣ во время его похода въ Испанію, но были преторами⁴¹⁾. Моммзенъ⁴²⁾ (*RMW* 652 и 658, прим. 560) колеблется между 44 и 43 г. до Р. X. Последній годъ мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ⁴²⁾. Къ тому же времени по Моммзену (*ib.* 658, прим. 561) относятся *P. Accoleus Lariscolus* (*Babelon I*, 100, 1) и *Petillius Capitolinus* (*ib.* II 292, 1—4), хотя на военную квестуру ихъ не имѣется никакихъ прямыхъ указаній⁴³⁾. Остаются еще: *M. Arrius Secundus* (*Babelon I* 219 sq., nn. 1—3), *C. Clodius*

C. f. Pulcher (ib. I. 344 sq., nn. 12—13). *C. Numonius Vaala* (ib. II 264, nn. 1—3), *L. Servius Sulpicius Rufus* (ib. II 474 sqq. nn. 9—10). Такъ какъ нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній ни на триумвировъ, ни на Цезаря, ни на должность чеканящихъ, то мы въ правѣ видѣть въ нихъ гражданскихъ, монетныхъ магистратовъ. Помимо личнаго, частнаго характера изображеній у нихъ замѣчается еще то общее, что они кромѣ серебра чеканятъ и золото по одной той же цезаревской системѣ, какъ и выше уномянутыя двѣ коллегии 44 и 43 г.г. до Р. X. Поэтому мы ихъ можемъ разсматривать, какъ третью коллегию IV *viri monetales*⁴⁴). Кромѣ золотаго Гн. Лентула мы до конца гражданскихъ войнъ^{44a}) не можемъ указать еще ни одной монеты, которая не носила бы характера чрезвычайной, военной чеканки. Трудно предположить, чтобы изъ цѣлой коллегии сохранилось только имя одного, да и то на золотой монетѣ, выдѣлка которой, вѣроятно, производилось въ меньшемъ размѣрѣ⁴⁵), чѣмъ серебряной. Поэтому нельзя не видѣть въ разсматриваемомъ нами золотомъ, при отсутствіи соотвѣствующихъ серебряныхъ монетъ, чего-то исключительнаго, т. е. выпуска его въ военное время военной властью. За это говорить и маловѣсность монеты⁴⁶).

Итакъ познакоимся теперь поближе съ монетами, чеканенными гражданской властью и на основаніи *impregium*. О вѣсѣ мы уже говорили, остается разсмотрѣть самыя изображенія на монетахъ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ критеріевъ.

Послѣ гражданскихъ, или уже во время гражданскихъ войнъ Цезаря, бросается въ глаза тотъ фактъ⁴⁷), что возобновляется, сначала съ соблюденіемъ прежняго чекана, выпускъ мѣдной монеты, не чеканенной со временъ Суллы, а золото начинаетъ превращаться въ обычный монетный металлъ и въ типахъ почти не отличается отъ серебра. Всѣ монеты, чеканенныя Цезаремъ или его легатами, носятъ его имя⁴⁸), и мы не знаемъ никакого легата его, который назывался-бы Гн. Лентуломъ.

Если мы перейдемъ теперь къ первой коллегии IV *viri a. a. a. f. f.* то мы увидимъ, что одни изъ нихъ, какъ *C. Cossutius* и *L. Flaminius*, чеканятъ только съ типами (головой Цезаря, Венерой, Викторіей) въ честь Цезаря, такъ что и при отсутствіи имени диктатора цезаревскій характеръ ихъ (напр. *Babelon* I 496, n. 2) ясенъ. Другіе же, какъ *Mettius*, *Sepul-*

lius, Aemilius Bura, хотя и чеканятъ съ изображеніями, которыя, пожалуй, и не указываютъ прямо на властелина Рима, но лишь низшіе номиналы⁴⁹), между тѣмъ какъ высшіе номиналы опять съ цезаревскими типами. Квинарій же Буки (*Babelon* II 23, 39) съ PAXS и двумя соединенными руками выражаетъ, вѣроятно, надежду на прочность восстановленнаго Цезаремъ мира и согласіе гражданъ и сената (какъ денарій *n.* 37). Если уже Сепуллій помѣщаетъ на монетахъ своихъ голову Антонія, то тѣмъ болѣе вынуждены были IV *vigi* 43 года послѣ изображеній личнаго, семейнаго рода помѣщать на монетахъ своихъ имена и портреты триумвировъ (и, быть можетъ, Фульвія). Опять личный характеръ республиканскихъ монетъ имѣютъ монеты коллегіи 42 г. Предполагаемая голова Викторіи-Фульвіи у Нумонія Вала должна относиться или къ началу или концу 42 года, когда у всѣхъ были свѣжа память объ успѣхахъ триумвировъ. Другіе монетные магистраты, вѣроятно, воспользовались временемъ войны триумвировъ съ Кассіемъ и Брутомъ. Личный характеръ монетъ Акколея и Петиллія, чеканившихъ по порученію сената, представляетъ совершенно нормальное явленіе, какъ и у преторовъ Норбана и Цестія. По изображеніямъ своимъ золотой Гн. Лентула и можетъ быть поставленъ на ряду съ монетами послѣдней коллегіи кватуорвировъ, но считать Лентула за добавочнаго члена ея мѣшаетъ отсутствіе соотвѣствующихъ серебряныхъ монетъ, а за магистрата, подобнаго послѣднимъ четверемъ,—отсутствіе *s. c.* и невозможность дать ему коллегу. Такимъ образомъ мы опять вынуждены думать о какомъ-нибудь генералѣ республиканской партіи или триумвировъ.

Итакъ перейдемъ къ монетамъ военной власти въ періодъ второго триумвирата. Если P. Serullius Maser, помимо головы Цезаря и Викторіи-Кальпурніи, выбивалъ на монетахъ своихъ и портретъ Антонія, то это объясняется тѣмъ, что вскорѣ по смерти диктатора Антоній, какъ защитникъ правъ и принциповъ его, занялъ первое мѣсто въ государствѣ. Монеты же Сепуллія всетаки оставались гражданскими. Свою же монету Антоній сталъ чеканить, вѣроятно, лишь по прибытіи своемъ подъ стѣны Мутины (Модены), въ началѣ 43 года или въ концѣ 44 и, конечно, со своимъ именемъ и портретомъ, иногда въ соединеніи съ головой Цезаря. Всѣ монеты Антонія до самой смерти его носятъ болѣе или менѣе личный

характеръ. Легаты и квесторы его присоединяють къ имени Антонія обыкновенно лишь имя свое. То-же дѣлають и Октавіанъ и Лепидъ. Не иначе обстоитъ дѣло и у С. Помпея, хотя и можно было-бы голову съ трезубцемъ, дельфиномъ и надписью NEPTVNI на денаріяхъ его адмирала Кв. Назидія (Babelon II 252, 1—3) принимать за портретъ Гн. Помпея-отца, а не С. Помпея-сына. Мѣдныя монеты Прокулея, друга Октавіана, не представляютъ никакого указанія на послѣдняго, однако это объясняется и малоцѣнностью металла и чеканкой въ Римѣ (Babelon II 388 sq.). Врагъ тиранніи и защитникъ свободы М. Брутъ не органичился на монетахъ своихъ прославленіемъ себя и своего знаменитаго предка, какъ возстановителей свободы, но по примѣру Цезаря помѣстилъ и свой портретъ на нѣкоторыхъ монетахъ (Babelon II, 117, 43 118, 45; 119, 51), да еще золотыхъ, не только серебряныхъ. Правда, онѣ чеканены его легатами Каской и Плеторіемъ, но, конечно, не противъ желанія ихъ патрона. Такъ сильна была тогда власть главарей отдѣльныхъ партій, что даже какой-нибудь *imperator*, какъ Агенобарбъ, или *proconsul*, какъ Планкъ, *consul designatus*, какъ Агриппа, не осмѣливается на монетахъ своихъ пройти молчаніемъ своего покровителя. С. *Sosius cos. desig.* и *cos.* на двухъ мѣдныхъ монетахъ (Babelon II 464, 3—4), правда, не дѣлаеть никакого намека на Антонія, но на ряду съ этими монетами встрѣчаются и такія, гдѣ отведено главное мѣсто триумвиру (Babelon *ib. nn.* 1—2). Кромѣ того къ нимъ относится и сказанное о монетахъ Прокулея. Г. Кассій болѣе скромнѣе, чѣмъ Брутъ, но и его легаты не чеканятъ монетъ безъ его имени. Какъ Брутъ и Кассій прославляютъ убіеніе Цезаря, такъ консуль Панза (Babelon II 547, 22) и Д. Брутъ (*ib.* 384, 10) согласіе гражданъ, впрочемъ на ряду съ указаніями на свое происхожденіе и семейную традицію. Г. Антоній (Babelon I 206, 148) органичился лишь своимъ именемъ и инсигніями своего понтификата, а Л. Антоній присоединилъ въ свое консульство къ портрету брата и свой собственный (Babelon I 174 sq. 47—49).

Къ этимъ военачальникамъ, имѣвшимъ на *quasi*-законномъ или законномъ основаніи самостоятельное *imperium*, можно присоединить еще нѣкоторыхъ полководцевъ, которые въ эту смутную эпоху сумѣли пріобрѣсть нѣкоторую независимость, которая дала имъ возможность чеканить собственную монету.

Q. *Atius Labienus*, назвавшій себя въ качествѣ паройскаго генерала *Parthicus* и *imperator*, чеканилъ золото и серебро (*Babelon* I 225, 2—3) со своимъ портретомъ и раненой лошадыю, значеніе которой намъ неизвѣстно, хотя и можно видѣть въ этомъ изображеніи указаніе на паройскую кавалерію и ея неутомимыхъ коней. Уполнянута выше *Cn. Domitius Ahenobarbus* (*Babelon* I 466, 20—21), командуя флотомъ противъ триумвировъ въ 42 г., прославляетъ на золотой и серебряной монетѣ свои успѣхи (портретъ его, храмъ Нептуна или носъ корабля съ трофеемъ) Q. *Cornificius augur imp.*, управлявшій по смерти Цезаря около двухъ лѣтъ не безъ нѣкоторыхъ успѣховъ Африкой, чеканилъ золото и серебро съ типами, относящимися къ Африкѣ (Юпитеръ-Аммонъ, голова Африки, Цереры) и его авгурству (авгуръ съ загнутымъ жезломъ, увѣнчиваемый Юноной-Соспитой). *Staius Murcus imp.*⁵⁰) оставилъ по себѣ денарій съ головой Нептуна, напоминающей о побѣдѣ его надъ флотомъ Долабеллы, и аллегорическимъ изображеніемъ (колѣнопреклоненная Азія, подымаемая стоящимъ у трофея Муркомъ), относящимся къ тому же подвигу его.

Итакъ, городскія и военныя монеты Рима въ разсматриваемый періодъ времени, помимо имени монетнаго магистрата или зависимаго военачальника, заключаютъ въ себѣ указанія на него лишь на столько, на сколько это позволяютъ обстоятельства и властители, которымъ дается обыкновенно первое мѣсто. Сенату отводится, лишь скромное мѣсто (*s. c.* на монетахъ преторовъ Норбапа и Цестія, кадуцей и соединенныя руки у Панзы и Д. Брута^{50*}). Лишь у предположенныхъ квесторовъ Петиллія и Акколея и вѣроятной коллегіи кватурвировъ 42 г., по примѣру прежнихъ временъ республики, не упоминается должность, и являются изображенія, очевидно, имѣющія лишь отношеніе къ чеканящему. Болѣе мѣста отводится у выдающихся представителей партій и подчиненныхъ имъ полководцевъ тѣмъ событіямъ, въ которыхъ они играли видную роль, ихъ портретамъ и семейнымъ или личнымъ символамъ или гербамъ. Наконецъ, встрѣчаются у Корнуфиція, Прокулея, Созія⁵¹), изображенія не римскаго характера, но указывающія, вѣроятно, на мѣсто чеканки (Африку, Коркиру, Закиноу), иногда съ присоединеніемъ соотвѣтствующей монограммы (у Прокулея, Созія). Общеримскіе типы, какъ голова Ромы, Діоскуры, квадрига или бига съ Юпитеромъ или Викторіей, на

монетахъ послѣдней эпохи гражданскихъ войнъ уже не встрѣчаются, развѣ только на нѣкоторыхъ изъ немногочисленныхъ мѣдныхъ, напр. ассахъ С. Помпея (*Babelon II 351, 19—20*)⁵²). Также во время войнъ между Цезаремъ и партией Помпея внѣ Рима полководцами выпускались монеты, изображенія которыхъ указываютъ на мѣсто чеканки⁵³). Золотой Гн. Лентула не заключаетъ въ себѣ прямого указанія на страну или городъ, гдѣ онъ выбитъ. Поэтому прежде всего слѣдуетъ спросить себя, не имѣютъ ли изображенія на данной монетѣ какого-либо отношенія къ роду или семьѣ чеканившаго магистрата. Просмотрѣвъ монеты, чеканенныя представителями Корнелиевъ вообще и Лентуловъ въ особенности, мы не можемъ придти къ заключенію, чтобы культъ Юпитера составлялъ особенность или привилегію этого рода или его вѣтви. Правда, на монетахъ консуловъ 49 г. до Р. Х., Лентула и Марцелла (*Babelon I 426, 64*) встрѣчается трикветра съ колосьями, составляющая какъ-бы гербъ Марцелловъ и голая стоящая фигура Юпитера, которую можно отнести къ роду Корнелиевъ-Лентуловъ или самому Л. Лентулу. Однако, въ виду упомянутаго денарія (*Babelon I 426, 66*) съ Діаной Эфесской, въ виду обнаженности верховнаго бога, какъ на денаріи подъ № 64, такъ и на другомъ съ головой юнаго, безбородаго Юпитера (*Babelon I 426, 65*), можно въ первомъ видѣть произведеніе временной монетной мастерской сената на островѣ Сициліи, гдѣ Зевсъ является весьма обычнымъ типомъ мѣстныхъ монетъ (*Head: Historia nummorum 103, 104, 107, 108, 109, 110, 118, 121, 136, 137, 143, 156, 157, 160, 167*). Второй денарій тоже имѣетъ характеръ греческій и можетъ быть малоазійскаго происхожденія, какъ и третій съ головой Зевса(?) и Діаной.

Личный характеръ междоусобныхъ войнъ проявляется, какъ мы уже говорили, и въ томъ, что монетные типы заключаютъ въ себѣ не указанія на римское государство, а на чеканящихъ и патроновъ ихъ, на современныя событія и на мѣсто выпуска монеты.

Если изображенія на золотомъ Гн. Лентула нельзя считать за родовые или семейные гербы, если мы не можемъ видѣть въ нихъ указаній на современныя чеканкѣ монеты событія, то мы должны придти къ заключенію, что они или обще-

римскія или заимствованы у Грековъ той мѣстности, въ которой чеканилась монета.

Первое становится маловѣроятнымъ, если примемъ во вниманіе упомянутый индивидуальный характеръ римскихъ монетъ въ періодъ послѣднихъ гражданскихъ войнъ. Однако можно всетаки возразить, что Юпитеръ, особенно Капитолійскій⁵⁴), составлялъ центръ всего національно-государственного богопочитанія въ Римѣ.

Посмотримъ, находятъ ли это свое полное выраженіе въ римской нумизматикѣ.

Извѣстно, что голова Юпитера является отличительнымъ изображеніемъ полуасса и викторіата, который впоследствии отождествился съ квинаріемъ не только въ номинальной цѣнѣ, но и въ типахъ⁵⁵). Рѣже встрѣчается такое изображеніе на денаріяхъ⁵⁶), да и то, вѣроятно, подъ вліяніемъ викторіатовъ. Совсѣмъ рѣдкимъ изображеніемъ является орелъ на перунѣ⁵⁷).

Если типовъ разсматриваемаго золотого ни въ виду политическихъ условій, ни по сравненіи съ прочими монетами нельзя считать символами или гербами римскаго государства, то намъ остается лишь одно: видѣть въ нихъ указаніе на мѣсто чеканки внѣ Рима и Италіи, конечно, по распоряженію военной власти.

Разсматривая греческія монеты перваго вѣка до Р. Х., мы замѣчаемъ, что голова Зевса и орелъ на перунахъ встрѣчаются преимущественно на монетахъ Малой Азіи и Сиріи⁵⁸).

Изо всего сказаннаго выше мы можемъ вывести, что золотой Гн. Лентула чеканенъ въ одной изъ азіатскихъ провинцій какимъ-то полководцемъ, который игралъ тамъ болѣе или менѣе выдающуюся роль во время междоусобныхъ войнъ по смерти Цезаря. Такъ какъ по смерти Сек. Помпея въ 35 г. до Р. Х. уже никто, кромѣ Цезаря Октавіана и М. Антонія, не пользовался самостоятельной, военной властью, то наша монета должна быть чеканена между 44 и 36 г. до Р. Х. Но кто былъ Гн. Лентуль, чеканившій ее отъ своего имени?

Можно было-бы подумать о Гн. Корнеліи Лентулѣ Авгурѣ, консулѣ 14 г. до Р. Х. (ср. *Klein fasti consulares* p. 10), отцѣ, быть можетъ, Косса Корнелія Лентула, монетнаго триумвира послѣ 23 г. до Р. Х. (*Babelon I* 430, 79—80). Однако объ участіи его въ упомянутыхъ войнахъ намъ ничего неизвѣстно. Также мало вѣроятно, чтобы онъ такъ поздно, послѣ

столь выдающейся дѣятельности самостоятельнаго генерала сдѣлался консуломъ. По тѣмъ-же соображеніемъ не можетъ быть отождествляемъ съ нашимъ и *Cn. Lentulus L. f. Lentulus*, *cs.* 18 г. до Р. X. (*Klein fasti consulares* p. 9). Если мы обратимся теперь къ смутамъ, возникшимъ по смерти Цезаря, то мы замѣтимъ, что всѣ полководцы, имѣвшіе самостоятельное *imperium*, какъ Д. Брутъ, Антоній, Лепидъ, Октавіанъ, М. Брутъ, Кассій, Панза чеканятъ свою монету изъ золота и серебра, а иногда и мѣди. Къ нимъ присоединяются въ выпускѣ собственной монеты, безъ упоминанія сената или кого-либо изъ вожаковъ республиканской или антиреспубликанскихъ партій даже такіе второстепенные, хотя и самостоятельные полководцы, какъ Корнуфицій, Муркъ, Домицій Агенобарбъ, Г. Антоній (*Babelon I 206, 148*). Не можетъ поэтому не бросаться въ глаза отсутствіе на монетахъ упомянутаго періода всякихъ указаній на А. Гирція, консула 43 г. до Р. X. и П. Долабеллу. Быть можетъ, первый, выступивъ изъ Рима еще въ январѣ (*Cic. Phil.* 7, 4), былъ снабженъ необходимыми денежными средствами и не имѣлъ поэтому надобности въ выпускѣ новой монеты. Панза же, покинувъ столицу лишь около 20 марта (*Cic. famil.* 12, 25), имѣлъ болѣе поводовъ и необходимости чеканить отъ своего имени, тѣмъ болѣе, что, прибывъ на театръ военныхъ дѣйствій, онъ могъ смѣнить въ должности главнокомандующаго коллегу своего Гирція. Конечно, все это лишь предположеніе, но относительно Долабеллы мы не имѣемъ и такого гадательнаго объясненія для отсутствія монетъ съ его именемъ. А между тѣмъ онъ нѣкоторое время имѣлъ право надѣяться на подчиненіе своей власти чуть ли не всѣхъ азіатскихъ провинцій⁵⁹). Для набора и содержанія войскъ, съ которыми Долабелла надѣялся овладѣть Сирією, онъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Поэтому онъ не только вымогалъ всевозможными способами контрибуціи (*Plut. Brut.* 2; *Cic. ad Brut.* I 2) и «добровольныя» приношенія (*Joseph. Antiqu.* 14, 10, 12), но и грабилъ храмы (*Cic. Phil.* 11, 2, 4—6; *famil.* 12, 15). Безъ сомнѣнія богатая добыча его состояла не только въ деньгахъ, но и въ драгоценныхъ сосудахъ и слиткахъ серебра и золота. Убивши вѣроломнымъ образомъ Требонія, правителя провинціи Азіи, Долабелла направился въ Киликію, а затѣмъ въ Сирію. Прибывши въ Азію лишь съ однимъ легатомъ Октавіемъ Марсомъ (*Cic. Phil.* 11, 2, 4), онъ увеличилъ

войско (*Cic. fam.* 12, 15, 1; 12, 13) и составилъ себѣ довольно значительный флотъ (*Appian. bel. civ* 4, 60; *Cic. fam.* 12, 14, 15), такъ что у него явилось нѣсколько легатовъ (*L. Figulus, Marius. C. Titius*. См. *Cic. fam* 12, 15; *App. b. c.* 4, 60. 199 *Dio Cass.* 47, 30). Немыслимо почти, чтобы при такихъ обстоятельствахъ главнокомандующій не чеканилъ своей монеты, особенно, когда, запертый въ Лаодикеѣ, онъ имѣлъ случай и даже необходимостью выпускомъ новой монеты увеличить свои средства. Въ критическое время особенно удобно было золото. Но золотая монета въ древности составляла привилегию высшей власти⁶⁰): персидскаго царя⁶¹), царей македонскихъ⁶²) и преемниковъ Александра, наконецъ, Рима, въ лицѣ его полководцевъ⁶³). Поэтому мало вѣроятности, чтобы Долабелла отказался отъ того права, которымъ пользовались всѣ его враги и союзники, въ качествѣ самостоятельныхъ военачальниковъ и предводителей партій, права, которое давало въ руки хорошее средство удовлетворить свою алчность и честолюбие⁶⁴). Напротивъ, скорѣе можно предположить, что Долабелла не только чеканилъ золото, но и не преминулъ увѣковѣчить свое имя, даже если-бы чеканкой завѣдовалъ одинъ изъ его легатовъ.

Остается намъ, устранить лишь одно затрудненіе т. е. доказать что *Cn. Lentulus* есть никто иной, какъ *P. Cornelius Dolabella*.

Переимѣна имени въ древнемъ Римѣ обыкновенно находилась въ связи съ усыновленіемъ. Если сынъ Эмилія Павла, побѣдителя въ сраженіи при Пиднѣ, принялъ имя Сципіоновъ, то тѣмъ болѣе обычнымъ стало это явленіе въ періодъ разрушенія республики, когда родовой строй потерялъ свое прежнее значеніе, и на первый планъ выдвинулись личные интересы и расчеты. Чаще всего переходъ въ новый родъ или семью являлся условіемъ для полученія наслѣдства, какъ напр., у Аттика⁶⁵). Иногда причина заключалась въ честолюбіи отдѣльнаго лица, которое для достиженія какихъ-либо должностей должно было устранить препятствія политическаго характера. Извѣстнѣе всего примѣръ П. Клодія, который послѣ неудачной попытки сдѣлаться плебеемъ и народнымъ трибуномъ путемъ простаго отказа отъ патриціата и признанія себя въ собраніи плебеевъ членомъ ихъ сословія, сдѣлался приемнымъ сына плебея Фонтеля, чтобы этотъ вслѣдъ за аррогаціей отказался отъ

отцовскихъ правъ своихъ. *T. Manlius Torquatus* (*Dio Cass* 39, 17) въ 57 году по желанію П. Корнелія Лентула Спинеера усыновилъ сына его, чтобы доставитъ послѣднему возможность вступить въ коллегію авгуровъ, гдѣ для Корнеліевъ не было болѣе мѣста.

И политическій и матеріальный расчетъ могли заставить Долабеллу перейти изъ своей въ чужую семью. Постоянно нуждаясь въ деньгахъ⁶⁶), этотъ модный ловелась⁶⁷), сумѣвшій очаровать Теренцію и Туллію и приобрѣсть расположеніе стараго скептика Цицерона⁶⁸), въ 50 г. Р. X. нашель себѣ покровительницу и среди старухъ, въ лицѣ какой-то Ливіи, сдѣлавшей его наслѣдникомъ части своего имущества, но подъ условіемъ перемѣны имени, т. е. посмертной аррогации или адопціи⁶⁹). Такое усыновленіе Долабеллы при посредствѣ женщины, вѣроятно, не состоялось. Было-ли задѣто самолюбіе мужчины, или наслѣдство оказалось слишкомъ незначительнымъ, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, однако, Долабелла былъ извѣстенъ еще и подъ другимъ именемъ, т. е. онъ въ концѣ концовъ не избѣгнулъ перехода въ другую семью. Такъ *Macrob. saturn.* 2, 3 говорятъ: *Idem (M. Tullius Cicero), cum Lentulum generum suum exiguae naturae hominem longo gladio accinctum vidisset: «Quis, inquit, generum meum ad gladium alligavit?»*

Изъ этого мѣста явствуетъ, что какой-то Лентулъ былъ зятемъ Цицерона, т. е. мужемъ Тулліи. Послѣдняя была замужемъ нѣсколько разъ, такъ что мы не знаемъ, какой изъ ея мужей носилъ упомянутое имя. На этотъ вопросъ даетъ намъ болѣе точный отвѣтъ *Plut. Cic.* 41, 5: Γήμαντι δ'αὐτῷ (i. e. τῷ Κικέρωνι τὴν Πουβλίαν) μετ' ὧ πολὺν χρόνον ἢ θυγάτηρ ἀπέθανε τίχουσα παρὰ Λέντῳ. τούτῳ γάρ εγαμήθη μετὰ τὴν Πίσωνος τοῦ προτέρου ἀνδρὸς τελευτήν. Съ этимъ мѣстомъ сходно и, можетъ быть, составляетъ его источникъ слѣдующее: *Asconius Pedianus*⁷⁰) *in Pisonianam* p. 4 ed. *Kießling-Schoell*, p. 5 ed. *Orelli-Baiter: Cicero filiam post mortem Pisonis generi P. Lentulo collocavit, apud quem illa ex parte decessit.* Хотя намъ изъ писемъ Цицерона неизвѣстенъ зять его Лентулъ, однако мы не имѣемъ права сомнѣваться въ достовѣрности приведеннаго извѣстія, такъ какъ Асконій слишкомъ добросовѣстный писатель, а Макробій взялъ свой анекдотъ, по всей вѣроятности, изъ собранія остротъ Цицерона (*ἀποφθέγματα*).

Прежде чѣмъ отождествить упомянутаго послѣдняго мужа Тулліи съ Долабеллой, мы познакомясь вкратцѣ съ исторіей ея супружествъ. Родившись въ 79 или 78 г. до Р. X.⁷¹⁾, уже въ 67 г. она была помолвлена съ *C. Piso L. f. Frugi*⁷²⁾, а въ 63 г. была уже его женой⁷³⁾. Въ 58 г. за Цицерона хлопоталъ зять его⁷⁴⁾, бывший въ живыхъ еще въ концѣ 58 г.⁷⁵⁾. Тестъ въ 57 г. въ рѣчахъ своихъ сожалѣеть, что Пизону не довелось увидѣть плодовъ любви своей къ нему⁷⁶⁾, т. е. возвращенія его изъ изгнанія 5 августа 57 г.⁷⁷⁾. Въ Брундузіи Туллія въ этотъ день встрѣчала своего отца уже вдовой⁷⁸⁾. Уже 4 апрѣля 56 г. она была помолвлена съ *Furius Crassipes* (*Cic. ad Quint. frat. 2, 4, 5; 6, fam. 1, 7, 7*), шестого состоялось формальное обрученіе, сопровождавшееся пиромъ (*Cic. ad Quint. frat. 2, 6, 1*). Быть можетъ, будущій зять получилъ и часть приданаго⁷⁹⁾. Однако, какъ кажется, до брачныхъ узъ дѣло тогда не дошло. Это можно заключить изъ того, что *Crassipes*, въ противоположность Пизону и Долабеллѣ, нигдѣ не называется, исключая одного мѣста, которое приведемъ ниже, ни зятемъ Цицерона, ни мужемъ Тулліи, между тѣмъ какъ въ письмахъ своихъ Цицеронъ многократно говорить объ обрученіи съ нимъ своей дочери, какъ о весьма радостномъ событіи (ср. еще *fam. 1, 7, 11; 9 20. Att. 4, 5 3, 12; 7, 1, 8*). Поэтому, какъ мнѣ кажется, неправъ Друманнъ (VI, 697), порицая *Madvig*'а, который (*Comment de Asc. p. 68*) соглашается съ Асконіемъ и Плутархомъ. Если Цицеронъ въ 49 г., когда возгоралась междоусобная война, имѣлъ разговоръ по этому поводу съ цезаріанцемъ Крассипедомъ (*Att 9, 11, 3*), если въ 55 году онъ обѣдалъ въ садахъ его (*Att 4, 12*), которые въ слѣдующемъ году пострадали отъ наводненія (*ad Quint. frat. 3, 11, 1*), если онъ въ 51 году ходатайствуетъ передъ квесторомъ Крассипедомъ (*famil 13, 9*) за откупщиковъ Биеиніи, то это доказываетъ только то, что послѣдній былъ живъ еще въ 49 году и не прекращалъ своихъ сношеній съ отцомъ своей прежней невѣсты. Упомянутое письмо проявляетъ такое отсутствіе всякаго родственнаго чувства, что Друманнъ относитъ его ко времени до обрученія Тулліи и Крассипеда или послѣ развода. Но если мы вспомнимъ, какое мѣсто въ письмахъ своихъ удѣляетъ Цицеронъ разводу дочери своей и Долабеллы, то становится непонятнымъ полное молчаніе его объ этомъ дѣлѣ. Написано же письмо, вѣроятно, изъ Киликіи, т. е. послѣ 56

г. Скорѣе я отнесъ бы къ этому году, если не все письмо *famil.* 1, 9, то одно мѣсто (§ 20), на которое ссылается Друманнъ. Цицеронъ пишетъ:... *Crassus que, ut quasi testata populo Romano esset nostra gratia, paene a meis laribus in provinciam est profectus. Nam, cum mihi condixisset coenavit apud me in mei generi Crassipedis hortis.* Объ изгнаніи своемъ, объ отношеніяхъ своихъ къ триумвирамъ, о ихъ свиданіи въ Луккѣ (въ 56 г.), о Ватиніи онъ говоритъ такъ, что, повидимому, онъ вновь переживаетъ въ мысляхъ своихъ всѣ невзгоды того времени и старается оправдать свою политику двухъ—трехъ послѣднихъ лѣтъ (56—54), но особенно 56 и 55 гг. При раздраженности и воодушевленіи Цицерона и оное *paene* весьма растяжимо. Отправился же Крассъ въ свою провинцію Сирію еще въ теченіе 55 г. до Р. Х. (*Att.* 4, 14; *Plut. Pomp.* 52). Такимъ образомъ свиданіе Цицерона и Красса въ садахъ Крассипеда могло состояться еще около начала 55 г., когда Цицеронъ, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, еще не могъ уплатить жениху своей дочери условленнаго приданаго. *Gener* поэтому есть *sponsus filiae*, какъ *Hor. epod.* 6, 13; *Verg. Aen.* 2, 342; *Ulp. dig.* 38, 10, 6 *generi et nurus appellatione sponsus quoque et sponsa continetur.* Но что послѣ 56 г. до Р. Х. произошло какое-то охлажденіе дружбы между прежнимъ женихомъ Тулліи и ея отцомъ, это видно изъ того, что Цицеронъ въ 50 г. обращался ко всѣмъ своимъ друзьямъ, кромѣ Гиррія и Крассипеда съ просьбой о поддержкѣ его въ вопросѣ о триумфѣ (*Att.* 7, 1, 8). Итакъ извѣстіе у Асконія-Плутарха еще болѣе выигрываетъ въ достовѣрности.

Мы въ правѣ теперь предполагать, что Туллія оставалась вдовой съ 57 г. до выхода замужъ за Долабеллу. Винавать въ этомъ продолжительномъ вдовствѣ прежде всего отецъ, слишкомъ строгій въ выборѣ жениха (*Att.* 6, 1, 7). Поэтому и Атикъ не былъ въ состояніи такъ скоро исполнить просьбу (*Att.* 5, 13, 3) своего друга, считавшаго скорое замужество дочери своей долгомъ чести и самолюбія. Возможно, что переговоры съ Долабеллой начались еще до отправленія Цицерона въ Киликію (*fam.* 8, 6, 2—3). Не смотря на всѣ недостатки свои, зацутавшійся въ долгахъ Долабелла сумѣлъ сдѣлаться женихомъ Тулліи еще до прибытія въ Римъ людей, которымъ было поручено извѣстить жену и дочь Цицерона о предложеніи Долабеллы и, пожалуй, нѣсколько обусловленномъ отцов-

скомъ согласіи на принятіе этого предложенія (Att. 6, 6; *fam.* 3, 12, 2). За обрученіемъ въ апрѣлѣ 50 г. (*fam.* 8, 13) въ августѣ или сентябрѣ (Att. 6, 8—9; 7, 3, 9) послѣдовала свадьба. 19 мая 49 г., въ отсутствіе отца и мужа, Туллія сдѣлалась матерью (Att. 10, 16, 4; 18 1) но *puer* ἐπταμήνητος вскорѣ скончался. Уже тогда предвидѣлась необходимость развода (Att. 10, 8, 8), но Цицеронъ заботился объ уплатѣ второй трети приданого, не желая ссориться съ другомъ Цезаря (Att. 11, 2, 3—4; 11, 23, 1; 25, 2). Послѣ Фарсальской битвы положеніе Туллія еще ухудшилось, но Цицеронъ еще менѣе могъ рѣшиться на разводъ (*fam.* 14, 19; 9; Att. 11, 6; 7, 9). Послѣ полного смуть трибуната своего Долабелла отправился въ декабрѣ 47 г. съ Цезаремъ въ Африку, откуда онъ воротился ранѣе послѣдняго, лѣтомъ 46 г. и былъ радушно встрѣченъ тестемъ своимъ (*fam.* 9, 7; Att. 12, 5, 5; *fam.* 9, 16; 9, 18). Годъ этотъ, въ виду исправленія календаря имѣлъ 445 дней, для чего было вставлено 3 мѣсяца. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Туллія уже въ началѣ 45 года во второй разъ разрѣшилась отъ бремени сыномъ⁸⁰). Но тогда она уже, какъ кажется, не была больше женой Долабеллы. Это видно изъ того, что Цицеронъ вскорѣ послѣ родовъ дочери, но до смерти ея, оставался въ Римѣ, ожидая уплаты черезъ повѣренныхъ Долабеллы части приданого (*fam.* 6, 18, 5) ея. Кромѣ того, Сульпицій, утѣшая⁸¹) Цицерона послѣ смерти Туллія, ссылается на безотрадное положеніе государства, лишившее его еще при жизни дочери надежды видѣть ее счастливой въ супружествѣ съ молодымъ, знатнымъ человѣкомъ, котораго могъ-бы выбрать себѣ въ зятя по своему усмотрѣнію Цицеронъ. О новомъ бракѣ дочери своей Цицеронъ могъ думать при жизни Долабеллы, очевидно, лишь послѣ развода обоихъ супруговъ. Наконецъ, въ отвѣтъ перваго на выраженіе сочувствія втораго по поводу смерти Туллія не замѣтно никакого проблеска родственныхъ отношеній или чувствъ (*fam.* 9, 11). Вѣроятно, что давно (*fam.* 14, 19, 9; Att. 11, 6, 7, 9; 23, 3) предвидѣвшійся разводъ состоялся передъ или вслѣдъ за отправленіемъ Долабеллы въ Испанію, въ октябрѣ или ноябрѣ 46 г.⁸²). Надежда на скорое выздоровленіе Туллія послѣ родовъ (*Cic. fam.* 6, 18, 5) не оправдалась. Уже около середины февраля⁸³) она скончалась въ Тускуланскомъ имѣніи своего отца.

Если дочь Цицерона въ юнѣ опять стала жить совмѣстно съ Долабеллой, если она нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда его въ Испанію сдѣлалась матерью и вскорѣ послѣ родовъ умерла, то, очевидно, о новомъ бракѣ не могло быть и рѣчи. Да и мало вѣроятно, чтобы она послѣ всѣхъ тяжкихъ испытаній въ супружеской своей жизни захотѣла-бы снова вступить въ бракъ, особенно когда уже послѣ первыхъ родовъ здоровье ея внушало ея роднымъ сильныя опасенія (Att. 11, 6, 4).

Въ виду всего этого упомянутымъ послѣднимъ мужемъ Тулліи могъ быть лишь Долабелла. Только одно обстоятельство допускаетъ, пожалуй, нѣкоторое сомнѣніе относительно достовѣрности извѣстія у Асконія и Плутарха.

Какъ мы уже видѣли, Туллія скончалась въ имѣніи своего отца, а не въ домѣ мужа. Но и это противорѣчіе можно объяснить маленькимъ недоразумѣніемъ. Долабелла имѣлъ надежду сдѣлаться отцемъ и поэтому могъ сдѣлать распоряженіе, чтобы дитя его увидѣло свѣтъ не въ чужомъ для его отца домѣ, т. е. у дѣда. Къ тому же послѣдній долженъ былъ получить обратно приданое дочери (fam. 5, 18, 5; Att. 12, 12, 1) и при постоянныхъ денежныхъ затрудненіяхъ (Att. 11, 23, 3; 14, 18, 1; 19, 1; 20, 2; 21, 4) зятя могъ потребовать какого-нибудь обезпеченія въ видѣ недвижимости. Нельзя забывать и того, что Цицеронъ, послѣ развода съ Теренціей, (въ концѣ 46 г.) тогда женился на молоденькой⁸⁶) Публиліѣ. Когда же состояніе дочери позволило покинуть городъ, она удалась для поправленія своего здоровья въ деревню, гдѣ и скончалась на рукахъ отца. Но такъ какъ роды были причиной смерти ея, то могло возникнуть мнѣніе, что разрѣшеніе отъ бремени и смерть произошли въ одномъ и томъ же домѣ.

Уже выше мы упоминали (прим. 80) о внукѣ Цицерона, наслѣдникѣ части имущества послѣдняго. Въ письмѣ своемъ къ Аттику (12, 28, 3) отъ 24 марта 45 г. (ср. O. E. Schmidt: *Briefwechsel...* 276, 482) Цицеронъ пишетъ: *Et velim aliquando, cum erit tuum commodum, Lentulum puerum visas eique de mancipiis, quos tibi videbitur, attribuas*. Просьба эта, очевидно, была исполнена другомъ, и Цицеронъ (Att. 12, 30, 1) 27 марта (ср. O. E. Schmidt l. l. 276, 483) благодаритъ за навѣщеніе мальчика и напоминаетъ о второмъ своемъ порученіи: *Quod Lentulum invisit, valde gratum. Pueros attribues ei, quot et*

quos videbitur». Кто может быть этот мальчикъ, о которомъ такъ нѣжно заботится Цицеронъ, какъ не сынъ его дочери, любовь къ которой онъ перенесъ на единственнаго своего внука?

Такимъ образомъ мы получаемъ новое указаніе на то, что Долабелла носилъ и имя Лентула⁸⁷), которое могло явиться только вслѣдствіе перехода его въ чужую семью.

Мы выше уже указывали на то, что у Долабеллы, какъ и у другихъ, могло быть два повода, перемѣнить свое имя: желаніе получить наслѣдство и политическій расчетъ. Дѣло съ наслѣдствомъ Ливіи, по-видимому, почему-то разстроилось: о немъ кромѣ указаннаго мѣста въ письмахъ Цицерона нигдѣ больше не упоминается. Но за то у Діона Кассія (42, 29) мы читаемъ: ὤσπερ δὲ οὐκ ἀποχρῶν αὐτοῖς (i. e. τοῖς Ῥωμαίοις) ὑπὸ τοῦ Ἀντωνίου κακῶσθαι, Δούκιός τε τις Τρεβέλλιος καὶ Πούπλιος Δολαβέλλας δῆμαρχοὶ ἐστασίασαν. οὗτος μὲν γὰρ τοῖς ὀφειλοῦσιν (ἐξ ὧν καὶ αὐτὸς ἦν, καὶ διὸ καὶ ἐκ τῶν εὐπατριδῶν ἐς τὸ πλῆθος ἐπὶ τῇ δημαρχίᾳ μετέστη) συνηγωνίζετο. Чтобы сдѣлаться трибуномъ на 47 г. до Р. X., Долабелла долженъ былъ уже въ 48 г. до Р. X. перейти въ плебейство. Въ какой формѣ совершился этотъ актъ, историкъ не говоритъ. Однако, если принять во вниманіе, что *tansitio ad plebem* кат' ἐξοχήν, не смотря на авторитетъ Моммзена и моего уважаемаго друга и университетскаго учителя Л. Гольцапфеля, все еще является недоказаннымъ предположеніемъ⁸⁸); что П. Клодій при всей изворотливости своей и дѣятельной агитаціи сдѣлался плебеемъ и трибуномъ лишь путемъ усыновленія своего плебеемъ Фонтеемъ; что мы вообще не имѣемъ ни одного доказаннаго примѣра самостоятельной и непосредственной *trāsitio ad plebem*: то необходимо предположить, что и Долабелла сдѣлался трибуномъ лишь при посредствѣ *arrogatio* со стороны плебея. Услугу эту могъ оказать бывший трибунъ *Cn. Lentulus*, упоминаемый Цицерономъ *pro lege Manil.* 19, 58. Впрочемъ, приемнымъ отцомъ (см. прим. 88) могъ быть и какой-нибудь патрицій *Cn. Lentulus*. При послѣдовавшей за усыновленіемъ *emancipatio*, какъ своего рода *manumissio*, Долабелла не могъ-бы остаться патриціемъ, какъ *libertus* особаго вида⁸⁹). Наконецъ, патриціатъ былъ такъ тѣсно связанъ съ *patria potestas*, что едва-ли былъ допустимъ первый безъ второй.

Остается отвѣтить еще на одинъ вопросъ: почему П.

Долабелла, кромѣ указанныхъ трехъ мѣсть у древнихъ писателей, вездѣ является⁹⁰⁾ подъ прежнимъ своимъ именемъ?

У Асконія ему дается *P.* какъ *praenomen*. Однако тутъ можетъ быть виноватымъ не этотъ ученый, но скорѣе состояніе архетипа, т. е. Санктъ-Гальской рукописи, найденной итальянскимъ филологомъ Поджіемъ (*Poggio*) во время Констанцкаго собора въ 1416 г. Вслѣдствіе сырости помѣщенія и дѣятельности мышей она была во многихъ мѣстахъ текста совершенно попорчена (ср. изд. *Kiessling-Schoell* pp. XXIV sq., XXVIII). *Poggio* списывалъ, какъ онъ и самъ сознается, *velociter* (ib. XXVIII) и, вѣроятно, перѣдко небрежно, дѣлая свои вставки и поправки (ib. XXX). Но и этотъ списокъ, въ виду личныхъ достоинствъ составителя, самый важный и достовѣрный, для насъ утерянъ (ib. XXIX). Помимо копій съ него, до насъ дошли еще списки друзей Поджія *Bartolomae* и *Sogomenos*. Однако при состояніи снова исчезнувшей для насъ рукописи, поспѣшнаго, одновременнаго изготовленія всѣхъ трехъ копій, при влияніи Поджія, по крайней мѣрѣ, на перваго изъ названныхъ его друзей (ib. XXX), и совпадающія чтенія двухъ списковъ не всегда могутъ имѣть рѣшающаго значенія. Нельзя совершенно пренебрегать и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ одномъ изъ списковъ второй руки, которымъ пользовался Гревій (ср. изд. *Orelli—Baier* p. 5, прим. къ строкѣ 15), стояло *Cn.*⁹¹⁾, а не *P.*

Впрочемъ, нѣтъ необходимости, прибѣгать въ данномъ случаѣ къ измѣненію текста, если мы только вспомнимъ исторію перемѣны имени при усыновленіи⁹²⁾.

Первоначально усыновленный принималъ всѣ три имени новаго, юридическаго отца, а изъ своего родового имени образовывалъ второе *cognomen* на-*anus*. Такъ сынъ Эмілія Павла послѣ усыновленія сыномъ Сципіона Африканскаго Старшаго сталъ называться *P. Cornelius Scipio Aemilianus*. Если *cognomen* принадлежитъ знаменитой вѣтви рода, то отъ него образуется добавочное *cognomen Cn.* *Cornelius Lentulus Marcellinus*. Если пріемный отецъ не имѣетъ надслѣдственнаго *cognomen*, то его новый, юридическій сынъ удерживаетъ свое: *M. Pupius Piso Calpurnianus* Какъ многое въ римскомъ правѣ, мѣняется и здѣсь прежній обычай. Первоначальное родовое имя усыновленнаго замѣняется посредствомъ его *cognomen*: *M. Terentius Varro Lucullus*. Еще болѣе усиливается отступленіе отъ

правила въ послѣднее время республики. Тестъ Помпея, сынъ Публія Корнелія Сципіона Назикія (Dio Cass. 40, 51), послѣ усыновленія Кв. Цециліемъ Метелломъ Піемъ, консуломъ 80 г. до Р. Х., называется еще Публиемъ (Cic. p. dom. 47; Suet. Tib. 4; Val. Max. 9, 5, 3), чаще всего Сципіономъ (Cic. de har. 6; Caes. b. c. 1, 1; 3, 31; b. Afr. 20), также Назикой (Cic. Att. 2, 17); Публиемъ Сципіономъ Метелломъ (Cic. Att. 6, 1, 17; 7, 4, 2) и, наконецъ, полнымъ и законнымъ именемъ: Q. Caecilius Q. f. Metellus Pius Scipio (Cic. fam. 8, 8, 5; 6) или короче на монетахъ его Q. Metellus Pius Sipiо (Babelon I. 278 sqq., pp 47--51).

Еще болѣе бросается въ глаза примѣръ Брута, который ранѣе 59 г. до Р. Х. былъ усыновленъ своимъ дядей Кв. Сервиліемъ Цепіономъ. Такъ какъ по словамъ автора de nominibus (II ср.) Саеріо является какъ-бы помен, то Брутъ долженъ былъ-бы называться Q. Саеріо Brutus. Это и соблюдается на монетахъ его (Babelon II, 115 sq., pp. 35—39) и, вообще, въ официальномъ языкѣ (Cic. Phil. 10, 11, 25; fam 7, 21, Att. 2, 24, 2). Какъ сокращеніе полного имени можно разсматривать Саеріо Brutus (Babelon II, 115, 3—4), Q. Саеріо (Cic. Phil. 10, 11, 25). Такъ какъ въ періодъ упадка республики cognomen въ обыденной жизни является главнымъ именемъ (Ср. Lentulus, Caesar, Cicero, Atticus), то простое Brutus, которое въ большинствѣ случаевъ встрѣчаемъ у Цицерона и иногда на монетахъ (Babelon II 113 sq., 30—32; 116, 40—42). Но уже совсѣмъ противъ правила мнимый потомокъ и подражатель перваго римскаго консула называется M. Brutus на монетахъ (Babelon II 117, 43) и весьма часто у Цицерона (fam. 3, 11, 3; 6, 6, 10; Att. 14, 1, 2; Phil. 10, 11, 23 sq.), у Аппіана (b. c. II 111) даже въ соединеніи съ cognomen юридическаго отца (Μάρκος τε Βροῦτος ὁ Καπίων ἐπίκλην) и подобнымъ же образомъ у Діона Кассія (41, 63: ὁ Καπίων ὁ Βροῦτος ὁ Μάρκος). У Асконія (in Milon. p. 36, 1 Or.; 30, 15 Kiess.), по мнѣнію нѣкоторыхъ, должно читать M. Саеріо и подъ этимъ именемъ разумѣть Брута. Если далѣе онъ называется M. Brutus (ib. p. 42, 7 Or.; 36, 12 Kiess.), то это менѣе странно (ср. Cic. Phil. 10, 11, 23 sqq.), чѣмъ нападки противъ тридцати-трехлѣтняго человѣка, который по словамъ того же Асконія (ib. и Квинтиліана (3, 6, 93; 10, 1, 23; 5, 20) лишь написалъ, а не говорилъ свою рѣчь въ защиту Милона. Далѣе сомнительно

не только то, чтобы Брута тогда удостоилъ своихъ нападеній въ сенатѣ такой государственнѣй дѣятель, какъ консулъ Метеллъ Сципіонъ, но и самое пребываніе перваго въ Римѣ во время обсужденія дѣла объ убіеніи Клодія въ 52 г. А вѣроятнѣе, что Брутъ ограничился лишь составленіемъ рѣчи потому, что онъ тогда находился въ Киликіи, куда отправился со своимъ тестемъ, проконсуломъ Аппіемъ Клавдіемъ въ 53 г. (ср. *Drumann*: GR IV 20).

Поэтому *M. Caerio*, хотя послѣ приведенныхъ примѣровъ и могло-бы обозначать Брута, однако у Асконія это является недоказаннымъ, и мы должны читать *M. Ciero* или *M. Cato* (одинъ изъ другихъ защитниковъ Милона).

Но если у Брута мы встрѣчаемъ его первое имя, его новое и соединенія обоихъ, то у П. Клодія мы въ его имени не встрѣчаемъ и слѣда его аррогаціи плебеемъ Фонтеемъ (*Cic. р. dom.* 13, 34 sq.). Да и гдѣ было тогда римлянамъ слѣдить вездѣ за исполненіемъ формальностей въ области умиравшаго родового строя, когда были поколеблены и рушились главные устои всего государства!

При такомъ положеніи дѣла нѣтъ ничего удивительнаго, если по какой-то случайности П. Долабелла нигдѣ не называется прямо ни Лентуломъ, ни Гн. Лентуломъ. Но что онъ носилъ и послѣднія имена, это, надѣюсь я, послѣ всего сказаннаго является болѣе или менѣе вѣроятнымъ и правдоподобнымъ. Принятіе нашихъ выводовъ представляетъ слѣдующіе результаты:

1) Золотой Гн. Лентула выдѣляется изъ ряда монетъ съ которыми онъ, кромѣ случайнаго совпаденія именъ, ничего общаго не имѣетъ, и за то получаетъ то мѣсто, которое подобаешь ему въ виду металла, вѣса, типовъ и имени чеканившаго.

2) Одинъ изъ выдающихся преемниковъ Цезаря въ борьбѣ съ республикой является теперь дѣйствующимъ лицомъ и въ области римскаго монетнаго дѣла.

3) Подтверждается и объясняется косвенное указаніе 4 писателей (Цицерона, Асконія, Плутарха, Макробія) на перемѣну Долабеллой своего первоначальнаго имени.

4) Послѣднее проливаетъ новый свѣтъ не только на замѣтку Діона Кассія о переходѣ Долабеллы въ плебейство,

но и на всю теорію о *transitio ad plebem*, такъ какъ устраняется и послѣдній примѣръ превращенія патриція въ плебея безъ усыновленія плебеемъ.

5) Получается новое доказательство достовѣрности Аско-нія, такъ какъ нынѣшнее

6) мнѣніе, что Крассипедъ былъ мужемъ, а не только женихомъ Тулліи, оказывается недостаточно обоснованнымъ.

7) Разсѣиваются сомнѣнія относительно подлинности нашей монеты. Существованіе же ея лишь въ двухъ экземплярахъ объясняется двухъ-трехъ-мѣсячнымъ владычествомъ Долабеллы въ юго-западной части Малой Азіи,⁹⁴⁾ враждебностью Брута и Кассія,⁴⁵⁾ которые, вѣроятно, всячески старались уничтожить память объ этомъ своемъ противникѣ, и возобновленіемъ сношеній азіатскихъ провинцій съ Италіей лишь въ концѣ 42 г. до Р. X.

8) Различіе въ чеканѣ монетъ триумвира Гн. Лентула и квестора⁹⁶⁾ съ особымъ порученіемъ по выпуску денаріевъ становится еще болѣе страннымъ и задаетъ вопросъ о болѣе правильномъ распредѣленіи обѣихъ серій.

9) Устанавливается коллегія менетныхъ магистратовъ 42 г. до Р. X.

10) Еще разъ показывается на наглядномъ примѣрѣ неосновательность мнѣнія о совершенной бесполезности нумизматики для филолога и историка.

Мы будемъ считать себя вполне награжденными за свой трудъ, если эта работа дастъ болѣе достойному поводъ, заняться этимъ или подобнымъ вопросомъ изъ области римской просопографіи или нумизматики. Особенно желательнымъ является это въ виду новаго изданія римской исторіи Друмманна и реальной энциклопедіи *Pauly-Wissowa*.

Примѣчанія.

1) Mommsen: *Roemisches Muenzwesen* 364/5, 376/7, 407. Шерцль: Римское монетное дѣло. стр. 196 и слѣд. 2) Моммзенъ *ib.* 405—407. Шерцль *ib.* 199—201. 3) Мом. *ib.* 750—755. Шерцль *ib.* 204. 4) Мом. *ib.* 406/7, прим. 125. 5) Мом. *ib.* 406/7, прим. 128; 605, прим. 232. Babelon: *Description historique et chronologique des monnaies de la république Romaine* I 418, прим. 57. Н. Bahrfeldt: *Nachtraege und Berichtigungen z. Muenzkunde der roemischen Republik.* Wien 1897. стр. 98 обращаетъ вниманіе на то, что монета эта находится не только въ *Cabinet de France*, какъ то утверждаетъ Babelon, но и въ коллекціи *Borghesi* (каталогъ 1881, таб. I 428; катал. 1893, стр. 32), вполнѣдствіи коллекціи *Montagu* (катал. 1896, таб. I 15). Даже если-бы обѣ монеты были выбиты однимъ и тѣмъ же штемпелемъ, то не было-бы еще достаточной причины заподозрить ихъ подлинность. Иначе обстояло-бы дѣло, если-бы онѣ были литыя. Знаніе же вѣса римскихъ монетъ не всегда находится у поддѣльвателей, которые болѣе обращаютъ свое вниманіе на изображеніе новыхъ, интересныхъ типовъ или соединеніе изображеній на различныхъ монетахъ для созданія гибридныхъ монетъ. Ни того ни другого нельзя сказать про нашу, которую мы со всѣми выдающимися нумизматами должны признать подлинной. 6) Мом. *ib.* 605, и прим. 232 опредѣляетъ вѣсъ лишь въ 7, 80 грам. Мнѣ это обозначеніе по *de la Nauze* кажется менѣе точнымъ, чѣмъ упомянутое выше, такъ какъ Babelon имѣлъ возможность провѣрить еще разъ вѣсъ монеты. Впрочемъ разница очень незначительна. 7) Babelon *ib.* 415, пп. 50—53. 8) Babelon *ib.* 417, пп 54—55. Моммз. 611, п. 242. 9) Babelon *ib.* 419, п. 58. Моммз. 611, п. 243. 10) См. прим. 6. Моммз. во франц. изданіи II 437 еще рѣшительнѣе высказываетъ свое мнѣніе о времени чеканки разсматриваемой нами монеты. 11) Ch. Lenormant: *Revue*

numismat. 1856, стр. 337. Fr. Lenormant: La monnaie dans l'antiquité II 316. 12) Ср. Моммз. 751/2. 13) Мѣдныя монеты играютъ меньшую роль, такъ какъ они сохранили отчасти свой первоначальный чеканъ до временъ Августа. 14) Моммз. 461. 15) Моммз. 404/5, 420; срав. 214/5. Шерцль 198. 16) Такъ называемымъ римско-кампанскимъ монетамъ мы думаемъ посвятить самостоятельную статью, тѣмъ болѣе что Шерцль въ своей книгѣ говоритъ почти лишь о вполнѣ признанныхъ фактахъ собственно римской нумизматики и почти не разбираетъ спорныхъ пунктовъ. 17) Моммз. 407, Шерцль 201/2. 18) Моммз. 408 предполагаетъ, что такой золотой стоялъ 133¹/₃ сестерція. При этомъ онъ принимаетъ (402 и 404 стр.) отношеніе серебра къ золоту 1: 11, 91. Однако, это отношеніе мѣнялось. Такъ, напр., благодаря богатой добычѣ Цезаря цѣнность золота пала на ¹/₃, какъ и ранѣе во времена Полибія по открытіи рудниковъ въ Норикѣ (Strab. IV, 6, 12). Весьма значительна была добыча Суллы въ его войнѣ на востокѣ. Прибавимъ къ этому, что бѣольшая часть золотой монеты чеканилась въ Греціи и Азіи (Моммз. ib. 595), гдѣ золото было лишь въ десять разъ дороже серебра (Момм. ib. 403, прим. 117), то мы можемъ предположить, что золотой Суллы въ ¹/₃₀ ф. цѣнился въ 125 сестерціевъ, т. е. что золото относилось къ серебру, какъ 1, 16: 1. Это подтверждается тѣмъ, что болѣе легкій ауреус имперіи равнялся 25 денаріямъ. Постепенное паденіе вѣса всѣхъ монетныхъ номиналовъ позволяетъ сдѣлать такую оцѣнку (въ 125 сест.) и золотому Помпея. Цезарь остановился на ¹/₄₀ ф. въ ввду греческаго статера и приравненія его цѣнности къ 100 сестерціямъ. Уменьшеніе вѣса сулланскаго золотого до ¹/₃₆ объясняется, если не пониженіемъ номинальной цѣнности, то иными соображеніями. Или золото повысилось въ цѣнѣ, или правительство позволило себѣ сбереженіе путемъ легальнаго.... обмана (ср. плакированные денаріи). Возможно предположить и недобросовѣстность монетчиковъ. 19) Моммзень 407; 609, п. 239. Шерцль 202/3. 20) Моммзень 407/8, 650—652. Шерцль 203/4. 21) Нельзя слишкомъ напирать на то, что одно и то же лицо является дважды или трижды, безъ особенныхъ, видимыхъ причинъ, дѣйствующимъ монетнымъ магистратомъ. Подобная случайность можетъ показаться странной, но всетаки возможна.

22) Моммзенъ 751 и прим. 37. 23) Моммзенъ 752, прим. 38 даетъ очень подробный перечень относящихся сюда монетъ съ ихъ вѣсомъ. Бабелонъ даетъ лишь вѣсъ одного экземпляра каждаго вида монетъ, вѣроятно, изъ коллекціи національной бібліотеки. Моммзенъ, повидимому, имѣлъ въ своемъ распоряженіи много монетъ одного и того же вида или, по крайней мѣрѣ, свѣдѣнія о вѣсѣ ихъ. 24) Babelon II 240 (43—42 до Р. Х.) 25) *ib.* 14¹ sqq. 26) *ib.* 547. 27) Ср. Моммзенъ, 752, прим. 39. 28) Babelon I 433 sq. 29) *ib.* 435, п. 2. 30) A. v. Sallet: Die Muenzen Caesars mit seinem Bildniss. Zeitchrift fuer Numismatik. IV 1877. pp. 125—144. Ср. Commentationes Mommsenianae 1877. pp. 84—97. 31) Babelon II 323, nn. 1—5. 32) *ib.* I 123, nn. 12—19. 33) *ib.* I 438, nn. 2—4. 34) *ib.* I 496, nn. 2—3, 35) *ib.* II 439 nn. 1—13. 36) A. v. Sallet *ib.* и ZfN. V 1878. p. 246. 37) Babelon II 141 sqq. nn. 1—13. 38) *ib.* II 239 sqq. nn. 1—15. 39) *ib.* I 355, nn. 14—24. 40) *ib.* II, 547. nn. 23—33. 41) На монетахъ и надписяхъ республиканскаго времени я не нашелъ ни одного случая, гдѣ одно *pr.* безъ другого опредѣляющаго ближе должность слова, какъ напр., *urb.* на монетахъ Л. Планка (Babelon II 239, п. 1, но nn. 2—3 *praef.*) обозначало-бы *praefectus*. Въ одномъ рефератѣ, который я надѣюсь вскорѣ приготовить къ печатанію, я показалъ, что на монетахъ республики это *pr.* всегда обозначаетъ *praetor*. 42) Француз. переводъ Blacas II 548 относитъ ихъ къ 44 г. до Р. Х. 42^a) 5 IVvigi 44 года вѣроятно успѣли начеканить достаточное для этого года количество монеты. Въ 43 году расходы на Мутинскую войну, въ которую отправились оба консула и другіе магистраты, могли потребовать усиленной чеканки, особенно золота. Шлемъ на курульномъ стулѣ (Babelon I 340, п. 1), быть можетъ, указываетъ на военное время. Торжество сената, о которомъ говорить Моммзенъ, ограничивается почти только первой половиной 43 г., между тѣмъ какъ въ 44 г. это учрежденіе являлось болѣе орудіемъ враждовавшихъ между собой партій. Наше предположеніе объясняетъ и причину чеканки и причину зарытія клада близъ Мутины. 43) Кладъ, найденный въ Sasso Forte близъ Reggio (Моммз. 417) и зарытый, вѣроятно, послѣ клада въ Santa Anna, заключаетъ въ себѣ денаріи Ларисколы и Петиллія. Бѣглецы спасались отъ проскрипціи въ 42 году въ

Сицилію, и нынѣшнее Реджіо было удобнымъ пунктомъ переправы. Если монеты предполагаемыхъ квесторовъ были найдены въ состояніи à fleur de coin (свѣжими, безъ видимыхъ слѣдовъ обращенія), то ихъ вмѣстѣ съ кладомъ можно относить къ 42 г. до Р. Х. Можно было-бы подумать и о времени послѣдней борьбы между С. Помпеемъ и Октавіаномъ, т. е. ок. 36 г., но характеръ изображеній менѣе благопріятствуетъ этому предположенію. 44) Моммзенъ 741 sq. считаетъ возможнымъ выпускъ сенатской монеты еще и въ 36 г., но онъ (ib. прим. 6) имѣетъ въ виду Р. Clodius M. f., дѣятельность котораго Borghesi относитъ къ 36 г. до Р. Х. За 42 г. говоритъ также голова крылатой Викторіи на золотомъ Ваалы, очень похожей на такое же изображеніе на денаріи Муссидія и принимаемой за портретъ Фульвіи. 45) Коллегія 43 г. на монетахъ своихъ (исключая Numonius Vaagus), чеканенныхъ въ честь триумвировъ, называется IV viri a(uro) p(ublico). Новые властители получили большую добычу, которую и утилизировали для предстоявшей войны съ партіей Кассія и Брута. 46) Моммзенъ 751 sq. замѣчаетъ, что цезарскіе и слѣдующіе за ними сенатскіе золотые болѣе сохраняютъ нормальный вѣсъ (8, 07 гр.), нежели золотые полководцевъ по смерти Цезаря. 47) См. Моммзенъ 743; 894. 48) Babelon II, 7, 1—30. 49) Денарій Л. Буки съ Діаной и Эндиміономъ, пожалуй, относится къ Цезарю (Babelon II 23, 38), какъ и сестерцій съ Діаной и звѣздой (ib. п. 40). Возможно, что и другіе типы названныхъ магистратовъ должны быть отнесены къ диктатору. Не совсѣмъ лишено вѣроятности и предположеніе, что монеты не цезарскаго характера должны быть отнесены къ другому времени и къ другимъ монетнымъ магистратамъ. 50) Настоящее родовое имя опредѣлено недавно. Ср. Gardthausen: Augustus und seine Zeit I, 151; II¹ 63, прим. 15. Прежде писали Statius Murgus. 50*) Антоній употребляетъ это изображеніе и голову Конкордіи (Babelon I, 173, 42). 51) Babelon I, 434, 1—4; II 388, 1—2; 464, 3. Можно указать еще на монеты съ именами: Brutus и L. Plaetorius Cestianus (Babelon II 119, 50), С. Cassius imp. и M. Servilius legatus (ib. I 337, 20; ср. 19) L. Pinarius Scarpus и M. Antonius (ib. II 306 9—11), Magnus Pius imp. (Babelon II 352 sq.; 22—25). Впрочемъ подобныя типы встрѣчаются чаще еще на мѣдныхъ монетахъ, чѣмъ на серебряныхъ и золотыхъ. 52) Мѣдныя

монеты съ именемъ Антонія чеканены, вѣроятно, по какой-нибудь не римской монетной системѣ, лишь приравниваемой къ римской. На это указываетъ обозначеніе цѣнности греческими буквами Δ и Β (Babelon I 184, 71; 186, 74—75). Лишь разъ (ib. 185, 73) греческое Δ сопровождается латинскимъ NS. Римской монетой является лишь ассъ Антонія и Атрatina (ib. 181, 65). 53) Денарія консуловъ 49 г. Лентула и Марцелла съ Діаной Эфесской (Babelon I 426, п. 65), квинарія и сестерція Г. Анція Рестіона съ типами городовъ Мизія (Babelon I. 156 слѣд., 3—7), денарія Кв. Метелла Сципіона со слономъ, головой Африки, геніемъ Африки (ib. 278 sqq., pp 47, 49—51), денарій А. Алліена съ фигурой Тринакра или Поссейдона, держащаго въ правой рукѣ трикветру, символъ Сициліи (ib. I 138, 1). 54) Kuhfeldt: De Capitoliis Romanis старается доказать, что колоніи и города съ римскимъ правомъ учреждали у себя капитолии съ культомъ этого бога, совмѣстно съ Юноной и Минервой (капитолійской тріады). Henze: De civitatibus liberis..... обращаетъ, какъ мнѣ кажется, слишкомъ мало вниманія на монеты, которыя могутъ дать довольно значительный матеріалъ по этому вопросу. 55) Ср. Babelon I 415, 51; 360, 2; 516, 2. Нельзя забывать, что викторіать (въ $\frac{3}{4}$ денарія) по происхожденію своему иностранная, быть можетъ, иллирійская монета (Моммзенъ RMW 390 слѣд.). 56) Babelon I 148, 16; 158, 1; 426, 65—66 (см. выше); 399, 24 (Saturnus?); II 291, 1 (находится въ связи съ cognomen Capitulinus); 366, 23; 386, 1; 406, 1; 565, 1; 568, 6 (имѣетъ, быть можетъ, отношеніе къ семейнымъ традиціямъ). На денаріи Л. Валерія Ацискола голова Зевса въ соединеніи съ гигантомъ Валентомъ (Babelon II 520, 21), очевидно, является какъ-бы гербомъ Валеріевъ (см. Babelon II 517). О мѣдныхъ монетахъ Прокулея (Babelon II 388, 1—2) уже раньше было сказано, что онѣ являются не римскими. 57) Babelon II 312, 4 (глав. стор. Вакуна-Викторія); 292, 4 (оборот. стор.: храмъ Юпитера Капитолійскаго); I 4 (aes grave, quincussis), 14, 10 (римско-кампанская мѣдная монета съ головой Минервы на другой сторонѣ), 25, 29—31 (золотые въ 20, 40, 60 сестерціевъ). Мѣдная монета Созія (Babelon II 463, 1) является, какъ упомянуто выше, полуримской и полугреческой. 58) Дія въ Визиніи (Head: HN 440; Imhoof-Blumer: Griechische Muenzen 575, tb. IV, 10); понтійскіе города: Амись, Амасія, Кабира,

Гасіура, Пимолиса, Таулара, Тія (Imhoof-Blumer l. l. pp. 562, 582, tb. IV iq; 588 sq. Catal. of greek coins in the Brit. Mus. Pontus 15, 30, 36, 84, 99, 138); Афродисіи-Пларасы въ Каріи (Imhoof-Blumer l.l. 663). Голова Зевса со времени Миѳридата Евпатора, который являлся какъ-бы будущимъ объединителемъ всего эллинистическаго міра, составляетъ одинъ изъ наиболѣе обычныхъ типовъ на монетахъ подвластныхъ этому царю городовъ Малой Азіи (ср. Head HN. p. 433). У грековъ Зевсъ со своими атрибутами встрѣчается на монетахъ какъ Эллады, такъ и колоній чаще другихъ боговъ. 59) Ср. Gardthausen: Augustus und seine Zeit I 148—156; Drumann: Geschichte Roms II 575—577. 60) Съ 197 г. до Р. X. прекращается выдѣлка золотой монеты у грековъ Азіи и Европы. Ср. Моммзенъ RMW 689. Но уже со времени македонской гегемоніи греческіе города, всегда чеканившіе мало золотой монеты, почти прекратили чеканку золота. 61) Моммзенъ RMW 12 62) ib. 689, 702 sq. 63) ib. 730; 748—750; 377. 64) Ср. Drumann. Gesch. R. II 572 sq.; 577 sq. 65) Подобный же мотивъ можно предположить и у M. Iunius Brutus, и у Cornelius Scipio Nasica, называвшагося потомъ Q. Caecilius Metellus Pius Scipio, и у C. Clodius C. f. Pulcher, усыновленнаго дядей его Анніемъ (Cic. famil. II 13, 2). Въ большинствѣ случаевъ, какъ у консула 165 г. до Р. X. T. Manlius Torquatus, давшаго сына своего для усыновленія Д. Силану, мы не можемъ съ точностью опредѣлить побудительныхъ причинъ. Эмилиѳ Павль, вѣроятно, хотѣлъ оказать услугу угасающему колѣну рода Корнелиевъ. 66) Ср. Cic. Att. 11, 23, 3; 14, 18, 1; 19, 1; 20, 2; 21, 4. 67) Характеристику его даетъ и Boissier: Cicéron et ses amis. Нѣм. переводъ Делера. 106—108. 68) Cic. Att. 7, 3, 12; fam. 2, 16, 5. 69) Cic. Att. 7, 8, 3: Dolabellam video Liviae testamento cum duobus coheredibus esse in triente, sed iuberi mutare nomen. Est πολιτικὸν σχῆμα, rectumne sit nobili adolescenti mutare nomen mulieris testamento. 70) Асконіѳ Педіанъ жилъ въ первые времена имперіи (3—88 г. по Р. X.), когда свѣжа была память о Цицеронѣ. Поэтому при его добросовѣстности комментаріи его къ рѣчамъ Цицерона составляютъ для насъ весьма важный историческій источникъ. Къ сожалѣнію до насъ дошли только отрывки объясненій къ 5 рѣчамъ (contra Piso-

nem, pro Scauro, pro Milone, pro Cornelio, in toga candida). Ср. Schanz: Gech. d. roem Liter. II 430. 71) Drumann Gesch. Roms VI 696; 686. 72) Cic. Att. 1, 3, 3. 73) Cic. 4 Catil. 2. 74) Cic. p. red. in sen. 7; p. Sest. 24; 31. 75) Cic. fam. 14, 4, 2; 1. 76) Cic. p. Sest. 31; cfin Vatin. 11. 77) Cic. Att. 4, 1. p. Sest. 63. 78) Это можно вывести, помимо упомянутых мѣстъ (см. прим. 76) въ рѣчахъ 56 г., изъ того, что въ письмѣ къ Аттику (Att. 4, 1, 4) упоминается по случаю прибытія въ Брундизій лишь она одна. Если бы Пизонъ былъ живъ, то при томъ усердіи, которое онъ выказалъ въ дѣлѣ Цицерона (Cic. p. red. in sen. 15, 38; ad Quir. 3, 7), онъ не преминулъ-бы, вмѣстѣ съ женой своей встрѣтить тестя своего. 79) Cic. Att. 4, 5, 3; Viaticum Crassipes praeripit. 80) Cic. fam. 6, 18, 5: Me Romae tenuit omnino Tulliae meae partus, sed cum ea quemadmodum spero, satis firma sit, teneor tamen dum a Dolabellae procuratoribus exigam primam pensionem. Att. 12, 18a, 2; Dabo meum testamentum legendum cui voluerit (i. e. Terentia); intelliget non potuisse honorificentius a me fieri de nepote, quam fecerim. Очевидно, что при малолѣтствѣ сына Марка и за смертью перваго ребенка Тулліи этимъ внукомъ могъ-быть только родившійся незадолго передъ этимъ письмомъ второй сынъ Тулліи. Ср. еще О. Е. Schmidt. Ciceros Briefwechsel 270 sq. 81) Fam. 4, 5, 2: Quid fuit quod illam (i. e. Tulliam) hoc tempore ad vivendum magnopere invitare posset? Quae res? quae spes? quod animi solatium? ut cum aliquo adolescente primario coniuncta aetatem gereret? Licitum est tibi, credo, pro tua dignitate ex hac iuventute generum deligere, cuius fidei liberos tuos te tuto committere putares! An ut ea liberos ex sese pareret, quos cum florentes videret, laetaretur? qui rem a parente traditam per se tenere possent? honores ordinatim petaturi essent? in re publica; in amicorum negotiis libertate sua uti? Quid horum fuit, quod non priusquam datum est ademptum sit? 82) О Тулліи и Долабеллѣ см. О. Е. Schmidt. Tullia and Dolabella. Neue Jahrbuecher fuer Philologie und Paedagogik. 1897. 596—600. 83) 30 апрѣля по поводу смерти Тулліи писалъ Цицерону Цезарь (Att. 13, 20), а еще раньше Долабелла (fam. 9, 11), оба съ испанскаго театра военныхъ дѣйствій, откуда вѣсть о побѣдѣ при Мундѣ 17 марта прибыла въ Римъ лишь 20 апр. Еще гораздо раньше, въ мартѣ мѣсяцѣ Цицеронъ пишетъ объ «антеевѣ» дочери. 84) Что она умерла

тамъ, это можно вывести изъ нежеланія отца, видѣть тускуланскую свою виллу, напоминавшую ему о его горѣ (Att. 12. 44; 45; 46), и намѣренія воздвигнуть въ упомянутомъ имѣннѣи памятникъ умершей, если не найдется болѣе достойнаго мѣста (Att. 12, 37; 13, 26; 43). 85) Plut. Cic. 41. Cic. fam 4, 14, 2) 86) Quintil. 6, 3, 75. Dio Cass. 46, 18. Плутархъ передаетъ въ біографіи Цицерона слухъ, что Цицеронъ развелся съ Публиліей за то, что она радовалась смерти Туллія. 87) Нельзя принимать Lentulus за другое cognomen, такъ какъ Лентулы были такой же патриційской вѣтвью Корнеліевъ, какъ и Долабеллы. Ср. Cic fam. 3,7: Ullam Appietatem et Lentulitatem valere apud me plus, quam ornamenta virtutis, existimas? 88) Этому вопросу я имѣлъ честь посвятить одинъ изъ своихъ рефератовъ, читанныхъ мною въ обществѣ. Къ сожалѣнію обстоятельства и прежде всего pietas по отношенію къ дорогому учителю до сихъ поръ не позволяли мнѣ напечатать и предложить вниманію специалистовъ мой взглядъ на этотъ спорный вопросъ. Помимо примѣра Клодія, которому въ концѣ концовъ пришлось прибѣгнуть къ аррогаціи, для меня является рѣшающимъ то обстоятельство, что не только при adoptio, но и при agnatio должна была происходить купля-продажа усыновляемаго, т. е. capitis deminutio, которая тѣмъ болѣе должна была быть связана съ потерей патриціата, если приемный сынъ сейчасъ же подвергнулся emancipatio. Старое же имя могло, правда per abusum, удержаться, такъ какъ новое усыновленный носилъ, вѣроятно, лишь во время совершенія формальностей, т. е. при случаѣ лишь нѣсколько часовъ, тѣмъ болѣе, что фиктивная аррогація или адопція была лишь fiduciaria, т. е. связана съ неперемѣннымъ условіемъ отказа приемнаго отца отъ своихъ отцовскихъ, очень важныхъ и стѣснительныхъ для усыновляемаго правъ. Самый наглядный примѣръ это — П. Клодій, который въ рядѣ своихъ именъ не далъ мѣста имени усыновившаго его плебея. 89) Gai Inst. I, 12, 7: Et tunc, ex edicto praetoris, in hujus (i. e. emancipati) filii vel filiae, nepotis vel neptis bonis, qui, vel quae a parente manumissus, vel manumissa fuerit, eadem iura praestantur parenti, quae tribuuntur patrono in bonis liberti. Paul. in frg. 3 § 1 D. IV, 5 de capite minutis: Emancipato filio et ceteris personis capitis minutio manifesto accidit: cum emancipari nemo possit, nisi in imaginariam servilem causam deductus. 90) Corpus

Inscriptionum Latinarum I 183, № 623. P. Dol(abella). На одной пергамской надписи (ср. Gardthausen: Augustus und seine Zeit II 62, прим. 6; Jahrbuch der Preussischen Kunstsammlungen 9.1885 p. 91, n. 445; теперь, вѣроятно, в Fraenkel: Inschriften von Pergamon): ὁ δῆμος ἐτίμησεν Πόπλιον Κορνῆλιον Δολαβέλλαν τὸν ἀνθύπατον γενόμενον εὐεργέτην τῆς πόλεως. Цицеронъ называетъ своего зятя просто Dolabella, однако Att. 14, 2, 1: Duas a te accepi epistolâs heri. Ex priore theatrum Publicumque cognovi: bona signa consentientis multitudinis. Plausus vero L. Cassio datus etiam facetus mihi quidem visus est. Цицеронъ радуется проявленію въ театрѣ (письмо, вѣроятно, отъ 8 апрѣля 44 г.) народной симпатіи по отношенію къ правому дѣлу, т. е. убійцѣ Цезаря. Однако, привѣтственное хлопанье въ ладоши при появленіи Л. Кассія, не принимавшаго въ заговорѣ брата никакого участія, кажется ему смѣшнымъ. Въ виду этого подѣ Publius можно подразумѣвать Долабеллу, который въ первое время разыгрывалъ роль защитника сената и республиканскаго строя. Впрочемъ нѣкоторые относятъ означенное мѣсто къ мимोगрафу Публилію Сиру, который, вѣроятно, въ своихъ піесахъ дѣлалъ намеки на освобожденіе Рима отъ тирана (Цезаря) Однако этому толкованію противорѣчитъ имя писателя, который назывался Publius. Ср. Schanz: Gesch. d. röm. Lit. I 133 Родъ Публиевъ никогда и не существовалъ. Родственники же второй жены Цицерона Публиліи никакого для насъ замѣтнаго участія въ политикѣ тогда не принимали. Если мало вѣроятно обозначеніе выдающагося человѣка посредствомъ graepomen и cognomen, которое напоминало лишь о прежнемъ рабскомъ положеніи, то еще болѣе страннымъ было-бы фамилярное употребленіе одного graepomen. Скорѣе можно было-бы повѣрить, что Долабелла, прежній зять и тогда еще другъ Цицерона, (Att. 14, 15; 16, 7; fam. 9, 14; 12, 1) въ качествѣ консула оказалъ какую-нибудь поддержку тираноубійцамъ. Все-таки нужно замѣтить, что Цицеронъ нигдѣ больше не называетъ Долабеллы по graepomen. 91) Можетъ быть Sn. произошло изъ выпущеннаго тамъ же generi? 92) Ср. Marquardt-Mau: Privatleben der Römer 15⁵, 7. Моммзенъ Roemische Forschungen I 1—68. 93) Cic. Att. 2, 24, 2. Plut. Cato 1. 94) Gardthausen: ib. 14 q.q. 95) Чего могъ Долабелла ожидать отъ нихъ, можно заключить изъ того, что онъ предпочелъ самоубійство плѣну. 96) Главная сторона денаріевъ

(голова генія римскаго народа) съ *Sp. Lnt. q. cur. den. fl.* относится къ римскому государству. Обратная сторона (скипетръ съ вѣнкомъ, земной шаръ, руль) напоминаютъ собой цезарскія монеты (*Babelon I T. Carisius 315, 4; II Julia, L. Mussidius Longus 31, 58; L. Vusa 22, 37*). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что на глобусѣ отмѣчены не пояса, какъ на цезарскихъ монетахъ (ср. еще *Babelon II Julia, M. Mettius 20, 32*), но суша, какъ на денаріи Фауста (*Babelon I 417, 54 sq.*, ср. еще *Bahrfeldt: Nachtraege und. Berichtigungen 97; Cavdoni: Bull. dell' inst 1839, 156 sqq.*). Если денаріи квестора Лентула выбиты во время и въ честь Цезаря, то пужно думать о цезаріанцѣ, квесторѣ 48 г., Лентулѣ Марцеллианѣ (*Caes. b. c. 3, 62; Oros. 6, 15*). Такимъ образомъ означенные денаріи представляли-бы параллель къ помпеевскимъ монетамъ консуловъ 49 г. *L. Cornelius Lentulus Crus* и *C. Claudius Marcellus* и городскаго квестора *Nerius* (*Babelon I 425 sq., 65—68; 349 sqq., 7—10. II 254, 1—2*). Это кажется наиболѣе вѣроятнымъ. Если же кто-нибудь въ линияхъ (6-ти дугахъ, соединяющихся въ правильный шестиугольникъ) глобуса видитъ указаніе на болѣе раннее время Суллы Фауста, то можно отождествить квестора Гн. Лентула съ тѣмъ, который упоминается у *Cic. p. l. Man. 19, 58*—какъ трибунъ и легатъ.

Н. Н. Харузинъ.

Д. чл. М. Н. Сперанскаго.

(Читано въ засѣданіи Общества 6 мая 1900 г.).

25 марта отъ инфлуэнцы, осложнившейся болѣзнию сердца, скончался въ Москвѣ членъ нашего Общества Николай Николаевичъ Харузинъ. Н. Н. состоялъ членомъ нашего Общества съ 11 ноября 1896 г., въ трудахъ Общества принялъ участіе, напечатавъ свою статью «Къ вопросу объ употребленіи не-календарныхъ именъ въ до-петровской Руси» (читана 12 окт. 1896 г., напечатана въ Сборникъ, II, 150—171). Въ его лицѣ понесло утрату не только наше Общество, но и вся русская наука утратила полезнаго, выдающагося работника. Эта утрата тѣмъ болѣе возбуждаетъ сожалѣнія, что умеръ Н. Н. Харузинъ всего только 34-хъ лѣтъ отъ роду, въ самый разгаръ своей дѣятельности, которая не задолго до смерти стала приобрѣтать въ его трудахъ твердое, ясное и широкое направленіе; а затѣмъ потому утрата эта является для насъ особенно тяжелой, что та область, въ которой работалъ покойный, область науки молодая, которая въ особенности нуждается еще въ Россіи въ поддержкѣ и энергичныхъ работникахъ: Харузинъ работалъ въ области научной этнографіи и этнологіи, положеніе которыхъ въ ряду научныхъ дисциплинъ далеко не можетъ считаться прочно обезпеченнымъ и установленнымъ, научныя средства которыхъ еще нуждаются не только въ разработкѣ, но даже въ простомъ собираніи безконечно почти разнообразнаго матеріала. Въ этой области науки, несомнѣнно, Н. Н. Харузину будетъ принадлежать одно изъ почетныхъ мѣстъ въ числѣ не только крупныхъ работниковъ, но до нѣкоторой степени и основателей строго научныхъ этнографическихъ изученій въ Россіи, несмотря на недолговременную его научную дѣятельность.

Постараюсь, насколько мнѣ позволяютъ время, находящійся въ моемъ распоряженіи матеріалъ и личныя мои отношенія къ покойному, постараюсь охарактеризовать его дѣятельность въ избранной имъ спеціальности. Прежде, однако, коснусь немногихъ біографическихъ данныхъ, до извѣстной степени освѣщающихъ дѣятельность поминаемаго ученаго.

Происходилъ Н. Н. Харузинъ изъ зажиточной, даже, можетъ быть, богатой, купеческой семьи, ведущей, если не ошибаюсь, свое происхожденіе изъ Сибири, семьи образованной, передовой, дружно сплотившейся; семья это обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, насколько можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, одной выдающейся, преобладающей чертой: всѣ члены семьи—братья и сестры Николая Николаевича—отличаются выдающейся энергіей, твердостью въ разѣ намѣченной цѣли, какой то потребностью въ дѣятельности, своего рода піонерскими наклонностями; не говоря уже о выдающихся способностяхъ въ дѣлѣ: такъ, ранѣе и также безвременно умершій братъ Николая Николаевича—Михайлъ успѣлъ уже заявить себя, какъ выдающійся путешественникъ—исслѣдователь нашихъ восточныхъ окраинъ европейскихъ и средне-азиатскихъ¹⁾; его другой братъ, Алексѣй, работающій теперь преимущественно въ административной области, началъ свою дѣятельность въ области этнографіи и антропологіи капитальнымъ сочиненіемъ о Киргизахъ Букеевской орды, изученныхъ имъ на мѣстѣ²⁾; наконецъ, сестра Николая Ник., Вѣра Николаевна, извѣстна также, не только какъ писательница нѣсколькихъ дѣтскихъ книгъ, но и какъ авторъ этнографическихъ очерковъ по нашему сѣверу, какъ энергичная путешественница и собирательница этнографическихъ и бібліографическихъ матеріаловъ³⁾. Эти же семейныя черты, повидимому, передались и покойному этнографу: всю жизнь, насколько она мнѣ извѣстна, его отличаетъ этотъ духъ предприимчивости, стремительности, потребности въ дѣятельности: дѣло само по себѣ, какъ будто независимо отъ отношеній его къ избранной спеціальности, увлекаетъ Н. Н., онъ не только съ легкостью предпринимаетъ отдаленныя трудныя поѣздки въ Барабинскую степь, выѣстѣ съ энѣр-

¹⁾ См. Труды этногр. отд. О. Л. Е., кн. IX.

²⁾ Труды Антроп. отд., X (М. 1890); также Тр. О. Л. Е., 61, вып. 1—2.

³⁾ Этногр. Обзор., XX, XXI.

гичной своей сестрой, не только объѣзжаетъ съ ней же при самыхъ первобытныхъ средствахъ передвиженія нашъ сѣверъ, но также энергично и настойчиво роется въ архивныхъ столбцахъ, къ которымъ онъ, по собственному признаю, испытывалъ чуть не отвращеніе, самоотверженно хлопочеть объ организаціи правильнаго изученія этого архивнаго дѣла въ Москвѣ въ ученomъ обществѣ. Таже семейная черта видна въ немъ и въ частности: онъ, подобно своимъ братьямъ и сестрѣ, явно, съ самаго начала является этнографомъ въ душѣ; только эта его любовь къ этнографіи гораздо полнѣе охватываетъ все его существо, дѣлаясь главной цѣлью его жизни: онъ всю жизнь и дѣятельность направляетъ къ созданію положенія этнографической наукѣ, энергично пропагандируя ее, съ увлеченіемъ вербуя въ ряды этнографовъ всѣхъ, кто мало-мальски кажется способнымъ быть полезнымъ его любимому дѣтищу. Эта его любовь къ этнографіи объясняетъ намъ тѣсную его связь съ Этнограф. Отдѣломъ О. Л. Е. А. и Э., гдѣ онъ вмѣстѣ съ предсѣдателемъ В. О. Миллеромъ является душой кружка московскихъ этнографовъ. Всѣ постороннія занятія, за которыя ему приходилось браться, всѣ они должны были въ концѣ концовъ привести къ одному: прочному установленію этнографіи, какъ науки. Это ему до извѣстной степени и удается, но только—до извѣстной степени: только что началъ онъ подъ собой чувствовать почву, только что началъ готовиться къ тому, чтобы воспользоваться трудами прежнихъ лѣтъ, строить и отчасти осуществлять планы научной этнографіи, какъ пришлось не только *contrahere vela*, по и поплатиться жизнью: смерть Н. Н. Харузина — результатъ болѣзни сердца, вызванной страшнымъ нервнымъ переутомленіемъ, какъ показало медицинское вскрытіе. Но нельзя, при всемъ этомъ, сказать, чтобы намѣченная Харузинымъ цѣль его жизни далась ему, хотя бы въ такомъ неполномъ видѣ, легко: нельзя сказать, чтобы на пути въ жизни не встрѣтилъ онъ затрудненій: наоборотъ, постоянно его преслѣдуютъ неудачи, являются препятствія, и только горячая любовь къ наукѣ, имъ избранной, несокрушимая энергія и настойчивость, съ которыми онъ шелъ къ цѣли, могли привести къ тѣмъ результатамъ, которыхъ онъ почти достигъ, подчасъ рѣзко, не жалѣя себя, преодолевая препятствія и создавая почву для этнографіи въ обществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько нужно было энергіи, твердости, чтобы добиться признанія

обществомъ науки, которую не такъ давно не считали, даже иногда и теперь еще не считаютъ наукой? Если у насъ есть отдѣльныя науки: исторія, математика, археологія, филологія и т. д., которыя даютъ человѣку и положеніе въ обществѣ, отчасти также матеріальныя средства, и сами пользуются поддержкой этого общества, будучи представлены университетскими кафедами, учеными спеціальными обществами, то этнографія не такъ давно не имѣла почти ни одного изъ этихъ преимуществъ, да и теперь еще не всегда ихъ имѣетъ: человѣкъ, занимающійся этнографіей, можетъ заниматься ею только при другой спеціальности, чуть ли не какъ любитель. Изъ этого-то положенія и стремился Харузинъ вывести этнографію, доказывая ея права на существованіе наравнѣ со старшими науками; работаетъ онъ и надъ матеріальнымъ обезпеченіемъ этнографа; самъ подчасъ нуждаясь въ этихъ средствахъ. Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, путь, который пришлось проложить себѣ Н. Н. Харузину.

Начавши свое высшее образованіе въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету, Н. Н. кончилъ его въ Юрьевскомъ. Уже въ университетѣ Н. Н. рѣшилъ стать этнографомъ, уже тогда началъ онъ стремиться къ своей цѣли, составляя вмѣстѣ съ братомъ М. Н. программу для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ¹⁾; эти занятія, повидимому, были причиной того, что онъ затынулъ свои экзамены и сдалъ ихъ только въ Юрьевѣ, гдѣ помогъ ему устроиться его братъ Алексѣй, жившій въ то время въ Ревелѣ. Желая остаться этнографомъ, Н. Н. самоотверженно отказался отъ предложенія одного изъ профессоровъ Московскаго университета остаться при университетѣ для приготовленія къ кафедрѣ по международному праву, если не ошибаюсь, и тотчасъ же, пользуясь небольшими своими средствами, всецѣло отдался работамъ въ Этнографич. Отдѣлѣ О. Л. Естеств. Антроп. и Этногр., гдѣ становится редакторомъ «Сборника свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи» (1890—91 г., три выпуска) Въ то же время онъ разрабатываетъ матеріалы, собранныя имъ вмѣстѣ съ В. О. Миллеромъ на Кавказѣ въ 1886 г., результатомъ чего являются его статьи въ Вѣстникѣ Европы (1888,

¹⁾ Извѣстія О. Л. Е. А. Э., XLVIII, 2 (1888); иначе: Труды этногр. отдѣла, VIII.

№ 5, 6): «Но горамъ сѣвернаго Кавказа», и въ «Сборникѣ матеріаловъ по этнографіи при Дашковскомъ музеѣ»—«Замѣтки о юрилическомъ бытѣ Чеченцевъ Ингушей (III). Въ слѣдующемъ 1889 году онъ получаетъ отъ Общества Естествознанія командировку на сѣверъ, совершаетъ вмѣстѣ сестрою трудное путешествіе для изученія быта Лопарей въ Пудожскомъ и Кольскомъ уѣздахъ. Результатомъ этихъ изслѣдованій были чтенія Н. Н. Харузина въ Этногр. Отдѣлѣ: «О Лопарской бывальщинѣ и пѣснѣ», «Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда», «О двухъ типахъ Лопарей» и др., а затѣмъ—и главная работа, объемистый томъ in 4°, на 500 почти страницахъ—«Русскіе лопари—Очерки прошлаго и современнаго быта» (М. 1890 г. въ Трудахъ этногр. отд., X). Въ этой обширной работѣ авторъ, установивъ разницу этнографическаго типа Лопарей скандинавскихъ и русскихъ (которые до сихъ поръ смѣшивались), даетъ обстоятельную исторію этого малокультурнаго племени, излагая параллельно исторію колонизаціи этого края русскими и распространенія христіанства среди Лопарей. Главная же часть труда, какъ видно уже изъ его заглавія, посвящена русскимъ Лопарямъ. Не излагая содержанія этой работы подробно, укажу хотя бы на тѣ главы, изъ которыхъ она сложилась; этотъ перечень достаточно ясно покажетъ широту и всесторонность изслѣдованія, а также его преимущественно описательный характеръ. Главы эти слѣдующія: 1) Очеркъ виѣшняго и матеріальнаго быта Лопарей, 2) О древней религіи и слѣдахъ древнихъ вѣрованій среди современныхъ русскихъ Лопарей, 3) Очеркъ семейнаго и общественнаго быта (здѣсь—подробно о родовомъ устройствѣ, слѣды котораго еще ясны у Лопарей), 4) О народномъ творчествѣ у Лопарей. Къ изслѣдованію приложенъ рядъ рисунковъ и текстовъ, освѣщающихъ бытъ, исторію (акты XVII в.) и поэзію (сказки) лопарей, подробная географич. карта. Трудъ этотъ, напечатанный на средства автора, доставилъ Харузину званіе дѣйствительнаго члена Общ. Люб. Естеств., Атроп. и Этногр.. Съ этихъ поръ работы Н. Н. и его мечты еще тѣснѣе связываются съ Этнографич. Отдѣломъ, хотя и не дастъ ему прочнаго оффиціальнаго положенія, далеко не лишняго въ силу условій, мною приведенныхъ выше.

Когда по мысли членовъ Этнографич. Отдѣла возникаетъ (1889 г.) извѣстный журналъ—«Этнографическое Обозрѣніе»,

Н. Н. Харузинъ сразу становится однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его сотрудниковъ, усердно распространяетъ этотъ журналъ, не щадя даже своихъ матеріальныхъ средствъ, въ которыхъ сильно нуждалось первое время, да и теперь нуждается «Этнографическое Обзорѣніе», стремится привлечь къ этому журналу рабочія силы. Прежде всего онъ самъ подаетъ примѣръ: въ 1-й же кн. «Этн. Об.» находимъ его статью — «О пойдахъ (колдунахъ) у древнихъ и современныхъ Лопарей», очевидно, стоящую въ связи съ главной его работой объ этомъ племени. Когда, черезъ два года (1891), выяснилось, что журналъ, становящійся все болѣе и болѣе любимымъ органомъ Н. Н. Харузина, получаетъ прочность, способность развиваться, Н. Н.; по просьбѣ Отдѣла, принимаетъ на себя трудъ второго секретаря Отдѣла, а вмѣстѣ и второго редактора «Этногр. Обзорѣнія»: онъ ведетъ второй отдѣлъ журнала — библиографію этнографіи — руководя копотливой, требующей много терпѣнія и многихъ сотрудниковъ выборкой этнографическаго матеріала изъ газетъ, преимущественно провинціальныхъ, журналовъ, отдѣльныхъ работъ по инымъ специальностямъ. Вмѣстѣ съ этимъ чуть не въ каждой книжкѣ «Этногр. обзор.» мы встречаемъ краткіе и обширные отчеты самого редактора о новыхъ явленіяхъ въ научной этнографіи¹⁾; отчеты отличаются своей точностью, дѣловитостью.

Здѣсь же Харузинъ начинаетъ печатаніе и новыхъ своихъ трудовъ по этнографіи. Его интересуютъ послѣднее время два главныхъ вопроса: объ исторіи и развитіи человѣческаго ждлица и вопросъ о происхожденіи общества въ связи съ исторіей семьи, и экономическими условіями быта. Этимъ двумъ темамъ посвящены послѣднія изъ вышедшихъ крупныхъ работъ покойнаго этнографа. Слѣдуя современному взгляду на методъ изученія исторіи, въ частности принимая во вниманіе законъ о переживаніи старины, все болѣе и болѣе выдвигающій изученіе мало-культурныхъ народностей сравнительно съ бытомъ культурныхъ народовъ, Н. Н. Харузинъ исходитъ изъ аналогичныхъ работъ западныхъ ученыхъ

¹⁾ Эти сообщенія подписываются большею частью только инициалами Н. Х., часто — и вовсе безъ подписи.

этнографовъ, излагаетъ ихъ, но постоянно дополняетъ параллелями изъ этнографическихъ русскихъ матеріаловъ, вполне увѣренный въ томъ, что и въ предѣлахъ Россіи съ ея пестрымъ по культурѣ и некультурности населеніемъ всегда найдется, иногда даже въ болѣе отчетливой формѣ, матеріалъ для исторіи первобытнаго человѣчества, матеріалъ, который западные ученые должны собирать у отдаленныхъ дикарей по извѣстіямъ старыхъ и новыхъ путешественниковъ. Располагая такъ свои работы, Харузинъ достигалъ своихъ цѣлей: знакомилъ русскую публику съ результатами западной этнографической науки, въ то же время раздвигалъ рамки изслѣдованія этой науки, вводя русскіе матеріалы, наконецъ, рѣшалъ при помощи западной науки вопросы по русской этнографіи. Къ такимъ работамъ Н. Н. относятся: «Очеркъ развитія жилища у Финновъ» (Э. О. XXIV, XXV), гдѣ авторъ, исходя изъ капитальной работы финскаго ученаго Axel'я Heikel'я (*Die Gebäude der Samen, Mordwinen, Esten u. Finnen*), устанавливаетъ такія градаціи въ развитіи жилища: шалашъ и шалашевидныя хозяйственныя и жилия постройки у Финновъ и другихъ народовъ должны быть признаны первоначальнымъ, древнѣйшимъ типомъ человѣческаго жилья; за ними слѣдуютъ по степени развитія—землянка; срубъ же первобытный, плохо пригнанный, неправильной формы является только третьей ступеню. Подобную же тѣму видимъ и въ другомъ сочиненіи: «Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ народностей тюркскихъ и монгольскихъ» (Э. О. XXVIII, XXIX). Выводы изслѣдованія въ этой работѣ до извѣстной степени аналогичны, какъ и слѣдовало ожидать, съ выводами перваго труда: конусообразный шалашъ, покрываемый вѣтвями, шкурами, берестой или кошмой,—исходный типъ для болѣе усовершенствованнаго жилища: войлочной круглой рѣшетчатой переносной юрты, какъ наиболѣе согласной съ жизнью въ степи; отсюда же путемъ замѣны жердей досками, досокъ бревнами получается четырехъ-угольный типъ; онъ, или плетневый или досчатый, переходитъ въ срубъ. Отъ землянки, при развитіи ея части надъ землей, также—переходъ къ срубъ. Первоначальный срубъ—эмбрионъ избы, сперва только съ дымовымъ отверстіемъ (курная изба), а потомъ съ окнами. Аксессуары избы всѣ возводятся къ первобытнымъ аксессуарамъ шалаша черезъ землянку, юрту и срубъ. Надворныя

постройки идутъ тѣмъ же путемъ въ своемъ развитіи. Повидимому, Н. Н. Харузинъ не думалъ остановиться на изученіи типовъ жилищъ только у инородцевъ Россіи: со временемъ онъ надѣялся перейти и къ русскимъ жилищамъ; это можно было заключать изъ его разговоровъ лично со мной, изъ его постоянныхъ порученій, дававшихся мнѣ во время моихъ поѣздокъ; напр., воспользовавшись моимъ пребываніемъ въ Курской губ., онъ заставилъ меня собрать матеріалъ по великорусскимъ жилищамъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ мнѣ пришлось быть, поручивъ сдѣлать описанія, фотографіи, обмѣры по данной мнѣ имъ программѣ¹⁾. Второй вопросъ — о развитіи человѣческой общины — Н. Н. группировалъ около вопроса о происхожденіи семьи. Въ видѣ подготовки, согласно своему плану, мною только-что приведенному, онъ даетъ рядъ статей, подъ заглавіемъ: «Изъ западно-европейской этнографической литературы» (Э. О., XXIV, XXVI, XXVII, XXXI, XL—XLI), гдѣ, излагая сжато, иногда подвергая критикѣ, выдающіяся работы Гроссе, Летурно, Муке, Гильдебрандта и др., онъ знакомитъ съ положеніемъ вопроса на западѣ: «О зачаткахъ искусства у малокультурныхъ народовъ», «Новые матеріалы для изученія развитія семьи» (двѣ статьи), «Соотношеніе хозяйственныхъ формъ быта съ характеромъ семейно-родовыхъ отношеній», «Государственный строй древняго Перу». Эти подготовительныя работы, расширенныя привлеченіемъ русскаго этнографическаго матеріала, обобщены въ отдѣльной популярно-научной работѣ: «Очерки первобытнаго права; I. Семья и родъ». (М. 1898)²⁾. Позволю себѣ привести выводы автора: изложивши исторію вопроса о семьѣ и родѣ въ области этнологіи (Бахофенъ, Мэнъ, Макленанъ, Спенсеръ, Тэйлоръ, Ковалевскій), авторъ присоединяется къ новой теоріи, считая семью уже не первобытной формой человѣческаго общества, а позднѣйшей; эмбриономъ ея онъ считаетъ, на основаніи Штарка, Вестермарка, Гильдебрандта, Гроссе и др., родственную «группу» и «большую семью»; за ними слѣдуетъ агнатическій родъ со своими предшественниками: матриархатомъ и беспорядочнымъ сожитель-

¹⁾ Эти матеріалы, вѣроятно, найдутся въ бумагахъ Н. Н.

²⁾ № 14 серіи «Вопросовъ науки, искусства, литературы и жизни», выходящей въ Москвѣ.

ствомъ. Привлекая сюда по обыкновенію русскій этнографич. матеріаль, изслѣдователь приходитъ къ выводу, что въ предѣлахъ Россіи, въ частности въ русскомъ племени, можно услѣдить въ видѣ переживанія старины всѣ градаціи развитія •
человѣческаго общества, начиная съ «большой семьи».

Одновременно съ этими занятіями энергичный Н. Н. занятъ и другими второстепенными работами. Поступивъ на службу въ архивъ Мин. Юстиціи, онъ собираетъ матеріалы для своей науки и изъ пыльныхъ свитковъ архива: изъ этого матеріала имъ изданъ любопытный документъ по столбцамъ Новгородскаго стола разряда, касающійся мѣропріятій царя Алексѣя Михайловича противъ скомороховъ, медвѣжатниковъ, плясокъ, раженья и другихъ остатковъ полуязыческой старины¹⁾ и служащій дополненіемъ къ извѣстнымъ «памятямъ» Бутурлину (въ Бѣлгородъ) и грамотѣ Всеволожскаго (Верхотурье).²⁾ Въ связи съ этими архивными занятіями, обрацаемыми на пользу этнографіи, стоятъ его «Нѣсколько словъ къ вопросу о некалендарныхъ именахъ наряду съ церковными» (Э. О., XIX, 1893), дальнѣйшимъ развитіемъ которыхъ и служить статья напечатанная имъ въ нашемъ Сборникѣ (II): «Къ вопросу объ употребленіи не календарныхъ именъ въ до—петровской Руси».

Покинувши занятія въ архивѣ, Н. Н. переходитъ на службу въ Московскій Историческій Музей, гдѣ занимаетъ мѣсто сверхъ-штатнаго хранителя коллекцій. Близкое знакомство съ памятниками археологіи, которой онъ интересовался и раньше, немедленно отражается на его работахъ: мы видимъ рядъ статей историческаго и археологическаго характера, которыя онъ помѣщаетъ въ археологическихъ изданіяхъ: «Къ исторіи г. Герцке въ Ливоніи», «Движеніе къ изученію Россіи среди французскихъ археологовъ», «О древностяхъ Томскаго Музея»³⁾ (отчасти ради послѣдней статьи авторомъ предпринято было путешествіе въ Сибирь); «О нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по исторіи Кокенхузена»⁴⁾—построена на матеріалахъ арх. Мин. Юстиціи;

¹⁾ «Къ вопросу о борьбѣ Московскаго правительства съ народными языческими обрядами и суевѣріями въ половинѣ XVII в.». Э. О. XXXII.

²⁾ См. Сахаровъ, Сказанія русск. нар., II; Пыпинъ, Ист. рус. лит., III, 22 (Акты Истор., IV, № 35).

³⁾ Археологич. изв. и зам. 1895 г., № 2—3, 7—8, 9—10.

⁴⁾ Тамъ же, 1896, № 5—6.

«Матеріалы для изученія древностей Эстляндской губ.»—статья составлена вмѣстѣ братомъ А. Н.¹⁾ и ин. др. Когда при Моск. Арх. Обществѣ созидается Археографическая комиссія, то и здѣсь Харузинъ является дѣятельнымъ работникомъ даже въ дѣлѣ ея основанія. Но всегда и вездѣ, чѣмъ бы ни занимался Н. Н.: производилъ ли раскопки, рылся ли въ архивѣ, вездѣ онъ былъ этнографомъ, вездѣ старался пропагандировать свою излюбленную специальность, добивался ея признанія. Такъ, его усиліями и энергіей введена была, послѣ продолжительныхъ, страстныхъ дебатовъ, въ качествѣ *отдѣльной* науки (а не только «темы») этнографія въ общеобразовательныя программы «Комиссіи по организаціи домашняго чтенія»: программъ²⁾ по этнографіи составлены главнымъ образомъ Харузинымъ; въ первой программѣ этнографія отнесена къ отдѣлу «темъ», въ остальныхъ—уже къ отдѣлу «отдѣльныхъ наукъ». Закачивая краткій обзоръ литературно-научной дѣятельности Н. Н. Харузина, остается упомянуть, что помимо перечисленныхъ мною, конечно, немногихъ работъ изъ числа всѣхъ имъ напечатанныхъ, онъ печаталъ въ «Русской Мысли», «Вѣстникѣ Европы» чешскомъ «Věstník v slov. Starožitnosti» и др. журналахъ³⁾. Эти труды дали ему выдающееся мѣсто среди современныхъ ученыхъ; а основная ихъ мысль—этнографическое направленіе,—несомнѣнно, отводятъ Харузину почетное мѣсто въ ряду дѣятелей этой молодой науки, правъ для которой въ обществѣ и научныхъ учрежденіяхъ онъ страстно, энергично домогался всю свою веделю жизнь.

Выдающаяся энергія, наконецъ, начала приносить результаты: при содѣйствіи своего учителя проф. В. Θ. Миллера онъ добился утвержденія въ качествѣ приватъ-доцента по этнографіи (эта наука допущена уставомъ 1885 г., но ни въ одномъ университетѣ не имѣла представителя) въ Московскомъ у-ѣ, гдѣ Н. Н., какъ юристъ по образованію, вводитъ въ этнографическіе курсы широкіе вопросы изъ области обычнаго права, давая т. о. опредѣленную окраску главной задачѣ этнографіи.

¹⁾ Труды Москов. предв. ком. къ Рижскому археолог. Съѣзду. I, (1895), 54—70.

²⁾ Программы: I, 176; II, 309; III, 287; IV, 405.

³⁾ Въ Сборникѣ въ честь В. Θ. Миллера (М. 1900) его статья: „Знамена у Мордвы въ XVI и XVII в.в.“; это—последній, изданный при жизни трудъ Н. Н. Харузина.

Одновременно съ этимъ Н. Н. началъ безвозмездно читать этнографію на специальномъ курсѣ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ; а раньше этого онъ, какъ энергичный и преданный работникъ и ученый, по просьбѣ Отдѣла этнографіи, сталъ товарищемъ его предсѣдателя. За этимъ успѣхомъ слѣдуетъ другой, результаты котораго должны были быть еще значительнѣе и глубже: съ перваго апрѣля настоящаго года Н. Н. получилъ отъ министерства заграничную командировку для изученія постановки каѳедры этнографіи въ заграничныхъ университетахъ, для изученія этнографическихъ музеевъ и т. д. Все это должно было окончательно упрочить положеніе науки—этнографіи, признанія которой обществомъ и правительствомъ теперь добился Харузинъ. Но эти мечты остались мечтами: 25 марта его не стало.....

Когда окинешь взглядомъ жизнь подобнаго ученаго и общественнаго дѣятеля, припомнишь его энергичный характеръ, страстное служеніе идеѣ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминаешь тѣ молодые годы, въ какихъ застала его смерть, и тѣ неудачи, съ которыми человекъ боролся всю жизнь, наконецъ, ту обидную иронію судьбы, не пощадившей человека, уже протянувшего руку, чтобы овладѣть предметомъ стремленій,—когда вспомнишь Н. Н. Харузина, то невольно припоминаешь, примѣняешь и къ нему стихотвореніе, которымъ еще въ 1863 г. проводилъ въ могилу другого молодаго неудачника А. Н. Плещеевъ¹⁾:

Что годъ, то новая утрата,—
И гибнуть силы безъ конца!
Еще межъ нами нѣтъ собрата,
За правду честнаго бойца!
Подумать страшно, сколько мы
Не досчитались въ эти годы!
Ихъ всѣхъ, враговъ отважныхъ тьмы,
Сломили раннія невзгоды.
И вотъ надъ свѣжею могилой
Насъ дума тяжкая гнететь...
Ужели та же участь ждетъ
Всѣ возникающія силы?

¹⁾ На смерть Н. Г. Помяловскаго, 1863.

Взгляд Ломана на педагогику: есть ли педагогика наука?*)

Д. чл. А. В. Добіаиш.

Въ послѣднее время все громче и рѣшительнѣе высказывается мысль, что педагогика должна сдѣлаться *наукою*, то есть, что воспитаніе и обученіе должно быть опредѣлено какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ цѣлымъ рядомъ правилъ, которыя опирались бы на чисто научное познаніе. Подъ научнымъ познаніемъ разумѣютъ въ данномъ случаѣ систему на подобіе философскихъ; мечтаютъ даже о системѣ естествоиспытательныхъ наукъ.

Мысль о педагогикѣ, какъ *наукѣ*, въ прежнія времена была незнакома. Ту педагогику, основателемъ которой является Песталоцци, можно назвать методичною, но наукою не называлъ ее самъ Песталоцци. Гербартъ первый говоритъ о своей «Allgemeine Paedagogik», что это—опытъ построенія педагогики, какъ *науки*, именно въ смыслѣ *философской* системы. Послѣ Гербарта мысль о педагогикѣ, какъ наукѣ, была заброшена и лишь теперь не только снова ожила, но чуть ли не всецѣло заняла умы какъ специалистовъ, такъ и болѣе широкихъ круговъ общества.

Слова нѣтъ, что эта мысль имѣетъ въ себѣ много привлекательнаго. Увлекающіеся ею чуть ли не съ пренебреженіемъ смотрятъ на тѣхъ педагоговъ, которые говорятъ, что воспитаніе есть дѣло практическое, а потому воспитывать только и можно и слѣдуетъ практически, не связывая себя никакими теоріями. «Вы»—разсуждаютъ защитники научной педагогики—«полагаетесь каждый на свою личную опытность, на свое чутье, на воспитательскій, такъ сказать, инстинктъ, а

*) См. Zeitschrift für das Gymnasialwesen 1899, 12.

между тѣмъ этого инстинкта очень часто даже въ самой слабой степени не бываетъ у того, кого судьба сдѣлала педагогомъ». «Конечно»,—продолжаютъ защитники научной педагогики,—«и старое время дало намъ выдающихся педагоговъ въ лицѣ, положимъ, Локка, Руссо и др., которые въ своихъ педагогическихъ разсужденіяхъ въ концѣ концовъ тоже основывались лишь на личной опытности и на томъ міровоззрѣніи, которое каждый изъ нихъ создалъ себѣ самъ, или создало ему его время. Но міровоззрѣніе есть нѣчто мѣняющееся, тогда какъ природа воспитываемаго, по крайней мѣрѣ въ ея общихъ чертахъ, остается всегда одною и тою же, а что касается опытности, то она опять таки является чѣмъ то чисто индивидуальнымъ, тогда какъ наука имѣетъ общеобязательное значеніе. Во всякомъ случаѣ, не каждому дано быть Локкомъ, Руссо, а потому, если мы хотимъ оградить воспитаніе отъ произвола и случайностей, то единственнымъ средствомъ для этого остается основать воспитаніе на *научномъ* познаніи».

Спрашивается: Чтò это должно быть за научное познаніе, на которое могъ бы опереться воспитатель? Какія области оно должно обнять, какія—затронуть? Все, что должна имѣть въ виду всякая педагогическая теорія, если бы пришлось ее построить, равно какъ и всякая педагогическая практика, заключается въ двухъ вопросахъ,—въ вопросѣ о цѣли и въ вопросѣ о средствахъ воспитанія. Цѣлью воспитанія должно быть нравственное самосознаніе воспитываемаго. Воспитанный человѣкъ долженъ знать, что это—хорошо, а то—нехорошо, это—прекрасно, а то—позорно, это—правильно, а то—неправильно, это—честно, а то—нечестно, и долженъ не только знать, но имѣть и волю избѣгать одного и дѣлать другое. Обосновать *научно*, обосновать *спекулятивно* такое нравственное самосознаніе составляетъ задачу *этики*. Что же касается *средствъ* воспитанія, то они находятся въ зависимости отъ природныхъ качествъ воспитываемаго, отъ природныхъ качествъ воспитывающаго, отъ взаимныхъ отношеній между воспитывающимъ и воспитываемымъ, другими словами,—средства воспитанія опредѣляются способами душевныхъ воздѣйствій и взаимовоздѣйствій. Изслѣдовать такія воздѣйствія и установить въ нихъ законы составляетъ задачу *психологіи*. Такимъ образомъ, научная этика и научная психологія—вотъ что должно лечь въ основаніе научной педагогики. Одна изъ этихъ наукъ должна

дать руководящія *начала* для научной педагогикѣ и должна установить ея главныя *рамки*, а другая должна *подчиниться* первой и въ *научной* педагогикѣ должна сыграть роль *вспомогательной* науки; естественнымъ представляется тотъ порядокъ вещей, по которому руководящую и господствующую роль въ научной педагогикѣ принимаетъ на себя *этика*: ибо въ какомъ угодно дѣлѣ на *первомъ* планѣ неизбежно должна быть поставлена *цѣль*, которой мы добиваемся, а уже второе мѣсто занимаетъ вопросъ, какими *средствами* мы можемъ достигнуть этой цѣли. То обстоятельство, что психологія должна занять въ научной педагогикѣ лишь второстепенное мѣсто, само собою разумѣется, не освобождало бы ученаго педагога, если таковой возможенъ, отъ необходимости знакомиться вширь и вглубь со *всею* областью не только того, что уже окончательно установлено, но также и того, что еще не получило окончательнаго вида въ научной психологіи, чтобы быть въ состояніи сдѣлать надлежащій выборъ для своей непосредственной задачи.

Итакъ, будемъ помнить: дѣло идетъ объ *этикѣ* какъ *науку*, о психологіи какъ *науку*, а не о какой-нибудь опытности въ умѣннѣи подмѣтить и опредѣлить тотъ или иной душевный процессъ и не о какихъ-нибудь личныхъ, хотя бы и общепринятыхъ, воззрѣніяхъ на нравственность. Что безъ такой психологической опытности и безъ такой практической *этики* *никакое* воспитаніе не мыслимо, объ этомъ, конечно, разсуждать нечего. Известную твердость въ представленіяхъ объ истинномъ добрѣ и о цѣлесообразности тѣхъ или иныхъ человѣческихъ стремленій долженъ проявлять всякій воспитатель какъ въ своей жизни; такъ и въ своихъ бесѣдахъ съ воспитываемымъ, иначе куда же поведетъ онъ своего питомца? Точно также трудно себѣ представить дѣятеля-педагога, у котораго не было бы цѣлаго запаса психологическихъ наблюденій, произведенныхъ какъ надъ самимъ собою, такъ и надъ другими, чтобы ими же воспользоваться при сношеніяхъ съ воспитываемымъ. Но *представленія* о нравственности и психологическая, хотя бы и самая широкая, опытность далеко еще не могутъ быть названы наукою, а педагогика, основывающаяся на нихъ, далеко еще не можетъ быть названа наукою. Науку характеризуютъ основныя понятія и методъ, и обосновать педагогикую *научно* значитъ выводить ее методически

изъ выясненныхъ *научно* же основныхъ понятій, которыя даютъ ей этика и психологія.

Имѣется ли у насъ возможность построить педагогику научно на этикѣ? Эта возможность является крайне сомнительною прежде всего въ виду того, что самую этику, какъ она въ настоящее время выяснилась или, вѣрнѣе, не выяснилась, нельзя назвать наукою въ томъ смыслѣ, въ какомъ для нашихъ цѣлей только и можно говорить о наукѣ: въ ея основныхъ понятіяхъ, въ ея дѣленіяхъ, въ ея выводахъ, въ ея вопросахъ нѣтъ той ясности и той логической необходимости, которая является *condicio sine qua non* для истинно-научнаго познанія. Существуетъ много *системъ* нравственности у разныхъ философовъ, но ни одна изъ нихъ не представляетъ даже въ главныхъ своихъ очертаніяхъ чего нибудь неоспоримаго. *Твердой* „науки“ нравственности у насъ нѣтъ.

Правда, есть цѣлый рядъ понятій нравственности, которыя, благодаря въ особенности вліянію христіанства, въ продолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій успѣли вкорениться въ сознаніе культурнаго человѣчества и получили значеніе непоколебимыхъ, причемъ, конечно, почвою для этой непоколебимости является скорѣе чувство, чѣмъ научное познаніе. Эти то непоколебимыя понятія нравственности и *получаютъ* надлежащее выраженіе почти во всѣхъ, какъ богословскихъ, такъ и философскихъ этическихъ системахъ, но они, отчасти, слишкомъ спеціальны, относясь къ одной лишь волѣ,—такова, на примѣръ, заповѣдь прощать врагамъ,—отчасти же слишкомъ формальны, какъ, на примѣръ, идея блага, этотъ центральный пунктъ всякой этики. Къ сожалѣнію, эти общепринятые понятія, черезъ какую бы систему они ни были освѣщаемы, неспособны выручить педагогику иногда въ самыхъ серьезныхъ педагогическихъ вопросахъ; эти общепринятые понятія покидаютъ педагога, когда ему приходится дѣлать выборъ между двумя, иногда совершенно противоположными и притомъ крупными задачами воспитанія. Какъ, на примѣръ, рѣшить на почвѣ *этическихъ* началъ, по какой угодно системѣ, слѣдуетъ ли воспитывать патріотизмъ, или космополитизмъ, слѣдуетъ ли вести воспитанника къ универсальности, или дать окрѣпить его силамъ на чемъ нибудь одностороннемъ, слѣдуетъ ли предпочитать такъ называемое классическое образованіе реальному и т. д? А разъ это такъ, разъ этика не можетъ выручить

педагога при рѣшеніи, такъ сказать, самыхъ животрепещущихъ вопросовъ, то какое особенное значеніе можетъ имѣть для него хотя бы самая строгая этическая система? Но этическія системы не только часто покидаютъ педагога при рѣшеніи вопроса, куда ему идти; онѣ оставляютъ его совершенно безъ помощи и въ выработкѣ метода воспитанія, тогда какъ *именно* въ воспитаніи требуется *прежде всего* живой методъ. Въ виду всего этого не плодотворнѣе ли, не лучше ли для педагога оставить пока всякое попеченіе объ этикѣ, какъ *науку*, и держаться въ своемъ дѣлѣ тѣхъ общепринятыхъ нравственныхъ началъ, какія выработала сама жизнь?

Цѣль воспитанія, стало быть опять таки *этическая* точка зрѣнія, была для самого Гербарта чѣмъ то, на чемъ онъ хотѣлъ построить не болѣе не менѣе какъ то, чего мы ищемъ, и что послѣ выясненія теперешняго положенія этики является столь сомнительнымъ, т. е. *науку* о воспитаніи. Едва ли можно оспаривать, что съ этической точки зрѣнія Allgemeine Paedagogik Гербарта представляетъ собою самый капитальный трудъ, какой дало намъ наше столь богатое педагогическою литературою и столь бѣдное педагогическими идеалами столѣтіе. Если горячая любовь къ молодежи и умѣнье проникнуть въ ея душу и понять ее; если радость надъ нравственнымъ ростомъ и вообще успѣхомъ воспитываемаго; если глубокая и тонкая чуткость къ тому, что способно поддержать этотъ ростъ и успѣхъ; если умѣнье на почвѣ моральной а не черезъ потаканіе скрѣпить личную связь съ воспитываемымъ,—если все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ человѣка воспитателемъ, то Гербартъ несомнѣнно *былъ* имъ. Гербартъ занимался воспитательствомъ не долго: всего три года. Но въ эти три года онъ успѣлъ, какъ это видно изъ его сочиненій, набраться столько воспитательской мудрости, и все у него изложено такъ тепло и съ такимъ чувствомъ убѣжденія, что невольно припоминаешь слова Шопенгауера: гений не нуждается въ продолжительномъ опытѣ. Эту теплоту и убѣжденность только лишь на половину слѣдуетъ приписывать личной натурѣ Гербарта; всею другою половиною она объясняется тѣмъ идеаломъ, которымъ Гербартъ былъ проникнуть по вопросу о *цѣли* воспитанія. «Уравновѣшенная всесторонность интереса и нравственная сила характера» = gleichschwebende Vielseitigkeit и Charakterstärke der Sittlichkeit—вотъ какими словами Гербартъ

опредѣляетъ тотъ идеаль, достигнутъ котораго онъ стремится у своего ученика. Спрашивается: есть ли это опредѣленіе цѣли воспитанія нѣчто, обоснованное этикою, какъ *наукою*? Нѣтъ. Это—*именно* идеаль, до котораго Гербартъ поднялся на почвѣ чисто интуитивной,—идеаль, который еще разъ оправдываетъ собою великое изреченіе, что начало истины есть благородное чувство. Лучше этого идеала, по вопросу о цѣли воспитанія мы не найдемъ; въ немъ слито воедино то, что мы такъ любимъ *различать*, отдѣляя отъ «воспитанія» «обученіе», придавая слову «воспитаніе» слишкомъ узкій смыслъ и забывая часто о «воспитаніи» при «обученіи». Этого то Гербартовскаго идеала намъ и слѣдуетъ держаться, не мечтая о построеніи педагогики, какъ *науки*, на почвѣ *этики*, какъ науки.

Въ этическомъ «идеаль» о цѣли воспитанія Гербартъ является истиннымъ смысломъ нашей—говорить Леманъ по отношенію къ своей родинѣ,—*классической* эпохи. Зато психологическая часть его педагогики и вообще весь его способъ философствованія выдаетъ его, какъ рационалиста 18-го столѣтія. Онъ придаетъ слишкомъ много значенія абстрактному мышленію. Онъ видитъ въ абстрактномъ мышленіи источникъ *познанія*, и убѣжденъ въ продуктивности *схемы* для самаго познанія. Въ его психологіи постоянно повторяются слова: эти понятія являются лишь формальными, для нихъ придется отыскать реальное содержаніе. *Непосредственно* изъ понятія выводятся у него *схемы*, а уже къ *схемамъ* пригоняется реальность. Отъ такого дедуктивизма въ концѣ концовъ страдаютъ эти же самыя понятія и *схемы*. Это замѣчается, какъ, въ самой психологіи Гербарта, такъ, въ особенности, въ его примѣненіи психологіи къ педагогикѣ. Гербартъ въ своей педагогикѣ говоритъ о воспитаніи и образованіи *вообще*. Правда, нельзя не предположить цѣлаго ряда психологическихъ понятій, которыя должны быть одинаково примѣнимы ко *всѣмъ* образовательнымъ предметамъ и въ общемъ могутъ опредѣлить собою ходъ *всѣмъ* ученія. А все же *подробности* методовъ ученія во многомъ зависятъ отъ самого *предмета*, которому обучаешь, и кто *хочетъ* ввести въ ученье жизнь,—это необходимое условіе всякаго успѣха ученія,—тотъ не можетъ держаться въ рамкахъ психологическихъ правилъ чисто *дедуктивнаго* характера и не можетъ помышлять о какой бы то ни было замѣнѣ *этими* правилами и *схемами* всего того, что должно вытекать непо-

средственно изъ реального содержанія самого того предмета, которому обучаешь. Что при исключительномъ проведеніи въ педагогическое дѣло *этихъ* правилъ и *этихъ* схемъ приходится совершенно игнорировать природу и вообще индивидуальность самого *воспитываемаго*, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Такимъ образомъ, нужно лишь сожалѣть о томъ, что въ педагогикѣ Гербарта архитектурной схематикѣ совершенно вытѣсняетъ чуткаго и тонкаго педагога. Можно сказать, что все цѣнное въ педагогикѣ Гербарта заключается не въ его системѣ, а въ отдѣльныхъ его воззрѣніяхъ,—въ его педагогическомъ чутьѣ. Оно, это *чутье*, а вовсе не рационализмъ Гербарта, способно внести жизнь въ педагогическое дѣло; оно у самаго Гербарта зачастую прямо таки пробиваетъ брешь въ его дидактическую *систему*. У Гербарта можно намъ научиться многому, однако нужно учиться у него такъ, какъ мы учимся у Платона, у Руссо и другихъ великихъ педагоговъ и мыслителей прошлаго: у всѣхъ ихъ нужно обращать вниманіе не на систему, а на тѣ отдѣльныя великія мысли, которыя составляли содержаніе ихъ жизни. *Florilegium* мыслей и взглядовъ Гербарта было бы для насъ чѣмъ то, что не могло бы оставаться безъ громаднаго вліянія. Все, что напоминаетъ собою схему, все, что принадлежитъ Гербарту, какъ рационалисту, должно бы быть исключено изъ такого *Florilegium*. Только общечеловѣческое, только вошедшее у Гербарта въ *чужство* и непосредственно *миллдовое* должно бы въ немъ получить мѣсто.

Большинство приверженцевъ Гербарта поступаютъ какъ разъ наоборотъ. Они держатся *именно* его схемы и выдвигаютъ на первый планъ тѣ части его дидактики, которыя построены на *ней*. Большинство приверженцевъ Гербарта ставятъ себѣ задачу либо—упрощеніе его схемы, либо—дальнѣйшее ея развитіе и примѣненіе къ самымъ разнообразнымъ предметамъ ученія. Приверженцы Гербарта до тошноты наполнили педагогическую литературу всяческими аналитическими и синтетическими методами, всяческими концентраціями и формальными постепенностями, а все таки не неосновательнымъ является вопросъ, добились ли они черезъ это какихъ нибудь хорошихъ результатовъ въ педагогическомъ дѣлѣ? Идетъ ли у насъ, благодаря всему этому, воспитаніе лучше, и не попятись ли мы скорѣе въ этомъ дѣлѣ назадъ?

Правда, и у теперешнихъ приверженцевъ Гербарта встрѣчается много хорошаго, но если бы пошло на провѣрку, то окажется, что это хорошее обыкновенно не находится въ связи съ Гербартовскою схемою. Слова нѣтъ, что педагогическая литература, которая такъ любитъ теряться въ пустыхъ фразахъ, *должна* держаться опредѣленной терминологіи, чтобы ориентироваться въ дѣлѣ. Вполнѣ понятно, если педагоги, изучая Гербарта, какъ педагога, изучаютъ его систему. Но ошибка ихъ въ томъ, что они, не умѣютъ *различать* того настоящаго живого, что содержитъ въ себѣ педагогика Гербарта, отъ того рационалистическаго и мертваго, что принадлежитъ лишь исторіи. Ошибка ихъ въ томъ, что они подчеркиваютъ вещи, которыхъ подчеркивать не слѣдуетъ, и умалчиваютъ о вещахъ, которыя заслуживаютъ быть выдвинутыми на первый планъ. вмѣсто того, чтобы черпать изъ его непосредственныхъ воззрѣній, вмѣсто того, чтобы этими воззрѣніями оплодотворять отдѣльные методы отдѣльныхъ предметовъ ученія и черезъ то держать педагогическое дѣло въ живой и свободной подвижности, они стараются вывести изъ идей Гербарта какъ можно больше однообразныхъ, сухихъ и неподвижныхъ формъ, навязывая это однообразіе, эту сухость и неподвижность всѣмъ предметамъ ученія. Черезъ это они вызвали въ ученіи мертвенную монотонность, съ которою не можетъ мириться ни разнохарактерность предметовъ ученія, ни разнохарактерность воспитанниковъ. Они хотятъ создать и до послѣднихъ подробностей разработать на основаніи всѣхъ этихъ схемъ какіе то мелочные методы, которые самъ Гербартъ такъ строго осудилъ словами: не кричите о методахъ тамъ, гдѣ вы въ сущности вносите въ дѣло игрушки!

Какъ разъ въ тѣхъ кружкахъ, которые въ настоящее время больше всего заняты Гербартовскими дѣленіями и Гербартовскою терминологіею и которые стараются создать черезъ это въ «нашихъ» — разумѣй нѣмецкихъ — учительскихъ семинаріяхъ нѣчто въ родѣ официальной педагогики, — какъ разъ въ этихъ кружкахъ живой педагогъ Гербартъ менѣе всего понятъ. Припомнимъ его полемику противъ всякаго детальнаго регламентирования учебныхъ программъ, противъ кусочнаго распредѣленія уроковъ, противъ возобладавшаго въ его время метода въ обученіи языкамъ и многое другое, о чемъ наши приверженцы Гербарта совершенно забываютъ. Можно смѣло утвер-

ждать, что окончательная побѣда въ школѣ *систематики*, которую называютъ Гербартовскою, означала бы окончательную погибель Гербартовскаго духа. Это можно утверждать, когда идетъ вопросъ объ *этическомъ* развитіи воспитанниковъ: систематика *убиваетъ* жизненное содержаніе, это—роковая судьба всякой этической систематики въ нашей педагогикѣ. Но не въ меньшей степени это можно утверждать о педагогикѣ, основанной на систематикѣ *психологической*. Что воспитаніе нуждается на каждомъ шагу въ пониманіи душевной жизни воспитываемаго, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Что психологія, поскольку она занимается собираніемъ и приведеніемъ въ извѣстный порядокъ этого пониманія, оказываетъ громадную услугу педагогикѣ, этого также никто оспаривать не станетъ. Есть положенія, добытыя психологіею, которыя давно сдѣлались кардинальными пунктами всякой педагогики. Таковы, напримѣръ, отношеніе абстрактнаго мышленія къ наглядности, общепринятое дѣленіе душевныхъ способностей и др. Но не эти положенія способны сдѣлать воспитаніе психолого-*систематическимъ*, а ужъ о *научно-психологическомъ* обоснованіи педагогики при помощи такихъ положеній не можетъ быть и рѣчи. *Научно-психологическое* обоснованіе педагогики обозначаетъ не болѣе не менѣе какъ требованіе, чтобы каждый шагъ, дѣлаемый въ воспитаніи, каждое распоряженіе, исходящее отъ воспитателя, опредѣлялись и оправдывались вполнѣ сознаннымъ, *научно-обоснованнымъ* психологическимъ закономъ.

Поставить педагогическое дѣло въ такое положеніе, чтобы каждый шагъ воспитателя нашелъ себѣ опредѣленіе въ *теоріи* было идеаломъ Песталоцци. Въ началѣ настоящей статьи мы назвали его педагогику методичною. Самъ онъ называетъ школы своего времени непсихологичными, а въ своей педагогикѣ опредѣляетъ требованіе, предъявляемое къ учителю словами: «надобно вести воспитанника къ яснымъ понятіямъ безъ скачковъ, съ психологическимъ искусствомъ и по законамъ психическаго механизма». Этотъ психическій механизмъ онъ считаетъ возможнымъ ввести въ воспитаніе въ виду того, что въ развитіи человѣческаго рода природа идетъ *однимъ* неизмѣннымъ путемъ: *der Gang der Natur in der Entwicklung des menschlichen Geschlechtes ist unwandelbar*. Согласно съ этимъ, Песталоцци полагаетъ, что двухъ хорошихъ методовъ въ воспитаніи быть не можетъ, что есть только *одна* форма

воспитанія, при которой воспитатель долженъ сыграть роль механическаго орудія, и что успѣхъ воспитанія зависитъ отъ правильности этой формы, а не отъ искусства воспитателя.— Какъ ни настаиваетъ Песталоцци въ своей педагогикѣ на терминахъ «психологическое искусство», «психическій механизмъ», всякому ясно, что во времена Песталоцци, при тогдашнемъ положеніи психологіи, не можетъ быть рѣчи о *научномъ* обоснованіи дѣйствій воспитателя вполне сознанными психологическими законами, а что можно говорить лишь объ удачной методѣ Песталоцци.

Да, метода Песталоцци была весьма удачна. Распространяя ее лишь на низшую школу, онъ достигалъ въ этой школѣ громаднхъ результатовъ. Быть можетъ, скажутъ: Если во времена Песталоцци психологія еще не была въ состояніи опредѣлить каждый шагъ воспитателя *научно*, то теперь ее положеніе совершенно другое. При теперешней экспериментальной ея разработкѣ по методу естествоиспытательныхъ изслѣдованій хорошо было бы опять приняться за идею Песталоцци, выработать опредѣленные методы на основаніи *дѣйствительно* научныхъ психологическихъ законовъ и распространить эту опредѣленность методовъ и на высшія ступени воспитанія и ученія. Какъ фабричная техника нашихъ дней твердо поставлена на законахъ, установленныхъ химіею и физикою; какъ фабрики теперь по твердымъ правиламъ вырабатываютъ для той или иной цѣли сырой матеріалъ, поставляемый имъ природою, такъ должны бы и педагоги на основаніи не менѣе прочныхъ въ настоящее время законовъ экспериментальной психологіи вести къ извѣстной цѣли тотъ сырой матеріалъ, который представляетъ собою душа воспитываемаго. Индивидуальныя особенности воспитанника, всевозможныя внѣшнія препятствія—должны бы быть совершенно устранены и должны бы совершенно теряться подъ воздействиемъ громаднаго, во всѣхъ деталяхъ продуманнаго механизма, живущаго на познаніи душевной жизни, на познаніи, въ настоящее время столь же непогрѣшимомъ, какъ непогрѣшими познанія всякой экспериментальной науки.

Такое требованіе было бы вполне справедливо и не представлять его было бы даже непростительно въ томъ случаѣ, если бы наша экспериментальная психологія дѣйствительно исчерпывала собою *всю* душевную жизнь, по крайней мѣрѣ въ

главныхъ ея проявленіяхъ. На дѣлѣ же наши психологическія познанія очень скудны въ этомъ отношеніи. Гербартъ представилъ опытъ *этической* педагогики. Что же касается педагогики психологической, то онъ, имѣя въ виду *свою* психологію, назвалъ такую педагогику лишь мечтою, какъ была для него лишь мечтою сама та психологія, на которую могла бы опереться педагогика. Эти слова Гербарта, кстати, могли бы принять больше къ сердцу тѣ его приверженцы, которые занимаются разработкою Гербартовской педагогической *системы*. Въ этихъ же словахъ Гербарта пельзя убавить ни іоты и по отношенію къ *теперешней* психологіи. Какъ ни велики успѣхи психологіи истекающаго столѣтія, однако всѣ они даютъ намъ чувствовать, что мы стоимъ только на порогѣ научнаго познанія нашей душевной жизни, что у насъ только зачатки научной психологіи, и что отъ вполне раскрытаго познанія о душѣ мы стоимъ еще очень далеко. Наши психологическія познанія могутъ пока лишь въ самыхъ грубыхъ и самыхъ общихъ очертаніяхъ обрисовать картину нашей *интеллектуальной* жизни. Установить какія нибудь болѣе сложныя complicacіи, всевозможныя *уклоненія* и перекрещиванія, какъ ихъ устанавливаетъ физика и механика во внѣшней природѣ, не можетъ наша психологія даже по отношенію къ той же интеллектуальной жизни, а что касается чувствъ и воли, то эти области до сихъ поръ стоятъ передъ нами какою то загадкою, на которую не пролить еще ни одинъ сколько нибудь удовлетворительный лучъ свѣта. Нашихъ психологическихъ свѣдѣній кое какъ хватаетъ на то, чтобы построить на нихъ дидактику развитія *умственной* дѣятельности въ самомъ *элементарномъ* смыслѣ, но чтобы можно было построить на психологіи воспитаніе во *всеми* его объемѣ, этого придется ждать еще долго. Когда удастся психологіи и удастся ли ей вообще разгадать ту загадку, о которой только что была рѣчь, этого теперь нельзя даже предвидѣть, а покамѣстъ приходится намъ въ педагогикѣ, не менѣе чѣмъ въ жизни вообще, на каждомъ шагѣ замѣнять настоящее психологическое знаніе простымъ чутьемъ и аналогіею. Врядъ ли, впрочемъ, такое положеніе вещей *вообще* когда нибудь переменится къ лучшему: если психологіи суждено отыскать еще какіе нибудь новые *настоящіе* законы, то это, вѣроятно, будутъ какія нибудь частички нашей душевной жизни, быть можетъ, самыя несущественныя, и опять

таки частички *интеллектуальной* жизни, а то, что дѣлается за порогомъ нашего сознанія, или, быть можетъ, рвется наружу въ сумракѣ лишь какого то полусознанія,—жизнь нашего чувства, процессы нашихъ порываній къ такому или иному дѣйствию, вообще жизнь нашего, какъ выражались греки, *δουρά*, эта ирраціональная сторона нашей души,—врядъ ли когда нибудь раскроется передъ нашимъ умомъ до такой ясности, чтобы можно было извлекать отсюда твердые законы нашей душевной дѣятельности съ точностью естествоиспытательныхъ изслѣдованій.

Въ виду только что изложеннаго состоянія теперешней психологіи, быть можетъ, требованіе, чтобы наша педагогика была психологическою, слѣдуетъ понимать лишь въ томъ смыслѣ, чтобы педагогъ, оставивъ всякое попеченіе о какомъ бы то ни было психологическомъ совершенствѣ въ своемъ дѣлѣ, все же—съ одной стороны готовъ былъ всегда примѣнять къ нему послѣднее слово психологической науки, а съ другой—самъ былъ бы специалистомъ-психологомъ и самъ дѣлалъ бы надъ своими учениками такіе же опыты, какими занимается экспериментальная психологія. Отъ такого требованія, думаемъ, всякій педагогъ будетъ отрециваться. Что случилось бы съ школою, если бы педагогъ долженъ былъ дробить свою дѣятельность на непосредственное воспитаніе и на производство опытовъ въ смыслѣ экспериментальной психологіи? Конечно, *общее* психологическое наблюденіе надъ воспитываемымъ и обдумываніе, *на основаніи* этого наблюденія, каждой воспитательной мѣры, прежде чѣмъ *приступить* къ ея исполненію, является *condicio sine qua* поп для всякаго педагога. Давно раздаются справедливыя жалобы на то, что учитель плохо *знаетъ* своихъ учениковъ. Еще Руссо подчеркиваетъ эту жалобу въ своемъ Эмилѣ, да и теперь не лишнимъ бываетъ напомнить иному учителю слова великаго мыслителя-педагога: начинайте съ болѣе основательнаго изученія вашихъ воспитанниковъ! Неоспоримымъ является и то, что научное занятіе психологіею хотя бы даже въ теперешнемъ ея далеко еще неокончательномъ видѣ способно *побудитъ* педагога и вызвать въ немъ интересъ къ подобнымъ *общимъ* психологическимъ наблюденіямъ надъ воспитанниками, способно дать начинающему педагогу даже нѣкоторыя руководящія начала для такихъ наблюденій. Въ виду этого серьезное занятіе пси-

хологією должно быть поставлено какъ безусловная мѣра для подготовленія къ учительскому званію. Но отъ общихъ психологическихъ наблюденій до научно-психологической педагогики еще *очень* далеко! Если экспериментальная психологія сводить все въ концѣ концовъ къ измѣреніямъ, къ числамъ, то и научно-психологическая педагогика должна бы сводить все къ измѣреніямъ, числамъ, статистикѣ. Нужно ли это для педагога и возможно ли это? Впервыхъ нужно ли это? Специалисты-психологи, своєю теорією о давленіи, дошли до установленія термина «переутомленіе». Что же они открыли новаго для учителя? Ничего. Стоитъ маломальски наблюдательному чловѣку прослужить двѣ недѣли въ учителяхъ, и онъ прекрасно будетъ знать, что ученикъ на 3-мъ урокъ больше утомляется, чѣмъ на первыхъ двухъ, что на пятомъ урокъ онъ еще больше утомленъ, и что болѣе продолжительный перерывъ между такимъ то и такимъ то урокомъ способенъ ослабить это утомленіе, но не способенъ уничтожить его окончательно. Всѣ эти теоріи о давленіи не доказываютъ педагогу ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, въ чемъ онъ давно убѣжденъ, точно также какъ онъ не поколебали бы его убѣжденія, если бы онъ привели къ какому нибудь другому результату. Если бы экспериментальная психологія пришла къ результату, который противорѣчилъ бы наблюденію педагога, то это доказывало бы не то, что педагогъ ошибся въ своихъ наблюденіяхъ, а то лишь, что сама психологія плохо экспериментировала. Что пользы для педагога отъ всевозможныхъ опытовъ, производимыхъ экспериментальною психологією по вопросу объ ассоціацияхъ, когда каждый переводъ, каждая письменная работа, подаваемая учителю, даетъ ему столь обильный матеріалъ для собственныхъ наблюденій не только надъ способомъ но и надъ способностью того или иного ученика—ассоціировать.

Да, педагогъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи богатый матеріалъ для *вѣрныхъ* наблюденій помимо *всякой* экспериментальной психологіи. Напрасно хотять ставить педагога подъ контроль экспериментальной психологіи. Не правильнѣе ли было бы наоборотъ, чтобы экспериментальная психологія искала провѣрку своихъ результатовъ у наблюдательнаго педагога? Къ сожалѣнію, педагоги не всегда пользуются своими наблюденіями для прямой своей цѣли. Отчего бы, напримѣръ, въ виду возможности утомленія, съ которою, кстати сказать,

нужно считаться не только по отношенію къ ученику, но и по отношенію къ человѣку вообще, стало быть, и по отношенію къ тому же педагогу, — отчего бы не устроить занятія въ школѣ такъ, чтобы ученіе на послѣднихъ часахъ требовало меньше напряженія, чѣмъ на первыхъ? Отчего бы не устроить ученикамъ иногда и отдыхъ? Что такое отдыхъ? Не есть ли это очень часто *тоже* занятіе, и *какое* это занятіе?

Относительно примѣненія къ педагогикѣ послѣдняго слова психологической науки можно утверждать, что оно не только не нужно, но что оно въ нѣкоторомъ смыслѣ даже опасно для педагога, и что, какъ уже сказано, не педагогъ долженъ быть подъ контролемъ психолога, а наоборотъ. Въ глубину чувства, въ глубину *фурѳа*, психологія, повторяемъ, не только не проникаетъ, но и проникнуть пока не помышляетъ. А разъ это такъ, то слѣдуетъ ли педагогу особенно цѣпляться за тѣ результаты, которые добыла психологія относительно *интеллектуальной* жизни души? Было бы роковымъ заблужденіемъ для педагога, если бы онъ думалъ, что та частичка душевной жизни, которая раскрыта психологіею, можетъ его выручить. Педагогъ долженъ помнить, что въ душѣ воспитываемаго переплетается и тѣсно связано то немногое, что поддается научному изслѣдованію, съ тѣмъ многимъ, что ему не поддается. Сама психологія можетъ отдѣлить одно отъ другого и изслѣдовать то лишь, что поддается изслѣдованію, дожидаясь случая проникнуть въ своихъ изслѣдованіяхъ дальше; быть можетъ, ей придется даже измѣнить то, чего она придерживается въ настоящее время, когда еще многое отъ нея скрыто. Но какое это можетъ имѣть особенное значеніе для педагога, который на каждомъ шагу имѣетъ дѣло со *всею* душою воспитанника, не позволяющею себя дѣлить на раскрытую и нераскрытую. Хорошо иллюстрировать гальваническій токъ на лягушкѣ, когда лягушку можно изрѣзать въ куски. Но души воспитываемаго рѣзать нельзя, а *вся* она никогда не предстанетъ передъ воспитателемъ съ однимъ своимъ гальваническимъ токомъ, *вся* она никогда не предстанетъ передъ воспитателемъ съ тою чистою частичкою интеллекта, какъ ее рисуетъ экспериментальная психологія. А личность самого учителя, отношеніе ученика къ нему и его — къ ученику, не есть ли это столкновеніе *двухъ* душъ, да и не двухъ, а цѣлой группы душъ, такъ какъ обращеніе учителя къ ученику не есть обращеніе къ

нему одному, а въ большинствѣ случаевъ ко всему классу? И опять таки приходится сталкиваться *всей* душѣ со *всєю* душою съ ея многочисленными, психологически нераскрытыми частями. И не имѣетъ ли это столкновение громадное влияние на то же «ассоцірованіе», на то же «утомленіе» и «перетутомленіе», вообще на напряженіе какъ со стороны ученика, такъ и со стороны учителя? Есть учителя, которые напрягаютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утомляютъ и себя, и ученика больше, чѣмъ другіе, достигая, однако, меньшихъ результатовъ; есть и такіе, которые, приковывая къ себѣ, напрягаютъ ученика сильно, достигая большихъ результатовъ, а утомленія при этомъ не вызываютъ никакого; много тутъ зависитъ и отъ характера самого предмета ученія. Берется ли экспериментальная психологія установить законы этого *столкновения* одной души съ другою? А если не берется, то посмѣетъ ли она устранить совсѣмъ учителя отъ дѣла воспитанія и замѣнить его, этого учителя-воспитателя, самоучителемъ-книжкою, которая въ столько то уроковъ научить своего читателя такой то наукѣ? А если не посмѣетъ, то въ силахъ ли она сформировать самого учителя обрывками своихъ законовъ? Да, всѣ эти опыты экспериментальной психологіи, числа, статистическія данныя — хороши для самой психологіи, но строить на нихъ *педагогичку* нельзя. Въ настоящей статьѣ главнымъ образомъ насъ интересуетъ вопросъ: можно ли говорить о педагогикѣ какъ *наукѣ*. На него мы и отвѣчаемъ: если педагогика-*наука*, основанная на этикѣ, признана нами была чѣмъ то сомнительнымъ, то педагогика-*наука*, основанная на психологіи, оказывается чѣмъ то *невозможнымъ*.

Въ предыдущемъ достаточно выяснено, что когда идетъ рѣчь о влияніи чловѣка на чловѣка, то дѣлается въ виду нѣчто непосредственное, нѣчто ирраціональное, что не поддается никакому абстрактному обобщенію, чего ни одинъ *научный* зондъ не беретъ. Педагогъ, желающій имѣть успѣхъ, нуждается прежде всего въ этомъ *непосредственномъ* отношеніи къ ученику, нуждается въ педагогическомъ *инстинктѣ*, который не можетъ быть замѣненъ никакими законами, основанными на научномъ познаніи. *Коллегія* педагоговъ должна выступить передъ воспитанниками *дружною семьей* въ этомъ непосредственномъ отношеніи къ нимъ, и каждый членъ этой коллегіи долженъ находить себѣ поддержку въ другихъ. Мысль

что воспитаніе можно построить на экспериментальной психологіи, какъ выдѣлку сахара строить на знаніи химіи, нужно назвать несчастною. Воспитаніе не есть техника, какъ выдѣлка сахару. Воспитатель не можетъ ни идти такъ увѣренно, почти слѣпо, ни быть такъ ограниченнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ техникъ. Воспитаніе нуждается на каждомъ шагу въ ирраціональномъ и интуитивномъ, воспитаніе есть *искусство*. Вотъ слово, которое, послѣ всѣхъ другихъ, опредѣлявшихъ до сихъ поръ дѣло воспитанія лишь съ отрицательной стороны, наводитъ наконецъ на ту положительную точку зрѣнія, съ которой должна быть разсматриваема педагогика. Воспитаніе есть одно изъ искусствъ, нельзя сказать—одно изъ прекрасныхъ, но во всякомъ случаѣ,—свободныхъ искусствъ. Оно, по существу своему, самымъ тѣснымъ образомъ связано со всѣми продуктивными искусствами. Если ваятель творить изъ камня и бронзы изображенія боговъ, какъ они рисуются передъ его духовнымъ взоромъ, то и воспитатель старается осуществить свои идеи въ томъ живомъ матеріалѣ, который ему даетъ душа воспитанника.

Воспитаніе есть *искусство*. Это—мысль давняя, постоянно повторяемая, но сознается ли все ея значеніе, это большой вопросъ. Здѣсь слово «искусство» не есть выраженіе *образное*, не есть нѣчто метафизическое; здѣсь это слово непосредственно указываетъ на самую *суть* воспитанія, опредѣляя вмѣстѣ съ тѣмъ и то положеніе, какое въ воспитаніи должна занять *теорія* о воспитаніи,—теорія *педагогики*. Отношеніе между *теорією* педагогики и педагогическою *практикою* должно быть совершенно одинаково съ положеніемъ, какое занимаетъ теорія эстетики по отношенію къ практикѣ того или иного искусства. Гербартъ поставилъ воспитанію опредѣленную цѣль, которая, по его мнѣнію, должна имѣть значеніе для *всѣхъ* временъ, для *всѣхъ* людей, и изъ этого опредѣленія *цѣли* воспитанія хотѣлъ вывести самыя детальныя правила для педагогики, которыя были бы такъ же незыблемы, какъ незыблема сама цѣль воспитанія. Точно также относились во времена Гербарта къ эстетикѣ: думали создать общую эстетику, которая опредѣлила бы самыя детальныя правила для художественнаго творчества; думали, что понятіе изящнаго можно установить вполнѣ объективно, и что изъ этого объективнаго опредѣленія изящнаго можно вывести самыя подробныя указанія

для всякаго искусства,—указанія, которыя имѣли бы такое же непоколебимое значеніе для художника, какъ непоколебимо само понятіе изящнаго. Такой взглядъ на дѣло въ настоящее время можно считать отжившимъ свой вѣкъ. Мы держимся теперь иного взгляда: признать что нибудь изящнымъ зависить отъ *собственной* природы людей, отъ ихъ *собственной* способности смотрѣть на вещи и чувствовать ихъ; изящное не есть что нибудь объективное, какъ думали прежніе философы, не есть что-нибудь метафизическое, а есть нѣчто вполне субъективное и должно быть выясняемо и объясняемо чисто психологически. Согласно съ этимъ взглядомъ мы стараемся замѣнить метафизическую эстетику психологическою и культурно-историческою. Но такая эстетика не позволить себѣ дѣлать—напр., поэту—какія бы то ни было указанія подъ видомъ непоколебимыхъ и не подлежащихъ никакому измѣненію правилъ. Она должна ограничиться задачею выяснить, что творческіе индивидуумы и творческіе народы отдѣльныхъ эпохъ принимали за художественно-изящное, и должна быть довольна, если ей удастся хоть до извѣстной мѣры раскрыть причины (причины *именно* психологическія) всего этого разнообразія въ эстетическихъ воззрѣніяхъ отдѣльныхъ людей, отдѣльныхъ народовъ, отдѣльныхъ эпохъ. Такая психологическая и культурно-историческая эстетика никогда не будетъ служить чѣмъ то обязательнымъ для творящаго художника,—для поэта, при всемъ томъ, что онъ, этотъ художникъ,—этотъ поэтъ многое изъ нея позаимствуетъ, многому въ ней научится. Каково разстояніе между анатомомъ и ваятелемъ, таково должно быть и разстояніе между изслѣдователемъ-психологомъ и между поэтомъ.

Правда, психологическое пониманіе нужно поэту на каждомъ шагу. Поэтъ долженъ прежде всего знать своихъ читателей или слушателей. Онъ долженъ привести въ ясность не только то, чегò онъ добивается у своихъ слушателей, какòе онъ хочетъ вызвать настроеніе въ нихъ, но также и то, какими *средствами* онъ достигнетъ своей цѣли, и при рѣшеніи послѣдней задачи онъ долженъ считаться со всевозможными, иногда чисто внѣшними, условіями, съ разнообразнѣйшими, иногда чисто минутными, настроеніями своихъ слушателей, чтобы, устраняя одни и пользуясь другими, всецѣло забрать въ руки тѣхъ, на кого онъ хочетъ повліять. Да и не только

свою публику долженъ понимать поэтъ; онъ долженъ понимать также и своихъ, выдвигаемыхъ передъ своими слушателями героевъ. Герои его должны быть представлены *наглядно*—не только по отношенію къ тѣмъ внѣшнимъ условіямъ, въ которыя они у него поставлены, но также, и *главнымъ* образомъ, по отношенію къ тому внутреннему, что имъ приходится переживать, другими словами, онъ долженъ насквозь видѣть и наглядно представить *всю душу* дѣйствующаго лица, къ какому бы классу людей это дѣйствующее лицо ни принадлежало.

Да, психологическое пониманіе нужно поэту на каждомъ шагу. Но вопросъ въ томъ, поможетъ ли ему въ этомъ пониманіи какая нибудь теоретическая студія, хотя бы она доведена была до послѣдней странички нашей новѣйшей психологіи? Нѣтъ. Софокль является въ своихъ твореніяхъ великимъ психологомъ,—такимъ, что до сихъ поръ можетъ служить образцомъ всякому поэту, а вѣдь ему не было извѣстно даже *названіе* психологіи, не то что какая бы то ни было психологическая теорія, а теорія экспериментальной психологіи и подавно. Слова нѣтъ, что глубокій поэтъ способенъ и *теоретически* разсуждать о тѣхъ психологическихъ мотивахъ, которые лежатъ въ основаніи того или иного его пріема; но въ общемъ—его психологическое пониманіе должно быть интуитивнымъ; его непосредственное *чувство* подсказываетъ ему какъ всю живую правдивость того, что онъ представляетъ слушателю, такъ и всю силу, съ какою его твореніе вліяетъ на слушателя. *Чувство*, способность самому душевно *переживать* все то, что переживаетъ не только его герой, но и сами слушатели, знакомясь съ послѣднимъ,—вотъ корень творческаго дарованія поэта, а не теорія, способная разъяснить самое ничтожное количество обрывковъ психической жизни человѣка.

Въ такомъ же положеніи находится и педагогъ. Онъ долженъ интуитивно знать душу своего воспитанника и разныя, иногда чисто внѣшнія, условія и минутныя настроенія психической его жизни. Онъ долженъ непосредственно чувствовать какъ тѣ цѣли, которыхъ добивается у своего воспитанника, такъ и тѣ средства, которыми ихъ хочетъ достигнуть, *переживая* самъ въ себѣ то, что дѣлается съ его воспитанникомъ, когда онъ, педагогъ, на него дѣйствуетъ. Что открыто непосредственному чувству, то сгущается въ вѣрно угадывающій и вызывающій къ дѣйствию инстинктъ, и этотъ

инстинктъ является корнемъ какъ всякаго художественнаго творчества, такъ и искусства воспитывать. Такое непосредственное пониманіе и, такъ сказать, чуткость ко всему тому, съ чѣмъ педагогъ имѣетъ дѣло, не исключаетъ и спокойнаго *обдумыванія* и теоретическаго *обсужденія* цѣлей и средствъ воспитанія; напротивъ, глубокаго педагога эта чуткость *поощряетъ* къ отвлеченнымъ построеніямъ, какъ она поощряетъ къ нимъ и глубокаго поэта, но *сила* его дѣятельности кроется не въ этихъ его построеніяхъ, а въ его интуиціи.

Посмотримъ теперь на дѣло съ обратной стороны. Отъ психологической теоріи мало пользы для поэта; зато поэтъ оказываетъ громадную услугу психологіи, доставляя ей такой же обильный матеріалъ, какъ сама жизнь, только въ болѣе чистомъ видѣ. Изъ того, что поэтъ непосредственно созерцаетъ, изъ того, что поэтъ непосредственно чувствуетъ, психологъ черезъ обобщеніе можетъ выводить цѣлые *типы*, а потому и *законы* душевной жизни. А *исторія* поэзіи является неисчерпаемымъ источникомъ научнаго познанія развитія *духа* какъ единичныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ народовъ и эпохъ; *исторія* поэзіи должна составлять существенную часть всякой психологически углубленной исторіи культуры. Точно такъ же дѣло обстоитъ и насчетъ педагогики. Были времена, когда о какой нибудь психологической теоріи почти что не знали; были народы, которые совсѣмъ не были подготовлены къ тому, чтобы создать какую нибудь болѣе цѣнную психологическую теорію, а между тѣмъ воспитаніе достигло у нихъ образцовой высоты; вспомнимъ тѣхъ же Аѳинянъ въ классическій періодъ. Но если воспитаніе очень мало обязано психологической теоріи, то въ способахъ воспитанія, въ процессахъ, по которымъ совершается развитіе молодой души подъ вліяніемъ такого или иного воспитанія, въ отношеніяхъ, устанавливаемыхъ между воспитателями и воспитанниками въ безчисленныхъ ихъ проявленіяхъ—сама психологія можетъ найти богатый источникъ для своихъ изслѣдованій. Типически повторяющіеся при воспитаніи и обученіи имѣютъ прямо таки *экспериментальное* значеніе для научной психологіи, словомъ,—воспитаніе гораздо поучительнѣе для психологіи, чѣмъ психологія—для воспитанія. А *исторія* воспитанія, *исторія* педагогики является чѣмъ то *незамѣнимымъ* для науки о жизни человѣческаго духа: установленіе вліянія, про-

извѣдимаго старшимъ поколѣніемъ на младшее, установленіе всевозможныхъ видоизмѣненій этого вліянія согласно видоизмѣненіямъ культурныхъ, историческихъ, иногда чисто географическихъ условій—было бы одною изъ самыхъ интересныхъ страницъ исторіи духа. Если въ настоящее время можно говорить о педагогикѣ, какъ *наукѣ*, то только лишь въ *этомъ* смыслѣ, т. е. въ смыслѣ *исторіи* педагогики, и тогда она, являясь чисто *историческою* дисциплиною, составляетъ существенную часть исторіи *человѣческаго духа*,--той исторіи, раскрытіе которой недаромъ считаютъ въ настоящее время послѣднею и высшею задачею научнаго стремленія.

Исторія педагогики, несомнѣнно, весьма полезна для педагогической *практики*, точно также какъ исторія искусства можетъ оказать большую услугу самому искусству. *Исторія* педагогики даетъ цѣлый рядъ заслуживающихъ вниманія точекъ зрѣнія и практически испробованныхъ идей. *Исторія* педагогики выдвинетъ передъ нами цѣлый рядъ великихъ воспитателей и достигнутыхъ ими результатовъ. *Исторія* педагогики выяснитъ, какія существовали направленія въ воспитаніи въ разные времена и при разныхъ условіяхъ, и какъ эти направленія осуществлялись. Всѣмъ этимъ содержаніемъ исторія педагогики можетъ быть весьма полезна для самой практики, а потому и основательное изученіе ея будетъ для чловѣка, готовящагося въ педагоги, такъ же обязательно, какъ и изученіе психологіи, но польза ея опредѣляется лишь въ томъ смыслѣ, что знающему ее открывается громаднй горизонтъ для рѣшенія разныхъ педагогическихъ вопросовъ примѣнительно къ *даннымъ* условіямъ, примѣнительно къ *данному* положенію, а *окончательно* рѣшать подобные вопросы придется всетаки въ концѣ концовъ чисто практически, и рѣшать ихъ будутъ всегда сами воспитатели, какъ и направленіе въ искусствѣ рѣшаютъ сами художники, причемъ правильность рѣшенія будетъ зависѣть отъ того, на какой высотѣ воспитатели стоятъ въ данное время. И какъ исторія искусства не пойдетъ впереди искусства даннаго времени, а будетъ всегда лишь сопутствовать ему или скорѣе потянется *за* нимъ, такъ и исторія педагогики не возьмется *предписывать* данному времени что бы то ни было, а будетъ лишь принимать къ свѣдѣнію, что данное время рѣшитъ, и при томъ рѣшитъ чисто *практическимъ* путемъ.

Отнесеніе педагогика къ искусству освѣщаетъ еще съ одной стороны вопросъ объ умѣстности или неумѣстности теоретизировать воспитаніе.

Искусство не есть ни наука, ни ремесло, тѣмъ не менѣе, однако, заключаетъ въ себѣ элементы того и другого. Искусство есть *умѣнье*, которымъ въ совершенствѣ не овладѣваетъ никто, а несовершенно овладѣваютъ только избранные. Эти избранные овладѣваютъ только *меньшею* половиною его благодаря своимъ *природнымъ* дарованіямъ, большая же половина его должна быть ими *приобрѣтена*. Никакое *теоретическое* знаніе не даетъ этого *умѣнья*, тѣмъ не менѣе и искусство требуетъ, чтобы ему *учились*. Какое угодно искусство всегда требуетъ извѣстной техники въ *приемахъ*, которая обыкновенно ведетъ свое начало отъ какого-нибудь выдающагося художника, проводится имъ же и его непосредственными учениками на практикѣ, а затѣмъ уже передается изъ поколѣній въ поколѣнія традиціонно, пока не выступитъ опять какой-нибудь великій художникъ и не видоизмѣнитъ этой традиціи. Ни одинъ художникъ не начинаетъ самоучкою; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ смотритъ на себя, какъ на самоучку, онъ, въ сущности, всею своею тяжестью опирается на традицію. Порвать съ традиціею можно въ *содержаніи* искусства, даже въ формѣ, но во внѣшнихъ *приемахъ* художника не можетъ быть объ этомъ рѣчи.

Совершенно то же самое нужно сказать о педагогикѣ. Педагогическое дѣло не есть наука; это еще не значитъ, что воспитаніе находится въ зависимости отъ личнаго мнѣнія, отъ личнаго настроенія, или даже минутной фантазіи воспитателя; это значитъ только, что воспитаніе не есть какая-нибудь теоретическая, или даже абстрактная система. Педагогическое дѣло не есть ремесло, не есть техника; это еще не значитъ, что умѣнью воспитывать не слѣдуетъ учиться; это значитъ только, что имъ не всякій овладѣваетъ, и что въ совершенствѣ имъ не овладѣваетъ никто. Порвать *совершенно* съ традиціею въ воспитаніи значитъ воспитывать наудачу и затѣвать весьма опасную игру, а ужъ порвать съ традиціею во *внѣшнихъ* приемахъ воспитанія не привело бы *ровно ни къ какой* цѣли. Никто, кто приступаетъ къ воспитанію, не долженъ полагаться исключительно на свое *собственное* чувство, на свое *личное* мнѣніе, особенно не долженъ полагаться на него на-

чинающій учитель, этотъ воспитатель *ex professo*. И *въ педагогикѣ* есть традиція. Эта традиція опирается главнымъ образомъ не на абстрактныя размышленія, не на психологическія студіи, а на практическія идеи великихъ воспитателей и учителей-художниковъ. Общія психологическія положенія, и не только психологическія, но и фізіологическія, а также и другія, конечно, повліяли на эту традицію, но существенныя части воспитательскихъ средствъ, существенныя части воспитательскихъ приемовъ заключаются не въ этихъ положеніяхъ, а въ ней *самой*, взятой *въ цѣломъ*. Эта традиція составляетъ въ искусствѣ воспитанія такую же основу, какую составляетъ традиція во *всякомъ* искусствѣ. Да не будетъ ложно истолковано слово «основа»; значеніе этой основы, значеніе традиціи въ воспитаніи—не вездѣ одинаково: оно находится въ обратно пропорціональномъ отношеніи съ одной стороны къ возрасту воспитываемаго, а съ другой—къ даровитости учителя. Обойтись безъ нея не можетъ никто изъ учителей и начинать съ нея долженъ всякій. Конечно, и въ воспитательскомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ искусствѣ, могутъ встрѣчаться гении, которые, начавъ съ традиціи, послѣ непродолжительнаго опыта вырабатываются сами и самостоятельнымъ путемъ ведутъ своихъ воспитанниковъ къ большимъ результатамъ; но это, какъ сказано, *рѣдки*, ихъ весьма немного, и мы ихъ называемъ *рожденными* педагогами. Общій, однако, уровень въ педагогическомъ мірѣ тотъ, что природныя дарованія учителя постоянно нуждаются въ знаніи традиціи, какъ средствъ, служащемъ—то пополненіемъ, то пробнымъ камнемъ тѣхъ путей, которые онъ, учитель, самостоятельно избираетъ для своихъ дѣйствій. Есть, наконецъ, и учителя ремесленники, все умѣнье которыхъ и заключается въ томъ, чему научила ихъ традиція.

Что касается отношенія традиціи въ *общемъ* смыслѣ этого слова и традиціонной детальной техники *въ частности*—къ *возрасту воспитываемыхъ*, то, въ общемъ, она имѣетъ больше значенія на низшихъ, чѣмъ на высшихъ ступеняхъ ученія,—разъ; затѣмъ,—два,—она скорѣе мыслима въ ученіи, чѣмъ въ собственномъ воспитаніи *характеровъ*. Соотвѣтственно этому, вполне понятно, если въ элементарной школѣ настаиваютъ на разработанной до послѣднихъ деталей чисто технической методѣ. Но распространять такую же методу на выс-

шія ступени ученія значило бы упрочивать за воспитаніемъ ремесленный и воспитанію, какъ искусству, противящійся характеръ. Чѣмъ выше мы поднимаемся по лѣстницѣ воспитанія, тѣмъ меньше мыслима традиціонная техника. Было бы большимъ заблужденіемъ вводить принципъ Песталоцци и въ высшую школу. Правда, и здѣсь нельзя упускать изъ виду не только общей традиціи, но и детальной традиціонной техники въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняя успѣла примѣниться къ характеру учебнаго предмета, но не упускать ее изъ виду не значить еще практиковать ее *на каждомъ шагѣ* и не признавать ничего другого кромѣ нея. Чѣмъ выше мы поднимаемся по лѣстницѣ воспитанія, тѣмъ больше мы должны сообразоваться хотя бы прежде всего съ чисто внѣшними обстоятельствами, какъ то: количествомъ учениковъ, съ особенностями каждаго изъ нихъ, находящимися въ зависимости очень часто отъ ихъ происхожденія и отъ той среды, въ которой они возвращаются внѣ школы, и тѣмъ больше должна выступать *личность* самаго учителя.

Порывать съ традиціею въ общемъ смыслѣ этого слова — опасно и на высшихъ ступеняхъ воспитанія, но еще болѣе опасно вводить здѣсь какіе бы то ни было детальные шаблоны, хотя бы эти детальные шаблоны были даже не традиціонны, а *просто* напередъ составлены учителемъ *ad hoc*. Наше время старается перевести все на технику; стараются, — говорить Леманъ по адресу нѣмецкихъ учительскихъ семинарій, — ввести технику и въ старшіе классы; чуть не требуютъ того, чтобы у начинающаго учителя весь его урокъ напередъ былъ изложенъ на бумагѣ во всѣхъ его деталяхъ, какъ они де оправдываются — традиціонною ли или не традиціонною, а во всякомъ случаѣ — *техникою* и «психологическими законами». Къ счастью, всѣ эти напередъ подготовленные шаблоны и «психологическія» схемы разбиваетъ, доказывая ихъ несостоятельность, въ первыя же минуты ихъ исполненія въ классѣ — сама молодежь, которая всегда умѣетъ позаботиться о томъ, чтобы вопреки всѣмъ шаблонамъ и схемамъ вступило въ свои права положеніе *данной* минуты. Да, *настоящій* такъ называемый урокъ, т. е. плодотворное и дѣйствительное *замѣtie* съ учениками, трудно втиснуть въ какую бы то ни было, хотя бы даже «психологическую» схему, какъ трудно втиснуть въ схему всякое живое дѣло. Странно: въ воспитаніе хотятъ ввести жизнь,

а того не замѣчаютъ, что жизнь можетъ быть вызвана опять таки лишь жизнью, что жизнь вводится въ дѣло не черезъ машину, не черезъ сухую схему, а черезъ *личность*,—личность *учителя*, черезъ непосредственное, незагороженное схемами *отношеніе* учителя съ ученикомъ, черезъ умѣнье проникнуть въ каждую данную минуту *въ душу* ученика, черезъ *наглядность*, опредѣленіе которой зависитъ всегда отъ *даннаго* положенія ученика, отъ *даннаго* его настроенія, вообще отъ самого *ученика*, а не отъ подготовленныхъ заранее шаблоновъ. А потому тотъ, кто готовится въ учителя, первымъ дѣломъ долженъ развить свою *личность*; долженъ развить въ себѣ способность вслушиваться въ другихъ и понимать ихъ даже по тѣмъ отрывочнымъ фразамъ, которыя они произносятъ; долженъ развить въ себѣ способность всматриваться въ другихъ и понимать ихъ даже по тѣмъ отрывочнымъ дѣйствіямъ, которыя они обнаруживаютъ; долженъ развить въ себѣ способность—толково, доступно, а главное, *наглядно* разъяснить другимъ свои мысли; долженъ быть нравственно *цѣльнымъ*, терпѣливымъ и добродушнымъ; долженъ быть съ ученикомъ откровеннымъ, въ объясненіяхъ съ ученикомъ называть вещи ихъ именами, не оскорбляя при этомъ воспитываемаго; долженъ знать свой предметъ не по данному учебнику и не для даннаго урока, а широко, чтобы всегда быть въ состояніи сдѣлать надеждащій выборъ сообщаемаго и чтобы не приходилось объ одномъ и томъ же предметѣ сегодня говорить одно, а завтра другое, а чтобы можно было говорить всегда *одно и то же*, но только—сегодня такъ, а завтра иначе, смотря по силамъ воспитываемаго; долженъ знать свой предметъ въ связи съ другими предметами и уважать какъ передъ собою, такъ и передъ учениками не только то знаніе, для котораго онъ поставленъ въ школѣ, но и знанія, для которыхъ поставлены въ ней другіе, словомъ,—долженъ знать, о чемъ толковать съ воспитываемыми, и, вообще,—*любить слово и людей*. Конечно, будущій учитель усвоить и психологію, и исторію педагогики, и традицію, и детальную традиціонную технику, и займетъя всѣмъ этимъ серьезно; но не съ тѣмъ, чтобы загоразживать себѣ путь и тормозить себя въ будущей своей дѣятельности на каждомъ шагѣ, а чтобы *умѣло черпать* изъ всего, примѣняя *одно*, отказываясь отъ другого, пополняя третьимъ, смотря

по тому, что признаетъ полезнымъ въ *данную* минуту при *данномъ* положеніи.

Краткій выводъ изъ всего разсужденія—слѣдующій: Педагогика не есть ни экспериментальная, ни дедуктивная наука. Педагогика не есть ни отдѣлъ экспериментальной психологіи, ни систематическая часть философской доктрины. Система въ педагогикѣ, въ смыслѣ отвлеченной классификаціи всѣхъ существенныхъ для воспитанія понятій, не только невозможна, но и нежелательна. Само воспитаніе есть *искусство*, а слово педагогика мыслимо—либо какъ *исторія* этого искусства, либо какъ *теорія* его. Какъ *теорія* воспитанія, педагогика является изъясненіемъ *традиціи* вообще и традиціонной техники въ *частности*, къ примѣнимости или непримѣнимости которой каждый болѣе или менѣе даровитый педагогъ относится сознательно, а какъ *исторія* воспитанія она получаетъ значеніе истинной *науки*, науки *исторической*, составляющей существенную и необходимую часть исторіи *культуры*.

*Съ требованіями обращатся въ канцелярію Института Кн.
Безбородко въ Нѣжинѣ.*